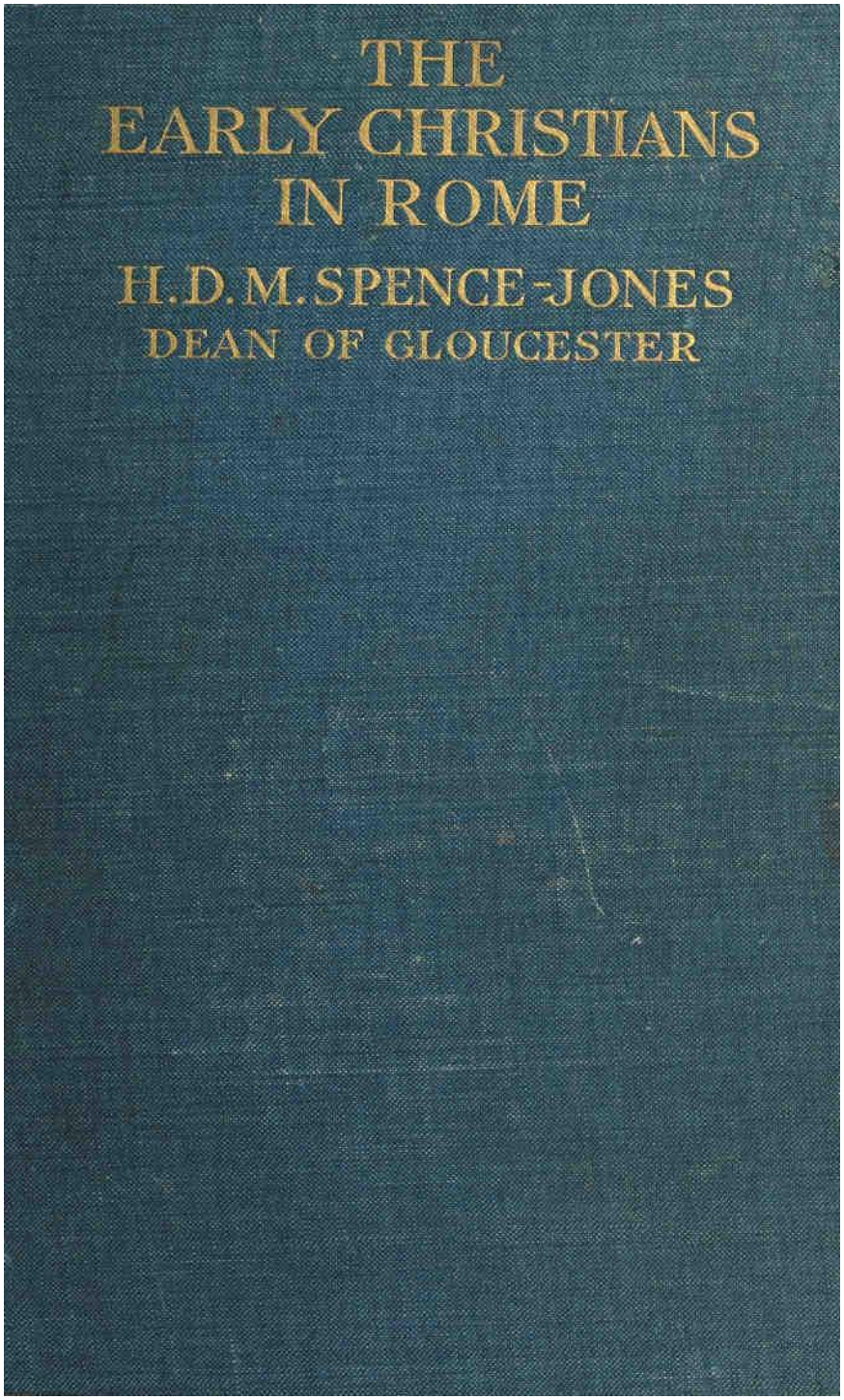
Ранние христиане в Риме

Н. Д. М. Спенс-Джонс



The Project Gutenberg eBook of The Early Christians in Rome.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ранние христиане в Риме

Автор: Х. Д. М. Спенс-Джонс

Дата выхода: 3 января 2022 [eBook #67095]

Язык: Английский

Оригинальное издание: United Kingdom: Methuen & co, 1911

Кредиты: Карин Спенс, Тургут Динсер и группа онлайновой распределенной корректуры на сайте https://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE EARLY CHRISTIANS IN ROME ***

РАННИЕ ХРИСТИАНЕ В РИМЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Страна грез в истории

Белая мантия церквей

The Church of England: История для народа (в четырех томах)

Жизнь монастыря в дни Кёр-де-Лиона

Христианство и язычество

Золотой век церкви

ЖИВОПИСЬ В КАТАКОМБАХ, ВЕК II ИЛИ III. ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ В ЦЕНТРЕ. СЛЕВА ДАНИИЛ В ЛОГОВЕ ЛЬВОВ. СПРАВА - ТРОЕ ДЕТЕЙ В ПЕЧИ.

РАННИЕ ХРИСТИАНЕ В РИМЕ

BY THE VERY REV. Х. Д. М. СПЕНС-ДЖОНСА М.А., Д.Д.

ДЕКАН ГЛОСТЕРА, ПРОФЕССОР ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ,

С ЦВЕТНЫМ ФРОНТИСПИСОМ И ДВЕНАДЦАТЬЮ ДРУГИМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

METHUEN & CO. LTD.
36 ESSEX STREET W.C.
LONDON

Впервые опубликовано *27 октября 1910 г.*
Второе издание *1911*

ЭДГАРУ САМНЕРУ ГИБСОНУ, Д.Д., ЛОРДУ-ЕПИСКОПУ ГЛОСТЕРСКОМУ, ВЕЛИКОМУ УЧЕНОМУ И ТЕПЛОМУ ДРУГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из пяти книг, составляющих этот труд, *Первая книга* в общих чертах повествует о судьбе Церкви в Риме в первые дни ее существования.

Основание римских общин было заложено в основном апостолами Петром и Павлом - Петром, так единодушно утверждают самые ранние современные авторы,[1] первым апостолом, проповедовавшим в Риме. Павел, учивший много лет спустя в Столице, также считается основателем Римской церкви, поскольку его учение, особенно христология, дополняло и подробно объясняло учение святого Петра и первых основателей.

В Первой книге рассказывается о том, как после великого пожара Рима во времена Нерона христиане заняли видное место, но в течение значительного периода на них смотрели как на секту раскольников-иудеев.

Начиная с 64 г. н. э. и далее они, очевидно, рассматривались как враги государства, подвергались постоянным преследованиям и гонениям. Настоящего периода "спокойствия" не было до тех пор, пока не вышел знаменитый эдикт Константина Великого, 313 г. н.э. Хотя, благодаря благосклонности правящего императора, временное приостановление действия сурового государственного закона, иногда длившееся несколько лет, на некоторое время оставляло христианскую секту, сравнительно говоря, в покое.

Гонения, начавшиеся во времена Нерона, с разной степенью жестокости продолжались на протяжении всего правления Флавиев (Веспасиан, Тит, Домициан).

Нерва, сменивший Домициана, царствовал всего два года, а за ним последовал великий Траян: гонения на секту продолжались. Об этом мы узнаем из письма Плиния к Траяну, написанного *около* 111-113 гг. н.э. Адриан, который последовал за Траяном, практически проводил ту же политику.

В последние годы правления Адриана, в 134-5 гг. н. э., результат великого иудейского восстания окончательно и навсегда отделил, в глазах правительства, христиан от иудеев. Отныне еврей продолжал свой тихий путь и обрел новые идеалы, новые надежды. Государство больше не боялось еврея.

А вот христиан - нет. Рим ясно видел, что в его среде возникла новая влиятельная секта; секта, абсолютно противоположная старым римским священным традициям и культу; секта, которая, очевидно, обладала некой могущественной тайной силой, позволявшей христианам бесстрашно бросать вызов магистратуре империи. Этим отчасти объясняется большая суровость преследований при Антонинах.

Политика Антонинов (Пия и Марка), стремившихся восстановить и вдохнуть новую жизнь в старые римские традиции и культ, которые они рассматривали как неразрывно связанные с величием и могуществом Рима, была абсолютно враждебна духу христианской мысли и учения.

Первая книга доводит историю до 180 г. н. э., даты смерти Марка Аврелия Антонина.

Внутренняя жизнь" христианских общин теперь рассматривается в книгах II, III, IV.

Предметом *второй книги* является *повседневная жизнь* христианина в I, II и III веках, когда религия Иисуса из Назарета была в глазах римского правительства незаконным культом, а ее приверженцы постоянно подвергались самым суровым наказаниям, таким как конфискация имущества, строгое тюремное заключение, пытки и даже смерть.

После того как мы остановились на вопросе о численности христиан в самые ранние времена, их публичные *собрания* или совместные встречи описываются со значительными подробностями в Книге II. Особое внимание уделяется важности этих "собраний" в жизни ранних христиан. *То, что происходило на этих собраниях*, подробно комментируется. Кратко рассматривается положение, которое занимал *раб* на этих "собраниях" и вообще в христианском обществе.

Описаны некоторые из различных трудностей, с которыми пришлось столкнуться христианам в эпоху гонений, и способы борьбы с этими трудностями.

Наставление о том, как справиться с трудностями жизни христианина, живущего в языческом Риме, было дано двумя различными школами мысли. Дается обзор (1) "ригористов" и (2) "более мягких и практичных" школ, которые стремились приспособить христианскую жизнь к жизни обычного римского гражданина.

Рассматривается важная роль, которую сыграла школа "ригуристов" или аскетов в окончательном обращении римского мира в христианство.

Наконец, указываются некоторые побудительные мотивы, которые убеждали христиан первых трех веков с мужественным терпением переносить тяжелую и опасную жизнь, которая всегда была земным уделом последователей Иисуса.

Третья книга особенно подробно рассматривает тяжелый и болезненный характер "жизни", которая с 64 г. н. э. была уделом христиан в Римской империи. Члены общины всегда жили под мрачной тенью гонений. Суровость гонений время от времени менялась, но мрачная тень лежала на них и постоянно витала над всеми их делами и днями. Мы не располагаем прямой подробной историей этого положения вещей, но все ранние современные труды христиан, многие из которых, целиком или во фрагментах, дошли до нас, буквально испещрены заметками, касающимися этого вечного опасения; и действительно, настолько реальной, постоянной была опасность и настолько серьезными были последствия для христианства любого колебания в час испытания, что среди общин первых дней существовало множество школ для подготовки мужчин и женщин к мученическим страданиям.

Число мучеников в эти ранние годы было, вероятно, преуменьшено. Современные языческие писатели, обладающие высочайшим авторитетом, вскользь, но все же определенно упоминают о большом количестве жертв, а тон раннехристианских сочинений (о которых уже шла речь) глубоко окрашен патетическими воспоминаниями об этих кровавых днях.

Помимо ссылок даже на выдающиеся языческие авторитеты и постоянных упоминаний в раннехристианских трудах о великом множестве мучеников и исповедников, здесь приводится несколько новое свидетельство огромного числа мучеников из истории катакомб, где число этих исповедников снова и снова упоминается в "справочниках" по римским подземным кладбищам, составленных в V и последующих веках как "путеводители" для толп паломников из чужих стран, посещавших Рим. Эти "Руководства для паломников", несколько из которых стали известны в последние годы, недавно стали предметом тщательного изучения.

Четвертая книга посвящена исключительно истории римских катакомб. В течение второй половины XIX века обширный подземный Город Мертвых, известный как Римские катакомбы, был по частям терпеливо раскопан и тщательно изучен выдающимися учеными. Эти исследования, которые активно продолжаются и в настоящее время, пролили свет на "жизнь" первых поколений христиан. Надписи и эпитафии, начертанные и нарисованные, различные символы, вырезанные на бесчисленных гробницах в Катакомбах, многое рассказали нам об отношениях между богатыми и бедными. Они раскрыли нам тайну глубокой веры этих первых верующих в "Имя" и показали, в чем заключалась надежда, вдохновлявшая их на удивительную стойкость в боли и муках и на чудесное мужество в час испытаний.

Обо всем этом и многом другом надписи на тысячах тысяч могил, тусклые выцветшие изображения, грубая резьба говорят на языке, который никто не может перепутать. Это

действительно голос из мертвых, дающий свои странные, странные свидетельства, которые никто не может опровергнуть или поставить под сомнение.

Работа по раскопкам и терпеливому изучению этих катакомб еще медленно продолжается, но из того, что уже обнаружено, мы многое узнали о "внутренней жизни" этого раннехристианского народа.

История этих удивительных Катакомб, этого подземного города мертвых под пригородами Древнего Рима, довольно подробно и обстоятельно изложена в Четвертой книге.

Пятую книгу можно рассматривать как дополнение к работе, которая в первых четырех книгах была посвящена (1) самой ранней истории и (2) "Внутренней жизни" христианской церкви в первые три века, особенно в Риме.

Христианство возникло из сердца избранного народа, евреев. Божественному Основателю в Его земной жизни было угодно быть сыном избранного народа, а Его ученики, заложившие первые истоки веры, все были евреями, как и самые ранние новообращенные в религию Иисуса.

История евреев - их прошлое и нынешнее состояние - неразрывно связана с записями о христианстве. Она является самым важным подтверждением истинности ранней христианской истории. Это самый весомый из всех доказательных аргументов, и его невозможно опровергнуть или опровергнуть.

Общий рассказ об избранном народе до прихода Мессии хорошо известен, и историческая точность ветхозаветных записей общепризнанна. Но о судьбе иудейского народа после 70 г. н. э., когда были разрушены Храм и город, а сердце иудаизма как бы перестало биться, известно сравнительно мало.

Пятая книга рассказывает кое-что из этой богатой событиями истории. Сначала она очень кратко описывает последние роковые войны иудеев. Затем рассказывается о том, как сразу после сожжения Храма возникла удивительная группа раввинов, которые, не смущаясь тем, что их род, казалось, безнадежно погиб, сразу же приступили к восстановлению иудаизма на совершенно новых основах.

Эти странные и удивительные ученые собрали воедино массу воспоминаний, традиций и предписаний, которые со времен Моисея постепенно группировались вокруг священной Торы - Закона Господня - и составляли предмет преподавания раввинских школ Святого Закона на протяжении пяти веков, прошедших со времени возвращения из плена.

Все эти воспоминания-традиции-комментарии великие ученые раввины и их ученики упорядочивали, кодифицировали, усиливали. Эта работа продолжалась около трехсот лет или более; результатом их трудов стал Талмуд.

Великая цель этой чудесной книги, или, скорее, собрания книг, Талмуда, заключалась в прославлении Израиля, но уже не как отдельной, самостоятельной нации, а, что гораздо важнее, как отдельного народа, народа, особо возлюбленного Богом, для которого в отдаленном будущем была уготована славная судьба, судьба, принадлежащая только евреям.

В нескольких разделах Пятой книги описывается Талмуд: материалы, из которых он был составлен, метод составления, чудесная сила, которую он оказывал на печальный остаток

еврейского народа, как он связывал их, изгнанников, хотя они были во многих землях, и держал их вместе, - обо всем этом рассказывается довольно подробно.

Десять или двенадцать миллионов евреев, рассеянных по многим враждебным народам, живущих в современном мире, более могущественных, более влиятельных, чем в золотой век Давида и Соломона, связанных между собой узами, которые никогда не разрывались, являются поистине непреходящим доказательством истинности истории первых христиан, о которой рассказывается в первых четырех книгах этого труда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА I

ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РИМЕ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

СТРАНИЦА

Очерк ранней еврейской колонии в Риме - упоминание о евреях Цицероном - благосклонность к ним Юлия Цезаря - упоминание о евреях великими поэтами эпохи Августина - характерные черты и нравственная сила евреев - их численность во времена Нерона 3

I

(*a*) Основание церкви в Риме - влияние Св. Петра

В эту колонию евреев пришла весть об истории Иисуса Христа - был ли С. Петр одним из первых проповедников христианства в Риме? Цитаты ранних христианских писателей на эту тему - традиционные воспоминания о С. Петре в Риме 7

II

РАННИЕ УПОМИНАНИЯ

Цитаты из патристических писателей первых трех веков, относящиеся к основанию Церкви в Риме, включая древнейшие каталоги епископов Рима - Вывод из этих цитат 13

ЧАСТЬ II

I

(*b*) Основание Церкви в Риме - влияние Св.

S. Павел в Риме - его участие в закладке основ в Столице - христология Павла более подробная, чем та, что содержится в Евангелии от Марка, представляющем собой учение Св. Петра 21

II

ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАН ПОСЛЕ 64 Г. Н.Э.

Великий пожар Рима во времена Нерона вывел незамеченную секту христиан на первый план - игры Нерона - никогда больше после 64 г. н. э. христиане не наслаждались "спокойствием" - политика государства по отношению к ним с этого времени практически не изменилась 25

III

ЗАВУАЛИРОВАННАЯ ТЕНЬ ГОНЕНИЙ - ПОЛИТИКА ФЛАВИАНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Молчание относительно подробностей гонений в языческих и христианских писаниях - Причина этого - Эти писания содержат мало истории; но христианские писания окрашены ежедневным ожиданием смерти и страданий - Несмотря на гонения, число христиан быстро росло - В чем заключалась странная привлекательность христианства - Преследования секты при императорах Флавиев Веспасиане, Тите, Домициане 35

ЧАСТЬ III

ВВЕДЕНИЕ

Переписка между Траяном и Плинием и императорский рескрипт - гениальность этого фрагмента в письмах Плиния 45

I

ПИСЬМА ПЛИНИЯ

Нерва - Характер Траяна - История переписки, о которой здесь идет речь - Письма Плиния - Ответ Траяна, содержащий знаменитый рескрипт - Критика Тертуллианом рескрипта - Письма Плиния - Это были не обычные письма, а предназначенные для публичного чтения - Характер Плиния - Мода писать письма как литературные произведения для публичного чтения - Краткое исследование писем Плиния - Письмо, которое здесь рассматривается особо - Его огромное значение в ранней христианской истории 48

II

МОДА НА ЭПИСТОЛЯРНУЮ ФОРМУ ЛИТЕРАТУРЫ

Письма государственных деятелей рассматриваются как произведения литературы - После Траяна латинских произведений было очень мало вплоть до конца IV века - В этот период снова появляются некоторые знаменитые письма (написанные Симмахом и Сидонием Аполлинарием несколько лет спустя) - Эти письма, очевидно, были написаны как произведения литературы, предназначенные для публичного распространения 63

III

ПОСЛАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА И ПИСЬМА АПОСТОЛЬСКИХ ОТЦОВ

Принятие излюбленной формы письма в качестве литературного произведения в Посланиях Нового Завета и в посланиях апостольских отцов 69

ЧАСТЬ IV

I

(*а*) Адриан - его политика по отношению к христианству

Адриан - его жизнь в путешествиях - его характер - ранняя политика в отношении христиан - он оскорбляет христианство, строя Аэлию Капитолину на месте Иерусалима - великая иудейская война - два ее результата - (*а*) полное изменение духа иудеев - (*б*) новая концепция христианской секты со стороны римского правительства - теперь было признано, что христианин не просто иудейский раскольник, а член отдельной секты, опасной для римской политики 75

II

(*б*) Адриан - его враждебность к христианству постепенно возрастала

Последние годы правления Адриана - гонения на христиан усиливаются - Несомненные основания для такого тяжелого положения христиан во всей империи - Таблица, показывающая преемственность Антонинов в империи 81

III

АНТОНИН ПИЙ И МАРК АНТОНИН - ИХ ИДЕАЛЫ

Характер Антонина Пия - Его сильная любовь к Риму - Его решимость восстановить старую простую жизнь, которой Рим был обязан своим величием - Его преданность древним римским традициям и старой римской религии - Антонин Пий и его преемник Марк сами вели простую аскетичную жизнь, которой они учили свой двор и подданных 84

IV

СИЛЬНАЯ АНТИПАТИЯ АНТОНИНОВ К ХРИСТИАНСТВУ

Причина явной враждебности Антонинов к христианской секте - христиане решительно отстранились от древней религии, которая, по мнению этих двух великих государей, была неразрывно связана с величием Рима - при таких взглядах на источники римской власти и процветания была возможна только суровая политика преследования - эта политика, проводившаяся во времена Пия, была усилена его еще более великим преемником Марком. Распространенное представление о том, что во времена Антонинов христиане были терпимы, должно быть отброшено. Их страдания под властью этих великих императоров, особенно во времена Марка, едва ли можно преувеличить. 91

КНИГА II

ЖИЗНЬ ХРИСТИАНИНА НА ЗАРЕ ВЕРЫ

ВВЕДЕНИЕ 101

I

ЧИСЛЕННОСТЬ ХРИСТИАН В РАННИЕ ВРЕМЕНА

Некоторые причины, по которым христианство было быстро принято - Большое количество первых обращенных засвидетельствовано языческими авторами, такими как Тацит и Плиний, и современными христианскими писателями, такими как Климент Римский, Ермас, Иреней и другие - Свидетельство римских катакомб, подробно описанных в Четвертой книге, также упоминается 102

II

СОБРАНИЯ ХРИСТИАН

Эти "собрания" были мощным фактором в принятии и организации религии Иисуса - их высокое значение признают великие учителя первых дней - цитаты из них приводятся 107

III

ИЗ КОГО СОСТОЯЛИ ЭТИ ПЕРВОБЫТНЫЕ "СОБРАНИЯ" СОСТОЯЛИ

Информация об этих ранних собраниях верующих предоставлена ведущими христианскими учителями. Приводим цитаты из них 110

IV

ЧЕМУ УЧИЛИ И ЧТО ДЕЛАЛИ В ЭТИХ "СОБРАНИЯХ"

Общая картина одного из них, составленная Юстином Мартиром-(*А*) 113

Догматическое учение, даваемое на этих собраниях-(*Б*) Милостыня - показана как неизбежная обязанность, которую ранние мастера христианства навязывали верующим- Все пожертвования были, однако, (*C*) Некоторые ранние учителя давали особые догматические наставления о ценности милостыни - некоторые из этих наставлений приводятся здесь- (*D*) Помимо этого несколько странного догматического учения о ценности милостыни, верующим наиболее сильно внушался общий долг милостыни - здесь приводятся отрывки из очень ранних писателей, подчеркивающие это- (*E*) Особые получатели милостыни конкретизируются; среди них, в первую очередь, вдовы и сироты, а также больные, (*F*) Эти милостыни в некоторых случаях не должны были ограничиваться домом веры- (*G*) Гостеприимство к чужестранцам предписывается- Здесь приводятся ссылки на нескольких выдающихся ранних учителей- Помощь заключенным во имя Имени предписывается- Помощь бедным церквям рекомендуется- (*H*) Расходы на погребение умерших среди бедных братьев должны частично покрываться за счет "милостыни", вносимой на собраниях, частично из частных источников - Лактанций в своем кратком изложении христианских обязанностей особо останавливается на этой обязанности - Важное свидетельство римских катакомб здесь

V

РАБ В ЖИЗНИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

Положение в христианском обществе - как относились к рабу в "собраниях" - цитата Паулина из Нолы об общехристианской оценке раба - как на этот новый взгляд на раба смотрели язычники 134

Общее резюме влияния, которое все эти учения, распространенные в первобытных "собраниях", оказали на политику и деятельность Церкви в последующие века 137

VI

ТРУДНОСТИ В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ РАННИХ ХРИСТИАН

Трудности в обычной жизни для христианина, который старался исполнять наставления и учение, данное на "собраниях", описаны в общих чертах: семейная жизнь - ремесла - развлечения людей - гражданская работа - армия - вопросы образования - общее резюме таких трудностей цитируется по De Broglie (*l'Église et l'Empire*) 140

VII

АСКЕТИЧЕСКАЯ И БОЛЕЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛЫ ОБУЧЕНИЯ

В ранней Церкви, очевидно, существовали две школы преподавания, показывающие, как нужно преодолевать эти трудности: (*A*) *школа ригористов - Тертуллиан* является хорошим примером учителя этой школы - влияние этой школы на ремесленников - на народные развлечения - на солдат легионов - на рабов - на семейную жизнь - из этой суровой школы вышло большинство мучеников - (*Б*) *более мягкая и практичная школа - пример* в таких трудах, как Диалог Минуция Феликса и в трудах Климента Александрийского и т. д.- Результаты учения *более мягкой школы -искусство* все еще было возможно среди христиан, хотя и пронизано языческими символами -христианин все еще мог продолжать жить при императорском дворе, оставаться на гражданской службе, в армии и т. д.-Примеры таких послаблений можно найти в 144

ветхозаветных писаниях-(*C*) Школа *ригуристов* - ее огромное влияние на языческую империю - окончательная победа христианства была во многом обусловлена впечатлением, которое произвела на народ жизнь и поведение последователей этой школы - это впечатление было озвучено такими писателями четвертого века, как Пруденций и Паулин из Нолы, и отражено в работе папы Дамаса в катакомбах

VIII

ЧТО ПРЕДЛАГАЛА РЕЛИГИЯ ИИСУСА В ОБМЕН НА ЭТУ ТЯЖЕЛУЮ ЖИЗНЬ РИГОРИСТАМ И В НЕСКОЛЬКО МЕНЬШЕЙ СТЕПЕНИ ВСЕМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ВТОРОЙ ШКОЛЫ

(*A*) Свобода от постоянно присутствующего страха смерти - ап. Павла, Игнатия и особенно эпитафии в римских катакомбах-(*B*) Использование новой терминологии для обозначения смерти, погребения и т. д.-(*C*) Постоянное сознание прощения грехов-(*D*) Надежда на немедленное блаженство после смерти Сила откровения св. Иоанна в жизни ранних христиан-(*E*) Была ли христианская жизнь в первые века в конце концов тоскливым существованием, каким ее считали язычники? 153

КНИГА III

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

ЧАСТЬ I

64 Г. Н. Э. - 180 Г. Н. Э.

ВВЕДЕНИЕ

Ранняя Церковь постоянно находилась под завесой гонений - об этом положении вещей мы узнаем не из "Деяний мучеников", которые, за исключением некоторых случаев, имеют сомнительный авторитет, а из фрагментов, дошедших до нас из современных писаний. Приводим выдержки из двух групп наиболее важных из них 163

I

ЦИТАТЫ ИЗ АПОСТОЛОВ И Т. Д.

Первая группа - Из трудов апостолов и апостольских мужей, включая Послание к Евреям - 1 Петра - Откровение Иоанна - Первое послание Климента Римского - Семь подлинных посланий Игнатия 166

II

ЦИТАТЫ ИЗ СОЧИНЕНИЙ ВТОРОГО ВЕКА

Вторая группа - Ранние сочинения, датируемые временем Траяна и смертью Марка Антонина (A.D. 180); включая "Письма Плиния и Траяна" - "Письмо к Диогнету" - "Пастырь Гермы" - "1-я Апология Иустина Мученика" - "Минуций Феликс" - "Письма Мелито Сардийского" - "Письма Афинагора" - "Письма Феофила Антиохийского" - "Письма Тертуллиана" - последний назван несколькими годами позже, но относится к тому же периоду. 177

ЧАСТЬ II

ПОДГОТОВКА К МУЧЕНИЧЕСТВУ

ВВЕДЕНИЕ

Вид мучеников, стойко переносящих страдания, оказывал заметное влияние на языческое население. Это было замечено и напугано римской магистратурой. 193

Правительство постоянно предпринимало усилия, чтобы арестовать или хотя бы ограничить число мучеников.

I

О СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ К МУЧЕНИЧЕСТВУ

Церковь, осознавая мощный эффект публичного мученичества на языческие толпы, учредила подготовку к возможному мученичеству, которая включала в себя: (*а*) публичное чтение в общинах христиан "Деяний", "Видений" и "Снов" исповедников- (*б*) составление специальных пособий для изучения христианами - в этих пособиях подробно разбирались слова нашего Господа- (*в*) длительную практику аскетизма, с целью закалить тело для перенесения боли 197

II

ЦИТАТЫ ИЗ ТЕРТУЛЛИАНА И ДР.

Мы приводим некоторые ссылки Тертуллиана на эту подготовку и аскезы, практикуемые с этой целью. (Его слова, написанные *около* 200 г. н. э., свидетельствуют о том, что во втором веке было общепринятой практикой в Церкви). Слова святителя Игнатия в его послании к Римской Церкви являются хорошим примером того, что было принято в Церкви в начале второго века. Некоторые из этих слов цитируются 202

ЧАСТЬ III

БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО МУЧЕНИКОВ В ПЕРВЫЕ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

ВВЕДЕНИЕ

Христианская традиция ни в коем случае не преувеличивает число мучеников - скорее наоборот. В первые двести пятьдесят лет общий тон раннехристианских сочинений (цитированных выше) посвящен тем кровавым дням. Но великие языческие авторы второго века, Тацит и Плиний, наиболее определенны в вопросе об огромном количестве мучеников... Здесь приводится новое свидетельство об этом огромном количестве из заметок в "Маршрутах паломников" или "Путеводителях" по катакомбам шестого и последующих веков - они рассказывают нам о том, что посещали паломники - огромное количество мучеников на различных кладбищах снова и снова упоминается 207

I

Список различных кладбищ и их местоположение, с особым указанием числа мучеников, похороненных в каждом из них 210

II

ОСОБЫЕ УПОМИНАНИЯ В ПАПИРУСЕ "МОНЦА" И Т. Д.

Каталог "Монца", составленный Григорием Великим для королевы Феодолинды, с указанием числа мучеников из данного каталога - надписи папы Дамаса - ссылки поэта Пруденция на число мучеников 214

III

ВЫВОДЫ ИЗ КАТАЛОГА "МОНЦА" И ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ "ПАЛОМНИКА"

Общее резюме, допускающее некоторое преувеличение в путеводителях "Паломника" и в каталоге "Монца", о большом количестве этих исповедников и мучеников 215

КНИГА IV

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Характер свидетельства катакомб о тайне "Внутренней жизни" Церкви - краткий очерк содержания Четвертой книги 219

I

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ - ИХ МЕСТО В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Ранние исследования - их катастрофический характер - Де Росси - его взгляд на важность свидетельств катакомб в ранней христианской истории - многое, что считалось легендарным, на самом деле является историческим - свидетельства катакомб о вере первых христиан 223

II

МЕТОД РАБОТЫ ДЕ РОССИ В ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯХ

Среди материалов, с которыми работал де Росси, можно назвать: Acta Martyrum св. Иеронима, Liber Pontificalis, "Маршруты паломников" и каталог "Монца", который специально описан - Украшение некоторых склепов - Базилика (руины) над землей - Люминарии - Граффити паломников - Надписи папы Дамаса *in situ*, а также сохранившиеся в древних силлогах 226

Некоторые из его более важных открытий на кладбищах SS. Домитилла, Присцилла, Каллист - более поздние открытия Марукки и других. 230

III

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ОБШИРНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЯ КАТАКОМБ

(1) Ватиканское кладбище и группы катакомб на правом берегу Тибра 232

IV

(2) На улице Остиенсис - Базилика Святого Павла - Кладбища на улице Ардеатина - Великолепие кладбища Святой Домициллы - Малая базилика Святой Петрониллы 236

V

(3) Группы кладбищ на Аппиевой улице - С. Себастьян (*ad Catacumbas*)-Группа С. Каллиста-Папский склеп-С. Сотерис - катакомба Пртекстатуса по левую руку от Виа Аппиа - гробница С. Януария в этой катакомбе 242

VI

(4) Кладбища на улицах Латина и Тибуртина - С. Ипполита-С. Лаврентия-С. Кладбище Агнессы на Виа Номентана 248

VII

(5) Кладбища на улице Салария Нова - С. Фелицитас; большое кладбище Св. Присциллы и связанные с ним древние римские церкви - легенды - остатки базилики Св. Сильвестра над кладбищем Св. Присциллы - воспоминания о Св. Петре на этом кладбище - его воды - недавние открытия - папы, похороненные в базилике Св. Сильвестра 258

VIII

(6) Незначительные кладбища на Via Salaria Vetus - S. Pamphylus-S. Гермес - С. 274

Валентинуса и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.-S. ПЕТРОНИЛЛА

Предполагаемое происхождение имени Петронилла - Де Росси и другие ученые все еще придерживаются древней традиции Петрина - Причины для ее сохранения - Раннесредневековые свидетельства здесь - Следы раннего культа этой святой 277

ПРИЛОЖЕНИЕ II.- ГРОБНИЦА СВЯТОГО ПЕТРА

Вероятное расположение гробницы в нынешней базилике Святого Петра - Рассказ о том, что было найдено в ходе раскопок в XVII веке Убальди, каноником собора Святого Петра, который был очевидцем открытий, сделанных в 1626 году, когда велись работы по созданию бронзового Балдаккино Бернини 279

ЧАСТЬ II

ДВА ПРИМЕРА НЕДАВНИХ ОТКРЫТИЙ

I

СКЛЕП СВЯТОЙ ЦЕЦИЛИИ

Старая история знаменитой святой перестала быть просто легендой - реконструкция жизни Св. Цецилии - описание крипты - ее базилика в квартале Трастевере - некогда дом Св. Цецилии 289

II

ПЕРЕНЕСЕНИЕ СВЯТОЙ ЦЕЦИЛИИ В ЕЕ БАЗИЛИКУ

Обнаружение останков Св. Цецилии Пасхалием I, 821 г. н. э. - Появление тела, которое он перенес из склепа в катакомбе Каллиста в ее базилику - Ее гробница в базилике, открытая в 1599 г. Климентом VIII - Появление тела - Мадерно копирует его в мраморе - Как Де Росси обнаружил и идентифицировал в оригинальной катакомбе склеп Св. Цецилии 292

III

ГРОБНИЦА СВЯТОЙ ФЕЛИЦИТАС И ЕЕ СЫНОВЕЙ

Открытие и идентификация мест захоронения святой Фелицитаты, святого Януария и других ее сыновей - реконструкция ее истории - гробница святого Януария найдена на кладбище Пртекстатус на Виа Аппиа - первоначальная гробница святой Фелицитаты найдена на кладбище, носящем ее имя (Виа Саларна Нова) - идентификация мест захоронения других ее сыновей 298

ЧАСТЬ III

УЧЕНИЕ О НАДПИСЯХ И РЕЗЬБЕ НА ГРОБНИЦАХ

I

ЭПИТАФИИ В КАТАКОМБАХ - ИХ ПРОСТОТА

Неисчислимое количество могил в этом безмолвном городе мертвых; по подсчетам, их три, четыре или пять миллионов, принадлежащих ко всем сословиям. Некоторые из них были тщательно украшены. Греческий язык часто был языком очень ранних эпитафий. Большая простота, как правило, в надписях. Никаких панегириков мертвым - только имя, молитва, эмблема веры и надежды - Общение святых везде утверждается 307

II

ЭПИТАФИИ В КАТАКОМБАХ В СРАВНЕНИИ С ЯЗЫЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ

Несколько приведенных эпитафий - в них нет ни слова скорби по усопшим - Вопрос о катакомбном учении о действенности молитв умерших за живых - С. Киприан цитируется здесь - желание быть погребенным рядом с известным мучеником - заметное различие в языческом представлении о мертвых - некоторые языческие эпитафии цитируются 310

III

ЭПИТАФИИ В КАТАКОМБАХ - ИХ ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Эпитафии на могилах в катакомбах недвусмысленно говорят нам о том, насколько реальной была среди христиан убежденность в будущей жизни - они говорят с мертвыми, как с живыми - догматические аллюзии в этих коротких эпитафиях обязательно очень кратки, В этих коротких эпитафиях догматические ссылки неизбежно очень кратки, но все же вполне определенны - Постоянно утверждается высшая божественность Иисуса Христа - Катакомбы полны Христа - Из эмблем, вырезанных на могилах - Иисус Христос как "добрый пастырь" наиболее часто - "Распятие" стало любимым предметом изображения только в поздние годы 314

ПРИЛОЖЕНИЕ

О желании быть погребенным рядом со святым или мучеником - здесь цитата из С. Августина 321

КНИГА V

ИУДЕЙ И ТАЛМУД

ВВЕДЕНИЕ

История еврея - его прошлое и нынешнее состояние - самый весомый аргумент, который можно привести в пользу истинности христианства... Что случилось с "печальным остатком" народа после истребительных войн Тита и Адриана, 70 и 134-5 гг. н.э., малоизвестно; однако удивительная история еврея, особенно во втором и третьем веках, представляет собой материал чрезвычайной важности... Как изучение раввинов и издание Талмуда повлияли на общую оценку Ветхого Завета среди христианских народов 325

I

ТРИ ПОСЛЕДНИЕ ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ ЕВРЕЕВ

Первая война, 66-70 гг. н. э. Восстание иудеев - опасное восстание было подавлено Веспасианом, а когда он стал преемником империи, его сын Тит завершил завоевание - судьба города Иерусалима, 70 г. н. э. - Почему был сожжен Храм?-Пересказ Сульпиция Севера дает вероятный ответ -Сюжет, о котором идет речь, очевидно, был процитирован из утерянной книги Тацита - Римский триумф Тита -Память о завоеванных евреях на арке Тита на Форуме - Большие изменения в иудаизме после 70 г. н.э., когда Храм был разрушен.После 70 г. н. э., когда были разрушены Храм и город, изменения завершились после войны Адриана в 134-5 гг. н. э. (третья война) - Краткий рассказ о *второй и третьей войнах* - Ожесточенные преследования после третьей войны вскоре прекратились, и печальный еврейский остаток был предоставлен практически самому себе 329

II

РАББИНИЗМ (*а*)

Сохранение остатка евреев было обусловлено развитием раввинизмаРаббинизм, однако, существовал до 70 г. н. э. Традиционная история возникновения раввинизма содержится в трактате "Мишна" Пирке Абот - Последствия великой катастрофы 70 г. н. э. Мозаика была уничтожена, и на смену ей пришел раввинизм 338

III

РАВВИНИЗМ (*б*)

Особая группа выдающихся раввинов, возникшая после катастрофы 70 г. н.э. 70 г. - их новая концепция будущего Израиля - Тора (Закон Моисея) и другие ветхозаветные писания со времен Эзры почитались все выше и выше - "Галаха" или (Правила вокруг Торы) постепенно множились - разработка этих "Галаха" и "Агада" (традиции) сформировала "Мишна"- Этот труд в основном занимал новые еврейские школы в течение всего второго века- Объяснение термина "Мишна"- Следующие два или три века раввины в своих школах Палестины и Вавилонии занимались дальнейшим комментированием "Мишны"- Этот второй труд раввинов был назван "Гемара" 342

IV

ТАЛМУД

Часть "Талмуда" существовала еще до 70 г. н.э. - возможно, некоторые из "Галахи" и "Агады" относятся даже к временам Моисея, некоторые - к временам Судей, а другие - к школам пророков Во времена Эзры возникла странная и уникальная "Гильдия книжников", посвященная изучению и толкованию священных писаний и традиций, которые собрались вокруг них в прошлые века Р. Гиллель немного раньше христианской эры начал заниматься упорядочиванием результатов трудов книжников - Р. Акиба после 70 г. н. э. продолжил работу по упорядочению, но был прерван - его слава и история - Р. Меир продолжал работать над той же задачей, которую в конце концов завершил р. Иуда Святой, который в целом упорядочил Мишну в той форме, в которой она дошла до нас - эта "Мишна" послужила текстом для великих академий Палестины и Вавилонии, над которым они работали в третьем и двух последующих веках - их труды известны как "Гемара" - Мишна и Гемара вместе составляют Талмуд - картина великих раввинских академий Палестины и Вавилонии - их методы изучения 347

V

КАК СОХРАНЯЛСЯ ТЕКСТ КНИГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Описание Массоры - Работа массоритов по сохранению текста священных книг - Современное состояние Массоры 361

VI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вдохновение ветхозаветных Писаний, согласно Талмуду 364

История Талмуда на протяжении веков 365

Талмуд и Новый Завет 366

Влияние Талмуда на иудаизм 368

Влияние Талмуда на христианство 370

VII

(*А*) ПРИЛОЖЕНИЕ О "ХАГГАДЕ"

"Агада" в Талмуде и других древних раввинских писаниях - Значение "Агады" - Ее огромное значение - Ее непреходящая популярность 371

Примеры цитат из "Агады" в палестинском Таргуме на Второзаконие 373

VIII

(*Б*) О "ГАЛАХЕ" И "ХАГГАДЕ"

Общая цель "Галахи" - Некоторые иллюстрации - Другие детали, связанные с "Агадой" - Она не ограничивается поздними книгами Ветхого Завета - "Агада" также относится к Пятикнижию - Примеры ее цитирования - Примеры влияния "Агады" в книгах Нового Завета 376

IX

Женские недостатки 380

Указатель 381

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Живопись в катакомбах, второй и третий века. Добрый пастырь в центре. Слева - Даниил во львином логове. Справа - Три ребенка в печи. *Фронтиспис*

Из книги Палмера *"Ранний христианский символизм"*. С разрешения издательства Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.

ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА

"Приди и поужинай" из последней главы Евангелия от Иоанна - мистическая трапеза семи учеников (кладбище Каллиста, II век. Любимая картина в катакомбах) 219

Вход на кладбище святой Домитиллы (склеп Флавиев, I век) 240

Из *Roma Sotterranea Cristiana*. С разрешения автора, Орацио Марукки

Роспись в капелле катакомбы Св. Каллиста, показывающая гробницу, впоследствии раскопанную над первоначальной гробницей святого 245

Фотография, С. Дж. Бекетт

Мозаика в апсиде церкви Ста Пуденциана, Рим 263

Фото, Moscioni

В катакомбе Святой Присциллы (второй или третий век) 267

Фото, С. Дж. Бекетт

Часовня гробниц римских епископов третьего века, частично восстановленная - катакомба С. Каллиста 273

Фото, С. Дж. Бекетт

S. Петра, Рим - Исповедь 281

Фото, С. Дж. Бекетт

Реплика мадерновской фигуры Святой Чечилии - как она была найдена - в нише палаты Святого Каллиста, где первоначально было помещено тело 293

Фотография, С. Дж. Бекетт
Надписи на могилах из римских катакомб 310
Фото, С. Дж. Бекетт
Храм-Иерусалим-Святое место 330
Из *Еврейской энциклопедии*. С разрешения Funk & Wagnalls Co.
Место плача евреев перед разрушенными стенами Храма 332
Фотография, The Photochrom Co.
Храм в Иерусалиме перед его разрушением Титом, 70 г. н.э. 340
С рисунка в *"Еврейской энциклопедии"*. С разрешения.

"Уверен суд, пылкий, свирепый, но быстрый,

из своей маленькой кучки пепла поднимет

крылья тому пожару мира.

Которое ожидает Христа, прежде чем Он сделает все новым":

Так и хрупкий должен стать совершенным, восторженным

От славы боли к славе радости".

Браунинг, *Кольцо и книга*, х. 1797

КНИГА I
ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РИМЕ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ
ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНИЯ В РИМЕ

В начале первого века христианской эры еврейская колония в Риме достигла больших размеров. Уже в 162 году до н. э. мы слышим о соглашениях - вряд ли их можно назвать договорами - заключенных между евреями из династии Маккавеев и Республикой. После взятия Иерусалима Помпеем в 63 году до н. э. еще несколько иудейских изгнанников пополнили число избранных людей, поселившихся в столице. Цицерон, выступая в защиту Флакка, который был их врагом, публично ссылается на их численность и влияние. Их ряды еще больше пополнились в 51 году до н. э., когда лейтенант Красса привел в Рим несколько тысяч еврейских пленников. Во время гражданских войн Юлий Цезарь проявил заметную

благосклонность к избранному народу. После его убийства они занимали видное место среди тех, кто оплакивал его.

Август продолжил политику Юлия Цезаря и проявил к ним большую благосклонность; их влияние в римском обществе в первые годы существования империи, по-видимому, было значительным. О них упоминают великие поэты, процветавшие в эпоху Августа. Иудейская суббота особенно упоминается римскими писателями как положительно ставшее модным соблюдение в столице.

Несколько знатных семей, которые на самом деле не имели ничего общего с еврейским характером и национальностью, кроме имени, такие как Ироды, переняли манеры и образ жизни римских патрицианских семей; но, как правило, евреи в чужих странах предпочитали безвестность, на которую их обрекала репутация бедняков. Некоторые из них, несомненно, обладали богатством, но тщательно скрывали его; большинство же были бедны и даже превозносили свою нищету; они обитали в самых низких и бедных кварталах большого города. Неутомимые труженики, они добывали средства к существованию, многие из них - из самых никчемных предметов торговли; но в знаменитой столице они приобрели любопытную известность. В этом странном народе было что-то особенное, одновременно притягивающее и отталкивающее. Французский писатель Аллар в исчерпывающих и поразительных томах, где он рассказывает о гонениях в своей собственной новаторской и блестящей манере, эпиграмматически пишет о еврее в золотой век Августа как о "человеке, который, как известно, молился и перелистывал свою святую национальную литературу в Риме, который никогда не молился и не имел никаких религиозных книг" ("Il prie et il étudie ses livres saintes, dans Rome qui n'a pas de théologie et qui ne prie pas").

Они жили одинокой жизнью посреди многолюдного города - сами по себе в жизни, сами по себе и в смерти; у них были свои кладбища в пригородах - катакомбы, как мы их теперь называем, - странные Божьи акры, где они хоронили, потому что никогда не сжигали своих мертвых, тщательно избегая практики кремации, которая тогда была в моде в языческом Риме. На основе этих иудейских кладбищ христиане, по мере увеличения их численности, в значительной степени создали те огромные города мертвых, о которых мы будем говорить далее.

Они заботились и нежно помогали своим бедным и нуждающимся, вдовам и сиротам; в целом они вели чистую самоотверженную жизнь, в основном обезображенную беспокойным духом жадности и скупости, который всегда жил в еврейской расе. Однако они были по-своему счастливы, жили священными воспоминаниями о славном прошлом, горячо верили, что по-прежнему, как в славные дни Давида и Соломона, являются народом, возлюбленным Богом, и что всегда под ними, несмотря на их многочисленные заблуждения, находятся Руки Вечности; уповая, с верой, которая никогда не бледнела и не ослабевала, что обязательно наступит день, когда из их собственного народа восстанет могущественный Избавитель, который вернет им их любимый священный город и страну; наделит Свой избранный народ славой и силой, более великой, чем когда-либо видел мир.

Нет никаких сомнений в том, что в золотые дни Рима еврей, несмотря на свою кажущуюся нищету и деградацию, обладал в великой империи особой моральной властью, неизвестной среди языческих народов.[2]

В правление Нерона, когда ученики Иисуса в Риме впервые вышли из облаков и тумана, окутавших первые дни римского христианства, число евреев в столице, по разным подсчетам, составляло от 30 000 до 50 000 человек.

Еврейская колония в Риме была очень представительной. Они были собраны из многих населенных пунктов, значительный контингент составляли Палестина и Иерусалим. Они, очевидно, отличались различными качествами, хорошими и плохими, которые в целом характерны для этого странного, удивительного народа. Они были беспокойными, временами буйными, гордыми и пренебрежительными, скупыми и хваткими; но в то же время они были нежными и сострадательными в очень высокой степени к несчастным с печальными глазами среди своего собственного народа, - очень благоговейными, как мы уже отмечали, в вопросах избавления от своих мертвых, - в целом давая пример морали, намного более высокой, чем та, которая, как правило, преобладала среди граждан могущественной столицы, в центре которой они обитали.

Более благородным качествам, которые ярко выделяли эту расу, несомненно, способствовал интенсивный религиозный дух , который жил и дышал в каждом еврейском доме. Страх перед вечным Богом, который, как они верили, с глубокой и неизменной верой любил их, всегда был перед глазами как самого скромного и бедного торговца, так и самого богатого купца в их компании.

I
ОСНОВАНИЕ ЦЕРКВИ В РИМЕ - "А"

В эту массу иудейских чужестранцев, живших в большом городе, пришла весть о чудесном деле Иисуса Христа. Как и среди иудеев в Иерусалиме, так и в Риме история Креста привлекала многих и отталкивала многих. Славная весть о спасении, об искуплении тихо опустилась на многие больные и измученные сердца; эти сердца воспламенились страстной любовью к Тому, Кто искупил их, - такой любовью, какой никогда прежде не было ни в одном человеческом сердце. С другой стороны, у многих мысль о том, что сокровенные привилегии избранного народа отныне будут на равных делиться с презираемым языческим миром, вызывала горькое и бескомпромиссное сопротивление - сопротивление, которое часто переходило в острую ненависть.

Вопрос о том, кто *первым* проповедовал Евангелие Иисуса Христа в этой великой еврейской колонии, вероятно, никогда не будет решен. Существует большая вероятность того, что "история Креста" была рассказана вскоре после Воскресения некоторыми из тех паломников в Святой город, которые были очевидцами чуда первой Пятидесятницы.

Однако есть вопрос, связанный с зарождением христианства в Риме, который представляет глубочайший интерес для изучающего церковную историю, вопрос, от которого во многом зависит все, что произошло с тех пор.

Был ли Святой Петр каким-либо образом связан с закладкой фундамента великой христианской общины в Риме; действительно ли его можно считать одним из основателей этой важнейшей Церкви? Неизменная традиция продолжает связывать его с этим, но на чем основана эта древнейшая традиция?

Ученые всех религиозных школ в настоящее время в целом допускают, что Святой Петр посетил Рим и провел некоторое время в столице; написал из нее свое великое Первое Послание, в котором он назвал "Рим" необычным мистическим именем "Вавилон", и в конце

концов принял там мученическую смерть на месте, расположенном рядом с могущественной базиликой, названной его именем.

Вопрос лишь в том, нанес ли он, как утверждает любимая традиция, свой первый визит в Рим в самом начале христианской истории, *примерно в* 42 году н. э., и оставался ли там в течение семи или восьми лет, проповедуя и уча, закладывая основы великой Церкви, которая быстро возникла в столице?

Затем, когда указом императора Клавдия были изгнаны евреи, в 49-50 гг. н.э., традиция утверждает, что апостол вернулся на Восток, присутствовал на Апостольском соборе, состоявшемся в Иерусалиме в 50 г. н.э., и вернулся в Рим только *около* 63 г. н.э. Где-то около 64 года н. э. Первое послание Петра, вероятно, было написано из Рима.[3] Его мученическую смерть там лучше всего датировать 67 годом н.э.

Внимательное изучение древнейших "Уведомлений", особенно касающихся вопроса о закладке ранних историй Римской Церкви, заставило автора этого небольшого исследования принять приведенное выше приблизительное изложение деятельности святого Петра в Риме. Некоторые из основных частей этих "извещений" будут теперь процитированы, чтобы можно было увидеть, на каком основании принимается данное заключение. За этими цитатами последует очерк традиционных и других доказательств, специально взятых из свидетельств очень ранней римской катакомбы св. Присциллы. Этот очерк, который здесь назван "традиционным свидетельством", как мы увидим, убедительно подтверждает вывод, сделанный на основании цитат из раннехристианской литературы.

Цитаты

Клеменс Роман, 95-6 гг. н.э. В пятой главе известного и, несомненно, подлинного *"Письма Климента Римского к Коринфянам*" автор обращает внимание коринфян на примеры христианских "атлетов", которые "жили очень близко к нашему времени". Он говорит об апостолах, которые подвергались гонениям и были верны до смерти. "Был Петр, который, претерпев многие страдания, и дав свое свидетельство, отошел в назначенное ему место славы. Был Павел, который, претерпев узы, темницы, побиение камнями, снова и снова, и всевозможные страдания... также претерпел мученическую смерть и таким образом отошел из этого мира".

Причина, по которой Климент Римский упоминает этих двух особенных апостолов (другие апостолы уже претерпели мученическую смерть), очевидна. Климент ссылался на примеры, свидетелями которых были они сами. Павел, по всеобщему признанию, был замучен в Риме; не является ли вывод из слов Климента, что Петр также принял мученическую смерть в этом же городе, непреодолимым?

Игнатий, *около* 108-9 гг. н. э., примерно через двенадцать или тринадцать лет после написания Климентом *Послания к Коринфянам*, отправляясь на мученическую смерть в Рим, так пишет Римской Церкви: "Я не повелеваю вам, как Петр и Павел: они были апостолами, я же - осужденный преступник". Почему же Игнатий выделил Петра и Павла? Так, епископ Лайтфут, комментируя этот отрывок, убедительно говорит: "Игнатий писал из Малой Азии. В то время он был в гостях у ученика Иоанна. Он жил в стране, где Иоанн был единственным выдающимся именем. Единственная возможная причина, по которой он специально назвал Петра и Павла, заключается в том, что эти два апостола посетили Рим и запомнились римской церкви".

Папий из Иераполя, родился *около* 60-70 гг. н.э. Его труды, вероятно, относятся к первой четверти II века. Со слов пресвитера Иоанна, личного ученика Господа, Папий рассказывает о Марке: он был другом и переводчиком святого Петра, записывал то, что слышал учения своего учителя, и там (в Риме) составил свои "записи". Это замечание, по-видимому, было связано Папием с 1 Пет. ст. 13, где Марк упоминается в связи с избранными в Вавилоне (Риме).

"Кажется, - заключает епископ Лайтфут, ссылаясь на Иренея (*S. Clement of Rome*, ii. 494), - что Папий представлял святого Петра как находящегося в Риме, что он утверждал, что Марк был с ним там, и что он приписывал последнему евангельскую запись (второе Евангелие), которая была записана для обучения римлян".

Дионисий Коринфский, 170 г. н. э., которого цитирует Евсевий (*Н. Е.* II. xxv.), писал Сотеру, епископу Рима, следующее: "Вот такими наставлениями (нам) вы объединили деревья римлян и коринфян (деревья), посаженные Петром и Павлом. Ибо оба они одинаково приходили и в наш Коринф и учили нас; и оба они одинаково пришли в Италию и, поучая там, в одно и то же время претерпели мученическую смерть".

Иреней, *около* 177-90 гг. н. э., пишет: "Матфей издал также письменное Евангелие среди Евреев на их родном языке, в то время как Петр и Павел проповедовали и основали Церковь в Риме. После их ухода Марк, ученик и толкователь Петра, сам также передал нам в письменном виде уроки, проповеданные Петром" -Н. *Е.* III. i. 1.

Климент Александрийский*, около* 193-217 гг. н. э. (*Гипотипос*, цитируется Евсевием, *Н. Е.* vi. 14) рассказывает, как, "когда Петр публично проповедовал слово в Риме и возвещал Евангелие Духом, присутствующие, которых было много, увещевали Марка, который долгое время сопровождал его и помнил, что он говорил, записать его высказывания и, составив таким образом свое Евангелие, передать его им; и когда Петр узнал об этом, он не стал ни препятствовать ему, ни побуждать его к этому".

Тертуллиан, *около* 200 г. н. э., добавляет свое свидетельство следующим образом: "Мы читаем в житиях царей, что Нерон был первым, кто запятнал кровью восходящую веру. Так Петр обхватывает другого (цитируя слова Господа), когда его привязывают к кресту. Так Павел обретает право римского гражданства, когда возрождается в нем благородством мученичества" - *Скорпиас*, 15.

Тертуллиан снова пишет: "Не имеет значения, относятся ли они к тем, кого Иоанн крестил в Иордане, или к тем, кого Петр крестил в Тибре" -De *Baptismo*, 4.

Тертуллиан снова говорит нам: "Римская церковь сообщает, что Климент был рукоположен Петром" -De *Præscriptione Hær.* 36.

Тертуллиан снова приводит подобное свидетельство: "Если ты находишься вблизи Италии, то у тебя есть Рим..... Как счастлива та Церковь, на которую апостолы пролили все свое учение своей кровью, где Петр соответствует страстям Господа, где Павел увенчан смертью Иоанна (Крестителя), где апостол Иоанн после погружения в кипящее масло, не потерпев никакого вреда, изгнан на остров!" -De *Præscriptione*, 36.

Кай (или Гай), римский пресвитер*, около* 200-20 гг. н. э., живший во времена папы Зефирина, современник Ипполита, если не (как подозревает Лайтфут) идентичный ему (Ипполиту Портусскому), сообщает нам следующие подробности: "Я могу показать вам трофеи

(Memoriæ или Chapel-Tombs) апостолов. Ибо если ты пойдешь в Ватикан или на Остийский путь, то найдешь (там) трофеи (Memoriæ) тех, кто основал Церковь".

Кайус претендует на то, чтобы его собственная Римская церковь пользовалась авторитетом апостолов Св. Петра и Павла, чьи мученические тела покоятся в Риме, - цитирует Евсевий, *Н. Е.* II. xxv.

Таким образом, в то раннее время, когда писал Кайус, местами захоронения двух апостолов считались места, где сейчас стоят великие базилики Св. Петра и Павла.

Евсевий, *Н. Е.* II. xiv., называет определенную дату первого приезда Петра в Рим и его проповеди там. Историк описывает влияние Симона Мага в Риме. Это, добавляет он, продолжалось недолго, "потому что сразу же при Клавдии, по благосклонному и милостивому провидению Божьему, Петр, этот могущественный и великий апостол, который своей храбростью взял верх над всеми остальными, был направлен в Рим против этого вредителя человечества. Он (св. Петр) нес драгоценный товар явленного света с Востока на Запад, возвещая сам этот свет и спасительное учение о душе, провозглашение Царства Божия".

Евсевий также пишет, что "Линус, о котором он (Павел) упоминает во Втором послании к Тимофею как о своем спутнике в Риме, был прежде показан как первый после Петра, получивший епископат в Риме" -Eusebius, *Н. Е.* III. iv.

Традиционные воспоминания о пребывании Петра в Риме и его продолжительном обучении там очень многочисленны. Де Росси, цитируя некоторые из них как легендарные, добавляет, что в основе этих известий лежит историческая основа. Некоторые из наиболее интересных связаны с домом и семьей Пуденс на Авентине, а также с кладбищем Святой Присциллы на Виа Салария.

Паломникам пятого и последующих веков указывали на кресло, в котором сидел Петр и учил (Sedes ubi prius sedit S. Petrus), а также на кладбище купели Святого Петра (Cemeterium fontis S. Petri-cemeterium ubi Petrus baptizaverat). Марукки, ученик и преемник Де Росси, считает, что это кладбище, где, по преданию, крестил Святой Петр, идентично части обширной и древней катакомбы Присциллы. На этих и других традиционных сведениях мы остановимся подробнее сейчас, когда подведем итог общим доказательствам.[4]

II
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАМЕТОК

А теперь подведем итог приведенным нами свидетельствам:

Литературные извещения были собраны из всех частей римского мира, где обосновалось христианство.

Из *Рима* (Климент Римский) в первом и втором веках и в начале третьего века.

Из *Антиохии* (Игнатий, Папий) (включая Сирию и Малую Азию) в самом начале второго века.

Из *Коринфа* (Греция) (Дионисий) во второй половине второго века.

Из *Лиона* (Галлия) (Ириней) во второй половине II века.

Из *Александрии* (Египет) (Климент Александрийский) во второй половине II века.

Из *Карфагена* (Северная Африка) (Тертуллиан) в конце II века.

Эти и другие литературные источники, более или менее определенные, приписывают закладку основания Римской церкви проповеди и учению апостолов Петра и Павла. Все без исключения известия об этом фундаменте ставят *на первое место имя Петра*. Вряд ли можно представить себе, что эти очень ранние авторы поступили бы так, если бы Петр впервые появился в Риме только в 63 или 64 году н. э., *после того как* Павел прожил в столице около двух лет, ожидая суда, который привел к его оправданию.

Кроме того, неоднократное упоминание двух великих апостолов как *основателей* Римской церкви было бы крайне неточным, если бы ни один из них не посетил столицу до 60-1 г. н. э., даты прибытия Павла, и 63-4 г. н. э., даты приезда С. Петра, если допустить, что приезд и проповедь С. Петра датируются более поздним временем.

Когда мы рассматриваем литературные извещения, о которых идет речь, мы находим в некоторых из них более косвенный рассказ о деятельности Петра, чем Павла; например:

Папий и *Ириней* сообщают нам особые подробности о положении святого Марка как толкователя святого Петра и рассказывают, как друг и ученик святого Петра записал слова своего учителя, которые впоследствии превратились в то, что известно как второе Евангелие.

Тертуллиан рассказывает, что святой Петр крестил в Тибре, а также упоминает, как этот апостол рукоположил Климента.

Евсевий, великий церковный историк, которому мы во многом обязаны знанием ранней церковной истории, писавший в первые годы правления Константина, в первой четверти четвертого века, еще более подробно описывает дату первого пришествия святого Петра, которая, по его мнению, приходится на правление Клавдия, бывшего императором с 41 по 54 год н. э. (Eusebius, *H. E.* II. xiv.). Тот же историк повторяет вышеупомянутый рассказ о работе Марка в качестве спутника Петра и писца в Риме (*H. E.* II. xv.), добавляя, что "Церковь в Вавилоне", о которой упоминает св. Петр (1 Еф. ст. 13), означает Римскую церковь.

Иероним, писавший в последние годы того же века (четвертого), весьма определенно высказывается по вопросу о раннем прибытии святого Петра в Рим - "Romam mittitur", говорит великий ученый, "ubi evangelium prædicans XXV annis ejusdem urbis episcopus perseverat." Отсчитывая двадцать пять лет, в течение которых Святой Петр руководил Римской Церковью, можно отнести первое присутствие Святого Петра в Риме к 42-3 гг. н. э.; ведь Иероним говорит нам, что "Post Petrum primus Romanam ecclesiam tenuit Linus", а ранние каталоги римских епископов - Евсевийский (армянская версия), каталог Иеронима и каталог под названием Либерийский - указывают дату вступления Лина соответственно на 66, 68, 67 гг. н. э.

Ранние списки или каталоги епископов Рима, о которых мы только что вскользь упомянули, являются еще одним важным и весомым свидетельством древней и общепринятой традиции о раннем посещении и длительном пребывании святого Петра в Риме.

Первый из них был составлен в середине второго века, до Елевферия, в 177-90 гг. н. э. Гегезиппом, христианином-евреем. Для нас авторитетом является Евсевий. Этот список, однако, до нас не дошел. Однако вполне вероятно, что он послужил основой для списка, составленного Иренеем *около* 180-90 гг. н.э. Это самый ранний каталог римских епископов, которым мы располагаем. Иреней, заявив, что Римская церковь была основана апостолами Петром и Павлом, добавляет, что они доверили епископат Лину.

В армянской версии *Хроник* Евсевия - единственной версии, в которой мы располагаем этой Евсевиевой хроникой, - Петр стоит во главе списка римских епископов, а продолжительность его управления Церковью составляет двадцать лет. Утверждается, что его преемником был Линус. В списке св. Иеронима сохраняется аналогичный порядок, с небольшим отличием: вместо двадцати лет правления св. Петра указано двадцать пять лет. Дедукция, которая естественным образом следует из этих записей в двух списках, уже была предложена. Либерийский каталог, составленный *около* 354 г. н. э., ставит святого Петра во главе римских епископов, называя продолжительность его правления двадцатью пятью годами. Линус следует за ним.

Либерийский каталог послужил основой для большого исторического труда, известного сегодня как "Liber Pontificalis", который в своих известиях о первых папах воплощает весь Либерийский каталог, только с новыми подробностями. Первая часть "Liber Pontificalis" в ее нынешнем виде восходит к началу шестого века.

Традиционные известия о раннем присутствии святого Петра в Риме многочисленны и разнообразны. Взятые сами по себе, они, несомненно, не убедительны - некоторые из них относятся к разряду чисто легендарных, хотя мы признаем даже в этих "чисто легендарных" известиях историческую основу; но взятые вместе они представляют собой не менее весомый аргумент.

Среди "чисто легендарных" мы затронули воспоминания, которые витают вокруг дома Пуденса и церкви, которая в очень ранние времена возникла на его месте.[5] Гораздо большую историческую ценность представляют воспоминания, связанные с катакомбой Присциллы, воспоминания, которые недавние открытия на этом древнейшем кладбище позволяют поднять многие из старых традиций в область серьезной истории.

Исторический факт погребения (*depositio*) десяти или одиннадцати первых епископов вокруг священной гробницы апостола Петра (*juxta corpus beati Petri in Vaticano*), , придает дополнительную окраску преданию о неизменном почитании, которое с древнейших времен Римской церкви окружает память о святом Петре.

Начиная с III века, мы видим, что римские епископы утверждают в качестве своего гордого титула честь своего положения как преемников святого Петра. Во всех спорах, которые впоследствии возникали между Римом и Востоком, это положение никогда не подвергалось сомнению. Дюшен в своем последнем большом труде,[6] всегда внимательном и ученом, без колебаний называет "Римскую церковь" (он останавливается на ее историческом аспекте) "церковью Святого Петра".

Это исследование, посвященное деятельности святого Петра в деле создания ранней истории великой Церкви, которая после падения Иерусалима в 70 г. н.э. бесспорно стала метрополией христианства, было неизбежно несколько длинным - вопрос, имеющий первостепенное значение для историка церковной истории. Было ли это возвышенное утверждение длинной череды епископов Рима о том, что они являются преемниками святого

Петра, когда-либо одним из их главных почетных титулов, основано на исторических свидетельствах, или же это просто выдумка более поздней эпохи?

Все серьезные историки сегодня согласны с тем, что святой Петр учил в Риме, написал свое Послание из Рима и впоследствии принял там мученическую смерть.

Но историки, как мы уже говорили, не согласны с датой его первого появления в городе-царице. Теперь сумма доказательств, собранных вместе в вышеприведенном кратком исследовании, приводит к неоспоримому выводу, что дата его прихода в Рим должна быть помещена очень рано в истории христианства, где-то около 41-3 гг. н.э.

Все указывает на этот вывод. Как можно было бы с точностью назвать Петра "основателем Римской церкви ", если бы он никогда не появлялся в Риме до 64 года н.э.? Задолго до этой даты Церковь метрополии была "основана", успела превратиться в большую и процветающую христианскую общину. Эта оценка важности Римской Церкви основана на различных свидетельствах, среди которых можно выделить длинный список приветствий в Послании к Римлянам, написанном *около* 58 года н.э.

Всевозможные заметки ведущих христианских писателей первого и второго веков во всех землях аккуратно называют его таковым. Павел, правда, в большинстве, но не во всех ранних трудах, ассоциируется с ним как с совместным основателем: это в реальном смысле также можно понять; ведь хотя Павел пришел в Рим позже и прожил там около двух лет, присутствие одного из величайших раннехристианских учителей, несомненно, придало бы огромную устойчивость фундаменту, заложенному за много лет до этого. Учение великого апостола язычников, продолжавшееся в течение двух лет, конечно же, было очень важным фактором в "закладке фундамента" и, очевидно, всегда учитывалось как таковое.

Но даже тогда, как мы видели, хотя оба апостола часто объединяются как основатели в трудах ранних христианских учителей, в нескольких примечательных случаях они особенно подчеркивают работу Петра.

Кроме того, в традиционных "Воспоминаниях", дошедших до нас, некоторые из которых имеют высочайшую историческую ценность, именно Петр, а не Павел, всегда является главной фигурой. Павел редко, если вообще когда-либо, появляется в них. Хотя Павел, несомненно, был великим учителем христианских тайн и толкователем христианской доктрины, именно Петр, а не Павел, живет в "Воспоминаниях" римской христианской общины.

Место, которое две базилики Святого Петра и Святого Павла на Ватиканском холме и на Остийском пути всегда занимали в умах и сердцах не только римского народа, но и всех бесчисленных паломников во все века к священным святыням Рима, кажется точно измеряет соответствующие места, которые оба апостола занимают в оценке Римской церкви.

Сравнительное пренебрежение базиликой Святого Павла в Риме по сравнению с неизменным почтением, проявленным к сестринской базилике Святого Петра , и огромными усилиями и затратами на ее строительство объясняется не отсутствием почтения или уважения к благородному апостолу язычников, а исключительно тем, что Рим и паломники в Рим глубоко осознают особый долг Рима перед Святым Петром, который, очевидно, был настоящим основателем могущественной столичной церкви.

Автор этой работы полностью осознает, что вывод, к которому он пришел, собрав воедино все имеющиеся доказательства, не является обычным заключением, к которому пришла одна большая и влиятельная школа мысли в нашей среде; он также не согласуется с

заключением этого чрезвычайно справедливого ученого - епископа Лайтфута, который, хотя и утверждает присутствие С. Петра в Риме, где, как он допускает, он написал свое Первое Послание и где через боль и муки он перешел к своему долгожданному покою в раю своего Учителя, но не может принять традицию о его раннем присутствии в метрополии.

Автор данного исследования не сомневается в том, что учение подавляющего большинства римско-католических писателей в этом вопросе строго точно, и что Святой Петр сравнительно рано, вероятно, где-то в 42-3 году, прибыл в Рим, утвержденный в вере, обучая и укрепляя своими собственными благословенными воспоминаниями о своем обожаемом Учителе небольшую группу христиан, уже проживавших в столице империи. Под его благочестивым руководством эта маленькая группа за шесть, семь или восемь лет его пребывания среди них стала сильным ядром могущественной Римской Церкви.

Затем, скорее всего, он покинул Рим, когда был обнародован указ императора Клавдия от 49 года н. э.: указ, ставший результатом волнений среди неспокойной иудейской колонии, - волнений, несомненно, вызванных ожесточенным и неумолимым сопротивлением быстрому распространению христианской веры в их среде. Как кратко, но ясно говорит нам Суетоний (Claudius, 25): "Judæos, impulsore Christo assidue tumultuantes Roma expulit".

С 49 года, когда он покинул город царицы, Святой Петр, очевидно, отсутствовал в Церкви, в которой он так хорошо и успешно трудился в течение семи или восьми лет, продолжая, однако, свою работу в других странах. Затем в 63-4 гг. н. э. он вернулся, возобновил свою работу в Риме, написал Первое послание , носящее его имя, и в конце концов принял мученическую смерть.

Этот вывод, имеющий столь глубокое значение для ранней церковной истории, был сделан, как увидит читатель предыдущих страниц, не из одного заявления, не из целого класса, так сказать, свидетельств, но из *совокупности* доказательств, предоставленных вместе с заявлениями ранних писателей, свидетельством катакомб, свидетельством традиции и голосом того, что почти точно может быть названо бессмертной историей.[7]

ЧАСТЬ II

I
ОСНОВАНИЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ - "B"

Римская Церковь в 61 году благодати, очевидно, уже была мощной и влиятельной общиной: на это указывает все: ее традиции, можно даже сказать, ее история, и, прежде всего, известия, содержащиеся в Послании к Римлянам, написанном не позднее 58 года н.э.

Практически единственный среди церквей первых тридцати лет христианства, С. Павел дает этой общине неизменную, безоговорочную похвалу - совершенно отличную от его слов, обращенных к церкви в Коринфе в обоих его Посланиях к этому выдающемуся христианскому центру, или к галатийской общине в его Послании к церкви этой провинции; или даже к фессалоникийцам, церкви, которую он хорошо любил, где упреки и серьезные предупреждения смешиваются с его любящими словами и окрашивают их.

Но к Римской Церкви, в борьбе и сражениях которой он не принимал никакого участия в первые годы ее существования, его похвала совершенно не сочетается с обличением или предупреждением. Что касается этой общины (Рим. i. 8), то Павел благодарит за них Бога, что об их вере говорят во всем мире. В заключительной главе Послания около двадцати пяти особо выдающихся членов римской общины приветствуются по именам, хотя из этого отнюдь не следует, что С. Павел был лично знаком со всеми, кого он назвал.

Примерно через три года после написания своего знаменитого послания к римлянам, о котором только что шла речь, Павел прибыл в качестве заключенного в столицу . Но хотя он был заключенным, ожидавшим публичного суда, императорское правительство предоставило ему свободу принимать в своем наемном доме членов христианской церкви и вообще всех, кто хотел прийти и послушать его учение; и эта свобода свободного доступа к нему сохранялась все два года, пока он ожидал публичного суда. Слова "Деяний апостолов", которые повсеместно считаются подлинными, здесь особенно точны: "И прожил Павел два года в наемном доме своем (в Риме), и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всею уверенностью, никем не возбраняемой" (Деян. xxviii. 30-31).

Именно в эти два года заточения великий учитель оправдал свое последующее звание, присвоенное ему многими раннехристианскими писателями, - совместного со святым Петром основателя Римской церкви. Мы считаем, что фундамент церкви метрополии, безусловно, был заложен другим ведущим членом апостольской группы, святым Петром.[8] Но доля Св. Павла в укреплении и созидании этой Церкви, самой важной общины в первые дни христианства, была, без сомнения, очень велика.

В очень ранний период, безусловно, после падения Иерусалима и разрушения Храма, Рим стал признанным центром и метрополией христианства. Великая мировая столица стала местом встречи последователей Имени из всех стран. Туда же, естественно, стекались и учителя главных ересей в вероучении, которые очень скоро стали появляться среди новообращенных христиан. В этих условиях в таком центре, как Рим, было крайне необходимо нечто большее, чем простое прямое евангельское учение, каким бы пылким оно ни было: что-то дополнительное к пересказу чудесной евангельской истории, рассказанной святым Петром и повторенной, возможно, дословно его учеником святым Марком. В таком центре, каким быстро стал Рим, несомненно, требовалось более глубокое и полное обучение. Люди спрашивали, кем и чем был Божественный Основатель религии, каковы Его отношения с Отцом, с миром ангелов? Что было известно о Его существовании до ? Эти и подобные им вопросы быстро потребовали бы ответа в таком космополитическом центре, как императорский Рим. Вдохновенное учение, касающееся таких моментов, как эти, должно было быть вписано в первоначальные основы ведущей Церкви, которой быстро стал Рим, и это было сделано великим учителем С. Павлом, которому Святой Дух даровал то, что можно справедливо назвать двойной порцией Духа. Христология Павла, если использовать более поздний богословский термин, была, ввиду всего того, что должно было произойти в ближайшем будущем, самой необходимой частью оснащения Церкви Божьей в Риме.

Суть учения знаменитого мастера в течение тех двух лет его римского заключения, несомненно, можно найти в письмах, написанных им в это время. Три из них, "Ефесское", "Колосское" и "Филиппийское" Послания, представляли собой массивные изложения доктрины, особенно то, которое было адресовано Колоссянам. Из них мы можем понять, что было главным предметом учения Павла в Риме. Его мысли были в основном заняты великими доктринальными вопросами, касающимися личности Основателя христианства.

Мы процитируем один или два отрывка из великого доктринального Послания к Колоссянам как примеры учения Павла в тот период его жизни, когда он занимался созиданием Римской Церкви и оснащением ее арсеналом оружия, которое вскоре понадобится в борьбе на жизнь и смерть с опасными ересями[9] , так скоро появившимися в городе, который был одновременно метрополией Церкви и Империи.

"Отец, ... переведший нас в Царство Сына Своего дорогого, ... Который есть образ Бога невидимого, первородный всякой твари; ибо Им создано все, что на небе и на земле, видимое и невидимое, престолы ли, или господства, или начальства, или власти: все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и Им все состоит. И Он есть глава тела, Церкви, Который есть начало, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство. Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и, заключив мир Кровию Креста Своего, Им примирить с Собою все; Им же (говорю), земное ли, небесное ли" (Кол. i. 12-20).

И еще раз: "Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас философиею и тщеславным обольщением, по преданию человеческому, ... а не по Христу. Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно. И вы совершенны в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти".

Проповедуя на таких текстах, содержащих те огромные истины, которые как раз в это время он воплотил в своем Колосском послании, С. Павел заложил фундамент "христологии" Римской церкви. Ранние христианские писатели справедливо причисляли его к основателям Римской церкви, поскольку он, без сомнения, был главным учителем знаменитой общины в важнейших доктринальных истинах, касающихся личности и служения Иисуса Христа.

S. Петр, чья ранняя работа в Риме, растянувшаяся, как мы полагаем, на восемь или девять лет, уже была рассмотрена нами, очевидно, отсутствовал в столице, когда Павел в 58 году н. э. писал свое знаменитое Послание к Римлянам; он также не вернулся в 61 году н. э., когда Павел был доставлен в метрополию в качестве узника; но то, что он вернулся в Рим где-то около 63-4 годов н. э., совершенно точно.

II
ПОЖАР РИМА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ В ОТНОШЕНИИ ХРИСТИАН - 64 Г. Н.Э. ОТНЫНЕ ОНИ СЧИТАЛИСЬ ВРАГАМИ ГОСУДАРСТВА

В течение чуть более тридцати лет, начиная с утра Воскресения, за исключением случая временного и частичного изгнания иудеев и христиан из Рима во времена императора Клавдия, христианская пропаганда оставалась незамеченной и уж точно не была услышана императорским правительством.

Указ Клавдия об изгнании, ставший результатом локальных беспорядков в еврейском квартале столицы, через некоторое время был отменен или, по крайней мере, проигнорирован правящими силами; но в середине 64 года, всего через несколько месяцев после того, как св. Павла и его оправдания и последующего отъезда из Рима, произошло поразительное событие, которое принесло христианам печальную известность и положило

конец презрительному безразличию, с которым к ним относились магистраты как в провинции, так и в столице.

Страшное и непредвиденное бедствие привело Рим в состояние траура и опустошения. 19 июля 64 года н. э. - дата начала опустошительного пожара - запомнилась надолго. Он вспыхнул в магазинах, сгрудившихся вокруг большого Цирка; сильный летний ветер раздул пламя, которое вскоре стало неуправляемым. Узкие улочки старого квартала и несколько разрушающиеся здания подпитывали огонь, который бушевал около девяти дней, уничтожив множество старинных исторических зданий. Тысячи бедных жителей остались без крова и гроша в кармане. В тот период Рим был разделен на четырнадцать областей или кварталов ; три из них были полностью уничтожены, еще семь стали непригодными для жизни в результате яростного пожара, и только четыре остались действительно невредимыми в результате опустошительного бедствия.

Страсти толпы, всегда быстро возбуждаемые, были направлены в первую очередь против императора Нерона, которого обвинили - вероятно, совершенно несправедливо - в поджоге: действительно, существует длинная, скорбная хроника злодеяний, занесенных в память этого злобного императора; но то, что он был виновником этого особого возмущения, в высшей степени маловероятно. Его бурная жизнь, его жестокости, его неуправляемые страсти, его безумие, - ведь никто из читателей истории не сомневается, что в его случае болезнь, которая так часто поражает бесконтрольного деспота, привела Нерона к безумию, - в общем, все его дела и дни, придали окраску чудовищным и абсурдным обвинениям, которые непостоянная и разъяренная толпа выдвинула против некогда необычайно популярного тирана.

Распространялись всевозможные дикие истории, связанные с пожаром; несомненно, у него было много безжалостных врагов. Люди говорили, что Нерон, сидя на одной из башен Рима, с неистовой радостью и ликованием наблюдал за развитием пожирающего пламени и, пока Рим горел у него на глазах, играл на своей лире и пел гимн собственного сочинения, ибо мнил себя поэтом, в котором сравнивал сожжение своего Рима с разрушением Трои.

Существовала и другая легенда, утверждавшая, что рабов императорского дома видели раздувающими пламя в его опустошительном ходе; еще один слух распространился по миру, шептавший, что безумный и злой император желал увидеть старый Рим с его узкими и тесными улицами разрушенным, чтобы иметь возможность отстроить его в новом и величественном масштабе и таким образом, невзирая на вековые традиции древнего города, сделать свое имя бессмертным благодаря этому выдающемуся и великолепному произведению.

В конце концов, эти неправдоподобные истории получили более или менее широкое распространение во многих кругах, и император обнаружил, что его презирают тысячи бездумных мужчин и женщин, которые потеряли в огне все, что у них было, и были рады выместить свою ярость на том, кем они когда-то восхищались и даже любили, хотя их восхищение и любовь часто смешивались с той яростной завистью, с которой люди слишком часто смотрят на великих, богатых и влиятельных людей.

Подстрекаемый своими злыми советниками, среди которых особенно выделялся печально известный Тигеллин, император в первую очередь обвинил в поджоге евреев: любопытно, что квартал города, где они в основном собирались, был пощажен во время последнего пожара. Убедить непостоянный народ в том, что чужеземцы, ненавидящие Рим и римских богов, отомстили за себя и обиду, нанесенную им римским народом, поджогом столицы, было несложно.

До этого времени в глазах большинства римлян иудеи и христиане были одним народом; они считали, что если и существуют какие-то различия, то только в том, что христианин - это иудей-раскольник. Теперь же, очевидно, после сожжения Рима, впервые стало проводиться какое-либо различие. Произошло это так: у евреев были влиятельные друзья при дворе деспотичного императора. Императрица Поппея, если и не была еврейкой, то, по крайней мере, была преданной прозелиткой избранной расы. Нет сомнений, что ее влияние, подкрепленное, несомненно, другими приближенными ко двору, отвлекло подозрения, которые пробудились, от иудеев к христианам. Они, как было указано, не были настоящими иудеями, а являлись их смертельными врагами; они были ненавистной и враждебной сектой, которую неправомерно смешивать с избранным народом. Теперь христиан официально обвинили в том, что они являются настоящими авторами недавнего бедствия, и это обвинение, похоже, было популярно среди широких масс римского населения. Нашими авторитетами в этой народной ненависти - мы можем назвать их современниками - являются Тацит, Суетоний и христианский Климент Римский. Свидетельство Плиния Младшего, который управлял Вифинией при императоре Траяне, будет рассмотрено позже.

По приказу Нерона, который использовал в своих целях народную неприязнь к новой секте иудейских фанатиков, каковыми их обычно считали, христиан стали разыскивать. Оказалось, что в городе их было огромное множество, "ingens multitudo", говорит Тацит; Климент Римский, христианский епископ и писатель, *около* 96 г. н. э., также говорит об их большом количестве. Многие из обвиняемых были осуждены по ложному обвинению в поджоге, к которому добавилось обвинение, которое было гораздо труднее опровергнуть - общая враждебность к обществу и ненависть к миру (*odio generis humani*).

Толпа христиан обоих полов была осуждена на растерзание диким зверям. Было решено, что они станут отвратительным развлечением для людей, наблюдавших за играми, которые как раз в это время должны были проходить в императорских садах на Ватиканском холме, на том самом месте, где сейчас стоит прославленная базилика Святого Петра.

Нерон, желая восстановить свою падающую популярность в толпе и отвести странное подозрение, которое закрепилось за ним как за поджигателем великого пожара, решил, что игры должны превзойти все прежние подобные представления по количеству жертв и по изысканной жестокости ужасных наказаний, на которые обрекались страдальцы. По правде говоря, для своей жуткой выставки он подготовил такое количество жертв, какого еще никогда не было. Подобная выставка никогда больше не повторялась; ее отвратительность положительно шокировала римское население, хотя оно и было жестоким и страстно преданным живописным представлениям, включавшим смерть и пытки, преступление и позор. Многие из первых христианских мучеников были просто выставлены на растерзание зверям; других, одетых в шкуры, выслеживали свирепые дикие собаки; третьих заставляли играть роль в позорных драмах, которые всегда заканчивались смертью жертв в муках и агонии.

Но заключительная сцена была самой шокирующей. Когда на великое представление опустилась ночь, чтобы порадовать зрителей - римский народ особенно очарован яркой и поразительной иллюминацией, - внешнее кольцо огромной арены было обнесено крестами, на которых было привязано, заколочено или прибито определенное количество христиан. Приговоренных одевали в туники, пропитанные смолой и другими горючими веществами, а затем, как ни ужасно рассказывать, распятых и обезглавленных поджигали, и в ярком свете этих жутких живых факелов проходили знаменитые гонки на колесницах, в которых принимал участие нечестивый император.

Но *это* никогда не повторилось; как мы уже говорили, вид живых факелов, затянувшаяся агония жертв были слишком ужасны даже для этой развращенной и ожесточенной римской толпы беспечных жестоких зрителей; иллюминация шоу Нерона никогда не была забыта; она осталась ужасным воспоминанием, но только воспоминанием, даже в Риме!

Есть все основания предполагать, что одним из зрителей игр того долгого дня и мрачного вечера в садах Ватиканского холма был Сенека, знаменитый стоический философ, некогда воспитатель, а затем некоторое время министр Нерона. Сенека отошел от общественной жизни и в двух своих письмах, написанных во время отставки своему больному и страдающему другу Луцилию, призывая его мужественно переносить свой недуг, напоминает ему о пытках, которым то и дело подвергались осужденные; яркими словами описывает огонь, цепи, треволнения диких зверей, тюремные ужасы, крест, тунику, смоченную в смоле, дыбу, раскаленные утюги, приложенные к трепещущей плоти. Что такое, спрашивает он своего друга, *твои* страдания по сравнению со страданиями, вызванными этими пытками? И все же, добавляет он, его глаза видели, как они переносятся; от страдальца не было слышно ни стона, ни мольбы о пощаде, но посреди всего этого он видел, как мужественно терпеливые жертвы улыбались!

Конечно, великий стоик имел в виду то, чему он был свидетелем во время страшных игр Нерона в ватиканских садах; никакая другая сцена не могла бы вызвать такого странного и патетического воспоминания. Странная невыразимая улыбка христианина, в боли и агонии умирающего за своего Бога, запала в сердце великого ученого-государственника. Как и многие другие римские граждане его времени, Сенека часто видел, как умирают люди, но никогда прежде он не видел, как умирают так!

Со времен того памятного лета 64 года до подписания Константином и Лицинием эдикта, который от имени императоров даровал мир и покой измученной Церкви, 313 год н. э., то есть в течение двух с половиной веков, меч гонений никогда не убирался с плеч. Практически с 64 года, когда состоялись знаменитые игры в садах Ватикана, начались непрерывные гонения на тех, кто исповедовал имя Христа. Обычное число десяти гонений, указанное на сайте , в конечном итоге является произвольным исчислением. Весь принцип и конституция христианства при рассмотрении были осуждены римским правительством как непримиримо враждебные установленному порядку; простое членство в секте, если оно сохранялось, считалось изменой, а исповедники христианства подлежали смертной казни. И это оставалось неизменной, неизменной политикой правительства государства, хотя и не всегда приводилось в исполнение, вплоть до памятного эдикта Константина, 313 г. н.э.

После ужасных сцен на играх в садах Ватикана гонения на христиан все еще продолжались. Обвинения в поджогах были сняты, никто не верил, что в них была хоть какая-то правда; но в Риме и в провинциях христианская секта с этого времени рассматривалась как враждебная империи.

Обвинения в том, что они являются авторами великого пожара, многое раскрыли в связи с этой сектой; аресты, судебные расследования бросили новый свет на догматы новой религии, раскрыли ее многочисленность и, очевидно, быстрое увеличение. Скорее всего, в течение многих лет их все еще путали с иудеями, но теперь стало ясно, что новая секта - нечто большее, чем простое скопление иудейских раскольников.

Было общепризнано, что христиане не имеют никакого отношения к большому пожару; но обнаружилось и другое: это была очень многочисленная компания (*ingens multitudo*), настроенная серьезно, против государственной религии, предпочитавшая в

многочисленных случаях пытки, конфискации, смерть, чем подчинение государственным правилам в вопросах религии.

За некоторое время до пожара их в целом не любили, возможно, ненавидели очень многие римские граждане, люди разных сословий, по разным причинам; торговцы, которые много теряли из-за того, что избегали всех идолопоклоннических праздников; языческие семьи, возмущенные прозелитизмом, который постоянно происходил в их домах, вызывая разрыв семейного круга; жрецы и те, кто был специально связан с сетью обрядов и церемоний, жертвоприношений и приношений храмах старых богов. Но, в конце концов, эта широко распространенная народная неприязнь к секте не была главной причиной постоянных преследований, которые начались после диких и буйных сцен, последовавших за великим пожаром.

Императорское правительство впервые увидело, с кем ему приходится иметь дело. Политика Рима была направлена на подавление и искоренение всех организаций, всех самоуправляющихся общин или клубов, как крайне опасных для духа имперской политики; и в результате испытаний и расследований, последовавших за пожаром Рима, оно нашло в христианской общине живое воплощение этой тенденции, которую до сих пор Риму удавалось подавлять - обнаружило, что в их среде, в столице и в провинциях, быстро растет внеимперское единство - империя внутри империи.

Другими словами, все принципы и конституция христианства рассматривались как враждебные установленному порядку и, если бы они сохранялись, считались бы изменой; таким образом, после открытий, сделанных в ходе судебного разбирательства, которое было возбуждено после великого пожара, христиане, даже после того, как их невиновность в обвинении в поджоге была признана в целом, рассматривались имперскими властями как политически опасное общество, будучи организованным и объединенным телом, имеющим свои разветвления по всей империи; Но после ужасных и отвратительных жестокостей, которым многие из них подверглись во время знаменитых Ватиканских игр, первоначальное обвинение, выдвинутое против них, стало рассматриваться как позорный прием императора Нерона, чтобы отвлечь внимание общественности от себя, которому, хотя, возможно, и ложно, приписывали вину в возникновении пожара.

Тем не менее несомненно, что, хотя предполагаемая связь христианской секты с преступлением поджога была быстро забыта, начиная с 64 года "преследование продолжалось в качестве постоянной полицейской меры, в форме общего преследования христиан как секты, опасной для общественной безопасности".

Таков, после длительного обсуждения всего вопроса, вывод профессора Рамсея[10] , который считает сомнительным , что какой-либо "эдикт" в строгом смысле этого слова был издан императором Нероном; и это он делает вывод из знаменитой переписки, состоявшейся между Плинием, губернатором Вифинии, и императором Траяном, примерно через пятьдесят лет после только что описанных событий во времена Нерона.

Слова Плиния, когда он просил у Траяна более определенных указаний по поводу преследования христиан, очевидно, указывают на то, что он рассматривал христианский вопрос не как вопрос, подпадающий под действие какого-то определенного закона, а как вопрос практического управления.

Однако более распространенное мнение, которого придерживаются современные церковные историки, заключается в том, что эдикт против христиан был издан Нероном, и что Домициан специально действовал на основании этого эдикта в ходе суровых мер,

принятых против секты в последние годы его правления; в поддержку этого мнения приводятся слова Мелито Сардийского (II век), Тертуллиана (начало III века), христианских историков, писавших в IV веке и начале V века, Сульпиция Северуса и Лактанция.

Выражения, используемые здесь Сульпицием Севером, безусловно, очень определенны в вопросе императорского эдикта. Этот историк основывает свой рассказ о гонениях при Нероне на "Таците", а затем комментирует его следующим образом: "Это было началом суровых мер против христиан. После этого религия была запрещена официальными законами, а исповедание христианства стало незаконным в результате опубликованных эдиктов" (*Chron*. ii. 29).

Однако не так уж важно, было ли исповедание христианства формально запрещено или гонения носили практический административный характер: исповедание веры считалось опасным для закона и порядка и заслуживало смерти, как полагает Рамзи. Другой вывод имеет гораздо большее значение. Вкратце он заключается в следующем:

Первый шаг императорского правительства к преследованиям, безусловно, относится к периоду правления Нерона, сразу после сцен на Ватиканских играх, когда христианин был осужден после того, как были представлены доказательства того, что он или она совершили некий враждебный обществу акт - доказать это было несложно. После правления Нерона произошло дальнейшее развитие гонений (вероятно, во времена Веспасиана), когда предполагалось, что все христиане виновны в такой враждебности обществу и могут быть осуждены сразу же после исповедания этого имени. Таково было положение дел, когда Плиний обратился к Траяну за более подробными инструкциями. Огромное количество исповедующих христиан тревожило этого честного и милосердного чиновника, и он спросил императора, должен ли он отправить их всех на смерть?

Как мы сейчас увидим, главная особенность инструкции императора Траяна в ответ на вопрос Плиния заключалась в том, что хотя христиане и подлежали осуждению, если они исповедовали Имя, их не следовало искать. Это "наставление" действовало до последних лет Империи, когда была проведена более жесткая политика; бесспорно, что при Антонине Пие и Марке Аврелии в отношении христиан была принята еще более враждебная практика.

Ясно одно: со времен Нерона христиане никогда не были в безопасности; они жили, как явствует из их писаний, даже под властью тех императоров, которые были, сравнительно говоря, хорошо к ним настроены, с видением мученической смерти перед глазами; они жили, и не многие из них, положительно готовясь выдержать великое испытание как добрые воины Иисуса Христа. В течение первого и второго веков, сравнительно говоря, до нас дошло лишь несколько имен этих мучеников и исповедников: мы располагаем лишь несколькими действительно хорошо подтвержденными свидетельствами (Деяния и Страсти), но эти имена и истории не выглядят как исключительные случаи;[11] неудержимо заставляет нас признать серьезную истину, что было много героев и героинь, чьи имена *не* сохранились, чьи истории не были записаны.

Меч гонений постоянно висел над головами членов христианской паствы, готовый обрушиться в любой момент. Суровые предписания, хотя и измененные благосклонной политикой некоторых правителей государства, никогда не отменялись, никогда не забывались; правда, они допускали более мягкое толкование, чем то, которого требовали суровые условия, в которых они были сформулированы вначале, но эти толкования постоянно менялись в зависимости от политики провинциального магистрата и тона царствующего императора; но мы никогда не должны думать, что дух гонений действительно утих хотя бы на один короткий год.

III
МОЛЧАНИЕ В ОТНОШЕНИИ ГОНЕНИЙ

Спрашивается, как получилось, что на протяжении большей части первого и второго веков сохраняется удивительное молчание относительно этих гонений, которые, как нас убеждают, преследовали христианские общины как в провинциях, так и в великой метрополии? Ответ на этот вопрос найти несложно.

Языческие писатели этих веков относились к христианской секте с глубоким презрением;[12] они никогда бы не сочли наказания, вынесенные нескольким нарушителям закона и диким фанатикам, достойными хроники; простое лишение жизни в ту эпоху, столь привыкшую к массовому уничтожению людей, не показалось бы им заметным происшествием в каком-либо году.

Что касается христианских летописей, то практика празднования юбилейных дней даже знаменитых мучеников и исповедников началась в Риме только в третьем веке.

Но, как мы увидим, хотя мы не располагаем христианскими записями, определенно говорящими нам о каких-либо особых гонениях между временами Нерона и поздними годами Домициана, страницы несомненно подлинных христианских писаний очень раннего периода, из которых мы сейчас приведем цитаты, безошибочно написаны под сенью беспокойной неустанной враждебности римского правительства по отношению к христианской секте. Последователи Иисуса, как мы видим, всегда жили под сенью гонений.

Ни на один день жизнь верующего во Имя Иисуса не была безопасной; его жизнь и жизнь его близких ни на мгновение не была в безопасности: он и его семья находились во власти всех врагов, открытых и тайных. Конфискация, унижение звания и положения, изгнание, тюремное заключение, пытки, смерть - все это постоянно угрожало ему. Тяжелая, суровая борьба, действительно, была повседневной жизнью каждого христианского ученика. Многие выходили победителями из страшных испытаний; об этом мы узнаем из таких произведений, как *"Пастырь* Ерма", но некоторые, увы! мы узнаем из той же яркой и правдивой картины Ерма, дрогнули и сыграли предателя, когда наступил час решения между Христом и языческими богами, как это часто, очень часто случалось в так называемые спокойные дни императоров Флавиев.

Но только из общего характера и духа раннехристианских писателей мы узнаем об этом; только из ссылок, разбросанных по этим поразительным и патетическим страницам, которые, в конце концов, имели перед собой другую и более благородную работу, чем записывать многочисленные страдания и мученические смерти братьев, мы узнаем, каков был характер той тяжелой жизни, которую приходилось вести последователям Иисуса. Эти авторы не преувеличивают, но дают весьма несовершенный отчет о страданиях того периода.

Но несмотря на эту мрачную тень опасности, под которой всегда жил христианин, - тучу, которая в течение двухсот пятидесяти лет так и не рассеялась; несмотря на народную неприязнь и общественное осуждение, - число гонимой секты умножалось с поразительной быстротой во всех землях, среди всех различных народов, объединенных под властью

империи и называемых римлянами. Их огромное количество привлекло внимание языческих писателей, таких как Тацит, писавший о мученичествах 64 года н.э.; Плиний, рассказывавший о том, чему он был свидетелем в 112 году н.э.; христианских писателей, таких как Тертуллиан, дававший представление о секте в конце второго века.

В середине второго века, спустя немногим более ста лет после утра Воскресения, когда правили Антонины, мы знаем, что помимо великой и могущественной Церкви в Риме существовали большие общины в Испании и Галлии, в Германии, в Северной Африке, в Египте и Сирии.

Все, что мы узнаем о деятельной, серьезной, напряженной жизни этих первых христианских общин, об их благородной благотворительности, активной пропаганде, серьезных и успешных спорах с еретическими учителями, которые последовательно возникали в их среде, заставляет поверить, что они жили как бы под сенью гонений, которые могли обрушиться на них в любой момент; И все же почти все писания тех ранних дней окрашены этими предчувствиями пыток, конфискаций, тюремного заключения и смерти - смерти, полной боли и мучений. Апокалипсис упоминает об этих вещах снова и снова - Климент Римский в своем серьезном и размеренном Послании - Гермас и Игнатий, Иустин и Тертуллиан, и несколько позже Киприан, писавший в середине третьего века - упоминают об этих вещах как о части повседневной христианской жизни. Они, правда, дают нам мало деталей, мало истории событий, которые постоянно происходили; но, читая, мы чувствуем, что мысль о мученичестве постоянно присутствовала в их жизни.

Чем же привлекало их это христианство, исповедание которого было сопряжено с опасностью, со смертельной угрозой?

"Кандидат в христиане был, par le fait même, кандидатом в мученики", - наглядно пишет блестящий и осторожный французский ученый Дюшен. Христианин действительно подвергал себя и своих близких безмерным наказаниям. Но что он мог выиграть от столь опасной авантюры?

Правда, для некоторых мученичество само по себе обладало особой притягательностью. Знаменитые главы "Письма к Римской церкви" Игнатия, написанные *около* 109-10 гг. н. э., очень ярко изображают это странное очарование. Постоянство исповедника, спокойствие, с которым он переносил пытки, улыбчивая уверенность, с которой он встречал смерть, часто полную боли и страданий, его взгляд, прикованный к чему-то невидимому для смертных глаз, что он видел прямо перед собой, - все это было новым в римском мире; это было одновременно поразительно и восхитительно. Такое зрелище, а оно было частым, действительно вдохновляло: "Почему бы и мне, - думали многие верующие в Иисуса, - не участвовать в этом славном будущем? Почему бы мне не стать одним из этой благородной группы избранных и благословенных душ?"

И еще одна привлекательная сторона христианства заключалась в тесном союзе, который существовал между членами общины.

В этом великом Братстве, без всяких попыток принизить более состоятельных христиан, без всякого движения к установлению общей общности благ, между всеми классами и степенями культивировались самые теплые чувства дружбы и любви. Христианские учителя убедительно доказывали, что в глазах Божественного Учителя не существует разницы между рабом и свободным, между патрицием и мелким торговцем; с Ним царит полное равенство.

Пол и возраст, звание и состояние, бедность и богатство, страна и раса - для Него не имели никакого значения. Все мужчины и женщины, которые боролись за жизнь, которую Он любил, были Его дорогими слугами. Результат всего этого проявился в щедрой и самоотверженной любви богатых членов паствы к своим бедным и нуждающимся братьям и сестрам.

Это ярко проявилось в удивительной истории огромных кладбищ в пригородах Рима, где уже в ранние времена богатые люди оказывали гостеприимство в виде гробницы своим бедным друзьям.

Большинство так называемых "катакомб" начинались в садах богатых и знатных, где маленький семейный божий уголок быстро открывался для пролетария и раба, о которых после смерти нежно и любовно заботились и укладывали спать со всем почтением рядом с членами патрицианского дома, которому принадлежало кладбище и который в бесчисленных случаях расширялся, чтобы принять этих бедных и скромных гостей.

Но, в конце концов, как бы ни были велики и разнообразны эти различные привлекательные влияния, которые, несомненно, в бесчисленных случаях приводили в ряды христианства бесчисленное множество мужчин и женщин всех сословий и рангов, было нечто большее, что объединяло все эти различные национальности, эти различные сословия нерасторжимыми узами союза; Что-то большее, что позволяло им жить год за годом под сенью гонений, ежедневно подвергаясь опасности потерять все то, чем люди больше всего дорожат; что-то большее, что давало им то безмятежное мужество в последний момент, которое вдохновляло великую армию мужественных терпеливых мучеников на свидетельство доброго исповедания ради Имени. Это была та горящая, та живая вера в великую жертву их любящего Учителя - вера, которая в конце концов победила даже языческий Рим, - вера, которая не приходит ни из каких книг и аргументов, ни из каких проповедей и убеждений, ни из каких знаний, какими бы глубокими и священными они ни были, ни из какого человеческого арсенала, каким бы богатством истины и праведности он ни обладал.

Это была та сильная и неумирающая вера, которая является даром одного лишь Бога, и которая в двойной доле была даром Святого Духа для Церкви, подвергшейся тяжким испытаниям в героический век христианства.

После смерти Нерона, во время очень коротких царствований Гальбы Оттона и Вителлия, гонения на христиан, вероятно, затихли из-за беспокойного состояния Рима и империи. Однако, когда к власти прочно пришел дом Флавиев в лице Веспасиана, политика правительства Нерона, считавшего христиан сектой, чьи верования и практика враждебны основам и принципам римского правления, стала строго соблюдаться, а возможно, и развиваться.

Последователи секты считались вне закона, а имя христианина приравнивалось к преступлению.

В книге Сульпиция Севера (IV век) есть знаменитый отрывок, который большинство современных ученых считают выдержкой из утраченной книги Тацита. Это рассказ о военном совете, состоявшемся после штурма Иерусалима в 70 году н.э. На этом совете Тит, сын и наследник Веспасиана - героя великой кампании, завершившейся падением Иерусалима, - как сообщается, выразил мнение, что Храм должен быть разрушен, чтобы религия иудеев и христиан была более полно укоренена; ведь эти религии, хотя и

противостояли друг другу, все же имели одно и то же происхождение. Христиане произошли от иудеев, и если вырвать корень, то легко будет уничтожить и стебель, выходящий из корня. Нет никаких сомнений в том, что этот отчет о выступлении Тита на Воинском соборе является историческим документом огромной важности. Он точно говорит нам о том, как императорский дом Флавиев относился к христианам - они представляли собой зло, которое следовало искоренить.

Возможно, в искаженном отрывке Суетония есть упоминание о действиях Веспасиана в этот период (в год, следующий за 70 г. н.э.) по отношению к христианам. Отрывок гласит следующее: "Никогда Веспасиан не получал удовольствия от смерти кого-либо, а в случае заслуженных наказаний даже плакал и стонал". Очевидно, речь идет о каком-то классе людей, наказание которых Веспасиан считал необходимым принять, хотя и сожалел об этом. "Невозможно представить, чтобы Веспасиан, римский солдат с большим опытом участия в кровавых войнах в Британии и Иудее, плакал и стонал при каждой заслуженной казни..... Мы думаем о наказаниях, которые по принципу Нерона применялись к христианам... Принцип, о котором идет речь, действовал постоянно, и Суетоний упоминает о нем из-за интересной для биографа детали, что Веспасиан плакал, когда подтверждал его действие".[13]

Но еще более точное утверждение, что гонения активно продолжались при Веспасиане, можно найти у латинского отца, Илария Пуатье, который ставит Веспасиана между Нероном и Децием как гонителя веры.[14] Некоторые критики считают это замечание ошибкой. Лайтфут, однако, считает более вероятным, что оно было основано на некоторых фактах истории, известных Иларию, но со временем вычеркнутых из исторических записей.[15]

К концу правления Домициана, *около* 95 года н. э., гонения стали еще более ожесточенными. Действительно, христиан так жестоко выслеживали и преследовали, что этот период стал памятным в истории. Домициан постоянно упоминается как второй великий гонитель, первым был Нерон. Причиной этой общей традиции, несомненно, является то, что в 95 г. н. э. среди осужденных были люди самого высокого ранга, некоторые даже из императорской семьи; в частности, консул Флавий Клеменс и две принцессы с именем Домитилла - все они были очень близкими родственниками императора.

Ожесточенные и страшные гонения, какими они были в последние полтора года правления Домициана, не были вызваны какими-либо особыми движениями среди христианских подданных империи, которые привлекали бы внимание и вызывали недоверие, а были вызваны исключительно частной политикой и личными чувствами императора. Ничто не свидетельствует о том, что в это царствование был обнародован какой-либо эдикт против секты. Со времен Нерона преследование христиан было постоянным делом, так же как и преследование людей, привычно нарушающих закон, грабителей и тому подобных. Вероятно, при князьях династии Флавиев, как мы уже говорили, эта политика правительства получила некоторое развитие по всей империи, и время от времени, в зависимости от местных обстоятельств и нравов главного магистрата, была более или менее суровой. Говорят, что некоторые правители хвастались тем, что привезли из своей провинции незапятнанные кровью топоры своих ликторов; но другие руководствовались совсем другими чувствами.

В случае с так называемыми гонениями Домициана недоброжелательность самодержавного императора, естественно, усилила их. Различные мотивы, по-видимому, повлияли здесь на владыку империи.

Домициан был мрачным и подозрительным тираном, и, несомненно, его жестокие действия в отношении своих родственников, консула Флавия и принцесс его дома, были вызваны

ревностью к тем, кто стоял рядом с его троном, а тот факт, что они оказались принадлежащими к запрещенной секте, дал ему предлог, которым он с удовольствием воспользовался. Но его кровавая месть обрушилась отнюдь не только на его собственных родственников. От языческого писателя Диона Кассия (в эпитоме его труда монаха Ксифилина), а также от Суетония мы узнаем, что он предал смерти различных высокопоставленных лиц, в частности Ацилия Глабрия, который был консулом в 91 году н.э. Этот Ацилий Глабрион также был христианином. Исследования и находки Де Росси и Марручи в более древней части обширной катакомбы Святой Присциллы убедительно доказали это.

Однако у особой ненависти Домициана к христианской секте была и другая причина. Император был бдительным цензором и строгим хранителем древнеримских традиций. В этом отношении его справедливо называют проводником той же политики, что и его великого предшественника Августа, и, как и тот, он рассматривал императорский культ[16] как часть государственной религии. Домициан считал, что эти древние традиции, составлявшие часть римской жизни, были скомпрометированы учением и практикой христианской секты. Несомненно, это было одной из главных причин, повлиявших на его активные гонения на последователей Иисуса.

Но хотя он наносил удары по самым знатным и высокопоставленным людям в империи, особенно, как кажется, по тем, кого подозревали в принадлежности к ненавистной секте, он, похоже, обрушивал свою ярость и на многих, кто принадлежал к низшим слоям граждан. Ювенал в поразительном отрывке явно намекает на его преследование этих сравнительно неизвестных и малоизвестных людей и связывает непопулярность, которая в конечном итоге привела к его убийству, с этим преследованием бедных безымянных граждан.[17]

Домициан был убит в 96 г. н. э., и его сменил добрый и мягкий император Нерва. Активные и жестокие преследования, которые Домициан вел в последние годы своего правления, насколько нам известно, прекратились, и христианская секта снова осталась в сравнительном спокойствии, то есть они по-прежнему находились на положении преступников, над их головами постоянно висел меч преследования. Закон, запрещающий само их существование, был налицо, стоило кому-нибудь призвать его к действию. Страсть населения, фанатизм магистрата или злой умысел ответственного лица могли в любой момент пробудить дремлющий закон к действию. Эти различные вредоносные влияния, всегда готовые к действию, постоянно приводили закон в движение. Об этом, несомненно, свидетельствует упоминание Плиния о "Cognitiones", или расследованиях обвинений, выдвинутых против христиан, в его знаменитом письме к императору Траяну.

ЧАСТЬ III
ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ПЛИНИЕМ И ТРАЯНОМ

ПИСЬМО ПЛИНИЯ К ТРАЯНУ И "РЕСКРИПТ" ИМПЕРАТОРА - ПОДЛИННОСТЬ ПЕРЕПИСКИ

Вступление

На раннюю историю христианства проливает свет переписка, которая велась между императором Траяном и его другом и министром Плинием Младшим, назначенным на пост губернатора[18] Вифинии и Понта, области, лежащей на севере Малой Азии.

Письмо Плиния, содержащее отчет о суде и расследовании дела обвиненных христиан его провинции и просьбу о руководстве, было написано императору Траяну осенью 111 г. н. э.; ответ Траяна, содержащий знаменитый *рескрипт* о христианской секте - постановление, регулировавшее действия правительства Рима в отношении учеников Иисуса в течение долгих лет, - был отправлен несколькими месяцами позже.

Переписка была процитирована и подробно прокомментирована латинским отцом Тертуллианом еще до конца второго века. Евсевий снова ссылается на нее, переводя цитаты Тертуллиана с греческой версии знаменитого христианского отца.[19]

По разным причинам некоторые критики ставят под сомнение подлинность этих двух знаменитых писем. Главной причиной колебаний в их принятии являются содержащиеся в переписке веские доказательства существования, влияния и многочисленности христианской секты в начале второго века. То, что *языческий* автор должен предоставить нам эту информацию - и особенно языческий автор такого ранга и положения, какое занимал младший Плиний, - не понравилось противникам веры.

Однако именно эти сомнения, как и другие случаи сомнений в подлинности некоторых христианских и языческих сочинений, касающихся фактов раннего христианства, позволили установить подлинность рассматриваемых произведений, а сомнения требуют ответа, причем ответа, предполагающего тщательное и вдумчивое исследование. Необычно, что некоторые ученые в своей едва скрываемой враждебности к религии Иисуса пытаются дискредитировать все упоминания о христианах у ранних языческих писателей.

В данном случае расследование полностью доказало подлинность переписки, о которой идет речь. Епископ Лайтфут в ходе своего тщательного и научного исследования без колебаний пишет, что подлинность важных писем "теперь может быть поставлена под сомнение только скептицизмом, граничащим с безумием".

Среди других критиков, которые полностью отметают все сомнения, он цитирует Альдуса Мануция, Моммзена и французского писателя (не друга христианства) Ренана. Той же точки зрения безоговорочно придерживаются Аллард и Буассье во Франции и Рамсей в Англии. В любом споре, который может здесь возникнуть, очевидно, что свидетельство Тертуллиана в последние годы века, в котором были написаны Письма, имеет наивысшую ценность.[20]

I
ХАРАКТЕР ТРАЯНА

Когда Домициан был убит, а Нерва провозглашен императором, в обладателей императорского сана вселился новый дух. Нерва представлял старый консервативный и аристократический дух римского сената. Он царствовал всего два года, но его великим деянием было соединение в верховной власти того, кто во всех отношениях хотел и мог проводить в жизнь древние традиции римского правления, истинным представителем которых был Нерва.

Нерва умер в начале 98 года, и его соратник Траян сразу же стал единоличным императором. Во многих отношениях этот Траян был величайшим из деспотичных владык, которые сменяли друг друга, правя римским миром. Его сложная личность, одновременно прославленный солдат и дальновидный государственный деятель, замечательно и кратко охарактеризована Алларом (*Histoire des Persécutions*, i. 145), который пишет о нем: "Он был готов смотреть на римского государя, который носил в себе воинственный характер и держался в тени".

Как правило, авторы священной истории относятся к памяти Траяна с большой мягкостью. Христианские писатели второй половины II века старались не видеть в нем гонителя Церкви. Они, конечно, были предвзяты в своих суждениях, не желая думать о таком великом императоре, как Траян, как о гонителе их религии. Как мы уже отмечали, письменных актов о мучениках в I и II веках было очень мало, а имена и память о самых первых храбрых исповедниках Имени, за исключением нескольких очень примечательных случаев, тихо и быстро угасли; поэтому воспоминания отцов II века о государственной политике в прошлом в отношении христианства были несколько туманными и неопределенными. Позднее, в начале и середине четвертого века, Евсевий, хотя в его время факт непрерывных гонений в прошлом стал общеизвестным, пытается оправдать память Траяна как гонителя, но с весьма сомнительным успехом.

Этот благоприятный и несколько великодушный взгляд на Траяна сохранялся на протяжении всего раннего Средневековья. Поразительную и красивую историю, иллюстрирующую эти оценки, рассказывают о папе Григории Великом (590-604 гг. н. э.) оба его биографа, Павел Диакон (конец VIII в.) и Иоанн Диакон (конец IX в.). Однажды, проходя по Форуму Траяна, епископ Рима был привлечен скульптурным барельефом, изображающим великого императора, проявляющего жалость к бедной престарелой вдове, чей единственный сын погиб от насилия солдат императора.

Пораженный этим доказательством справедливого и любящего характера Траяна, папа, стоя на коленях у гробницы Святого Петра, истово молился о милости к великому императору-язычнику. Молитва, как гласит история, была удовлетворена, и Григорию было открыто, что душа Траяна была освобождена от мучений в ответ на его ходатайство. Красота и благородное милосердие, которыми окрашена легенда, однако, испорчены и омрачены словами традиционного откровения, которое следует за ней. Щедрый Папа, услышав, что его молитвы были удовлетворены, был предупрежден, чтобы он никогда больше не осмеливался молиться за тех, кто умер без святого крещения.

Однако не мало современных ученых считают знаменитое вмешательство Траяна во время просьбы Плиния о наставлении проявлением враждебного духа по отношению к христианству; так, цитируя нескольких наиболее известных авторов, можно привести Гизелера, Овербаха, Аубе, Фридландера, Ульхорна и др, в то время как Ренан (*Les Évangiles*),

возможно, более точно пишет: "Траян был первым персекутором системы христианства"; и снова: "С момента Траяна христианство - это преступление".

Истина, однако, лежит между этими двумя расходящимися мнениями. Рескрипт" Траяна не провозглашал никакого *нового* закона об отношении к верующим-христианам. Он, очевидно, предполагал существование закона, причем очень сурового и очень жесткого. От Траян ничего не убавил *и не* прибавил; но, как справедливо было сказано, гуманный и честный характер императора и его министра Плиния - Плиний своими явными, хотя и тщательно завуалированными советами и предложениями, основанными на длительном изучении догматов и обычаев секты; Траян своим официальным императорским "рескриптом" - добился значительного смягчения его исполнения.

История переписки между Плинием Младшим и императором Траяном, которая имела столь важные последствия для христиан Рима и империи в целом, такова:

Когда Плиний, примерно в середине 111 года, прибыл на место своего правления - в провинции Вифиния и Понт, - то, к своему удивлению, обнаружил там весьма значительную часть населения, принадлежащую к христианской общине. Плиний хорошо знал, что религия, исповедуемая этими людьми, была незаконной в глазах государства, и секта в целом была непопулярна, а о ее традиционных обычаях ходили дурные слухи.

Новый правитель знал о существовании секты в Риме, но не более того. Ему было хорошо известно, что эти христиане были объектом многих государственных гонений и судебных расследований, "cognitiones", как он их называет, и, несомненно, он также кое-что знал о публичной суровости, с которой государство обращалось с этими приверженцами незаконной религии, когда они были осуждены за преступление христианства.

Ужасы амфитеатра в случае с этими осужденными не могли быть неизвестны такому человеку, как Плиний. Но огромный мир, в котором жил, двигался и работал Плиний, мало заботился о человеческой жизни и человеческих страданиях в случае с презираемой и объявленной вне закона общиной.

Римский учитель и патриций времен Траяна ценил человеческую жизнь очень дешево. Игры в амфитеатре, если взять только один этап римской жизни во времена Империи, были дурным воспитанием для Рима. Казни, страдания нескольких десятков христианских преступников, как бы часто они ни повторялись, привлекли бы очень мало внимания в мире Плиния.

Но теперь в своем новом правительстве он столкнулся с серьезными трудностями, вызванными практикой и учением этого христианства. А когда он вдобавок обнаружил, насколько многочисленны эти последователи запретной религии, Плиний всерьез взялся за изучение христианского вопроса.

Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как святой Петр впервые проповедовал Евангелие и заложил основы христианской церкви в этих северных провинциях Малой Азии. Религия Иисуса быстро пустила корни в этих краях. Об этом мы узнаем из Первого послания Петра, которое он написал последователям Иисуса на севере Малой Азии из Рима в последние годы своего служения; И вот Плиний обнаружил в своей провинции не новую веру, а веру, которая глубоко укоренилась в сердцах населения не только в городах, но и в более отдаленных

деревнях (*neque enim civitates tantum sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est*), в результате чего старый языческий культ постепенно отходил. Храмы быстро опустели (*prope jam desolata templa*), от священных обрядов отказались, и, что, очевидно, вызвало горькие жалобы со стороны торговцев, которые страдали от этого, больше не было рынка для корма животных, приносимых в жертву (*pastum ... victimarum quarum adhuc rarissimus emptor inveniebatur*).

Из доклада Плиния императору следует, что он как ответственный наместник Вифинии и Понта провел несколько судебных расследований (*cognitiones*) по обвинениям, выдвинутым против приверженцев незаконной веры.

На первом "cognitio" перед ним предстали наиболее видные христиане. Все они сразу же заявили о своей религии. Плиний трижды допрашивал их. Поскольку они упорно продолжали утверждать, что являются христианами, провинциалов сразу же приговорили к смерти. Тех, кто заявил о своем римском гражданстве, отправили в Рим для подтверждения приговора.

Огласка этих первых расследований вызвала новые обвинения; утверждались различные степени вины, и впоследствии губернатору была представлена анонимная бумага, в которой обвинялась целая толпа людей.

Некоторые из них отрицали, что они были или когда-либо были христианами. Эти, возложив фимиам перед изображением императора и прокляв Христа, были сразу же освобождены.

Другие исповедовались, но покаялись. Их он оставил на усмотрение императора. Не сказано прямо, что из этой второй и более многочисленной группы "обвиняемых" некоторые продолжали придерживаться "Имени". Несомненно, с ними поступили так же, как и с первой группой: одних предали смерти, других, как римских граждан, оставили на усмотрение императора.

Именно тогда Плиний, особенно обеспокоенный количеством обвиненных христиан, решил провести более тщательное расследование нравов и обычаев этих многочисленных приверженцев незаконной религии. Он хотел узнать больше об "отвратительных" обрядах и других преступлениях, в которых обвинялись эти люди.

Упоминается, что две христианские диакониссы были подвергнуты пыткам, другие были тщательно допрошены, и результат дознания поразил Плиния.

Он убедился, что чудовищные обвинения абсолютно бездоказательны. Все их обряды были простыми, совершенно безвредными и не вызывающими. В ходе своего расследования Плиний выяснил, что они имели обыкновение собираться вместе в назначенный день до восхода солнца; затем они вместе пели гимн Христу как Богу; связывали себя торжественным *обетом-сакраментумом* (Плиний, очевидно, не знал, что *таинство*, о котором идет речь, - это Святая Евхаристия; в действительности все повествование, очевидно, рассказано человеком, который очень плохо понимал христианскую идею, хотя оно удивительно точно во многих деталях). Суть клятвы заключалась в том, что они не совершат ни кражи, ни прелюбодеяния, никогда не нарушат своего слова и не предадут оказанного им доверия.

Справедливый судья, очевидно, был глубоко впечатлен результатами своего тщательного и тщательного изучения. Он был убежден, что эта странная секта абсолютно невиновна во всех тех темных преступлениях, в которых их обычно обвиняли - , как и другой, более печально известный римский судья, заседавший на другой, более ужасной судебной сцене, который, выслушав дело, *с того момента стремился освободить бледного узника,*

стоявшего перед ним. Так и Плиний, выслушав историю христиан, сразу же, убедившись в полной невиновности обвиняемых, изменил свое мнение о христианах, но по государственным причинам не отпустил их и, оправдывая их во всех проступках в обычном смысле этого слова, предпочел видеть злое и преувеличенное суеверие, окрашивающее все их дела и дни.[21] Хотя они были невиновны ни в чем, приближающемся к преступлению в обычном смысле этого слова, римский магистрат счел, что несгибаемое упрямство христиан заслуживает самого сурового наказания, которое только может быть применено, вплоть до смерти; ведь при допросе конкретного христианина он оказался непоколебим в вопросах жизненной важности. Он отказывался присягать гению императора. Он не хотел рассыпать привычные зерна ладана на алтарь Рима и Августа или любого из языческих богов. Его религиозный проступок был неразрывно связан с политическим. Он был, как хорошо сказано, самоосужден за "нечестие", "атеизм", "государственную измену".

И все же, после того как все эти моменты были приняты во внимание, несомненно, Плиний был глубоко тронут тем, что он узнал при внимательном изучении христианского дела; и эта новая, эта мягкая, эта более благоприятная оценка его отношения к "запрещенной" секте христиан была едва завуалирована в его официальном отчете о деле, когда он просил совета и указаний императора Траяна.

Как мы узнаем, его особенно побудило обратиться к императору письмо, когда он узнал об *огромном количестве* христиан, которые предстали или должны были предстать перед его трибуналом. Число обвиняемых, очевидно, ужасало его. Как бы император хотел, чтобы он справился с таким количеством людей?

Очень кратким, но очень четким был ответ Траяна своему другу и доверенному лицу, правителю Вифинии и Понта. В этом ответе содержался знаменитый императорский "рескрипт", который в отношении христиан "должен был действовать" не только в самом Риме, но и во всех провинциях обширной империи, и который, как известно, руководил государственными гонениями на христиан в течение долгих лет.

В "рескрипте" отчетливо прослеживаются мысли Плиния по этому вопросу; и хотя он был суров, он положил начало более мягкому и благоприятному толкованию сурового закона в отношении осужденных христиан, чем то, которое преобладало со времен Нерона и далее.

Ниже перечислены основные положения "рескрипта". Прежде всего - и на этом следует настаивать - никакого *нового закона,* санкционирующего особые гонения на христиан, Плиний не требовал и даже не предлагал. Очевидно, что в течение длительного периода времени, начиная со времен Нерона, они считались преступниками (*hostes publici*) и врагами основополагающих принципов закона и порядка, и одно лишь признание обвиняемым имени христианина само по себе было достаточным основанием для немедленного осуждения на смерть.

Ответ Траяна, составивший знаменитый рескрипт, был тщательно проработанным, очень вежливым, но властным и решительным. Дружеская предвзятость отчета Плиния и безошибочно благоприятное мнение о христианской секте сквозит в каждой строчке.

Он начинает с нескольких изящных слов, одобряющих действия Плиния в этом вопросе. ("Actum quem debuisti mi Secunde... secutus es").

Затем следуют суровые, непреложные слова, которые предусматривают смертную казнь для любого человека, упорно продолжающего претендовать на имя христианина.

Но смягчающие обстоятельства, такие как молодость, могут быть приняты во внимание, если на то будет воля магистрата.

Любой подход к покаянию, сопровождаемый соблюдением законов Империи, в вопросе вознесения благовоний на языческие алтари, должен быть принят, а преступник сразу же помилован.

Магистрат ни в коем случае не должен искать христиан; но если официальное обвинение выдвинуто открытым обвинителем, то должно последовать расследование; и если обвиняемый признает справедливость обвинения и откажется от своих слов, то *должна* последовать *смерть*.

Обвинение от анонимного лица, однако, *никогда не* должно быть принято; император добавил свое самое сильное осуждение всех анонимных доносов. "Подобные вещи, - пишет Траян, - не принадлежат нашему веку и времени".

Тертуллиан (последние годы II века) цитирует и резко критикует "рескрипт" Траяна. Он пишет примерно следующее: "Какое это противоречивое заявление. Император запрещает разыскивать христиан - следовательно, смотрит на них как на невиновных; а затем предписывает, что если кто-то из них предстанет перед трибуналом, то должен быть наказан смертью, как если бы он был виновен! В одном и том же дыхании он щадит их и гневается на них. Он ставит себя в тупик; ведь если христиане должны быть осуждены как христиане, то почему их нельзя разыскивать? Если же, с другой стороны, их следует считать невиновными и, следовательно, не разыскивать, то почему бы не оправдать их сразу же, когда они предстанут перед трибуналом?... Вы осуждаете обвиняемого христианина, но при этом запрещаете его допрашивать. Таким образом, наказание назначается не потому, что он виновен, а потому, что его обнаружили, - хотя все, что может вывести его на чистую воду, запрещено". (Апология 2.)

Блестящий и красноречивый латинский патер с остротой опытного и искусного юриста обнажает нелогичность императорского рескрипта. Истина заключалась в том, что, тщательно взвесив факты, изложенные Плинием, император ясно осознал, что такая организация, столь масштабная, многочисленная и могущественная, противоречит установленным принципам римского правления. Христианская секта должна быть подавлена и, по возможности, уничтожена; но в то же время Траян видел, что дух христиан, их учение и практика были абсолютно невинными, даже нравственно прекрасными; поэтому он не решался логически применить суровые меры, разработанные римским правительством в таких случаях. Другими словами, его действительно благородная и великодушная натура не позволила ему санкционировать массовое уничтожение, которое при строго логическом толковании римского закона обрушилось бы на очень многочисленную часть его подданных.

Но, несмотря на очевидную добрую волю великого императора и его выдающегося лейтенанта, меч преследования так и остался висеть над головами христианской секты, подвешенный на очень тонком шнуре. О том, как часто обрывался этот тонкий шнур, рассказывает трагическая история христиан в языческой империи в течение двухсот лет, последовавших за перепиской Плиния и Траяна.

Информация, предоставленная этими письмами о христианстве в начале II века, исходящая от столь авторитетного государственного деятеля, столь выдающегося писателя, как младший Плиний, дополненная государственным сообщением, содержащим императорский рескрипт далеко идущего значения из рук одного из величайших римских императоров, настолько весома, что, кажется, требует несколько более подробного изложения, чем те сведения, которые приведены на предыдущих страницах этой работы.

Нет никаких сомнений в том, что "Письма", подобные тем, что были написаны Плинием в богатый событиями период, продолжавшийся со времен диктатуры Юлия Сезара до правления Гонория - примерно четыреста пятьдесят лет - занимали в литературе Рима необычное и важное место.

Во многих случаях они были тщательно подготовлены и рассчитаны на гораздо большую "публику", чем принято считать. Еще долго после смерти писателя эти Письма, собранные вместе и "опубликованные", насколько вообще можно было публиковать литературные произведения в те времена, когда не существовало типографий, читали и перечитывали, восхищались и критиковали очень многие в столице и в провинциях.

Первым великим автором писем, несомненно, был Цицерон, который процветал как государственный деятель, оратор и самый выдающийся писатель со времен первого консульства Помпея и Красса в 70 году до н. э. до декабря 43 года до н. э., когда он был убит во время проскрипции Триумвирата.

Из всего многообразия работ великого оратора, пожалуй, наибольший интерес представляет собрание его писем, значительная часть которых дошла до нас.

Искусство написания писем неожиданно достигло полного совершенства в руках Цицерона в Риме. Хорошо и верно сказано, что все великие авторы писем последующих эпох в большей или меньшей степени сознательно или бессознательно следовали образцу Цицерона.

Но именно в Римской империи эта мода была наиболее распространена; конечно, как и многое в классической литературе, большая часть этой интересной и наводящей на размышления литературы погибла, но некоторые из них - возможно, лучшая часть - сохранились. С этой формой литературы особенно связано великое имя Сенеки. Л. Анней Сенека написал *Epistolæ Morales*, вероятно, сам "издав" первые три книги *около* 57 г. н.э. Среди этих драгоценных реликвий "Письма Плиния", включая его знаменитое письмо Траяну и ответ, очень ценятся историком и летописцем.

Младший Плиний был племянником и приемным сыном старшего Плиния. Он был преуспевающим юристом и прекрасно разбирался во всех отраслях литературы. За свою блестящую карьеру он поочередно занимал большинство государственных должностей и в конце концов стал консулом. Он был доверенным и близким другом императора Траяна. Траян назначил его, как мы уже видели, императорским легатом Вифинии и Понта, и во время пребывания на этом важном посту между императором и его другом велась знаменитая переписка. Плиний умер за некоторое время до смерти своего императорского господина, спустя несколько лет после написания знаменитого письма о христианах в его провинции.

Это был очаровательный человек, добрый, благосклонный, милосердный, с глубоким пониманием серьезной ответственности своего положения и состояния. Заботливо

воспитанный и обученный под покровительством старшего Плиния, глубокого ученого и одного из самых весомых писателей ранней империи, младший Плиний, как его обычно называют, сравнительно рано завоевал славу судебного оратора. Он стал претором в возрасте тридцати одного года. Однако во время правления Домициана он не принимал участия в общественной жизни. При Нерве он снова поступил на государственную службу. Траян любил его и доверял ему, и мы читаем о том, что Плиний был консулом в 100 г. н.э. Впоследствии он получил управление великими провинциями Вифинией и Понтом, и именно к этому времени относится переписка между Траяном и Плинием, дошедшая до нас в виде десятой книги "Письма Плиния".

Этот Плиний был описан как добрейший из римских джентльменов, но он был гораздо больше, чем это. Он был благородным примером воспитанного и культурного патриция, пылким и трудолюбивым тружеником, честным и благородным государственным деятелем, обладавшим немалыми способностями, - очень ученым, стремившимся к политическим успехам только тогда, когда он чувствовал, что высокий ранг и власть дают ему более широкие возможности для служения своей стране и своим товарищам. Он был, как мы узнаем из его собственных трудов, далеко не единственным образцом рыцарских и благородных людей, которые сделали так много для создания великой империи и для того, чтобы сделать возможным тот далеко идущий "Pax Romana", который в течение стольких лет обеспечивал процветание и достаточное количество счастья миру, известному под незапамятным названием Рим.

То, что мы знаем о Плинии и его друзьях, значительно смягчает тягостные впечатления о римском обществе первых двух веков, которые мы черпаем со страниц Ювенала и других авторов, рисующих картины римской жизни в первом и втором веках христианской эры в таких ярких и мрачных тонах.

Именно в "Письмах Плиния" до нас дошла подлинная история его жизни и деятельности. Эти письма - не обычный или случайный сборник. Это законченная работа, выполненная с большим тщанием и раздумьем.

Примерно за полтора века до этого восхищенному и сожалеющему миру было передано большое собрание переписки Цицерона. Знаменитый государственный деятель, непревзойденный оратор, а еще больше - создатель латинского языка, ставшего универсальным, - "Письма Цицерона" задали, так сказать, новую моду в литературе. Они действительно были первыми в этой особой форме письма, которая сразу же стала популярной.

Младший Плиний был учеником Квинтилиана, который в течение долгого времени - точно в течение двадцати лет - был самым знаменитым учителем в столице. Квинтилиан известен как самый ранний из цицероновцев. Культ цицеронизма, созданный Квинтилианом, наставником Плиния, стал настоящим источником замечательных "Плиниевых писем".

Плиний был одним из самых способных ученых своей эпохи. Он, как и многие его соотечественники, стремился к посмертной славе - он не хотел быть забытым. Он гордился своим положением, своими судебными ораторскими выступлениями, своей государственной деятельностью, своими литературными трудами; но он был слишком дальновиден, чтобы мечтать о том, что какие-либо из его усилий в судебном ораторстве, на службе государству или даже в различных литературных приключениях, которые развлекали

его в часы досуга, принесут ему ту посмертную славу, которой, как и многие другие искренние римляне-язычники, он жаждал.[22]

Плиний был горячим поклонником Цицерона; но Цицерон как государственный деятель и оратор, по его мнению, был слишком высокого уровня, чтобы он мог стремиться ему подражать; но как писатель латинского языка, как летописец своего времени, как словесник общества, в котором он жил, он мог бы, возможно, достичь такого же высокого уровня мастерства, какого достиг Цицерон в свое время.

Достижение этой цели стало великой целью жизни Плиния. Именно этому мы обязаны неподражаемой серией писем, благодаря которым друг и министр Траяна жил и будет жить дальше.

В некоторых отношениях "Письма" Плиния даже более ценны, чем объемная и многоцветная переписка Цицерона. Цицерон жил в судьбоносную эпоху. Он был одним из главных действующих лиц великой революции, которая существенно изменила ход мировой истории. Плиний жил в сравнительно "спокойный" период, когда у руля государственных дел стоял один из величайших римских государей, поэтому в его картине мы не находим того напряжения и бури, которые живут на страницах переписки Цицерона.

Это повседневная жизнь, которую Плиний изображает с таким мастерством и яркой образностью, жизнь, которая, в конце концов, "находит" большинство мужчин и женщин.

Но именно светлую сторону античного общества любил описывать Плиний. Без его "Писем" мы не имели бы представления о теплой и нежной дружбе, простых удовольствиях, любящей благотворительности и высоких идеалах многих представителей *элиты* римского общества во втором веке.

Хорошо сказано, что Плиний чувствовал, что ему не хватает сил, чтобы написать большую историю, такую, какую подарили нам Тацит, с которым он был тесно связан, или даже его младший друг Суетоний в более слабой степени. Поэтому, к счастью для нас, он решил другую линию, совершенно новую, и в своих десяти книгах[23] писем он дает нам просто бытовую картину повседневной жизни своего времени.

Это не были обычные письма; мы можем без особых усилий воображения представить себе знаменитого автора писем, трогающего и ретуширующего свою корреспонденцию. Некоторые современные критики, оценивая его стиль, без колебаний ставят его латинство на один уровень с Цицероном. Ренан, не самый лучший знаток стиля, в словах, которые мы уже цитировали, говорит о "прелестном и изысканном языке Плине".

Темы, на которых он любил останавливаться, иногда были литературой, в других случаях - красотами природы, тихими прелестями деревенской жизни: "Я ничего не знаю о природе", - написал он однажды. Он красноречиво описывает фонтан Клитумна и виллу с видом на долину Тибра; очень подробны и изящны его описания пейзажей; но еще более привлекательны для нас его картины "занятого безделья" богатых и знатных людей его времени.

Любопытны и интересны упоминания и описания чтения новых произведений, стихов, историй, корреспонденции и т. д. перед большими собраниями друзей. Некоторые из этих "чтений", которые, очевидно, составляли важную черту общества Империи, должно быть, часто были ужасно утомительными. Например, наш автор описывает, как Сентий Авгурин

читал свои собственные стихи в течение целых трех дней. Плиний выражает свой восторг по поводу такого длительного чтения, но признается, что эти постоянные и продолжительные декламации некоторые считали утомительными. Его собственные "Письма" читались вслух перед благодарной аудиторией, которая предлагала исправления и изменения.

Когда Плиний писал эти знаменитые Письма, он прекрасно понимал, что пишет не просто для друга или родственника, а для широкой публики. Он, очевидно, надеялся, что они будут жить еще долго после его смерти; однако сомнительно, что он мог предположить, что их будут с интересом и восторгом читать на протяжении бесчисленных веков. Например, он наивно выражает свой восторг по поводу того, что его труды продавались и читались в Лионе, на берегах далекой Роны.

Некоторые недоброжелательные критики обвиняли его в том, что он пишет для эффекта, перенося на бумагу более тонкие чувства, чем это было для него абсолютно естественно; некоторые из его описаний природы, например, смахивают на жеманство. Возможно, в этой критике есть доля истины. Но она лишь доказывает то, что мы уже неоднократно пытались утверждать: эта интереснейшая переписка была тщательно подготовлена - переработана и отредактирована, возможно, несколько раз, - что он писал, чтобы произвести впечатление на публику. Действительно, во всем сборнике можно найти множество следов тщательнейшей компоновки.

В то же время есть много естественных штрихов, в которых любопытно проявляются его недостатки; поэтому, читая эти письма, несмотря на случайные всплески возможного искусственного энтузиазма, мы чувствуем, что его внутренняя жизнь, его реальное "я" живут на его очаровательных страницах; например, его любопытное самомнение о собственной литературной силе проявляется в таких отрывках, как тот, в котором он сравнивает себя со своим дорогим другом, величайшим мастером истории, Тацитом. Были и другие писатели огромной силы и блестящего гения, но "Ты, - пишет он Тациту, - столь сильное сродство наших натур, показался мне одновременно и самым легким для подражания, и самым достойным подражания. Теперь мы названы вместе; оба мы, можно сказать, имеем некоторое имя в литературе; поскольку я включаю себя, я должен быть умеренным в своих похвалах тебе".

Среди этих поразительных картин дня и общества спокойных и сравнительно счастливых времен императора Траяна - в последней и, возможно, наименее интересной книге его переписки - той, которая обычно известна как Десятая книга, содержащая его полуофициальные письма к императору, и некоторые из ответов Траяна, - выделяется великий христианский эпизод в его управлении Вифинией и Понтом, несомненно, самое ценное известие, которым мы располагаем о численности и влиянии христианской секты в первые годы второго века, всего через несколько лет после смерти св. Иоанна.

Упоминание Тацита о жестоких гонениях Нерона и еще более краткие заметки Суетония, конечно, представляют наибольшую ценность; Но подробный рассказ Плиния, где он рассказывает императору о том, что происходило в провинции, губернатором которой он был, и дает нам свои собственные впечатления о делах и днях христиан, является и навсегда останется для церковного историка самым ценным свидетельством великого язычника о том положении, которое христиане занимали в Римской империи спустя восемьдесят лет после утра Воскресения.

Мы уже, как помнится, подробно останавливались на том, что, очевидно, было на уме у Плиния по этому вопросу, на впечатлениях, которые произвела на него эта непопулярная секта после тщательного и длительного исследования. Он говорит своему императорскому

другу и повелителю именно то, что думает; и очевидно, что великий император был необычайно тронут словами Плиния и составил свой знаменитый рескрипт по данному докладу в более мягких выражениях, о которых мы говорили выше.

Ценность такой картины раннехристианской жизни, нарисованной выдающимся языческим государственным деятелем и ученым посреди такого тщательно организованного, продуманного, подготовленного, как мы видели, для потомков труда, каким были "Письма Плиния", никогда не может быть оценена слишком высоко.

II
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРЫ

О том, как Плиний вызывал восхищение и копирование в римском литературном мире, мы узнаем из последующей истории римской литературы, дошедшей до нас.

За исключением трудов Суетония, друга Плиния, в течение длительного периода после правления Траяна, эпохи, великолепно проиллюстрированной трудами Тацита и Плиния, до нас дошло мало литературы; действительно, после эпохи Траяна, по-видимому, было очень тихо в том высококультурном и литературном обществе Рима, о котором Плиний пишет в таких ярких и благодарных выражениях.

Вдумчивые люди, похоже, считают, что в Римской империи при Адриане, при благородных князьях Антонинах и их преемниках "почва, раса, язык были одинаково истощены". Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что со времен Траяна и до последних дней чудесной истории Рима, в конце четвертого века, за исключением группы чисто христианских писателей, латинская литература практически вымерла; конечно, она не произвела ничего достойного для передачи в последующие века.

Одиноким, но не слишком заметным исключением могут быть немногие фрагменты, дошедшие до нас от Фронто, воспитателя и близкого друга Марка Аврелия. В основном это фрагменты его переписки со своими учениками Марком и его недолговечным коллегой по империи Луцием Вером. Однако маловероятно, что эти письма когда-либо предназначались для публикации или широкого чтения. С некоторой долей правды говорят, что император Марк и его ученый друг и наставник писали друг другу с пылкостью двух школьниц.[24] В одном эти корреспонденты , очевидно, сходились - они оба не любили и старались презирать быстро растущую христианскую общину.

Однако ближе к концу четвертого века, когда великий император Феодосий быстро угасал, измученный заботами и тревогами за будущее империи, которую даже его великолепные способности были бессильны сохранить хоть на какое-то время, в период, который графически сравнивают с "слабым томительным светом позднего осеннего заката", появилось несколько, очень несколько выдающихся писателей, чьи работы потомки сочли достойными сохранения.[25]

Два самых известных из них, языческий поэт Клавдиан, чьи великолепные претензии на посмертную славу несомненны, и несколько более поздний полуязыческий, полухристианский поэт Авсоний, не являются предметом нашего исследования; они были

исключительно поэтами. Однако два других автора в этот поздний вечер римской истории особенно интересны нам, поскольку они продолжают традицию, на которой мы остановились, - любовь и интерес к "письмам", к тщательно изученной "переписке", которая благодаря письмам Цицерона и Плиния стала модой в литературном обществе императорского Рима.

Симмах, в последние годы четвертого века, и Сидоний Аполлинарий, примерно на полвека позже, в пятом веке, были близкими подражателями Плиния. Их письма дошли до нас, и популярность, которой они пользовались в свое время, популярность, которая в большей или меньшей степени сохранялась во все последующие века, говорит нам о том, какое сильное и продолжительное влияние переписка Плиния должна была оказывать на старый мир Рима.

Оба этих писателя принадлежали к высшему классу общества умирающей империи. Аврелий Симмах занимал самые высокие посты в патрицианском ордене, был губернатором нескольких важных провинций, префектом города и консулом; в последние годы жизни он считался главой сената, к привилегиям которого он очень ревностно относился в то время, когда деспотическое правление императора свело некогда гордое собрание к группе теневых имен, чьим главным титулом на почет и уважение были великолепные традиции великого прошлого.

Этот Симмах, государственный деятель и ярый политик, был писателем немалой силы. Подобно Плинию, которым, как и все литературное общество Рима, он восхищался и хотел подражать, он решил войти в наследие потомкам как автор писем.

Эти его письма читали и перечитывали в свое время; современники ставили его в один ряд с Цицероном и любили сравнивать с младшим Плинием, которого Симмах взял за образец. С его переписки было сделано множество копий; его письма хранились в драгоценных шкатулках, а после его кончины его сын, Меммий Симмах, собрал их все вместе, разделив их, как и письма Плиния, на десять книг. Девять из них, как и сочинения великого писателя, которому он стремился подражать, посвящены в основном частным и бытовым вопросам; десятая, как и в случае с Плинием, состоит из официальных сообщений, которые были переданы между его отцом и царствующим императором.

Читать эту переписку "Симмаха" скучновато, но она дает нам представление о более благородной и чистой части римского общества в последние годы четвертого века. Он был слишком хорошим ученым, слишком способным человеком, чтобы не видеть своей неполноценности перед Плинием; очевидно, он сомневался в том, что его переписка претендует на бессмертие, и извиняется за отсутствие в ней интересных происшествий; но его современники и его преданный сын думали иначе, и их преданному восхищению мы обязаны сохранением его тщательно подготовленного и исправленного, хотя и несколько утомительного, подражания очаровательным письмам Плиния.

Сидоний Аполлинарий, процарствовавший чуть более полувека спустя, также принадлежал к великому римскому миру; он родился в Лионе около 430 г. н. э. и, отчасти благодаря возведению своего тестя Авита на императорский трон, быстро получил несколько великих должностей в империи - в том числе и префектуру Рима. Его несомненные способности, высокий характер, большое положение и удача привели к тому, что народным голосованием он был избран епископом Клермона (хотя и не в священный сан), епископального города его родной Оверни в Галлии. В своем новом и непривычном для него положении он, несомненно, оправдал ожидания людей, избравших его епископом; и когда через пятнадцать или двадцать лет после избрания в большом овернском диоцезе он скончался, его глубоко, даже страстно, оплакивала паства. Он был их преданным пастырем,

помощником и защитником в тревожный и беспокойный период вестготской оккупации Южной Галлии.

Сидоний Аполлинарий был поэтом немалой силы, изящно и бегло писал панегирики великим личностям, которые в ту эпоху были очень в моде. Он также был глубоко начитан в литературе, которой были горячо преданы многие лидеры римского общества в поздний период империи.

Но именно по его "*Переписке*" навсегда запомнится этот выдающийся представитель патрицианского ордена в последние дни империи. Мы располагаем примерно ста сорока семью его письмами. Они были собраны и переработаны им после того, как он стал епископом Клермонтским. Их публикация обычно датируется между 477 и 488 годами. Письма были разделены в соответствии с древними образцами, главным из которых был Плиний, на девять книг. (В его случае не было десятой книги официальной переписки).

В своем нынешнем виде, пересмотренном и отредактированном самим автором, многие письма выглядят так, словно предназначены для публики, гораздо более широкой, чем те, кому они были изначально адресованы; и более чем вероятно, что со сравнительно раннего периода Сидоний намеревался следовать известной практике и писал многие из своих писем с расчетом на то, что они будут сохранены как произведения литературы. Он даже говорит нам, что хотел подражать Симмаху, своему предшественнику в этой особой форме письма на пятьдесят или шестьдесят лет; а Симмах, как мы знаем, был горячим поклонником и подражателем Плиния.

Письма Сидония, однако, представляют для нас гораздо больший интерес, чем переписка Симмаха. Симмах скучен и даже прозаичен, отчасти из-за его преувеличенного внимания к правилу Плиния, которое он предложил одному из своих корреспондентов по поводу написания писем. Автор письма, говорит Плиний, должен стремиться к стилю, одновременно сжатому и точному по форме выражения (*pressus sermo purusque ex Epistolis petitur*). Сидоний, напротив, рассеян и часто живописен, а его язык то обогащается, то обезображивается обширным и часто варварским словарем, взятым из народного диалекта, в который быстро превращалась латынь Цицерона и Плиния, когда епископ Клермонтский писал. Его корреспонденты были многочисленны и разнообразны, включая, судя по всему, около семнадцати современных епископов.

В целом, "Письма Сидония" дают яркую и даже блестящую картину высококультурной жизни знатных и высших слоев быстро угасающей империи V века.

Вкратце подведем итог тому, что мы сказали в этом втором исследовании "Плиниевых писем". Мы остановились на огромном значении картины христианства, созданной Плинием в первые годы II века; ведь это было

1-е. картина, нарисованная великим римским (языческим) государственным деятелем; и

2-ое. Хотя она и представлена в письме, это письмо было одним из сборника писем, предназначенных для будущих поколений. Плиний здесь копирует Цицерона, который, можно сказать, действительно "изобрел" эту новую и своеобразную форму литературы, *то есть* письма, написанные не только для частных друзей и чиновников, но и для общества, и предназначенные для передачи, если они будут признаны достойными, в последующие века.

Молчание" всей латинской литературы после эпохи Плиния на протяжении примерно двухсот семидесяти лет, конечно, не позволяет привести примеры таких писем, написанных для общественного пользования и для потомков, в этот "молчаливый" период.

Но *после* этого "молчания" наступил краткий ренессанс латинской литературы.

В этот ренессанс до нас дошли произведения только двух прозаиков с большой репутацией. Оба они были самыми выдающимися людьми в политическом мире и в мире литературы.

И эти двое предпочли копировать план написания писем Плиния, *то* есть писем, составленных для общественного пользования и предназначенных для потомков.

Ими были Симмах и Сидоний Аполлинарий.

После этого короткого возрождения "Письма" над римским миром опустилась пелена мрака.

III
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ФОРМЫ В ЛИТЕРАТУРЕ - ПОСЛАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

Когда мы задумываемся о том, как в первом веке христианской эры было принято облекать литературу всех видов в форму письма, и насколько популярным среди всех классов и порядков был этот метод, так сказать, литературного выражения, когда вместе с ним среди толпы сравнительно малоизвестных авторов были такие личности, как Цицерон, Сенека и Плиний, чьи письма как произведения литературы сразу же приобрели огромную популярность, которая никогда не ослабевала,[26] возникает серьезный и интересный вопрос: Повлияла ли эта мода, этот метод, эта необычайно популярная форма письма на великих писателей Нового Завета и побудила ли их излагать свои возвышенные вдохновенные мысли в этой особой форме, которая, несомненно, когда апостолы издавали свои труды, была любимым и восхитительным литературным методом?

Тот факт, что столь значительная часть новозаветных писаний написана в форме "письма", поражает; он совершенно не похож на то, что мы находим в Писаниях Ветхого Завета, где, за исключением одного-единственного случая (Иер. xxix.), ничего в форме письма не встречается в этом замечательном сборнике, который охватывает столько тем и в своем составе распространяется на многие века; но мы настолько привыкли к писаниям Нового Завета, что факт того, что очень большая часть собрания его вдохновенных писаний написана в форме "письма", поначалу не кажется странным или необычным.

Мы можем предварить несколько последующих предложений замечанием, что независимо от того, можно ли считать это предложение возможным или даже вероятным, факт "вдохновения" - тот факт, что упомянутые новозаветные писания являются "словом Божьим", - ни в малейшей степени не затрагивается. Ибо именно суть Божественного послания, а не "цвет" или "материал" одежды послания, имеет такое огромное значение.

Вопрос о "цвете" и "материале" одежды послания, о том, во что оно облечено, глубоко интересен; но, в конце концов, это не более того.

Послание", в которое мы верим, что оно от Бога, остается тем же самым, будь оно заключено в "брошюру", в "трактат", в "исследование" или в "письмо".

Мы не будем пытаться анализировать новозаветные Послания, на некоторые из которых мы будем кратко ссылаться в ходе этого исследования. Такой анализ, разумеется, не вписывается в план настоящей работы.

Прежде всего мы хотели бы указать на некоторые из новозаветных писем, которые, несомненно, представляют собой нечто большее, чем письма в обычном смысле этого слова, - более того, они являются "вставками" к коротким богословским трактатам, содержащим утверждения высочайшего доктринального значения.

Эти "Письма", очевидно, предназначались для гораздо более широкого круга читателей, чем общины, к которым они непосредственно обращались.

В предыдущем разделе мы уже цитировали три Послания Павла, написанные во время его первого заключения[27] 61-3 гг. н.э. (Послания к Колоссянам, Филиппийцам и Ефесянам), как воплощающие некоторые из наиболее весомых и важных доктринальных учений великого апостола, изложенных в период, когда Павел проповедовал столичным христианам и тем самым заслужил свое известное и признанное утверждение, что он является одним из двух "основателей" Римской Церкви - св. Петр - второй.

Одной из причин, несомненно, огромной и долговременной популярности "письма" в литературе было введение квазиконфиденциальных замечаний, которые придавали сочинению свежесть, дыхание повседневной жизни; или, если использовать другой образ, "письмо" можно назвать живописной и привлекательной "декорацией" к более серьезным мыслям, содержащимся в письме.

Это хорошо видно на примере знаменитого собрания переписки Цицерона, о письмах которого удачно сказано, что большинство из них - "краткие конфиденциальные излияния момента". Та же чисто человеческая окраска проявляется в письмах Сенеки, написанных начиная с 57 года и далее; еще более заметна она в письмах младшего Плиния.

Есть, однако, некоторые из Посланий Павла, которые более близки к природе *частных* писем и едва ли предназначены для публичного распространения - в частности, Второе послание к Коринфянам и маленькое письмо к Филимону.

Профессор Дейссманн из Гейдельберга, который довольно подробно писал на эту тему, несколько отличается от общего взгляда, принятого здесь на писания С. Павла; но, выражая свои сомнения в том, действительно ли какое-либо из Посланий Павла было написано апостолом с целью публикации, он безоговорочно решает, что среди новозаветных писаний Послание к Евреям, Первое послание Иоанна, Первое послание Петра, Послания Иакова и Иуды, несомненно, были написаны в форме "письма" для общего распространения.

Уже в третьем веке христианская церковь выделила так называемые католические Послания в отдельную группу среди канонических писаний и назвала их "католическими" или универсальными, как адресованные не одной особой общине. Это абсолютно верно в отношении Посланий 1 Петра, Иакова, Иуды и 1 Иоанна, о которых шла речь выше.

Первое Послание *Петра* адресовано огромному числу "рассеянных", которые, по словам апостола, проживали в провинциях Понт, Галатия, Каппадокия и Вифиния, - эти провинции почти покрывают регион, известный сегодня как Малая Азия.

Иаков писал двенадцати коленам, рассеянным по всему миру.

Иоанн в своем Первом послании вообще не указывает адреса, оставляя свое письмо совершенно общим или универсальным.

Иуда тоже не называет конкретную общину, а просто пишет тем, кто "освящен Богом Отцом и сохранен в Иисусе Христе и призван".

В Послании "К Евреям" автор не назван, и нет никаких упоминаний о тех, кому адресовано анонимное "Письмо". Однако из содержания "Письма" ясно, что оно было адресовано иудейским христианам, и, вероятно, иудейским христианам, поселившимся в Риме.

Так называемые "пастырские" послания (включая 1 и 2 Тимофея и Тита), очевидно, предназначались для общего распространения.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что большая часть новозаветных писем - несомненно, четыре главных "католических" послания и великое Послание к Евреям, а также Послания Св. Павла с вышеуказанными исключениями, - под влиянием аналогии с другими сборниками писем, составленными в ту же эпоху, были написаны в форме "письма", но предназначались для большой группы читателей. Такая форма "письма" была принята из-за большой популярности этого особого вида литературы во всей Римской империи.

Таким образом, очевидно, что великие христианские учителя в определенной степени перенимали наиболее популярные литературные формы эпохи, в которой они жили, особенно выбирая форму письма, которую переняли такие выдающиеся писатели, как Цицерон, Сенека, а чуть позже и более молодой Плиний.

Если "*Деяния* апостолов" более или менее следовали литературному методу светской исторической литературы, с ее живописными вставками "речей", "писем" и "официальных бумаг"; если "Откровение святого Иоанна" более или менее следовало методу, принятому в еврейской апокалиптической литературе знаменитой александрийской школы: только *Евангелия* представляют собой абсолютно оригинальную форму - литературную форму, возникшую *внутри* самого христианства - литературную форму, которая стоит особняком. Оно ничему не подражало, не следовало ни классическим, ни иудейским образцам - никаким моделям, какими бы красивыми, привлекательными или популярными они ни были; и ему никогда не подражали во все христианские века, растянувшиеся более чем на восемнадцать столетий, просто потому, что оно неповторимо.

Апостольские отцы

И когда католическая церковь решила, и, как мы теперь видим, мудро решила, что голос вдохновения затих, мы обнаруживаем, что дошедшие до нас литературные остатки первобытной эпохи христианства отлиты в ту же "буквенную" форму, те немногие литературные остатки, которые получили возвышенный титул "апостольских". Это слово пришло к нам от Игнатия и, по-видимому, означает, что авторы этих "останков" были исторически связаны с апостолами.

Эти труды, правильно названные так, происходят от четырех человек: (1) *Климента* (Римского), о котором постоянная и определенная традиция говорит, что он был учеником Петра, а также Павла.

(2) От *Игнатия*, чья ранняя дата и связь с Антиохией, главным центром апостольской работы, делают, как хорошо подчеркивает Лайтфут, его личное общение с апостолами по меньшей мере вероятным. Самая ранняя традиция представляет Игнатия как второго из антиохийских епископов. Его мученическая смерть должна быть датирована *примерно* 110 г. н.э. Очевидно, тогда он был уже пожилым человеком. Он, несомненно, был младшим современником некоторых апостолов.

(3) От *Поликарпа*, чья тесная связь в юности со святым Иоанном несомненна, поскольку его ученик, известный Ириней, рассказывает нам, что Поликарп был учеником любимого ученика, и что он (Ириней) слышал от своего учителя Поликарпа много анекдотов об апостолах, которые он сохранил в своей памяти.

(4) От *Варнавы*, чья непосредственная связь с апостолом менее определенна; но ранняя дата его Послания, написанного, очевидно, во времена династии Флавиев, делает древние традиции этой связи, по крайней мере, весьма вероятными.

Эти немногочисленные и скромные труды, дошедшие до нас, - все, что мы можем с уверенностью приписать "апостольским" людям; и *все* они написаны *в форме "писем"*: одно несколько пространное Послание Климента, семь подлинных Посланий Игнатия, одно краткое Послание Поликарпа, одно (значительное по объему) Послание Варнавы. Эти Послания являются настоящими "Письмами" и "представляют собой естественное излияние личных чувств, возникших в результате личных отношений"; но они содержат доктринальные утверждения глубочайшей важности, в частности, эмфатические или позитивные утверждения, касающиеся Божества Иисуса Христа.[28]

Эти Послания[29] , очевидно, предназначались их авторами для гораздо более широкого круга читателей, чем общины Коринфа, Филипп, Рима и т. д., к которым официально были обращены Письма.

ЧАСТЬ IV

I
ХАДРИАН, 117-138 ГГ. Н.Э.

Примерно через четыре года после переписки с Плинием по поводу христиан в Вифинии император Траян несколько неожиданно умер во время своего восточного похода в киликийском городе Селинусе (117 г. н. э.).

Траяну наследовал его родственник Адриан, который женился на внучатой племяннице императора Юлии Сабине. Обстоятельства престолонаследия Адриана несколько запутаны. В основном утверждалось, что он был усыновлен Траяном в качестве своего преемника. Однако несомненно, что его притязания на императорскую власть были благосклонны к императрице Траяна, Плотине, и некоторые даже приписывают его престолонаследие дворцовой интриге; ясно, что никакой реальной оппозиции его мирному принятию императорской власти не было.

Прискорбно, что мы не располагаем достойной внимания современной историей одного из самых выдающихся римских императоров. Насколько интересной была бы картина Тацита о столь необычной и уникальной личности!

То, что мы знаем об Адриане и его двадцатиоднолетнем правлении, мы почерпнули в основном со страниц Спартиана, одного из шести авторов истории Августа, жившего во времена Диоклетиана, более чем полтора века спустя, и из кратких сообщений Диона Кассия, императора Юлиана и трех или четырех других авторов, давших нам краткие очерки о его жизни, а также из несколько более пространного рассказа монаха XI века Ксифилина и из надписей на медалях и надписях.

Император Адриан не был обычным человеком. На редкость одаренный разнообразными и разносторонними талантами, он с удовольствием предстал перед римским миром как солдат и государственный деятель, как художник и поэт; и в каждом из них, особенно в первых двух, он занимал довольно видное положение. Для всего мира он стал великим путешественником. Он не довольствовался тем, что сидел во главе своей империи в Риме или на одной из своих великолепных вилл в Италии; он хотел увидеть каждую из своих многочисленных провинций и их главные города своими глазами, а затем судить, что для них лучше, - как он мог бы наилучшим образом улучшить их состояние и развить их ресурсы.

Во время его правления было не так уж много городов римского мира, которые он не посетил, - мало таких, которые не носили бы на себе отпечаток его присутствия в той или иной форме. Обычно его сопровождал огромный штат, как мы это называем, экспертов в области искусств и ремесел, художников, скульпторов, архитекторов и квалифицированных строителей.

Конечно, в его распоряжении были огромные средства, ведь он был великим финансистом и мог без особых усилий привлекать огромные суммы для великолепных работ, которые он проводил во всех частях империи. Мир никогда не видел и, вероятно, никогда больше не увидит такого великого государя-строителя, как Адриан; и хотя он восстанавливал, украшал, перестраивал бани, амфитеатры, величественные муниципальные здания, а во многих случаях и целые города, часто названные в его честь,[30] он, кажется, никогда не пренебрегал Римом; следы его дорогих работ там все еще видны, а он следил и щедро поддерживал дорогостоящие развлечения, столь дорогие для роскошной и любящей удовольствия столицы. В один день, например, мы читаем о сотне львов, убитых на арене великого римского театра, а его подачки народу всегда были щедрыми. Рим никогда не страдал от отсутствия или огромных зарубежных расходов императорского путешественника.

Но Адриан не был хорошим человеком, хотя и был великолепным государем. Его жизнь состояла из самых странных противоречий. Временами он играл роль почти аскета, воздерживаясь от вина на своих трапезах и даже подчиняясь труду и усталости обычного солдата-легионера. Временами его жизнь была изуродована самыми грубыми излишествами и развратом.[31] Особого внимания заслуживает его отношение к христианству. У него не было ни религии, ни веры. Он в той или иной степени интересовался всеми культами, был даже посвящен в тайны некоторых старых языческих верований; и хотя он ничего не принимал, он ничего и не отрицал.

Его знаменитый рескрипт к Серенусу Гранианy, который сейчас принято считать подлинным, дает нам некоторое представление о его оценке христианства, по крайней мере, в начале его правления. В нем практически подтверждается то, что Траян написал Плинию по поводу вифинских христиан. Их нельзя было преследовать, но если они были признаны христианами

по закону, то должны были страдать. Адриан, разумеется, в первые годы своей жизни, даже пошел дальше в сторону веротерпимости, чем его предшественник. Доносчик, если он не мог доказать истинность своего обвинения, подвергался самым суровым наказаниям по закону.

Но Адриан, как и царствовавший до него Траян, и сменивший его на императорском троне Антонин Пий, очень мало знал о христианстве. Более чем сомнительно, что он когда-либо видел Евангелие; и хотя его чувство справедливости и полное безразличие ко всем религиям диктовали условия и вдохновляли тон знаменитого рескрипта, о котором идет речь, как и все римские государственные деятели, он явно недолюбливал и даже боялся этой странной веры, которая постепенно так быстро завоевывала позиции в римском мире.

Эта неприязнь к христианству, которую некоторые историки характеризуют в случае Адриана как позитивную ненависть к вере, была заметно проявлена в последние годы его жизни в преднамеренных оскорблениях, которые он нанес самым священным христианским воспоминаниям в Иерусалиме после окончания ужасной Иудейской войны в 135 году н.э. Некоторые современные авторы утверждают, что Адриан не имел в виду никакой особой оскверняющей силы, когда после Иудейской войны продолжал строительство Ælia Capitolina на месте Иерусалима ; но свидетельства христианских писателей[32] здесь очень позитивны. На горе Вознесения было установлено изображение Юпитера, на холме Голгофы поклонялись статуе Венеры, Вифлеем был посвящен Адонису, и там была посажена священная роща, а в гроте Рождества Христова действительно совершались нечистые финикийские обряды.

Но для историка первых дней христианства самым важным событием в это блестящее царствование Адриана была роковая Иудейская война 133-5 гг. н. э. и ее поразительные результаты. Это была война на истребление, как впоследствии назвал ее Талмуд; война, в которой лже-мессия Бар-Кохаб и знаменитый рабби Акиба были самыми выдающимися фигурами. Итогом этой страшной войны стало абсолютное уничтожение национальности еврейского народа. Отныне*, то есть* после 134-5 гг. н. э., весь дух евреев изменился; с этого времени они жили с новыми идеалами, с новыми и иными надеждами и целями. Эту удивительную перемену мы подробно и обстоятельно описали в V книге настоящего труда.

С этого времени, несомненно, представление римских государственных деятелей о христианстве претерпело заметные изменения. До сих пор христианин считался иудейским раскольником, и в Риме к нему относились с неприязнью, но в то же время с некоторой презрительной терпимостью при условии, что он держался в стороне от посторонних глаз. Траян, как явствует из переписки с Плинием, был против суровых преследований, если их можно было избежать; и Адриан, несомненно, в ранние годы своей жизни следовал политике Траяна. Но после 135 г. н.э. все изменилось. После окончания последней ожесточенной войны иудейский народ погрузился в спокойствие.

Теперь они жестко воздерживались от принятия посторонних язычников в очарованный круг иудаизма, сурово запрещая прозелитизм. Они отказались от всех земных амбиций - их надежды и ожидания увидеть свою землю независимой и могущественной отошли в туманное и далекое будущее. Они верили, что в далекие времена были избранным народом Вечного Воинства, что они будут спокойно ждать Его благоволения и, строго соблюдая во всех мельчайших деталях Божественный закон, который они сделали единственным предметом своего изучения и размышления, вновь заслужат Его благосклонность; они надеялись и ожидали, что в какой-то далекий день снова будут радоваться свету Его лика, -

свету, увы! давно скрытый из-за их прошлого непослушания; тем временем они поклялись в непримиримой ненависти к христианину и его учению.

Затем началось (после н.э. 134-5 гг.), сначала медленно, но все же до государственных деятелей Рима стало доходить, что христианин - не просто иудейский раскольник, а член новой и совершенно отдельной общины, секты, серьезно настроенной, преуспевающей в создании прозелитов, обладающей тайной силой, которой римские государственные деятели удивлялись, но не могли понять, - тайной силой, благодаря которой христианин совершенно не боялся смерти и не подвергался никаким наказаниям, которые могла придумать человеческая изобретательность; Секта, которая, совершенно независимо от иудеев, ежедневно умножалась и быстро пополняла свои ряды мужчинами и женщинами любого призвания, причем из всех провинций широкой Римской империи, становясь, по сути, Империей внутри Империи.

Но подданные этой внутренней империи, хотя и были верны государству, послушны и миролюбивы, жили как бы отдельно, исповедуя верность невидимой силе, неизвестной древним традициям Рима, и непримиримо враждебной древней религии, на которой, как любил верить истинный римлянин, зиждилось величие империи.

Сознание всего этого, можно сказать, по-настоящему осенило римских государственных деятелей только после великой перемены, которая произошла в иудаизме после окончания ужасной войны Адриана, - перемены, которая впервые показала широкую пропасть, зиявшую между еврейским народом и новой христианской общиной.

Последние два года правления Адриана, последовавшие сразу за окончанием великой Иудейской войны, были отмечены принятием новой, более жесткой политики государства в отношении христиан. Мы слышим о случаях крайне сурового обращения государства с христианами. Многие истории мученичества относятся к этому периоду. Эта суровая политика проводилась в течение всего правления безупречного Антонина Пия, и стала еще более выраженной и суровой в годы правления его преемника, благородного и чисто патриотического Марка, под властью которого, хотя она и была в целом благодетельной и справедливой, христиане страдали так, как никогда не страдали прежде.

Впервые после окончания великой Иудейской войны 133-135 гг. н. э. императорское правительство осознало, какую серьезную опасность для римского государства, для его древней религии и верований представляет христианство.

Более шестидесяти лет - то есть с того дня, когда Нерон обвинил сравнительно небольшую группу римских христиан в том, что они являются авторами великого пожара, который превратил в пепел большую часть Рима, - над христианскими общинами висел меч преследования. С того дня последователь Иисуса стал вне закона в великой империи. Его дом, его жизнь подвергались постоянной опасности; то и дело наступал период ожесточенных гонений, и жизни людей приносились в жертву, а дома разрушались ради удовлетворения какого-нибудь дикого и бессмысленного народного шума или даже в результате частной и часто злонамеренной информации. Для члена запрещенной секты больше не существовало никакой безопасности.

Правда, такой великий и мудрый император, как Траян, неохотно позволил исполнять закон в его нынешнем виде, но он не предпринял никаких усилий, чтобы изменить его или смягчить суровые наказания. Адриан, конечно, в ранний и средний период своей жизни, как и его

предшественник, в целом был против преследования тихой секты, а его известный рескрипт даже грозил самыми суровыми наказаниями лжедоносчику, доносящему на христианина; но, несмотря на эти справедливые усилия, христиане жили в состоянии вечного беспокойства, - мученическая смерть всегда была перед глазами того, кто решил стать последователем Иисуса. Такое положение христиан в Римской империи продолжалось с 64-5 гг. н.э. до последних дней правления Адриана, 135-8 гг. н.э.

Но после окончания великой Иудейской войны, 135 г. н. э., как мы уже говорили, положение христиан стало еще более тяжелым. Теперь они выделялись как непримиримая секта, совершенно не похожая на иудеев, которые после великой войны спокойно подчинились римскому закону и порядку.

II
ПОЛИТИКА АДРИАНА В ОТНОШЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

К последним годам правления Адриана, а также к царствованию Пия и Марка следует отнести не мало рассказов о первых мучениках. "Деяния", в которых содержатся эти рассказы, правда, в большинстве своем имеют сомнительный авторитет.[33] Они содержат детали, которые явно не являются историческими, и критическое исследование обычно признает их недостоверными. Но исследования более поздних лет, особенно в области катакомб, показывают нам, что даже в самых неправдоподобных и шатких записях, явно отредактированных и дополненных в более позднее время, чем события, о которых они повествуют, явно есть основа истины; и совершенно очевидно, что мужчины и женщины, о страданиях и мужественной смерти которых за веру рассказывается в "Деяниях", в большинстве своем были историческими личностями.

Но у нас есть гораздо более надежное основание для утверждения, что последние годы правления Адриана и продолжительное правление двух его преемников, Антонина Пия и Марка Антонина, были периодами жестоких гонений на христианскую секту в Риме и в провинциях; что годы, прошедшие между 135 и 180 гг. н. э., были годами гонений более серьезных и продолжительных, чем все, что ранее перенесли последователи Иисуса.

До нас дошла группа современных христианских писаний,[34] подлинность которых не оспаривает ни один дружественный или враждебный критик. Именно из них мы узнаем о том, в каком состоянии находились христиане в Империи.

Несомненно, сомнительные "Акты мученичества", многие из которых якобы относятся к этому периоду, *то есть* от последних лет правления Адриана до смерти Марка Антонина, придали окраску теории, которая нашла поддержку у некоторых писателей, даже первого ранга, что, в конце концов, число мучеников было невелико. Однако последние исследования полностью опровергли эту теорию. Во-первых, научное исследование римских катакомб показало, что во многих случаях герои и героини сомнительных "Деяний" были реальными *историческими* личностями; и, во-вторых, тщательное изучение фрагментов современных авторов, о которых говорилось выше, дало нам точную и достоверную картину рассматриваемого периода,[35] и самая большая оценка числа страдальцев в этот период, которая была сделана, вероятно, слишком мала.

Наиболее меланхоличным было завершение блестящей жизни великого императора. Вскоре после окончания Иудейской войны Адриан вернулся в Италию и поселился в великолепном и фантастическом дворце, который он развлекал себя строительством в окрестностях Рима в Тибуре. Огромная группа зданий, парков и садов так называемой виллы Адриана была копией более известных храмов, бань и вилл, которые он посетил во время своих долгих путешествий. Египет, Греция, Италия поставляли ему образцы. Но семена смертельного недуга уже подтачивали его силы. Он страдал от водянки в ее худшей форме; его жизнь также давно была ослаблена его дикими излишествами, которым он то и дело поддавался. Затем его настигла странная душевная болезнь, роковое наследие многих абсолютных государей. Ничто не радовало его, ни один луч надежды не освещал его измученную, страдающую жизнь; и настоящее, и будущее были мрачны.

Его правление стало жестоким, произвольным, тираническим. Множество казней, причем не мало из них поразили самых высокопоставленных лиц, обезобразили последние годы правления императора. Христианская секта, которая в последнее время, как мы уже объясняли, стала особым образом бояться и опасаться государства, сильно пострадала в эти печальные последние годы его правления, и страшные гонения, которым она подвергалась в царствование его преемников, начались всерьез.

Похоже, что Адриана преследовала одна мысль - тоска по смерти. Ближайшие к его персоне люди под влиянием мудрого принца, его приемного преемника, известного как Антонин Пий, несколько раз удерживали его от насильственного наложения на себя рук; но это было бесполезно, и Адриан умер в Байе в 138 году н.э., смерть, несомненно, была ускорена, если не вызвана полностью, его собственными действиями.

Следующая небольшая таблица объясняет преемственность Антонинов в империи:

> Сначала *Адриан* усыновил Илию Веру - патриция, но сладострастного и беспечного человека; он умер, однако, при жизни Адриана, оставив сына Веру, впоследствии связанного в империи с Марком, которого, однако, он превзошел на много лет.
>
> Впоследствии *Адриан* принял в качестве своего преемника Аврелия Антонина, известного в истории как Антонин Пий.
>
> *Антонин Пий*, принадлежавший к галльской семье из Нима, занимал высшие должности в государстве, а позже стал доверенным советником императора Адриана и его преданным другом. Он был патрицием высочайшего уровня. Когда Адриан усыновил его, он потребовал, чтобы тот обеспечил императорское престолонаследие, усыновив Веруса, сына Илиуса Веруса, которого он первоначально усыновил, но который умер, а также Марка Аврелия Антонина, своего молодого родственника, племянника его (Адриана) жены.
>
> *Антонин Пий* стал императором в 138 г. н.э. *Марк Аврелий Антонин* стал его преемником в 161 году н. э.

III
АНТОНИН ПИЙ, 138-161 ГГ. Н.Э.
МАРК АНТОНИН, 161-180 ГГ. Н.Э.

После смерти Адриана в 138 г. н. э. в течение сорока двух лет Римской империей правили два государя, которые, хотя и были язычниками, сохранились на страницах историков всех стран как самые совершенные из всех известных государей. Они известны как два Антонина: первого отличает титул, данный ему современниками, "Пий", второго - самое известное из нескольких его имен, "Марк Аврелий".

Они не были ни завоевателями, ни даже великими законодателями; хотя под их благодетельным и, за одним печальным исключением, в целом мудрым правлением законы государства, особенно в отношении угнетенных и беспомощных, были существенно улучшены и дополнены.

Современная языческая литература здесь, увы, весьма скудна; то, что дошло до нас, еще более неудовлетворительно, чем то, что мы имеем в современных записях Адриана.

За эти сорок два года не появилось ни одного великого писателя в прозе или поэзии; а когда в пятом и последующих веках, в эпоху смятения и всеобщего упадка, рукописи стали лишь скупо копироваться, записями этого периода стали пренебрегать, а то внимание, которое уделялось литературе, переписчики MSS. Переписчики MSS посвящали свои работы шедеврам эпохи Августа и даже более ранней эпохи, таким как знаменитые прозаические произведения Цицерона и Тацита, Плиния и Суетония; поэтов, таких как Лукреций, Вергилий и Овидий, Проперций, Ювенал и Гораций.

Мы располагаем лишь сокращенными текстами хроник Антонинов, несколько сухими и неинтересными, лишенными деталей и живописных иллюстраций. Правда, ни одна великая война, ни одно поразительное завоевание, ни одна ужасная междоусобная война не омрачили эти счастливые царствования и не дали материала, который привлек бы внимание писателя и читателя. В основном из побочных источников мы узнаем достаточно о характере и правлении Антонинов, чтобы оправдать то нескрываемое восхищение, которое во все времена испытывали к этим двум добрым и великим князьям.

Титул "Пий", который был пожалован старшему Антонину сенатом в начале его правления и под которым он известен всем, был вполне заслуженным. Его нелицемерная преданность древней римской религии, репутация справедливого и мудрого, милосердного и трезвого, суровый нрав, высокий пример, который он всегда подавал в личной и общественной жизни, - все это было прекрасно выражено в этом титуле. Его великие предшественники-императоры, такие как Веспасиан и Тит, Траян и Адриан, обладали некоторыми из этих отличительных характеристик, но только некоторыми; жизнь этих знаменитых императоров была в большей или меньшей степени изуродована прискорбными недостатками.

Но титул "Пий" в первую очередь, по-видимому, был дан первому Антонину из-за всеобщего восхищения его великодушным и преданным поведением по отношению к своему приемному отцу и предшественнику Адриану, за которым он нежно ухаживал в последние печальные годы все возрастающей болезни и ужасной усталости, и память которого он защищал с редким и необычным рыцарством, если мы можем осмелиться использовать красивое и значительное слово, которое относится к более позднему периоду мировой истории.

Источниками, из которых мы черпаем наши слишком скудные сведения об этой почти безупречной жизни, помимо заметок и подробностей, сохранившихся в сокращении современных хроник, о которых мы уже говорили, являются сравнительно недавно найденные письма Фронто, знаменитого философа и литератора, которому Антонин Пий доверил главную роль в воспитании своего приемного сына и наследника, известного в истории как император Марк Аврелий, и особенно благородная и трогательная оценка его трудов и дней, содержащаяся в необычной и изысканной книжке, написанной его приемным сыном Марком и широко известной как "Медитации"."

Мы находим следующие поразительные слова, относящиеся к Пию, написанные Марком в этой маленькой книге после того, как великий император, который так хорошо подготовил его к своей высокой судьбе, скончался. Они написаны в форме солилоквита с самим собой - со своей собственной душой:

"Жизнь коротка; единственный плод земной жизни - делать добро людям, среди которых нам выпал жребий. Всегда поступайте как истинный ученик Антонина (Пия). Вспомните его неизменную твердость цели в исполнении того, что было разумно; вспомните, как спокойно он вел себя при любых обстоятельствах; подумайте о его благочестии; вспомните это безмятежное выражение его лица; его неизменную сладость - его презрение к тщеславию; его постоянную заботу о поиске истины; его безразличие к несправедливым упрекам... никогда не подозрительный; совершенно не заботящийся о своем личном комфорте; не обращающий внимания на свою еду или одежду; неутомимый в работе; всегда терпеливый и самоотреченный..... Думай (о душа моя) обо всем этом, чтобы, когда настанет твой собственный час ухода, он застал тебя, как застал его, с сознанием того, что дело жизни было хорошо сделано".

Антонин Пий унаследовал огромное состояние; к моменту своего усыновления Адрианом он был уже в зрелом возрасте и с достоинством и честью занимал многие высокие государственные посты. Когда он получил верховную власть в качестве абсолютного и безответственного государя величайшей империи, когда-либо находившейся под скипетром одного человека; после тщательного выполнения многочисленных обязанностей, связанных с его великой должностью, в своем великолепном дворце с видом на Римский форум, его великолепные храмы и еще более великолепные воспоминания, он любил на короткий сезон удалиться в свой родовой дом и ферму Лориум в Этрурии.

Антонин Пий с удовольствием менял императорское состояние и утомительную пышность римского двора, искусственные удовольствия театра и цирка, которые не приносили ему настоящего удовлетворения, на истинные и здоровые радости леса и поля. Он наслаждался народными праздниками урожая и сбора винограда. Он любил азарт погони; он был одновременно преданным рыбаком и охотником, хотя ради этих занятий никогда не пренебрегал более серьезными обязанностями и ужасной ответственностью своего великого положения. Письма Фронто дают нам прекрасную картину его семейной жизни на ферме в Лориуме.

Но великий и добрый император преследовал более глубокие и далеко идущие цели, чем простое самоудовлетворение, когда он сбросил с себя государственные путы и покинул блестящий двор великой столицы ради простой и неброской жизни деревенского джентльмена старой римской школы.

Первый Антонин сознавал, что мягкая, роскошная городская жизнь, образцом которой был Рим и которая слишком точно копировалась в богатых провинциальных центрах, ослабляет империю, - он хорошо знал, что строители и создатели Рима - это выносливая раса людей, боявшихся старых богов и готовых сражаться и умирать за свою страну, а эти люди - крестьяне-земледельцы, порожденные старой сельской жизнью Италии. Он сам задаст моду и, по возможности, популяризирует этот лучший и благородный образ жизни. Он вернет память о тех великих, кто создавал эту могущественную империю.

Не просто любовь к древности, не особый вкус к античным преданиям побудили Антонина Пия изобразить на своих монетах памятные символы, рассказывающие о древних традициях, связанных с великим прошлым Рима, - символы, многие из которых были увековечены в "призрачных и жидких" ритмах любимого в Риме поэта, - Эней, несущий своего отца; белая свиноматка, принесенная в жертву Юноне беглым Энеем на берегу Тибра; Марс и Рея Сильвия; священная дикая смоковница, под ветвями которой волчица нашла детей Ромула и Рема; волчица, сосущая младенцев-основателей города-царицы; авгур Невий и его бритва перед царем Тарквинием Приском; Гораций, защищавший мост от войск Порсенны. Не инстинкт любопытного и ученого археолога, а глубокая и далеко идущая цель побудила Антонина Пия отыскать и восстановить маленькую неизвестную аркадскую деревушку Паллантеум, древний дом Эвандера, хозяина Энея, - Эвандера, основателя древнейшего Рима, чья прекрасная история рассказана в благородном эпосе Вергилия.[36] Император популяризировал, доносил до своего народа славные воспоминания о легендарном прошлом - чудесной истории Рима, его заветных традициях, повествующих о давней любви бессмертных к Риму.

Антонин Пий был далеко не первым, кто почувствовал, что величие Рима было создано той выносливой расой людей, которые жили простой домашней жизнью сельского труда, людей, которые боялись богов и верили в награды и наказания Бессмертных. Великий государственный деятель император Август более чем за столетие до этого признал это, а его поэт Вергилий в своих бессмертных стихах вдалбливал эту истину.

В "Эклогах" и еще более в "Георгиках" людей призывали почитать старые простые нравы и обычаи, а в очаровательных стихах "Энеиды" то же самое учение было навязано с еще большим красноречием и серьезностью. "Трудись и молись" - таково было заключение "Георгик" (*in primis venerare deos*), таково было торжественное поручение поэта.

И не только Август и его любимый поэт Вергилий ощутили силу древнеримской религии, столь печально игнорируемой, если не презираемой в их время, и увидели, что возвращение к старому римскому образу жизни, к примитивным простым верованиям и старой строгой жизни поможет очистить развращенные и беспутные нравы, которые ослабляли, а возможно, и разрушали старый римский дух. Тацит, величайший историк, которого когда-либо породил Рим, также высказал эту прекрасную мысль. Поэт-сатирик Ювенал, нещадно бичевавший роскошь, пороки и глупости своего века, в качестве своего идеала римлянина изобразил Курия, трижды консула, который, презирая все государственное, пышное и роскошное, голодный и усталый после дня, проведенного в поле, предпочитал "еду из трав и бекона, поданную на домашней глиняной посуде".

Ювенал испытывал истинно римское почтение к старым героям Республики, к Куриям, Фабиям и Сципионам, к их непритязательному образу жизни. Даже Марциал чувствовал странное очарование в античной простоте старых республиканских государственных деятелей и солдат.

Младший Плиний, придворный, государственный деятель и блестящий писатель, утомленный и пресыщенный блестящей роскошной жизнью знати в начале второго века, в своей замечательной картине общественной жизни времен Траяна показывает нам, как остро он и его окружение чувствовали более чистые удовольствия и отдых, которые можно было найти в "тишине соснового леса и холодном ветре с Апеннин, который дул над его тихим сельским домом в Тоскане".

Но в то время как Август и его знаменитые поэты стремились заставить граждан великой империи полюбить и вести более строгую и чистую жизнь первобытных римлян, было открытым секретом, что сам императорский учитель не вел ту жизнь, которую исповедовал, ибо Август запятнал свои собственные дела и дни серьезными нарушениями морали. С другой стороны, оба Антонина, в отличие от Августа, являли собой благороднейшие примеры чистой аскетичной жизни; ни одно моральное пятно или изъян не смогли обезобразить жизненный путь этих двух патриотически настроенных языческих государей.

В сердце Антонина Пия и его приемного сына и преемника Марка Антонина была глубоко запрятана одна главная мысль. Вся их карьера была пронизана любовью к Риму. Они хотели уберечь могущественную империю от упадка, который, по их мнению, быстро набирал силу; они хотели собственным примером утвердить моду на более чистую и простую *религиозную* жизнь, на которой так надежно зиждились основы империи; отсюда и жестокие гонения на христианскую секту, которые были столь яркой и болезненной чертой в управлении империей при Антонинах, - гонения, очевидно, активные и жестокие в правление Пия, но значительно усилившиеся в интенсивности и ярости при его преемнике Марке.

Антонины были глубоко убеждены, что все великое и славное в Римской империи произошло от простой и даже аскетичной жизни, которую вели их отцы под покровительством могущественных бессмертных Юпитера Капитолийского, Марса Мстителя, Весты с ее священным огнем, великого Близнеца Бретрена - богов, чьи храмы с золотыми крышами были величественным украшением Форума, на который императоры смотрели из своего гордого дома на Палатинском холме. Это были божества, которые, по мнению великого императора-язычника, "создали Римское государство и до сих пор следят за его развитием". Именно эта вера побудила Пия запечатлеть на своих монетах священную память о первых днях божественной защиты, на которой мы остановились.

IV
ПРИЧИНЫ ГОНИТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ АНТОНИНОВ

Среди подданных Империи только одна группа упорно держалась в стороне от толп поклонников, которые вновь заполонили эти освященные временем святыни; эта группа отказывалась разделять древнеримский культ, который Антонины вновь сделали модным в Риме и его провинциях, культ, к которому эти великие императоры-язычники всегда относили славу прошлого и на котором они основывали свои надежды на еще более великолепное будущее для Рима.

Одинокая группа была действительно странной. Такому римлянину, как Антонин Пий, она казалась сектой, сравнительно говоря, вчерашней; ведь когда царствовал его предшественник Август и писал Вергилий, она еще не существовала. Это была секта, исповедовавшая, как казалось императору, новую религию - религию, претендовавшую на единоличное верховенство Того, Кому она поклонялась, - религию, считавшую ужасных богов Рима тенями, призраками воображения. Такие государи, как Антонины, могли содрогнуться от учения, которое показалось бы истинному патриоту-римлянину, чье сердце пылало национальной гордостью, самым дерзким нечестием, самым шокирующим богохульством; которое грозило бы огромным риском для будущего ее народа, если бы это роковое учение распространилось.

А эта странная секта, о которой вчера императоры узнавали от своих чиновников, разрасталась в огромных масштабах не только в Риме, но и во всех провинциях.

Со всех концов страны они получали сообщения о том, как новая община, называемая христианской, ежедневно пополняет ряды своих необычных и опасных верований новообращенными, - новообращенными из рядов самых скромных торговцев, из рабов и вольноотпущенников, а также из самых знатных семейств империи.

От ответственных чиновников они узнали, что новая секта, благодаря своей огромной и постоянно растущей численности, поразительному единству убеждений и совершенной организации, уже стала силой в государстве - реальной силой, с которой имперскому правительству рано или поздно придется считаться, ибо эта сила с каждым днем становилась все грознее.

И впервые императоры-язычники узнали от своих чиновников, что эта новая секта состоит не из евреев, как считалось до сих пор, но что ее члены - нечто совершенно иное, гораздо более грозное и опасное. Правда, не было и намека на открытый бунт со стороны этой странной группы подданных, подобный тому, с которым Веспасиану и Адриану пришлось столкнуться и подавить в Иерусалиме и Палестине в случае с евреями; опасность, которой следовало опасаться от христиан, заключалась в том, что они постепенно завоевывали сердца людей; что они обращали мысли людей от старых богов Рима к другому и гораздо более великому существу, которое, по их словам, было любящим Господом всех людей, верховным судьей жизни и смерти.

И для таких императоров, как Антонины, чьи благочестивые умы всегда любили останавливаться на постоянной защите бессмертных, которые, как они были убеждены, любили Рим с незапамятных времен, в которых они с печальной искренностью старались верить, которым они молились и учили молиться свой народ, - для таких императоров, как Пий и Марк, эти христиане с их глубокой верой, верой, за которую они были готовы умереть, были действительно отвратительны; В их глазах они представляли собой постоянно присутствующую, постоянно растущую опасность для Рима, его славных традиций, его древней религии, самого его существования.

В этом и заключался секрет новой политики, которую проводило государство в отношении христиан. Она начала проводиться в последние годы правления Адриана после окончания великой Иудейской войны в 134-5 гг. 134-5 годах, когда обнаружилось, что христианская секта полностью отделена от иудеев, отличается и даже враждебна иудейской расе, с другими и гораздо более опасными взглядами и надеждами; и когда Антонин Пий решил исправить свой народ, напомнив ему о нравах и обычаях его предков, внушив ему

обязанность более искреннего поклонения старым римским богам, он нашел в христианах своих самых опасных противников; Отсюда и суровое отношение к новой секте; отсюда и политика преследований, которая набирала силу во время его правления и усилилась во времена его приемного сына и преемника Марка.

В целом, обычный вердикт традиции относительно положения христиан при Антонинах должен быть отменен. Правление Антонина Пия обычно представляется как период мира для Церкви, и мало что говорится об обращении с христианами при Антонине Пие и Марке Антонине. Такое благоприятное мнение и обычная сдержанность в отношении каких-либо страданий христиан во время этих правлений во многом объясняются высокой оценкой, которую повсеместно дают двум Антонинам как правителям; то, что эти великие и добрые императоры могли преследовать и притеснять последователей Иисуса, обычно считалось маловероятным, если не невозможным.

Считать таких людей гонителями означало бы накладывать клеймо на характер двух самых совершенных государей, чьи жизни вошли в историю. Первый Антонин получил свой прекрасный титул "Пий" по настоятельному желанию сената, и это желание было повсеместно поддержано общественным мнением империи; под этим титулом его знали и почитали все последующие поколения.

Марк, его приемный сын и преемник, который, если это возможно, занимал еще более возвышенное место в оценке людей своего поколения и передал потомкам еще более высокую репутацию добродетели и мудрости, говорит нам в своих собственных ярких и поразительных словах, что он всем обязан благородному примеру и учению своего приемного отца Антонина Пия. Этому Марку, когда он умер, добровольно воздавались божественные почести с таким всеобщим согласием, что считалось святотатством не установить его изображение в доме.

Заклеймить таких людей как гонителей на протяжении веков было бы для любого историка, христианского или языческого, слишком смелым заявлением, и такая оценка была бы воспринята с недоверием, если не с прямой насмешкой; и отнюдь нельзя быть уверенным, что и сейчас такой вывод не будет прочитан многими с холодным недоверием и даже с отвращением. Но последние исследования ясно показали, что Антонины были злейшими врагами христианства и что во время их правления последователи Иисуса подвергались жестоким гонениям. При императоре Марке гонения продолжались на протяжении всего его правления; они были, как без колебаний характеризует их Лайтфут, "яростными и преднамеренными". Они усугублялись, по крайней мере в некоторых случаях, жестокими пытками. Они осуществлялись с прямой личной санкции императора. Сцены этих гонений проходили во всех частях империи - в Риме, в Малой Азии, в Галлии, в Африке.

Мученическая смерть Юстина и его спутников, о которой рассказывается в "Деяниях о мученичестве великого христианского учителя", абсолютно достоверном произведении, была совершена в Риме по приказу префекта города Рустика, доверенного друга и министра Марка, на глазах самого императора; а гонения во Вьенне и Лионе были самыми кровавыми из всех известных до сих пор гонений, за исключением, пожалуй, Нероновского; и за них Марк Антонин несет прямую и личную ответственность.

Мадаурские и Сциллитанские (проконсульская Африка) мученичества, очевидно, произошли через несколько месяцев после смерти Марка, но эти мученичества, несомненно, были продолжением гонительской политики Марка. Об ужасных страданиях, которым подвергались христианские общины во время этих двух царствований, мы узнаем не только из немногих сохранившихся до нас подлинных актов мученичества, но и из различных и

многочисленных сообщений современных писателей, которые мы встречаем - вкрапленных в их истории, апологии и доктринальные изложения. Некоторые из них цитируются[37] дословно. Свидетельства, которыми мы располагаем, об этих непрерывных и очень масштабных гонениях во время этих царствований, если их тщательно собрать воедино, просто ошеломляют.[38]

Поведение двух императоров Антонинов, правивших Римской империей в течение сорока двух лет, по отношению к своим христианским подданным ни в коей мере не противоречит их известным принципам. Такие люди, с их возвышенными идеалами, с их твердой непреклонной уверенностью в том, что Рим обязан своим величием и могуществом, своим прошлым процветанием и своим нынешним положением Всемирной империи покровительству Бессмертных, которым поклонялись их отцы, не могли поступить иначе.

Мы видели, какой неизменной была политика Пия в его искренних усилиях восстановить более чистую и простую жизнь, которую вели древние римляне, создавшие могущественную империю; как верно он следовал линиям, прочерченным Вергилием, который, как мы уже цитировали, завершил свою изысканную картину древнеримской жизни торжественным предписанием "*in primis venerare deos*".

Ученик и преемник Пия, благородный Марк, был, если возможно, более "римским", чем Пий, а его преданность римским богам была еще более заметной. Еще в детстве он славился точным знанием древнеримских ритуалов. В возрасте всего восьми лет он был зачислен в Коллегию салиев, декламируя по памяти архаичные литургические формы, которые в его время понимали лишь смутно.[39]

Перед отъездом на опасную войну с маркоманнами он распорядился, чтобы Рим был торжественно очищен по древним обрядам, и в течение семи дней изображения богов пировали, лежа на своих кушетках на общественных улицах.

Но именно в частной жизни глубокое благочестие второго императора Антонина проявляется с поразительной ясностью. Не только государственные соображения побуждали Марка поддерживать древний культ Рима. Он, очевидно, горячо верил в этих старых римских богов. Например, если его дорогой друг и наставник Фронто заболевал, он молился у алтарей богов, чтобы облегчить страдания очень дорогого ему человека.

В том изысканном томе, в котором в форме частных и тайных записок он записывал свои сокровенные мысли и надежды, - в том маленьком томе, который среди обломков современной литературы дошел до нас в целости и сохранности, - снова и снова встречаются слова о его уповании на любящую заботу бессмертных, которых почитали в Риме прежних времен, но в существование которых в поздние времена Республики, похоже, мало кто верил.

Из множества таких записок, разбросанных по страницам *"Медитаций"*, мы приведем здесь два или три его высказывания.

"Что касается богов, то из того, что я постоянно испытываю на себе их силу, я убежден, что они существуют, и почитаю их" (xii. 28).

Вся первая книга *"Медитаций"* - это, по сути, гимн благодарности богам за их заботу о нем.

"Живи с богами, - пишет он (ст. 2-7), - и тот, кто живет с богами, постоянно показывает им, что его собственная душа довольна тем (жребием), который ему назначен..... Зевс дал каждому человеку для его опеки и руководства часть себя".

И снова (ст. 33): "Пока не наступит то время (твой конец), чего достаточно? Чего же еще, как не почитания богов и благословения их?"

"Если боги определили меня и то, что со мной должно произойти, то они определили хорошо, ибо нелегко даже представить себе божество без предвидения" (vii. 4. 4).

То, что императоры Антонины почти ничего не знали о христианстве, почти несомненно. Имя Иисуса, вероятно, не было известно ни Пию, ни Марку, а канонические Евангелия, очевидно, никогда не доходили до них, хотя в то время эти труды были широко распространены среди христианских общин. Лишь однажды в *"Медитациях"* Марк упоминает об этой секте, и то явно с чувством неприязни и отвращения; их необычайная готовность отдать жизнь за свою веру не понравилась спокойному, стоическому императору. "Душа, - писал он, - должна быть готова в любой момент расстаться с телом; но эта готовность должна исходить из собственного спокойного рассудка человека, а не из простого упрямства и трагической показухи, как у христиан" (*Meditations*, xi. 3).

Маркус прежде всего, как следует помнить, был римлянином. Для императора традиции Рима были догмой. "Каждый миг, - писал он, - думай всегда как римлянин и как человек; делай все, что у тебя в руках, с совершенным и простым достоинством" (II. 5).

Его отвращение к христианской секте, которая презирала традиции, которые он любил, и богов, которых он обожал, было совершенно естественным; и следует помнить, что не только перед судьей, когда их обвиняли, христиане выражали полное неверие в римских богов, но нередко более фанатичные христиане выходили из себя, чтобы оскорбить эти божества, в которые Маркус верил с истинной силой.

Когда благородный император скончался, снисходительность, с которой его злобный преемник Коммод относился к Церкви, во многом объяснялась его неприязнью и ревностью к отцу и его политике. В следующем (третьем) веке мягкость обращения с христианами в царствования Александра Севера и Филиппа Аравийского объясняется главным образом тем, что эти императоры мало сочувствовали римской традиции; они, безусловно, были иностранцами: первый из них, Александр Север, был чистым сирийцем. Имя, под которым всегда известен Филипп, говорит о его иностранной национальности. Знаменитые гонители III века, Деций, Аврелий и Диоклетиан, были приверженцами римской традиции и в основу своей политики здесь положили принципы Траяна и Антонинов.

В эти царствования не требовалось доказывать преступление, если обвинялся один из членов секты. Один лишь факт принадлежности обвиняемого к христианству сразу же гарантировал осуждение. Христианство было совершенно несовместимо с древними традициями Рима.

КНИГА II
ЖИЗНЬ ХРИСТИАНИНА НА ЗАРЕ ВЕРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Место действия следующих очерков о жизни христианина первых времен, в общем, находится в Риме; но многое из того, что принадлежало христианину римской общины, было общим для верующих, живших в других больших городах империи.

В этих очерках затрагиваются следующие темы:

1. Численность верующих в первые два века после смерти Петра и Павла.

2. Особое внимание уделяется собраниям или совместным встречам христиан в те ранние времена. Эти собрания были чрезвычайно важным и влиятельным фактором в жизни верующих. Это признается в новозаветных писаниях и в современных трудах первых учителей веры.

3. Перечислены различные классы населения большого города, которые составляли эти ранние собрания.

4. Подробно описано, чему учили и что делали на этих ранних собраниях христиан.

5. Жизнь верующего в мире за пределами этих собраний рассматривается с особым вниманием к многочисленным трудностям, с которыми постоянно сталкивался тот, кто исповедовал религию Иисуса.

6. Описаны методы, с помощью которых эти трудности должны были преодолеваться. Здесь, очевидно, существовали две школы учения, которые обычно характеризуются как "строгая" и "мягкая". На них мы кратко останавливаемся.

7. В заключительных абзацах этого очерка о жизни ранних христиан рассказывается о том, что христианство предлагало взамен тяжелой и часто болезненной жизни, которую приходилось вести его исповедникам.

I
ЖИЗНЬ ХРИСТИАНИНА В РАННИЕ ВРЕМЕНА

Нет ни тени сомнения в том, что за сравнительно короткий промежуток времени религия Иисуса была принята огромным количеством жителей различных провинций Римской империи. Этот факт в изобилии подтверждают современные писатели, как христианские, так и языческие.

Единственная другая широко исповедуемая религия, с которой мы можем ее сравнить, - магометанство - обязана своим быстрым развитием и огромным количеством прозелитов в основном мечу завоевателей. С другой стороны, христианство не имело армии, которая бы навязывала ему свои догматы. Оно даже не было наследием какого-либо народа или нации. Иудеи, к которым оно *могло* принадлежать в первые дни своего существования, очень скоро оказались в числе его самых смертельных врагов.

На одном мощном факторе, повлиявшем на принятие новой религии, редко останавливались, но он заслуживает более чем простого мимолетного упоминания.

Весть о религии Иисуса, по многим каналам дошедшая до раба, часто высокообразованного раба, вольноотпущенника, купца, мелкого торговца, солдата легионов, адвоката, римского патриция, женщин самых разных классов и сословий великой империи, - эта весть пришла о том, что произошло совсем недавно; и не только недавно, но и в одном из известных городов империи. Это была удивительная история, подтвержденная многими очевидцами, и она сразу же затронула сердца людей всех сословий и сословий.

Она удивительным образом отличалась от всех других религий, о которых когда-либо слышали язычники Империи. Эти другие религии были очень древними; их колыбель, так сказать, относилась к далеким временам - доисторическим, как бы их сейчас назвали . *Эта новая религия действительно принадлежала их собственному времени.* Ее основатель общался с людьми совсем недавно. Он жил в городе, о котором они многое знали.

Ее происхождение не было окутано туманом, вокруг нее не было старых легенд, в которые мало кто верил, если вообще верил.

История религии Иисуса, рассказанная так просто, так убедительно в четырех Евангелиях, обладала странной притягательностью; она запала в сердца огромного количества людей; она была правдивой и реальной.

Мы знаем, что очень скоро после событий евангельской истории число мужчин и женщин, принявших ее, было огромным. Из языческой империи мы имеем свидетельство Тацита, самого выдающегося из римских историков. Написав примерно через пятьдесят лет после первого гонения при Нероне, в 64 году н. э., он описывает христиан во время первого гонения как "огромное множество" (*ingens multitudo*).[40]

Еще более подробно молодой Плиний, губернатор Вифинии, обращаясь к императору Траяну *около* 112-13 гг. н. э. за указаниями, как поступать с христианами, рассказывает, что новая религия настолько широко распространилась в его провинции, причем не только в городах, но и в деревнях и сельских районах, что храмы были почти пустынны.[41] Конечно, возможно, что новая вера нашла особое распространение в Вифинии; но такое официальное и подробное сообщение чиновника самого высокого ранга и репутации императору о том, что происходит в его собственной провинции, является верным свидетельством огромных успехов, которых христианство достигло в империи, когда отголоски апостолов и апостольских мужей еще звенели в ушах их учеников. Смерть Иоанна предшествовала письму Плиния к Траяну[42] не более чем на двадцать лет.

Среди современных христианских писателей мы находим аналогичные свидетельства об огромном количестве христиан в очень ранние времена. Вот несколько ярких примеров:

Климент, епископ Рима *около* 95 г. н. э., обращаясь к церкви в Коринфе, говорит о "великом множестве христиан", пострадавших во время гонений Нерона в 64 г. н. э.[43]

Гермас в своей книге "*Пастырь*" рассказывает, что в царствование императора Адриана, *около* 130-40 гг. н. э., в столице проживало большое количество христиан, многие из которых были зажиточными и богатыми гражданами.

Сотер, епископ Рима, в письме к Коринфской церкви,[44] вскоре после 165 г. н. э., говорит о христианах как о превосходящих по численности иудеев, несомненно, имея в виду в первую очередь упомянутую римскую общину.

В Деяниях мученичества Юстина*, около* 165 г. н. э., несомненно, подлинном произведении, Рустик, римский префект, спрашивает Юстина, где собрались христиане. В ответ Иустин сказал: "Там, где каждый выбирает и может; ибо неужели ты воображаешь, что все мы собираемся в одном и том же месте?"

Иреней в очень поразительном отрывке,[45] написанном *около* 180 г. н.э., упоминает о размере и важности римской общины. Он говорит следующее:

"Поскольку, однако, в таком объеме, как этот, было бы очень утомительно перечислять (епископальную) преемственность всех Церквей, мы смущаем всех тех, кто собирается на несанкционированные собрания, указывая на традицию, переданную от апостолов *величайшей*, очень древней и всемирно известной Церкви, организованной двумя славнейшими апостолами, Петром и Павлом".

Утверждения Тертуллиана*, относящиеся к* 195-200 гг. н. э., хорошо известны и часто цитируются; и хотя они, вероятно, преувеличены, все же подобные утверждения, хотя они скорее риторические, чем просто статистические, никогда не были бы выдвинуты таким ученым и весомым писателем, если бы число христиан его времени (последние годы II века) не было бы очень велико во многих городах и странах.

В трудах Тертуллиана мы встречаем такие высказывания, как:

"Обида (языческого правительства) состоит в том, что государство наполнено христианами; что они находятся на полях, в цитаделях, в кварталах домов (которые заполняют города). Оно скорбит (правительство), как о каком-то бедствии, что оба пола, все возрасты, все состояния, даже лица высокого положения переходят в ряды христиан".[46]

И снова: "Мы не индийские брамины, которые живут в лесах и изгоняют себя из обычной жизни людей..... Мы вместе с вами живем в мире, не оставляя ни жизни форума, ни бани, ни мастерской, ни трактира, ни рынка, ни любой торговой площадки. Мы плаваем с вами, сражаемся с вами, обрабатываем с вами землю, даже участвуем в различных искусствах".[47]

Примерно через пятьдесят лет после цитированного письма Тертуллиана, Корнелий, епископ Рима, 251 г. н.э., в Послании, адресованном Фабию, епископу Антиохии,[48] приводит официальную статистику Римской церкви в его времена.[49] Корнелий подробно описывает сословия различных чиновников, а также количество бедствующих людей, которые числились в списках Церкви, получающих благотворительную помощь. Ученые и эксперты, основывая свои расчеты на этой официальной статистике, по-разному оценивают число христиан в Риме - от 30 000 до 50 000, причем последний расчет в целом, вероятно, ближе к истине.

Наконец, в этом небольшом очерке об огромном количестве учеников, которые очень рано присоединились к христианской общине, необходимо привести неизменные свидетельства римских катакомб. В этой работе будет много написано об этих огромных кладбищах христианских мертвецов. Совершенно точно, что во второй половине I века эти катакомбы уже были начаты.

Здесь можно привести слова выдающегося немецкого ученого Харнака: "Количество, размер и протяженность римских катакомб... настолько велики, что даже по ним можно судить о размерах Римской церкви, ее неуклонном росте, ее приверженцах из знатных семей, ее распространении по всему Риму".[50]

Вышеприведенные свидетельства современников, включая свидетельства Церкви о численности христианской общины, говорят о римских христианах за двумя заметными исключениями - язычником Плинием и христианином Тертуллианом. Остальные, включая Климента Римского, Германа, Иустина Мученика, Сотера, Иренея, Корнелия, пишут специально о Риме и христианской части его населения.

Но, как уже отмечалось, то, что написано о Риме, в большей или меньшей степени относится и к другим крупным населенным пунктам империи, в частности, к таким центрам, как Антиохия и Эфес, Александрия и Карфаген.

II
СОБРАНИЯ ХРИСТИАН

Деяния апостолов, Послания Павла и другие послания Нового Завета свидетельствуют о благосклонном отношении к проповеди новой веры. Успех Павла в Македонии, Ахаии, в провинции Асия и в Галатии был необычайным. Петр в своем Первом послании обращается к новообращенным, уже рассеянным по Понту, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии. Павел в послании к римским христианам снова прямо говорит о том, что о вере Римской Церкви говорили по всему миру.

Историю о распространении христианства подхватили языческие писатели Тацит и Плиний, а также Климент Римский, Игнатий, Ерма, Юстин, Иреней и другие христианские писатели первого и второго веков, которых мы уже цитировали.

Таким образом, огромное количество христиан в Риме и других центрах, начиная с первобытных времен, о котором уже говорилось в некоторых подробностях, является явным и неоспоримым фактом.

Ничто так не способствовало прогрессу и распространению христианской религии, как постоянные совместные встречи, собрания различных общин верующих.

Это было признано с самых ранних времен. В Послании к Евреям (x. 25) мы читаем торжественное предписание христианам "не оставлять собрания своего, как это делают некоторые".

Определенные упоминания о таких "собраниях верующих" встречаются в новозаветных писаниях, в Деяниях и Посланиях, *например*, в 1 Кор. xi. 20 и последующих стихах, Иак. ii. 2-4.

О том, какое значение придавали этим собраниям верующих руководители и учителя Церкви первых дней, свидетельствует цепь напоминаний и наставлений верующим, которые содержатся в современных нам записях ведущих христиан, начиная с последних лет первого и вплоть до второго и третьего веков.

Слова, которые они слышали, и вопросы, которые решались на этих собраниях, в большей или меньшей степени определяли жизнь и поведение христиан в мире. С самого начала воскресные собрания, по-видимому, были обязательными; но эти собрания братьев ни в коем случае не ограничивались общим собранием в воскресенье. Так, мы читаем в *Дидахе* (Учение Апостолов), написанном, вероятно, в последние годы первого века: "Ты должен каждый день искать общества святых, чтобы освежиться их словами".[51] "Давайте же, - пишет Климент, епископ Римский (*около* 95 г. н. э.), - собравшись вместе в согласии и с сердечным расположением, как из одних уст, истово взывать к Нему, чтобы нам стать причастниками Его великого и славного обетования".[52]

Св. Игнатий (*около* 107-10 гг. н. э.) в Послании к Ефесской церкви[53] пишет: "Итак, старайтесь чаще собираться вместе для благодарения Богу и для славы Его; ибо когда вы часто собираетесь вместе, силы сатаны низвергаются, и его злодеяния сводятся на нет в согласии вашей веры".

В своем письме к Поликарпу он говорит: "Пусть собрания проводятся чаще".[54]

Варнава (*ок.* 120-30 гг. н. э.): "Не оставайтесь поодиночке, как будто вы уже оправданы; но собирайтесь вместе и совещайтесь об общем благе".[55]

Иустин Мученик в своей первой *Апологии*, написанной в середине II века, довольно подробно описывает эти собрания братьев.[56]

Очень яркий отрывок содержится в письме Феофила, шестого епископа Антиохии, адресованном его другу Автолику. Оно датируется между 168 и 181 гг. н.э. Власть, которую эти собрания братьев оказывали на жизнь христиан, описывается следующим образом:

"Как в море есть острова... с убежищами и гаванями, в которых могут найти убежище терзаемые бурей, так Бог дал миру, гонимому и терзаемому грехами, собрания... в которых сохраняются учения истины, как на острове-гавани хорошей якорной стоянки; и в них устремляются те, кто хочет спастись... и кто хочет избежать гнева и суда Божия".[57]

III
ИЗ КОГО СОСТОЯЛИ ЭТИ СОБРАНИЯ ВЕРУЮЩИХ?

С самых первых дней можно с уверенностью сказать, что собрания или общины христиан состояли из представителей всех классов и сословий. Низшие классы, включая рабов, вольноотпущенников, ремесленников, мелких торговцев, несомненно, составляли большинство; но с самого начала среди них были и люди с положением, культурой и даже званием.

Во времена апостолов мы слышим о многих из них. Среди первых верующих были Никодим, Иосиф из Аримафеи, Варнава, Сергий Павел. В Деяниях vi. 7 упоминается большая компания священников, послушных вере. В главе x. рассказывается о сотнике, пославшем за святым Петром. Сам Павел и Стефан были людьми высокой культуры. Прискилла, жена Акилы, и Фива из Рим. xvi. 1, очевидно, были людьми со значительным достатком. В этих категориях можно назвать и других. Св. Иаков (ii. 14) в своей картине одного из таких собраний упоминает о присутствии богатых среди поклоняющихся. Тацит рассказывает о даме

знатного происхождения (*insignis femina*), которая, очевидно, принадлежала к числу христиан; а вскоре после этого некоторые приближенные императорского дома Домициана подверглись гонениям за веру.

Плиний, писавший Траяну, рассказывает, сколько людей всех сословий в провинции Вифиния присоединились к христианской секте.

Игнатий в начале II века, обращаясь к Римской церкви, высказывает опасения, что влиятельные члены церкви будут ходатайствовать за него и тем самым помешают ему быть выставленным на растерзание зверям в амфитеатре.

Римские христиане, обладающие богатством и положением, явно упоминаются Ермасом в *"Пастыре"* (Comm. x. 1), и он допускает присутствие таких людей в римской общине (Simil. i. etc.).

В знаменитом диалоге Минуция Феликса, написанном *около* 160 г. н. э., ораторы принадлежат к высшему сословию; они, под прикрытием тонко замаскированных имен, вероятно, были реальными личностями, хорошо известными в свое время. Сцена и сюжет письма, приводимые аргументы - все это, очевидно, исходило от высококультурного круга и было ему адресовано.

В трудах Иустина Мученика, датируемых примерно серединой второго века, содержатся различные упоминания о присутствии богатых и культурных людей в христианской общине Рима.

Климент Александрийский и Тертуллиан, чьи картины христианской жизни относятся к последним годам II века, убедительно свидетельствуют о том же факте. Климент даже написал специальный трактат под названием "*Какой богач может спастись?"*, в котором он обращается не к язычникам, целью которых было обращение в христианство, а к тем, кто был христианином и в то же время богатым.[58]

Тертуллиан снова и снова упоминает о присутствии богатых и знатных людей в христианских церквях, в таких отрывках, где он говорит о тысячах людей всех возрастов и рангов среди братии - чиновников империи, служащих императорского дома, юристов и даже людей сенаторского ранга. В своих страстных призывах он также выделяет модных дам и останавливается на их дорогих нарядах и драгоценностях.

Но самое яркое доказательство присутствия многих высокородных и богатых членов христианского братства в этой общине, восходящей к первобытным временам, все-таки существует в том удивительном Городе мертвых под пригородом Рима, который сейчас исследуется.

Эти римские катакомбы, как их называют, в большинстве случаев начинались в садах вилл богачей, а со временем их владельцы расширяли их, чтобы предложить гостеприимство гробницы своим более бедным братьям и сестрам.

Как мы увидим в нашей главе, посвященной этим важным воспоминаниям о раннем римском христианстве, по мере изучения кладбища за кладбищем мы все чаще натыкаемся на мраморные и каменные реликвии, рассказывающие о великих и влиятельных римских семьях, которые бросили свой жребий вместе с презираемыми и гонимыми людьми, принявшими историю Иисуса из Назарета, и которые вместе с рабами и мелкими

торговцами разделяли тяжелые испытания христианской жизни и принимали радости и утешение славной христианской надежды.

Эти поразительные воспоминания об умерших христианах, которые при жизни носили великие имена и обладали большими средствами, относятся к первому веку и далее. Одна из самых известных ранних катакомб, кладбище Домитилла, была делом рук членов императорской семьи - ближайших родственников императора Домициана.

Действительно, состав собраний христианского братства очень мало менялся со времен Петра и Павла до эпохи императора Константина. Однако численность этих собраний росла с удивительной быстротой. В первобытные времена таких собраний было, конечно, немного. К концу третьего века в Риме насчитывалось около сорока базилик, каждая со своим штатом служителей и своей отдельной общиной.[59]

IV
ЧТО ГОВОРИЛОСЬ И ДЕЛАЛОСЬ НА ЭТИХ СОБРАНИЯХ И ВСТРЕЧАХ БРАТЬЕВ

Иустин Мученик в своей первой *Апологии*, написанной до 139 г. н. э., дает нам хорошее представление об одном из этих первобытных христианских собраний в Риме. Ранняя дата написания этого труда позволяет нам составить точное представление о внешнем устройстве одного из важнейших факторов христианской жизни в первой половине второго века.

Юстин объясняет природу Евхаристии; затем он продолжает: "Мы постоянно напоминаем друг другу об этом. И богатые среди нас помогают бедным, и мы всегда держимся вместе; и за все, что нам дается, мы благословляем Создателя всего через Его Сына Иисуса Христа и через Святого Духа. И в день, называемый воскресеньем, все, кто живет в городах или в деревне, собираются в одном месте, и читаются "Записки апостолов" или писания пророков, насколько позволяет время; затем, когда чтец закончил, президент (собрания) в обращении наставляет и увещевает к подражанию добрым вещам (которые составляли предмет обращения). Затем мы все встаем и молимся; по окончании молитвы приносят хлеб, вино и воду, и председатель произносит молитвы и благодарения по мере своих сил; народ соглашается, говоря: "Аминь", и происходит раздача каждому и участие в том, за что была выражена благодарность; а тем, кто отсутствует, дьяконы посылают порцию.

"А те, кто состоятелен и желает, дают, что каждый считает нужным; и собранное передается председателю, который помогает сиротам и вдовам, и тем, кто по болезни или по другой причине находится в нужде, и тем, кто в узах, и страннику, живущему среди нас, - словом, заботится обо всех, кто нуждается".

"Воскресенье - это день, в который мы все проводим наше общее собрание".

Далее Иустин объясняет причину выбора воскресенья, особо останавливаясь на том, что в этот день Иисус Христос воскрес из мертвых.

Такова схема одного из этих примитивных собраний христианского братства, нарисованная очевидцем в первой половине второго века, самое большее через тридцать или сорок лет после смерти святого Иоанна.

Это небольшая картина собрания, состоящего из мужчин и женщин всех сословий, рабов и вольноотпущенников, ремесленников, торговцев и солдат, с некоторой примесью культурных и богатых людей, собранных вместе в первую очередь под давлением бремени ужасной печали жизни, по убеждению, сначала смутному, но с каждым днем становящемуся все более ясным и определенным, когда община слушала этих учителей, которые рассказывали о словах и деяниях Божественного Искупителя, посетившего эту землю ради них.

Ведь они собрались, чтобы больше услышать об Искупителе, который так недавно пребывал среди людей. Они слушали, пока христианский учитель, возглавлявший собрание, объяснял исторические слова, заповеди и обещания этого жалкого, любящего Учителя, вошедшего в их жизнь; затем они вместе принимали участие в мистической Евхаристической трапезе; и, вкушая священный хлеб и вино, как Он велел Своим последователям в память о Нем, Его смерти и страданиях ради них, они чувствовали, что Он действительно находится среди них, и что новая жизнь, новая надежда принадлежат им.

Догматическое учение в этих ранних собраниях было очень простым, но необычайно возвышенным. Оно давалось на понятном каждому языке. Оно доходило до сердец всех - и мудрых, и неученых. Евангельская история, чудесные слова Учителя - все это сразу становилось текстом и темой каждой проповеди и выступления.

Среди наших драгоценных реликвий первых дней мы имеем достаточно свидетельств того, что лежало в основе этого первобытного учения.

Божественный Бог, пришедший среди людей, совершил *искупление*; Он пострадал за них и Своими страданиями искупил их. Во всех самых ранних христианских писаниях, которыми мы располагаем, эта великая истина повторяется снова и снова. Христианское братство с обожанием любило и поклонялось Ему. Иисус Христос был центром всех их надежд, источником их странного, вновь обретенного счастья.[60]

Вкратце мы процитируем лишь некоторые из этих важных догматических высказываний, с которыми верующие встречались вместе.

Климент Римский - около 95 г. н. э:

"Устремим взор наш на *Кровь Христа* и поймем, как драгоценна она для Отца Его, потому что *пролита для нашего спасения*" - Еф. i. 7.

"Будем бояться Господа Иисуса, чья кровь была отдана за нас" - Еп. i. 11.

"Иисус Христос, Господь наш, отдал за нас кровь Свою, по воле Божией... жизнь Свою за жизнь нашу" - Еп. i. 49.

Игнатий Антиохийский - около 107-10 гг. н. э.

"Для меня очевидно, что вы живете не по людям, а по Иисусу Христу, умершему за нас, чтобы, веруя в Его смерть, вы избежали смерти" -Ер. *ad Trall.* 2.

"Его (Иисуса Христа) ищу, Который умер за нас; Его желаю, Который воскрес (ради нас)" -Ер. *ad Rom.* 6.

Рассказав о крестных страстях, Игнатий продолжает: "Ибо Он претерпел сие ради нас (чтобы мы спаслись)" -Ер. *ad Smyrn.* 1, 2.

"Даже небесные существа, и слава ангелов, и начальства видимые и невидимые, если не уверуют в кровь Христа (Который есть Бог), то и их ожидает суд" -Ер. *ad Smyrn*. 6.

"Ждите Его... Вечного, Невидимого, ставшего видимым ради нас; Бесстрастного, Непостижимого, пострадавшего ради нас, претерпевшего все ради нас."-Еп. *ad Polycarp*, 3.

Послание к Диогнету, начало II века, анонимное письмо:

"Он Сам взял на Себя бремя беззаконий наших, отдал Сына Своего во искупление за нас, Святого за преступников, непорочного за нечестивых, праведного за неправедных, нетленного за тленных, бессмертного за смертных".

"Ибо что иное могло покрыть наши грехи, как не Его праведность? Чем еще мы, нечестивые и нечестивые, могли быть оправданы, как не Единородным Сыном Божьим?"

"О сладостный обмен! О непостижимая работа! О благодеяниях, превосходящих ожидания, о том, что нечестие многих будет сокрыто в одном праведнике, и что праведность Одного оправдает многих преступников!"

"Итак, убедив нас в прежние времена, что наша природа не способна достичь жизни, и явив ныне Спасителя, способного спасти даже то, что (прежде) спасти было невозможно, Он обоими этими фактами хотел побудить нас довериться Его благости, считать Его нашим служителем-Отцом-Учителем-Советником-Исцелителем, нашей Премудростью, Светом, Честью, Славой, Силой и Жизнью."-Ер. *ad Diog*. ix.

Пастырь Ерма - написан *около* 140 г. н. э.

"Тогда Он Сам (Сын Божий), очистив грехи людей, указал им пути жизни, дав им закон, который Он получил от Отца Своего".

Послание Варнавы - *написано около* 120-50 гг. н.э:

"Ибо для того Господь претерпел предать плоть Свою тлению, чтобы мы могли быть освящены через прощение грехов, которое совершается Кровию Его от окропления" - Послание *Варнавы*, v.

"Итак, если Сын Божий, Который есть Господь (всего) и Который будет судить живых и мертвых, пострадал, чтобы удар Его даровал нам жизнь, то будем верить, что Сын Божий не мог пострадать иначе, как ради нас" - Еп. *Варнава*, vii.

"Возлюби Создавшего тебя и прославляй Искупившего тебя от смерти" - Еп. *Варнава*, xix.

Иустин Мученик - писал примерно между 114 и 165 гг. н. э:

"Исаия, - писал Иустин, - не посылал вас к умывальнику, чтобы вы смыли убийство и другие грехи; но те, кто покаялся, были очищены верой через кровь Христа и через Его смерть, Который умер именно по этой причине" - Диал. *с Трифоном*, xiii.

Говоря об Иисусе Христе, Иустин комментирует слова, написанные Моисеем и предсказанные патриархом Иаковом: "Он омоет одежды свои вином и одежды свои кровью виноградной". Это означало, что "Он (Иисус Христос) омоет верующих в Него Своей собственной кровью" -Dial. *with Trypho*, liv.

"Итак, если Отец всех пожелал, чтобы Его Христос взял на Себя проклятия всех, зная, что после того, как Он был распят и умер, Он воскресит Его".....

"Ибо хотя Отец Его и побудил Его претерпеть все это за род человеческий" .....

"Если Отец Его пожелал, чтобы Он пострадал таким образом, то для того, чтобы полосами Его исцелился род человеческий" - Диал. *с Трифоном*, xcv.

"И как кровь Пасхи спасла тех, кто был в Египте, так и кровь Христа избавит от смерти тех, кто уверовал" - Диал. *с Трифоном*, cxi.

Почти во всех этих реликвиях самого раннего христианского учения обильно использовалась замечательная 53-я глава Исаии, в которой еврейский пророк с поразительной точностью набросал некоторые из основных черт ужасной драмы Божественного искупления за все грехи.[61] Местом действия этой драмы был легендарный Святой город, а Тем, Кто совершил великое искупление, был Тот, Кто на земле был известен как Иисус Христос, а на небе - как Сын Божий.

Приведенные выше отрывки из "Catena Aurea" (золотой цепи) взяты из имеющихся у нас трудов самых ранних учителей христианства, писавших в течение пятидесяти лет после кончины возлюбленного апостола Иоанна, и они точно говорят нам *о* том, какая доктрина была донесена до Братства в ранних собраниях христиан, о которых мы здесь говорим.

В учение этих ранних собраний, несомненно, входили и другие догмы, такие как воскресение плоти; великая расплата перед Судьей, перед которой содрогнулись бы даже праведники, если бы не то, что Судья был в то же время их Искупителем и любящим Другом. Постоянно говорилось о невыразимых радостях Рая, сада их Бога и Спасителя, и эта добрая весть, как роса с неба, падала на утомленных миром, печальных слушателей.

Но великая доктрина "Искупления", одновременно простая и возвышенная, так часто повторяемая в цитированных выше словах самых первых учителей, несомненно, была самым сильным побуждением, которое заставляло христиан часто встречаться вместе, была той ниточкой, которая связывала их в одно братство и в то же время соединяла их с любящим Учителем.

Это была новая проповедь, тайна великой Божьей любви, превосходящей разумение, которая возбуждала удивительные и волнующие душу страхи и надежды и наполняла маленькие темные коридоры и низкие часовни римских катакомб, которые верующие часто использовали как места встреч для учения и молитвы, тем, что казалось группам верующих поистине Божественным светом; И для этих раннехристианских верующих мрачные, грубо отесанные спальные места мертвых, по которым сейчас бродит и удивляется путник-пилигрим, казались преддверием небес.

Мы с некоторой настойчивостью остановились на догматическом учении, которое, без сомнения, составляло часть, и отнюдь не маловажную, процедуры первобытных собраний христиан; ведь часто утверждается, что великими узами, объединявшими братьев и сестер самой ранней Церкви , были лишь прекрасная взаимная любовь и благотворительность, проявлявшиеся на этих собраниях.

В этом утверждении есть доля истины. Это была новая жизнь, которую проповедовало и в определенной степени проживало христианское братство. Это была жизнь, совершенно

отличная от той, что существовала до того, как Искупитель вошел и вышел среди людей. Мы еще остановимся на этом; но никогда не следует забывать, что главной движущей силой этой новой жизни было учение о Кресте - об *Искуплении*, совершенном Тем Божественным, Кто основал новую религию.

Вера в высшую Божественность Иисуса, пришедшего с небес, чтобы искупить людей, лежала в основе удивительной любви и безграничного милосердия, живших в их среде, - любви, которая очаровывала сердца людей всех сортов и состояний и привлекала все больше и больше уставших и обремененных тяжелым трудом мужчин и женщин присоединиться к обществу христиан.

Милостыня

Обязанность и радость материально помогать бедным и печальным братьям и сестрам общины стали страстью в жизни многих богатых и обеспеченных членов каждой общины; в густонаселенных центрах обилие публично или частным образом подаваемых милостынь служит верным свидетельством того, что многие обеспеченные и даже богатые люди уже в ранние времена были причислены к христианам.

Великолепная благотворительность Церкви первых дней, несомненно, во многом способствовала быстрому распространению религии Иисуса. Любовь христиан первых времен друг к другу была очень реальной. "Посмотрите, - говорит Тертуллиан (*Apol.* xxxix.), цитируя языческую оценку нового общества, - как они любят друг друга". А Цецилий (в *"Минуции Феликса"*, ix.) говорит нам, что "они любят друг друга почти до знакомства".

Юстин Мученик в уже цитированной картине христианского собрания в первой половине второго века, как мы видели, подробно рассказывает о назначении собранной милостыни.[62]

Тертуллиан, писавший в последние годы того же века о том, что происходило на этих собраниях братьев, рассказывает, как "каждый из нас вносит небольшую сумму в один из дней месяца или когда ему угодно, но только если ему угодно и если он в состоянии; ибо в этом деле нет никакого принуждения, каждый вносит по своей воле. Собранные таким образом суммы расходуются на бедных сирот, на поддержку стариков, ... на тех, кто находится в рудниках, или в ссылке, или в тюрьме, если только их бедственное положение служит для общения с Богом".

Мы замечаем, как часто повторяется, что все эти пожертвования являются исключительно добровольными - идея коммунизма[63] была абсолютно неизвестна в Церкви первых дней. Постоянно признается тот факт, что были богатые и бедные. Это особенно заметно в гробницах катакомб, где богатых укладывали спать в дорогих и даже великолепно украшенных покоях, выходящих из коридоров, где нежно и благоговейно хоронили тела более бедных, но в гораздо более скромных и неукрашенных местах упокоения.

Менее чем через пятьдесят лет после времени Тертуллиана Корнелий, епископ Рима, в письме, написанном *около* 250 г. н. э. (цитируется Евсевием, *H. E.* vi. 43), дает нам довольно исчерпывающий каталог должностных лиц и людей, оказавшихся в беде благодаря добровольным пожертвованиям Римского братства. Он перечисляет сорок шесть пресвитеров, семь диаконов, семь иподиаконов, сорок два аколита, пятьдесят два экзорциста, чтеца и привратника, а также пятнадцать сотен вдов и нищих, постоянно содержащихся за счет милостыни верующих.

Из упоминаний в трудах II века видно, что милостыня в Церкви первых дней занимала в сердцах верующих более высокое место, гораздо более важную позицию, чем в догматическом учении средневековья и еще более поздних времен.

Неизмеримая работа, совершенная благословенным Искупителем, никогда не преуменьшалась самыми ранними и авторитетными христианскими учителями, как мы видели из нашей небольшой цепочки процитированных отрывков; но бесспорно, что они считали, что что-то может быть сделано самими людьми. Милостыня, по мнению этих первых наставников, занимала очень высокое место в новой прекрасной жизни, к которой они учили стремиться людей, любящих Господа.

Мы приведем несколько ярких примеров этого очень раннего учения, которое, конечно же, вдалбливалось Братству, собиравшемуся на эти первобытные собрания; и в значительной степени мы видим, что это несколько своеобразное догматическое учение о ценности милостыни оказывало заметное и поразительное воздействие на слушателей.

Например, в *Дидахе* (Учении апостолов), написанном в последние годы первого века, мы читаем:

"Если ты владеешь (чем-либо) руками твоими, то дай выкуп за грехи твои" - *Дидахе*, iv.

Эта идея не была новой в древнееврейском богословии; см. Дан. iv. 27: "Отделай грехи твои праведностью, и беззакония твои - милостью к бедным". См. Пр. xvi. 6, а также Тов. xii. 8, 9.

Так и в *Заветах XII. Патриархов*, изданных в первой четверти II века:

"Ибо, насколько человек жалок к бедным, настолько Господь будет жалок к нему" (Забулон 7).

"Итак, милостыня - благое дело, как и покаяние в грехах. Пост лучше молитвы, а милостыня - того и другого; и "любовь покрывает множество грехов"[64] , а молитва от доброй совести избавляет от смерти. Блажен всякий человек, исполненный всего этого. Ибо милостыня снимает бремя греха". *2-е Послание Климента* (часть древней гомилии, изданной *около* 130-150 гг. н.э.).[65]

S. Киприан в середине III века превращает милостыню в формальное средство благодати, а также придает милостыне явное умилостивительное значение, представляя ее как средство продления действия крещения и устранения последующих немощей.[66]

*Лактанций (*Lactantius-Inst. vi. *12*) - около конца IV века:

"Милосердие имеет великую награду (*magna est misericordiæ merces*), ибо Бог обещает ему отпущение всех грехов".

S. Златоуст говорит об этом как о "лекарстве от наших грехов".

В *Апостольских конституциях*, vii. 12 (вероятно, в том виде, в каком они дошли до нас, они были изданы в конце IV или в начале V века), мы читаем:

"Если ты имеешь (приобрел что-либо трудом рук своих), отдай, чтобы потрудиться для искупления грехов твоих; ибо милостыней и делами веры очищаются грехи".

Все это несколько преувеличенное развитие учения, которое в первобытной Церкви, несомненно, возводило милостыню на главное место в христианской практике; но то, что благотворительность и доброта к бедным и нуждающимся в первобытные времена часто рассматривались положительно как *формальное средство благодати*, ясно из только что приведенных весомых ранних ссылок, среди сторонников которых такие уважаемые имена, как Киприан и позднее даже Хризостом. Однако то, что это была преувеличенная оценка, ясно из слов Павла в его изысканном псалме о любви (1 Кор. xiii.), где под общим термином "любовь" или "благотворительность" он явно включает многое, помимо простой милостыни.

Но, если не принимать во внимание это несколько любопытное развитие и, возможно, преувеличенный взгляд, остается неоспоримым тот факт, что милостыня призывалась к первобытным общинам христиан с силой и настойчивостью, совершенно неизвестными в средние и современные времена; и великолепная добровольная щедрость по отношению к бедным, нуждающимся и покинутым не только со стороны обеспеченных людей, но и всех, кто имел что-либо дать, как бы мало это ни было, несомненно, была важнейшим элементом быстрого распространения христианской религии. Оно, как ничто другое, демонстрировало настоящую и сильную любовь христиан друг к другу. Это было поистине братство, и постоянно, даже в самых возвышенных кругах,[67] вызывало неодобрительное восхищение самых злейших врагов религии Иисуса.

Ранние упоминания здесь столь многочисленны, столь трогательны, столь настойчивы, что привести даже малую их часть было бы просто невозможно. Однако несколько примеров из ранних трудов покажут, в чем заключались увещевания и учения, которые, как мы знаем, звучали на каждом из ранних собраний христианского братства.

1-е Послание Климента к Коринфянам (*около* 90 г. н. э. или ранее) было хорошо описано как непревзойденное в раннехристианской литературе, как тщательно продуманное и эффективное произведение, освещенное всей братской любовью Церкви.

В Послании встречаются такие фразы, как: "Кто не возвещал о твоем великолепном гостеприимстве (к чужестранцам) - ты делал все без различия лиц... ты более готов давать, чем брать. День и ночь ты мучился за все Братство, чтобы сравнением и заботой спасти число избранных Божьих. Вы никогда не жалели о проявленной доброте, но были готовы к любому доброму делу".

В *Дидахе* (Учение апостолов) мы встречаем такие указания, как.

"Всякому просящему у тебя дай, и не проси взамен; ибо всем Отец хочет дать по Своей милости".

"Блажен, кто дает..... Пусть милостыня твоя падает, как пот, на руки твои, пока ты знаешь, кому даешь". Последнее предписание, судя по тому, как оно введено, вероятно, является ссылкой на некое неписанное традиционное изречение, произнесенное самим Господом.- *Дидахе*, i.

"Не медли давать, и, давая, не ропщи" - Дидахе, iv.

"Не отвращайся от нуждающегося, но разделяй все с братом твоим, и не говори, что это твое: ибо если вы причастники в том, что бессмертно, то тем более в том, что смертно" - Дидахе, iv.

Аристид - около 130-40 гг. н.э:

"Они (христиане) любят друг друга, и от вдов не отвращают своего лица, и спасают сирот... и тот, кто имеет, дает тому, кто не имеет, без обиды... и если они слышат, что кто-либо из их числа заключен в темницу или притесняется за имя их Мессии, все они обеспечивают его нужды..... И если есть среди них человек бедный и нуждающийся, а у них нет изобилия необходимого, то они постятся два или три дня, чтобы снабдить нуждающегося необходимой пищей."[68] -Apol. xv.

Гермас - пастух, около 135-40 гг. н.э:

"Вы знаете, что вы, рабы Божии, живете в чужой земле, ибо город ваш далеко от этого города. Если же вы знаете город, в котором вам предстоит жить, то для чего же вы устраиваете себе здесь поля и дорогую роскошь? Тот, кто делает такие запасы для этого города, не собирается возвращаться в свой город..... Вместо полей покупайте души, попавшие в беду, по мере сил и возможностей каждого из вас. Посещайте вдов и сирот и не пренебрегайте ими; тратьте на такие поля и дома, Бог дал вам ваше богатство и все ваше приобретение. Владыка наделил вас богатством, чтобы вы совершали для Него такое служение.

"Гораздо лучше покупать поля, имения, дома такого рода. Ты найдешь их в своем городе, когда посетишь его. Такие расходы благородны и радостны: они приносят радость, а не страх и печаль" - Simil. i.

Харнак, *"Миссия и т. д. христианства*" (кн. ii. гл. i.), комментируя этот отрывок *Пастыря*, приводит интересное и наводящее на размышления примечание, в котором он говорит: "При всей энергичности своих советов Ермасу, однако, не приходит в голову, что в Церкви должно прекратиться различие между богатыми и бедными. Это ясно из следующей Симилитуды или Притчи (ii.). Также и слова Иисуса, S. John xii. 8, "Бедные всегда с вами", показывают, что отмена различия между богатыми и бедными никогда не рассматривалась в Церкви."

Ермас-Пастырь: "Не колеблясь, кому давать или не давать, ибо Бог желает, чтобы Его дары были общими для всех" - комм. 2.

"Спасать рабов Божьих от нужды - быть гостеприимным, ибо в гостеприимстве добро находит себе поле" - комм. 8.

Послание Поликарпа (написано в начале II века):

"В любви к братству, доброжелательно относясь друг к другу... когда вы в состоянии сделать добро, не откладывайте его, ибо жалость избавляет от смерти" - *Послание*, 10.

Краткий очерк практической стороны учения, звучавшего на этих собраниях братьев, завершит наше описание этих первобытных христианских собраний. Учение касалось обязанностей, по большей части абсолютно новых для римского мира первого и второго веков нашей эры. Неизбежные обязанности, которые вдалбливались слушателям, были обязанностями, как правило, совершенно неизвестными ни знатным, ни ремесленникам, ни рабам в римском обществе первых трех веков. Если бы они были выполнены, то в корне изменили бы прежний взгляд на жизнь, существовавший во всех слоях римского мира.

Как и прежде, мы черпаем наши сведения исключительно из сохранившихся до нас остатков очень ранних христианских писем (Посланий) и трактатов известных и почитаемых учителей Братства.

Практическая сторона учения, проводимого на собраниях, в значительной степени основывалась на странных, красивых, но совершенно новых изречениях Основателя религии. Это был, по сути, новый язык, который использовался:

"*Возлюби ближнего своего, как самого себя*". В наставлениях, которые давались в первых собраниях, давалось определение понятия "ближний" и объяснялось, как именно должна проявляться предписанная любовь.

Во всех раннехристианских сочинениях лицами, которым следует помогать в первую очередь, неизменно оказывались "*вдовы и сироты*" нового общества; например, *Иаков*, ученик Господа, пишет, что "чистая религия и непорочная перед Богом и Отцом состоит в том, чтобы посещать отцов и вдов в их скорбях" и т. д. (i. 27).

Гермас, около 135-40 гг. н. э., в своем списке добрых дел, которые следует совершать после веры и страха Господня - любовь, согласие, слова праведности, истина, терпение - помещает "помощь вдовам, заботу о сиротах" - *Пастырь*, комм. viii.

Аристид - около 130-40 гг. н. э. - уже цитировался.

Климент Римский - около 90 г. н. э. - приводит одну из своих цитат: "Он, Владыка Вселенной, говорит: ... Дайте суд сироте и исполните правду вдове"-*1 Послание*, 8.

Лактанций, примерно в последние годы четвертого века, в своем каталоге различных видов благодеяний и дел милосердия, которые были особенно предписаны христианам, дважды останавливается на этом особом деле, а затем пишет: "Не менее великое дело справедливости - защищать и охранять сирот и вдов, которые лишены средств к существованию и нуждаются в помощи, и поэтому Божественный закон предписывает это всем" и т.д. ..... И снова: "Ибо Бог, которому принадлежит вечное милосердие, повелевает защищать и лелеять вдов и сирот, чтобы никто по уважению и жалости к своим близким не был лишен возможности претерпеть смерть (*т.е.* мученичество)"... "но должен встретить ее с готовностью и верой, поскольку знает, что оставляет своих близких на попечение Бога и что они никогда не будут нуждаться в защите". Этот последний убедительный аргумент, повторенный Лактанцием, несомненно, часто приводился в дни стрессов и испытаний.

Эти самые ранние упоминания можно было бы умножить; мы находим это предписание снова и снова повторяющимся. Не будет преувеличением утверждать, что среди бедных и печальноглазых, поставленных перед общинами верующих для помощи, бедная вдова и сирота занимают первое место.

Больные.- Посещение больных и раздача милостыни братьям, общественным и частным, также призывались как неизбежная обязанность. Это стояло на первом месте во всех их увещеваниях, и на это предписание всегда щедро откликались. Приводить ссылки здесь, где их так много, было бы излишне. Достаточно слов Лактанция в его кратком изложении, о котором шла речь выше, чтобы показать, каково было мнение Церкви, и как это желание Учителя постоянно подчеркивалось.

Иустин Мученик хорошо подытожил любимую обязанность: "Взять на себя заботу и поддержку больных, которые нуждаются в чьей-то помощи, - это часть величайшей доброты и великого благодеяния; и тот, кто сделает это, принесет живую жертву Богу, и то, что он дал другому на время, он сам получит от Бога навечно" - Иустин, vi. 12.

Раздача милостыни больным занимала столь важное место в увещеваниях, обращенных к христианам первых дней, что предписания помогать больным страдальцам, похоже, нередко выходили за пределы круга "дома веры". Например, св. Киприан по случаю великой чумы в Карфагене в 252 г. н. э. в одном из своих обращений говорит своим слушателям, что в заботе о своих людях нет ничего удивительного, но, конечно, тот, кто хочет стать совершенным, должен делать больше; он должен любить даже своих врагов, как наставляет и ожидает Господь.

"Наш долг - не отставать от наших великолепных предков". В собственных великих непереводимых словах святого епископа: "Respondere nos decet natalibus nostris".[69] Христиане Карфагена в ответ сразу же собрали среди себя богатый фонд и, образовав компанию для помощи больным, помогали абсолютно всем без разбора, были ли больные язычниками или христианами.- Понтий, *Жизнь Киприана*.

Евсевий (*Н. Е.* ix. 8) дает патетическую картину великой моровой язвы, свирепствовавшей в конце третьего века, и отмечает самоотверженное поведение христиан по отношению ко всем больным и умирающим, не обращая внимания на вероисповедание страдальца.

На этот великолепный альтруизм "безбожного галилеянина" ссылался император Юлиан: "Они заботятся не только о своих, но и о наших бедных", - писал великий император; "*нашим бедным* не хватает нашей заботы", - таков был его горький упрек язычеству - Письмо *к Арсацию*.

Гостеприимство было еще одной настоятельной рекомендацией, которую раннехристианские учителя настойчиво внушали своим пасомым. Климент Римский (цитата выше) в I веке останавливается на этой особой добродетели в своем Послании к Коринфской церкви.

В "Дидахе", относящемся к концу I века, говорится следующее. "Если пришедший - путник, помоги ему в меру своих сил" (гл. xii.).

В этом очень раннем трактате много говорится об обязанности заботиться о незнакомых людях, но здесь особенно рекомендуется остерегаться всякого самозванства.

Гермас в *"Пастыре"* пишет: "В гостеприимстве добрые дела находят себе поле" (Comm. viii.).

Аристид, процитированный выше, рассказывает, как христиане, "увидев странника, приводят его в свои жилища и радуются ему, как истинному брату".

Иустин Мученик (цит. выше), изображая христианское собрание в воскресенье, особо указывает, что из милостыни, вносимой верующими, следует помогать "странникам, живущим среди нас".-1 *Apol.* lxvii.

Мелито из Сардиса - так сообщает нам Евсевий, *Н. Е.* iv. 26 - написал трактат "О гостеприимстве".

Киприан прямо предписывает, чтобы расходы любого чужестранца, который может оказаться в нужде, оплачивались из определенных денег, которые он оставил для этой цели - Еп. vii.

Среди других прямых указаний на эту обязанность можно привести Тертуллиана, *ad Uxor.* ii. 4, и *Apost. Constit.* iii. 3; император Юлиан в своем письме к Арсакию желает, чтобы язычники подражали этим христианским обычаям.

Этот поразительный и уникальный обычай, который, несомненно, во многом способствовал возникновению чувства христианского братства, был, конечно же, основан на указаниях, столь часто повторяемых в новозаветных посланиях.

"Не забывайте принимать странников, ибо таким образом некоторые принимали Ангелов, не подозревая о том", Евр. xiii. 2. "Раздавайте на потребу святых, преданных гостеприимству", Рим. xii. 13. "Оказывайте гостеприимство друг другу, без обиды", 1 Пет. iv. 9. "Возлюбленные, поступайте верно, как с братьями, так и с чужими", 3 Иоанна 5 и т. д.

Эта настоятельная рекомендация практиковать гостеприимство в новозаветных Посланиях Петра и Павла, Иоанна и автора Послания к Евреям, настойчиво и искренне повторяемая писателями второго и третьего веков, была, как рассказывает Юстин Мученик в своем изображении воскресного собрания христиан, включена в число особых увещеваний к братьям, призывающих их к щедрой милостыне.

Долг "гостеприимства", который на этих собраниях вдалбливается как достаточно важный, чтобы встать в один ряд с требованиями вдовы, сироты и больного бедняка, нуждается в нескольких словах объяснения.

В первые дни христианства необходимо помнить, что обширный мир Рима не состоял, как в средние и современные времена, из разных наций и народов, но что римский мир был един, что люди были подданными одной великой империи, что переходы из страны в страну были гораздо более распространены, чем в последующие времена; и что христиане, будь они из Азии или Греции, Италии или Галлии, составляли одно великое братство.

Для христианина, приехавшего в чужой город, найти там сразу же дом и теплый прием, а если он беден и нуждается, то помощь и поддержку, было бы очень сильным побуждением для многих присоединиться к новому Обществу, в котором жил такой дух любящего братства и доброты.

Были предусмотрены специальные средства для общения посредством писем, посланий и других средств. Цецилий в *"Минуции Феликса"* (с. ix.), раннем сочинении, относящемся, как мы уже говорили, к середине II века или даже раньше, особо отмечает, что "христиане узнают друг друга с помощью тайных знаков и знамений и любят друг друга почти до знакомства".

Именно для того, чтобы воплотить в жизнь этот далеко идущий дух братства, апостолы и их преемники так настойчиво настаивали на новой и прекрасной обязанности "гостеприимства". Это было практическим доказательством того, что все христиане действительно братья и сестры - "что доброта среди христиан была не бессильной претензией или бледным идеалом, но силой, которая была развита со всех сторон и реально осуществлялась в обычной повседневной жизни".

Мы уже подробно останавливались на основных целях, на которые направлялись милостыни Братства, так усердно просимые на различных еженедельных собраниях; однако, помимо них, были и другие "причины", о которых просили - несомненно, главным образом в таких крупных центрах, как Рим, где часть богатых и обеспеченных людей участвовала в небольших собраниях; среди них важное место занимали помощь и поддержка "узников веры".

Многие христиане, особенно в более острые периоды гонений, были арестованы и заключены в тюрьму правительством, и не мало было осужденных на суровую дисциплину рудников. Иустин Мученик особенно часто называет помощь заключенным христианам в качестве одной из регулярных целей, на которые направлялась часть сборов на "собраниях".

Помочь им было делом любви, если не абсолютного долга. "Если, - писал Аристид в своей цитированной выше *"Апологии"*, - христиане узнают, что кто-то из их числа заключен в темницу или находится в бедственном положении ради Имени Христова, они все должны оказать помощь такому человеку в его нужде" - Апол. xv.

См. также, среди прочих ссылок, Евр. x. 34; Tert. *ad Mart*. i. и *Apol*. xxxix.

Другой и особой целью милостыни, на которую настаивали верующие, была помощь другим и, возможно, отдаленным Церквам, которые по той или иной причине испытывали нужду. Мы видим, что к этому призывали христианские общины даже в апостольские времена.

В Посланиях Святого Павла к Галатам, Римлянам и Коринфянам мы находим различные призывы к щедрости этих ранних общин, чтобы помочь Церкви в Иерусалиме. Глубокая бедность этой знаменитой Церкви, как мы уже предположили, вероятно, была вызвана попыткой иерусалимских христиан буквально воплотить в жизнь идею общности благ.

В письме Дионисия Коринфского к Римской Церкви, написанном *около* 170 г. н. э. и цитируемом Евсевием, *Н. Е.* iv. 23, мы находим упоминание об этой щедрости как об известном обычае сравнительно богатой римской общины. "С самого начала, - писал Дионисий, - у вас была такая практика - помогать всем братьям во многих отношениях и посылать пожертвования многим церквям в каждом городе... Этими дарами вы поддерживаете наследственный обычай римских христиан, который ваш епископ Сотер не только сохранил, но даже расширил". В третьем веке Дионисий, епископ Александрии, в письме Стефану, епископу Рима, упоминает о щедрой помощи, оказанной бедным церквям Сирии и Аравии. "Им, - говорит он, - вы регулярно посылаете помощь" -Euseb. *Н. Е.* viii. 5.

Игнатий, ссылаясь на эту благородную щедрость римских общин уже в первые годы II века, называет Римскую Церковь "вождем любви".

Киприан в середине третьего века несколько раз упоминает о том, как церковь в Карфагене, очевидно, богатая община, имела привычку посылать помощь другим нуждающимся общинам.

Но в новаторском учении первых христианских учителей было одно место, которое, как кажется, сразу же приковало внимание слушателей, а его всеобщее принятие сразу же завоевало необычайную, возможно, небывалую популярность в рядах христиан. Это был совершенно новый отход от всех обычаев, распространенных в римском мире, - предписание благоговейно ухаживать *за телами умерших бедняков*.

Император Юлиан в своем кратком изложении главных, по его мнению, моментов ненавистной христианской системы, завоевавшей столько сердец, особенно обращает на это внимание. Он написал здесь такой замечательный комментарий:

"Этому безбожию (*то есть* христианству) в основном способствует благотворительность по отношению к чужестранцам и *внимательное отношение к пожертвованиям умерших*" - Письмо *к Арсакию*, в Соз. v. 15.

Лактанций в своем обзоре христианских добродетелей, к которым призывали великие учителя новой религии и которые в значительной степени практиковались в первые века, дает заметное и подробное упоминание об этом благочестивом и любящем обычае и поразительно пишет следующее: "Последняя и величайшая обязанность благочестия - хоронить чужих и бедных", добавляя, что самые благородные языческие учителя

добродетели и справедливости вообще не касались этой неизбежной обязанности. Они, добавляет он, оставляли это без внимания, поскольку не видели в этом никакой пользы.

Некоторые из этих языческих учителей, продолжает он, даже считали погребение излишним, добавляя, что нет ничего плохого в том, чтобы лежать непогребенным и заброшенным.

Великий писатель четвертого века подробно излагает причины, побудившие христиан с такой нежностью заботиться о своих уснувших собратьях: "Мы не потерпим, чтобы образ и творение Божие лежало, как добыча зверей и птиц, но вернем его в землю, из которой он был взят; и хотя в случае с неизвестным человеком, мы заменим его родственниками, место которых, поскольку их нет, пусть займет благожелательность" - Лактанций, *Inst.* vi. 12.

Аристид в середине II века останавливается на нежной заботе христиан об умерших: "Когда кто-либо из их бедных уходит из мира, один из них (братья) заботится о нем и заботится о его погребении в соответствии со своими средствами" - Апол. xv.

Аристид имеет в виду частную благотворительность отдельных членов общины, которая в первые века часто была очень щедрой. С другой стороны, Тертуллиан, пишущий о той же обязанности заботиться о братьях, включает расходы на "погребение бедных" в общий фонд, формируемый из денег, вносимых на общественных собраниях Братства -Apol. xxxix.

Поскольку сумма, необходимая для этих погребений и последующего ухода за местами упокоения христиан, была очень значительной, общественные сборы, проводимые на собраниях, обязательно часто дополнялись частной милостыней.

Вся эта забота об останках усопших находила отклик в многочисленных сердцах оставшихся в живых близких и, очевидно, занимала важное место среди причин, привлекавших многих в ряды христианского братства.

В нашей маленькой картине ранней христианской жизни Рим и его могущественная Церковь обычно выбираются в качестве места действия. В этом примитивном обычае благоговейной заботы об умерших - заботы, которая охватывала как очень бедных, так и богатых и обеспеченных людей, - мы видим причины, которые привели к зарождению огромного города христианских мертвых - удивительного города, известного как римские катакомбы. Он будет подробно описан в этой работе: строительство и раскопки бесконечных коридоров, личных покоев, часовен и залов собраний начались еще до конца первого века христианской эры и продолжались в течение двух с половиной столетий - долгой эпохи гонений.

Они являются мощным и постоянным доказательством правильности многого из того, что было изложено на предыдущих страницах о жизни, о надеждах и идеалах, которые лелеяли ученики Иисуса на том первом этапе тревожных испытаний и страшных опасностей.

Картины, нарисованные ниже, в главах, посвященных катакомбам Рима, являются прекрасными современными иллюстрациями того, что в трудах Аристида, Тертуллиана и Лактанция говорится о торжественном долге перед мертвыми, на котором с таким трогательным красноречием настаивали первобытные общины верующих.

V
РАБ В ЖИЗНИ РАННИХ ХРИСТИАН

В этих ранних собраниях христиан всегда присутствовал один класс людей, не имевших ни звания, ни места в римском обществе, - класс, в котором, по словам Цицерона, не могло существовать ничего великого или благородного. Рабство было хорошо охарактеризовано как "самая страшная черта развращенности Древнего Рима, которая распространялась на все классы общества". С экономической точки зрения, "бедный гражданин обнаруживал, что почти все сферы, в которых можно было получить достойные средства к существованию, полностью или, по крайней мере, в очень большой степени заняты рабами". В моральном плане "рабское население было рассадником порока и заражало всех, с кем вступало в контакт".[70]

Какое же место занимал раб в раннехристианском обществе? Совершенно очевидно, что у первохристиан не было и мысли об отмене рабства. Оно было частью древнего общества, и они принимали его даже между собой - очевидно, не предпринимали никаких усилий, чтобы отменить его; но их взгляд на него в действительности нанес смертельный удар по этому несчастному и жалкому институту. Правда, в то время как христианство постепенно изменяло наиболее болезненные и неприятные черты рабства своим примером и наставлениями, лишь спустя долгие-долгие годы ему удалось путем бескровной революции уничтожить ужасное проклятие: "Мельницы Божьи мелют медленно".

Но Новый Завет просто предписывает рабам быть верными и послушными. В послании к Филимону Павел даже не намекает на освобождение раба Онесима, который был ему очень дорог.

В 1 Кор. vii. 20 Павел призывает каждого человека пребывать в том призвании (*то есть* в том состоянии жизни или состоянии), в котором он находился, когда был призван Богом; и даже советует рабу довольствоваться тем, чтобы оставаться рабом, даже если представится возможность стать свободным; именно такое толкование дает цепь лучших толкователей словам "лучше пользуйся им". См. также Еф. vi. 5-9; Тит. ii. 9; 1 Пет. ii. 18.[71]

Самые ранние христианские писания придерживаются того же взгляда на вопрос о рабстве, который мы находим в Посланиях Павла и Петра. Так, в *"Дидахе"* мы читаем: "Ты не должен давать указаний в гневе рабу твоему или рабыне твоей, которые уповают на того же Бога, чтобы они не убоялись Господа, Который над вами обоими; ибо Он приходит призвать людей не по внешнему их положению, но приходит к тем, кого Дух приготовил. А вы, рабы, будьте покорны своим господам, как образу Божию, в скромности и страхе" (гл. iv).

Аристид пишет следующее: "Что же касается их слуг или подручных, или их детей, если у кого из них есть дети, то они (христиане) убеждают их стать христианами по любви, которую они к ним питают; и когда они становятся таковыми, то называют их без различия братьями" - Апол., гл. xv.

Но хотя рабство как институт[72] оставалось до поры до времени практически нетронутым, христианство в своих кругах произвело немедленные и значительные изменения в положении раба: "Оно установило новый порядок отношений, в котором отношения классов были неизвестны, и придало новое достоинство подневольным классам".[73]

В собраниях христиан первых дней, на которых мы останавливались, социальная разница между господином и рабом была совершенно неизвестна. Они стояли на коленях бок о бок, когда принимали Святую Евхаристию. Они сидели бок о бок, когда давались наставления и

объяснялись слова Господа Иисуса. Их молитвы вместе возносились к крышке милосердия Вечного. Нередко раба назначали учителем; высшие должности в общине[74] то и дело занимали избранные члены рабского сословия. Они страдали вместе со своими хозяевами и разделяли с ними славу мученичества.

Деяния рабов-мучеников читались в общинах верующих, и их памяти воздавались самые высокие почести и почитание. Рабыни Бландина Лионская, Фелицита Карфагенская, Эмерентиана Римская, приемная сестра Агнессы, знаменитой мученицы, - эти имена заслуженно занимают высокие места в истории ранних героинь Церкви.

Но хотя рабство все еще признавалось в новом Обществе, которое внешне не делало резких изменений, которое не желало внезапного и насильственного выкорчевывания старого Общества, в обычном представлении о рабе произошла удивительная перемена.

Выдержка из письма Паулина из Нолы к Сульпицию Северу, ученику и биографу святого Мартина Турского (*примерно* последние годы IV века), даст некоторое представление о том, с каким уважением христианские мыслители относились к рабам - членам общины. Поблагодарив Сульпиция за присланного ему молодого раба, Паулин из Нолы, признав в рабе искреннюю и благочестивую душу, пишет своему другу следующее: "Он служил мне, и горе мне, что я позволил ему быть моим слугой, что тот, кто не был рабом греха, должен еще быть в услужении у грешника! Я, недостойный, каждый день заставлял его мыть мне ноги; и не было такой работы, которую он не выполнил бы, если бы я ему позволил, так не щадил он свое тело, так следил ful за своей душой. В этом юноше я почитаю Иисуса Христа, ибо, несомненно, всякая верная душа исходит от Бога, а всякий смиренный сердцем человек - из самого сердца Христова".[75]

Нет сомнений в том, что это авторитетное учение христианских господ о совершенном равенстве рабов в глазах Бога и последующее нежное и часто любящее обращение с христианами, принадлежащими к презираемому и угнетенному классу, очень не нравилось более вдумчивым представителям языческой аристократии Рима, и что это учение и практика христиан в отношении огромного класса рабов в языческой империи занимали важное место среди опасностей, которые, по их мнению, угрожали существованию старого положения вещей. Подобные серьезные соображения должны были сильно повлиять на умы таких людей, как Пий, Марк и их окружение, прежде чем они решили проводить свою жестокую политику преследований.

Римляне старой школы вполне могли позволить себе относиться с относительным безразличием к предоставлению прав любому количеству христианских рабов. Вольноотпущенники, особенно в императорском доме, были очень многочисленны во времена Антонинов. Но учение о том, что эти рабы - пока *они еще рабы - были* их братьями и к ним следовало относиться с любовью и почтением, было новой и тревожной мыслью в империи великих Антонинов.

У Леки в его *"Истории европейских нравов"* (глава iv.) есть прекрасный отрывок, в котором он суммирует основные черты нового движения христианского милосердия и его результаты для всего мира. Он гласит следующее:

"Нет такого факта, который историк осознавал бы более устойчиво или более болезненно, чем огромная разница между важностью и драматическим интересом предметов, которые он рассматривает. Войны или резня, ужасы мученичества или великолепие индивидуального

мастерства - все это поддается такой яркой окраске, что при очень небольшом литературном мастерстве их можно изобразить так, чтобы их важность была адекватно осознана и чтобы они властно взывали к эмоциям читателя . Но это огромное и не бросающееся в глаза движение благотворительности, действующее в деревенских хуторах и в одинокой больнице, утирающее слезы вдов и следящее за всеми извилинами горя бедняков, не представляет собой ничего особенного для воображения и не оставляет глубокого впечатления в сознании. Самые великие вещи - это те, которые наиболее несовершенно реализованы; и, конечно, никакие достижения христианской церкви не являются более истинно великими, чем те, которые она осуществила в сфере благотворительности. Впервые в мировой истории она вдохновила многие тысячи мужчин и женщин, в жертву всем мирским интересам, часто в условиях крайнего дискомфорта или опасности, посвятить всю свою жизнь единственной цели - облегчению страданий человечества. Она покрыла земной шар бесчисленными институтами милосердия, совершенно неизвестными всему языческому миру. Оно неразрывно соединило в сознании людей идею высшей доброты с идеей активной и постоянной благожелательности".

Основы всего этого огромного движения благотворительности и альтруистической любви были заложены в первые годы христианства.

Собрания - совместные встречи христиан первых дней - разработали и развили, как мы видели, законы благотворительности; указали людей, которым следовало помогать, предложили средства и ресурсы, из которых страдальцы, одинокие и нуждающиеся, могли получить помощь и утешение в жизни и в смерти.

Все, что произошло впоследствии - могучая организаторская работа великих мастеров благотворительности, таких как Василий Каппадокийский из Кесарии, а затем и членов монашеских орденов, - было просто развитием, расширением, применением к индивидуальным нуждам примитивных таинств первых дней, которые мы набросали, - таинств, основанных на советах, предписаниях, Повеления, которые мы находим в раннехристианских трудах, таких *как Дидахе*, *1-е Послание* Климента Римского, *Апология* Аристида, *Пастырь* Гермы, труды Юстина Мученика и Минуция Феликса, а немного позже - в более подробных трудах Иренея, Климента Александрийского и Тертуллиана, и повторенные в первой половине III века такими выдающимися учителями, как Ориген и Киприан Карфагенский; Все они в основном основаны на более или менее точных словах Господа Иисуса и Его непосредственных учеников.

В первобытных собраниях христианского братства эти вещи составляли основу наставлений и увещеваний учителей и проповедников и соединялись с догматом Искупления, вестью о бессмертии, обещаниями блаженства и вечного мира в жизни за гробом.

Войдя в одно из этих ранних собраний, проходивших в верхней палате или во дворе богатого брата-христианина или в одной из темных и мрачных камер катакомб, "мы вступаем", как было хорошо сказано, "в целый мир сочувствия и любви".

VI
ТРУДНОСТИ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

Но восторженные мгновения, которыми наслаждались мужчины и женщины, собиравшиеся вместе в этих первобытных собраниях, вскоре прошли. Совершенное осознание братства, участие в мистической Евхаристии, горячие молитвы, погружение в освещенные солнцем слова их Божественного Учителя, искренние и настоятельные призывы быть щедрыми в благотворительности и раздаче милостыни в пользу одиноких и больных в их обществе, ощущение того, что невидимое присутствие Господа все время находилось среди них, - все это способствовало радости и веселью, которые пронизывали каждое маленькое собрание; Каждый, кто помогал на одном из этих собраний, мог прошептать в своем сердце слова "апостола" на горе Преображения: "Господи, как хорошо, что мы здесь"."

Но когда собравшиеся разошлись, реакция должна была быстро наступить. Из этой атмосферы сочувствия, любви и надежды они сразу же попали в холодный, жесткий, суетный мир - в семейную жизнь, в мастерскую, в кабинет, в казарму, на форум - все это было окрашено и пронизано системой грубого и действительного идолопоклонства, которое вошло в каждый дом, в каждое ремесло и профессию Римской империи. Каким должно было быть их поведение? Как должны были вести себя христиане в мире, полностью отданном идолопоклонству, которое, как они знали, было ложным и совершенно ненавистным для Господа, чье присутствие они только что покинули?

Трудности жизни верующего в первые христианские века должны были быть ужасными; и следует помнить, что эти трудности возникали не от случая к случаю, а ежедневно, почти ежечасно. Перечислим некоторые из них:

1. *В семье*, в домашней жизни. Подумайте о положении христианского раба, сына или дочери, жены в языческой семье . Какие сцены напряжения и отчуждения будут, если один из членов семьи был христианином, а все домочадцы придерживались старой римской религии! Сын или дочь могли бы желать быть учеником Христа, но при этом не могли бы "возненавидеть отца и мать, братьев и сестер". Какие постоянные споры пришлось бы выдержать христианину, какие горькие упреки, какая вечная опасность отступить и подвергнуть опасности бессмертную душу! Какое участие мог бы принять христианин в языческой семье в обычных делах и удовольствиях повседневной жизни, не говоря уже о той крайней опасности, которой постоянно подвергался бы член секты, если бы на него доносили как на христианина властям, которые часто были готовы выслушать доносчика?

2. Многие коммерческие занятия были более или менее тесно связаны с идолопоклонством; не говоря уже об изготовлении и украшении идольских изображений - ремесле, которым христианин явно не мог заниматься, - на больших аренах, где проводились публичные игры, работали множество ремесленников; кроме того, там были актеры - гладиаторы - те, кто был занят в школах и тренировочных домах для них. Что было делать таким людям?

3. Христианин должен был держаться в стороне от обычных *развлечений людей*, от которых такие толпы получали самое большое удовольствие? Должен ли был христианин навлечь на себя болезненную и опасную славу, отказавшись участвовать в столь любимых развлечениях, которые, за редким исключением, были совершенно ненавистны совести каждого христианина?

4. Должен ли был государственный служащий или юрист отказаться от своего призвания, в котором поклонение и почитание римских богов играло столь заметную роль? Должен ли был солдат или, тем более, офицер легионов покинуть свой пост и сдать свои знамена, а не соглашаться на ежедневное служение и поклонение римским богам. Должен ли он был отказаться от обычного почитания ужасного Сезара, когда малейшее неуважение или отказ в почитании этого суверенного повелителя, претендующего на звание божества, расценивалось как измена и нелояльность?

5. *Образование*... Может ли христианин продолжать быть учителем молодежи, видя, что во всех учебных пособиях тщательно преподается знание старых богов, которым все еще поклонялись в Риме - их мифы, их доблесть, их различные атрибуты? Сами праздники и священные дни должны были тщательно соблюдаться ими, ведь именно от них зависело вознаграждение учителей.

Все эти и многие другие подобные вопросы приходилось рассматривать и взвешивать новообращенным христианам, жившим в римском мире. Очень тернистым и неровным был путь, по которому должен был пройти каждый искренний христианин в своей жизни.

Здесь можно привести яркую и красноречивую апологию или объяснение причин, побудивших многих ранних христианских учителей отстаивать определенное чувство терпимости в различных обстоятельствах повседневной жизни:

"Первоначально (Римская) империя развивалась совершенно отдельно от христианства под сенью поклонения старым ложным богам. Все в ней носило печать идолопоклонства. Ее законы и обычаи, сначала созданные патрициями, которые были одновременно жрецами и законодателями, а затем закрепленные императорами, которые были прежде всего суверенными понтификами идолопоклонства, - все было окрашено и пронизано многобожием. Искусство, письма, частные обычаи - все было языческим. Не было ни одного общественного памятника, который не находился бы под опекой какого-нибудь языческого божества. Ни одна поэма не была написана без специального обращения к богу-идолу; ни один праздник не начинался без возлияния идолу; ни один дом не уклонялся от неизбежной обязанности, которая предписывала, чтобы священный огонь горел перед домашними богами (Ларес). Будучи абсолютно независимой от христианства, такая цивилизация должна была быть крайне враждебной к новой вере, и ее враждебность не ослабевала ни на мгновение. Отличаясь здесь от незыблемого правила всеобщей терпимости, римское общество с самого начала проявило к христианству жесточайшее презрение, оскорбительное отношение и преследования. Религия Иисуса росла и распространялась в условиях всеобщего позора и ненависти... Живя в таком высокоцивилизованном обществе - могущественном и, по сути, всемогущем - Церковь Христова ничего не уничтожала , все перенимала, спокойно исправляла, мягко изменяла и реформировала, начертав крест своего Основателя на всех институтах языческого Рима; постепенно вдыхая свое вдохновение во все его законы и обычаи."[76]

VII
АСКЕТИЧЕСКАЯ И БОЛЕЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛЫ УЧЕНИЯ

Члены Христианского братства не оставались без руководства по поведению в римском мире. В первобытной Церкви существовало *две школы* среди христианских учителей авторитета.

Та, которую мы назовем школой "ригористов" или "аскетов", нашла блестящего и умелого выразителя в суровом африканском отце Тертуллиане, который учил и писал в последние годы второго и первые годы третьего веков. Из пламенных и бесстрастных слов этого знаменитого африканского учителя мы можем составить в целом точное представление о том, что преподавалось и преподносилось в школе "ригористов".

Эти жесткие, суровые учителя никогда не предлагали никаких компромиссов - ни о каких "средствах массовой информации" не было даже намека.

Ремесленник должен был оставить свое призвание, если оно хоть в малейшей степени было связано с поклонением идолам,[77] с любимыми в народе играми, с чем-либо, что противоречило любым повелениям Мастера. Эти слова должны быть поняты в их строгом буквальном смысле и должны быть исполнены.

Солдат должен отказаться от своих знамен, государственный служащий - от своей профессии. Раб должен на любой риск отказаться от послушания, если это послушание подразумевает согласие с любой формой идолопоклонства. Жена-христианка, сын или дочь в языческой семье должны мягко, но решительно отказаться от участия даже в формальном культе предков, от присутствия на публичных играх на арене или представлениях в театре. В своей одежде и украшениях, в самом языке, в часы игр и работы они должны держаться в стороне. Мы можем представить себе, как во многих языческих семьях, на Форуме, в армии и на гражданской службе найдутся нежные и жалостливые мужчины и женщины, которые защитят и укроют этих, казалось бы, фанатичных и искренних приверженцев презираемой религии; но во многих случаях не найдется любящих и жалостливых людей, которые постараются набросить добрую вуаль на то, что кажется им таким странным, таким непатриотичным и даже нелояльным поведением. Затем непременно последовали бы арест, тюрьма, изгнание, смертоносные рудники, где осужденные трудились в безнадежном, тоскливом плену. Нередко пытки и смерть становились уделом преданного христианина в условиях ужасной боли и смертельной агонии.

Именно из этого класса в основном выходили мученики. Именно для их поддержки и ободрения были созданы малоизвестные "Школы мученичества", где очень искренних христиан учили переносить все и страдать ради Имени.[78]

Аскеты, однако, были в меньшинстве. В первобытной Церкви существовала и другая школа, безусловно, строгая в своих наставлениях, но более готовая к поблажкам; менее бескомпромиссная в своих взглядах на повседневную христианскую жизнь; менее буквальная в своем толковании слов Божественного Учителя.

Эта более мягкая и практичная школа хорошо представлена в дошедших до нас трудах нескольких великих учителей раннего христианства. Очень ярким примером этой школы учения является знаменитый "Диалог", составленный североафриканским латинским писателем Минуцием Феликсом. Общепринятая дата написания - *около* 160 г. н. э., во времена правления императора Марка Антонина. Это произведение обладает особым

очарованием. Один ученый называет его "золотой книгой", другой (Ренан) - "жемчужиной апологетической литературы".

Она написана в форме диалога, который ведут три человека на прекрасном морском берегу Остии. Говорящие - реальные исторические персонажи, занимавшие определенное положение в римском мире в середине II века. Аргументы, приводимые язычником Цецилием, предположительно являются воспроизведением утраченной работы Фронто, воспитателя и друга императора Марка. Опровержение Октавия, богатого христианского купца, которое следует за ним и которое убеждает Цецилия в истинности новой веры, является главной частью работы и частью, на которую мы специально ссылаемся здесь, и она восхитительно озвучивает многие взгляды второй и более мягкой школы раннего христианства. Критика Ренаном взглядов Октавия на христианство поразительна и довольно точна. Это, по его словам, "концепция новой религии любезных сторонников, желающих зачислить в ряды христиан, людей культуры и положения". Такие люди, как Октавий из "Диалога", никогда бы не написали ни Евангелия, ни Апокалипсиса; но, с другой стороны, без таких либеральных толкователей Евангелия, Апокалипсис и Послания Павла никогда бы не вышли за пределы узкой секты, а в конечном итоге и сама секта христиан исчезла бы". "Минуций Феликс, - продолжает великий французский писатель, - в те ранние годы представлял собой проповедника Нотр-Дама (в Париже) в наше время, обращающегося к людям всего мира".[79]

Христианство, в красноречивом изложении Октавия, ни в коем случае не требует от верующего отбросить философов и языческих писателей, чьими произведениями он восхищался. В аргументации Октавия христианское учение живет на страницах Аристотеля и Платона. Он с редким мастерством и изобретательностью указывает, что новая религия не требует от людей отказаться от своих призваний и профессий; например, такие защитники, как Минуций, автор "Диалога", никогда не мечтали, кроме как во время отпуска, покинуть Форум , где проходила их жизненная работа. Христиане, как и другие люди, занимаются теми же занятиями, поэтому общество, несомненно, может принять их без всяких угрызений совести. Занятие искусством, изучение букв - все это ни в коем случае не совместимо с исповеданием христианства. Религия Иисуса использует все эти вещи, и их использование освящает их.

Выдающиеся учителя, такие как Климент Александрийский в конце II века в своем *"Пædагоге"*, дают верующим указания, как вести христианскую жизнь в мире. Ориген, во многих отношениях "ригорист", далек от подражания Тертуллиану в его суровых обличениях и предостережениях; и даже такие люди, как святой Киприан, завершивший свою прекрасную жизнь добровольной мученической смертью, своим примером показывает , что были времена и сезоны, когда христианин бегством мог справедливо избежать ареста и страданий ради Имени.

В этой более мягкой и сговорчивой школе языческое искусство не было под запретом. Украшение даже ранних погребальных камер в римских катакомбах ясно указывает на эту свободу.

То, что эта политика более мягкой школы раннего учения, которая одобряла, а возможно, и предполагала многие поблажки, особенно в вопросах чисто церемониального идолопоклонства, была принята большинством верующих, ясно из числа христиан, которые, как мы знаем, жили при императорском дворе, служили в армии и занимали должности на государственной службе.

Например, при императорском дворе во времена святого Павла мы встречаем приветствия от христиан из дома Кесаря (Фил. iv. 22).

Известное "граффито" на Палатине, изображающее карикатуру на распятие, свидетельствует о том, что в правление Марка,[80] 161-80 гг. н. э., среди императорских пажей были христиане.

Иреней (iv. 30) в последней четверти II века прямо пишет следующее: "А как быть с теми, кто в царском дворце верует?".

Марсия, фаворитка Коммода, если и не была христианкой, то относилась к христианской секте более чем благосклонно; то, что в ее окружении было много христиан, несомненно. Даже Тертуллиан свидетельствует (*Apol.* xxxvi.) о том, что во дворце императора Септимия Севера, 193-212 гг. н.э., были христиане.

При дворе Александра Севера (222-35 гг. н. э.) было много христиан; и не без оснований предполагалось, что сам император был тайно верующим.

Дионисий, епископ Александрийский (цитата из Euseb. *H. E.* vii. 10), рассказывая о благосклонном отношении императора Валериана к христианам в начале его правления, 253 г. н. э., говорит: "Весь его дом (двор) был наполнен благочестивыми людьми; это действительно была община Господа".

В первую часть правления Диоклетиана, 284-96 гг. н. э., двор Никомидии в значительной степени состоял из христиан; жена и дочь императора были верующими.

Из этой цепочки упоминаний о присутствии христиан при императорском дворе со времен святого Павла до последних лет третьего века мы вынуждены заключить, что со стороны императора нередко делались большие поблажки этой секте и даже нередки были уступки во внешнем участии в церемониях официального язычества, которые должны были быть разрешены христианским придворным на протяжении всего периода, когда христианство было незаконной и запрещенной религией.

В армии, должно быть, часто проявлялся подобный дух взаимного попустительства и уступчивости. Очевидно, что с самого начала в легионах было не мало солдат-христиан. Должно быть, было много случаев, когда высшие офицеры попустительствовали угрызениям совести христианских солдат; с другой стороны, христианские легионеры должны были соглашаться участвовать в более публичных и официальных церемониях, в которых старое поклонение богам было неразрывно смешано. Однако нигде верующие не испытывали таких трудностей, как в армии, и малейшая недоброжелательность или языческий фанатизм со стороны начальника делали положение солдата-христианина абсолютно неприемлемым, даже если он принадлежал к той школе христианского учения, которую мы назвали более мягкой и уступчивой. Мученики в армии, как было замечено, были относительно более многочисленны, чем в гражданских профессиях.[81]

На гражданской службе в первые века эры было, несомненно, много христиан; см. Аристида (*Apol.* xv.), который, говоря о христианах, говорит: "Там, где они судьи, они судят праведно". Тертуллиан говорит о присутствии христиан во всех сословиях и утверждает, что "их можно было найти во дворце, в сенате и на форуме" (*Ad. Nat.* i. 1 и *Apol.* i.). Киприан, Ep. lxxx. 1, и другие ранние авторитеты могут быть процитированы здесь. Eus. *H. E.* viii. 1, специально упоминает о том, как провинциями иногда управляли христианские губернаторы, и обращает внимание на фригийский город, все население которого, включая чиновников, были христианами. Он писал в последние годы третьего века. Таким христианским чиновникам,

должно быть, делались большие поблажки, и они часто пользовались разрешением, предоставляемым верующим по случаю чисто государственных церемоний, которые были буквально пронизаны ссылками на старую государственную религию.

Учителя более мягкой школы христианской жизни приводили примеры из книг Ветхого Завета в поддержку того, что верующим разрешалось сохранять свои должности в суде и на государственной службе, а также продолжать свою профессию, несмотря на идолопоклоннические ассоциации, связанные с этими должностями и призваниями.

Великие святые, такие как Даниил, почитаемые патриархи, такие как Иосиф, были служителями могущественных государей, поклонявшихся идолам, и должны были присутствовать на официальных языческих церемониях и давать им определенное одобрение. Нааман, выдающийся слуга царя Сирии, после того как он принял поклонение Богу Израиля, даже попросил у великого пророка Елисея разрешения сопровождать своего царственного господина в храм бога Риммона и поклоняться сирийскому идолу в государственных случаях; он также попросил простить его за этот явный акт идолопоклонства. В ответ Елисей просто велел ему "идти с миром" (2 Царств, ст. 18-19).

Но, несмотря на эти любезные поблажки, эти более мягкие правила и указания, положение христиан, даже для тех, а их было большинство, кто следовал учению более доброй и мягкой школы, было очень тяжелым и трудным. В семейной жизни, в общественной жизни сердечные искания истинно верующих должны были часто быть очень острыми и тревожными, а их положение - самым шатким; а в те времена, когда волна языческого фанатизма захлестывала императорский двор, провинцию или город, никакие максимы земного благоразумия и осторожности, как бы тщательно они ни соблюдались , не могли спасти их от преследования; А за преследованием неизменно следовал разгром их домов, строгое тюремное заключение, конфискация имущества, лишение звания и должности, а нередко и пытки и смерть.

Еще раз обратимся к более суровой и малочисленной школе "ригористов", ведь именно они были "элитой" христиан в первые три века; в более поздние времена таких мужчин и женщин, возможно, называли фанатиками, их часто клеймили как диких и непрактичных людей; но именно этим героическим душам в конечном итоге христианство в значительной степени обязано своей окончательной победой.

Удивительное и быстрое распространение христианства после Миланского эдикта о веротерпимости, принятого Константином в 313 году н. э., часто комментируется с удивлением. Из гонимого и презираемого культа христианство стало, задолго до того, как четвертое столетие закончилось, *религией* империи; оно завоевало сердца людей почти во всех провинциях могущественной империи.

Теперь никакие императорские эдикты, никакая простая благосклонность и покровительство императора и его двора не смогли бы добиться для христианства того широкого и всеобщего признания в народе, которое стало столь заметным в течение пятидесяти лет после миланского провозглашения Константина.[82] Требовалось *нечто* большее. Немногим более двухсот лет христиане сеяли семена нового и более благородного взгляда на жизнь - "оно постепенно учило высшей святости любви - оно представляло идеал, которому суждено было на века увлечь вокруг себя все самое великое и самое благородное на земле; и одной из главных причин его успеха было то, что оно произвело больше героических поступков и сформировало больше праведных людей, чем любое другое вероучение". Благородные жизни, увенчанные героической смертью, были лучшими аргументами младенческой Церкви".[83]

Несомненно, глубокое впечатление на массы (*то есть* на население Империи в целом) постепенно произвело неустрашимое поведение исповедников в условиях страданий в течение двух столетий, последовавших за смертью Петра и Павла; и это впечатление было углублено событиями, связанными с последним ужасным гонением Диоклетиана. Масштабы этого последнего натиска, ужасающая суровость его указов, страшная тщательность, с которой эти указы исполнялись, численность, постоянство и мужественное терпение исповедников дошли до сердец равнодушных; они затронули даже врагов Церкви и вызвали полное отвращение к некогда ненавидимой и презираемой секте.

Не следует забывать, что примеры чудесного перенесения страданий, постоянства, мужественного терпения, героической смерти в подавляющем большинстве случаев были взяты из школы ригористов, из той компании мужчин и женщин, отличавшихся напряженной, возможно, преувеличенной искренностью, которые слушали и повиновались пламенным словам Тертуллиана или Ипполита, а не более мягким советам Минуция Феликса и учителей, указывавших христианам путь жизни в мире, который лишь изредка требовал таких огромных жертв, как дом и семья, карьера и профессия, даже сама жизнь - вещи, очень дорогие для людей.

Конечно, ни один справедливый историк не осмелится пренебрежительно отозваться об этих великолепных жизнях, полных самопожертвования, когда он задумается о той власти, которую такие жизни оказывали на своих собратьев. Долг, которым христианство обязано этой суровой школе ригористов, просто безмерен.

В последней половине третьего века появился христианский поэт - первый великий песнопевец, появившийся после того, как ушли из жизни знаменитые певцы эпохи Августа. Популярность Пруденция была непреходящей, на протяжении веков во многих странах читали и перечитывали его яркие и оригинальные стихи. Среди его стихотворений наиболее востребованными были гимны, описывающие и восхваляющие мучеников за "Имя". Эти любимые поэмы известны как "*Peri-Stephanôn*" - Книга венцов (мучеников).

Особенно поражает историка ореол славы, окружающий этих мучеников или исповедников. В этих популярных поэмах мы видим, какое глубокое, какое неизгладимое впечатление произвели страдания мучеников на народы Римской империи. Святые страдальцы, мужчины или женщины, вскоре стали объектом чего-то большего, чем просто почитание.

Героические личности Пруденция не принадлежат ни одной земле, ни одной национальности. Нигде истинность известного изречения о том, что "кровь мученика - семя Церкви", не была столь наглядным примером, как в песнях Пруденция. С большой силой и правдой было замечено, что в пламенных песнях этого великого испанского поэта конца IV века мы должны признать нечто большее, чем вдохновение одинокого человека. Кажется, мы слышим в его страстных словах отголоски голоса народа.[84]

VIII
ЧТО ПРЕДЛАГАЛА РЕЛИГИЯ ИИСУСА ВЗАМЕН ТРУДНОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ХРИСТИАНАМ ПРИХОДИЛОСЬ ТЕРПЕТЬ В ПЕРВЫЕ ВЕКА

Такова была жизнь христианина на протяжении почти двухсот пятидесяти лет после смерти Петра и Павла в Риме.

Для *всех*, как мы уже говорили, даже для большинства, кто был учеником более мягкой, менее строгой школы учения, но в целом принял иго и бремя Христа, жизнь должна была быть очень тяжелой и трудной, временами даже полной опасностей; в то время как для *некоторых*, *т.е,* для учеников школы "ригористов", настолько тяжелой, настолько строгой, настолько полной безымянных опасностей, что сейчас люди с трудом могут поверить, что кто-то действительно мог прожить такую трудную, такую мучительную жизнь, мог слушать и стараться на полном серьезе соблюдать такие правила, которые великий учитель ригористов Тертуллиан установил для верующих; как, например:

"Поститесь, потому что строгий пост - это подготовка к мученичеству; у пыток не будет материала для работы; ваша сухая кожа будет лучше сопротивляться железным когтям; ваша кровь, уже истощенная, будет течь менее свободно".[85]

"Женщины, избегайте брачных уз. Для чего вы будете рожать детей, если вы жаждете выйти из этого грешного мира и желаете послать своих детей перед собой[86] (к славе)".

"Вы, женщины (следите за тем, как вы украшаете себя), ибо я не знаю, как запястье, привыкшее к браслету (из драгоценных камней), выдержит грубость цепи. Не знаю, как нога, радовавшаяся золотому браслету, выдержит суровое сдерживание железных оков. Боюсь, что шея, обвешанная цепью из жемчуга и изумрудов, оставит мало места для меча палача". "Дорогие сестры, давайте размышлять о трудностях, тогда, когда они придут к нам, мы не почувствуем их; давайте откажемся от роскоши и не будем сожалеть об этом; ведь христиане сейчас, помните, проводят время не в золоте, а в железе. В эту минуту ангелы ткут для вас одежды мученичества".[87]

Но в обмен на все это христианство предлагало многое - воистину, великолепную награду за жертвенную жизнь. Прежде всего, христианин избавлялся от страшного призрака, который постоянно преследовал жизнь язычника, - *страха смерти*. На протяжении всей жизни, во сне и наяву, для язычника всех рангов и сословий смерть была врагом. Что чувствовали люди языческой империи в первые христианские века по отношению к великому вселенскому врагу - что они думали о нем - хорошо видно из эпитафий на языческих гробницах первого, второго и третьего веков.[88]

Полная свобода от этого вечно присутствующего страха была непосредственной наградой, которую получал верующий: смерть была настолько далека от врага, что для христианина она казалась лучшим и самым желанным другом. Снова и снова Церковь была вынуждена сдерживать, а не поощрять кандидатов на мученичество. От Павла, который писал, как "он желал удалиться и быть со Христом, что гораздо лучше" (Phil. i. 23); от Игнатия, чье страстное желание мученической смерти проявляется и вновь проявляется в Послании к римлянам в таких словах, как "мне лучше умереть за Иисуса Христа, чем царствовать на самых дальних пределах земли"; "позвольте мне принять чистый свет, когда я приду туда, тогда я действительно буду человеком"; "да буду я подражателем страстей Бога моего" (*К римлянам*, vi.); из тысячи эпитафий в катакомбных гробницах, которые мы все еще можем прочесть, мы

черпаем это знание - абсолютную свободу христианина от страха смерти, который так тяготил все языческое общество.

Сами выражения, которые использовали ученики первых веков, говоря о страшном враге,[89] свидетельствуют о новом отношении верующего к древнему врагу человека; они говорили о смерти как о "переходе в жизнь" - как о "сне". Место, где лежали мертвые, теперь называлось "кладбищем" - "местом сна"; погребение называлось "depositio" - тело, положенное на хранение.

Святой Киприан, епископ-мученик Карфагена, хорошо выразил чувства христиан в вопросе о смерти друга:[90] "Давайте подумаем, что мы имеем в виду, когда говорим о присутствии Христа (после смерти), об увеличении числа наших друзей, любимых, почитаемых, святых, которые находятся там". Киприан не может даже оплакивать усопших - он скучает по ним лишь как по друзьям, отправившимся в дальний путь. Он не в силах вынести облачения в черные траурные одежды в память о тех, кто носит немеркнущий белый цвет". "Отбросьте ужас смерти - думайте только о том, что за ней нет смерти". "Давайте поприветствуем день, который подарит каждому из нас его собственную страну... который вернет нас в рай. Кто из тех, кто жил в чужих краях, не спешил бы вернуться в свою страну?... Мы смотрим на рай как на свою страну".

О чудесной радости, которая приходила к христианам в изображенных нами собраниях, - о факте нового Братства, об ощущении присутствия Учителя посреди них, наблюдающего за ними, - мы уже подробно говорили.

Благословенное сознание *прощения всех грехов*, знание того, что в покаянии и молитве они могут заново омыть свои покрытые шрамами одежды в крови Агнца, было источником вечной и непрекращающейся радости для искреннего христианина. Учение об искуплении всегда будет давать им постоянное утешение и уверенность во всех трудностях и опасностях повседневной жизни: "Хотя грехи их были как багряница, они станут белыми, как снег", - гласит древнееврейское изречение Исаии. Это одно из драгоценных сокровищ, унаследованных христианами от иудейской Церкви. И в измученной и искушаемой жизни римского мира верующие часто повторяли эти слова с новым ярким христианским дополнением - "омывшись в крови Агнца", и память об этом прекрасном изречении всегда давала новое мужество для борьбы.

Возможно, самым сильным и поддерживающим из всех христианских убеждений, тем, что ни на мгновение не покидало их мысли, была *надежда - да*, больше, чем надежда, - уверенность в том, что неописуемое блаженство ожидает душу счастливого искупленного *в тот момент, когда* она покинет тело: "Ныне же будешь со Мною в раю" - чудесное обещание Искупителя, которое должно было принести невыразимую сладость и покой в тысячи измученных бурей сердец, - обещание, которое должно было компенсировать многие тяжелые и болезненные испытания. Такая тяжелая и трудная жизнь, полная опасностей и недоумений, скоро закончится, и тогда блаженное видение *сразу же* станет их наградой, а покой, мир и радость будут уделом искупленных душ навеки.

Наша картина внутренней жизни христианина в первые христианские века была бы неполной, если бы мы не упомянули о влиянии, возможно, едва осознаваемом, но постоянно действующем, фрагментов "Откровения" С. Иоанна. Занимая, конечно, в учении христианских мастеров совершенно иное место, чем Евангелия, которые, разумеется,

составляли авторитетную основу всего христианского учения, "Откровение" занимало особое и необычайно влиятельное место в мыслях первых измученных верующих.

Можно предположить, что многие из более мистических и туманных разделов этого чудесного сочинения, которое было принято за работу возлюбленного апостола, мало рассматривались ни в публичном учении, ни в частных размышлениях; мистические пророчества провидца были, сравнительно говоря, мало прочитаны и получили тогда, как и сейчас, различные толкования; но среди этих пророчеств, не обязательно связанных с ними, встречаются отрывки непревзойденной красоты, в которых картины небесной жизни написаны не смертной рукой. Именно они поражали воображение и находили приют во многих христианских сердцах. Отрывки, в которых содержатся эти картины, несомненно, снова и снова повторялись одинокими измученными мужчинами и женщинами в тихие часы ночи, во время общественного богослужения, в кабинете, особенно в час опасности и испытаний.

Надежда на славную вечность была ярко нарисована в нескольких замечательных отрывках великого "Видения небес и будущих вещей" С. Иоанна. Ученики суровой школы, подготовленные, так сказать, к мученичеству, почувствовали, что к ним обращено особое внимание, когда Пророк рассказал о престолах и сидящих на них: они займут место душ тех, кто был убит за свидетельство Иисуса (Откр. xx. 4); и еще они напомнят, что когда пророк спросил, кто эти облеченные в белые одежды и откуда они? ему было сказано, что это те, кто вышел из великой скорби, кто омыл свои одежды и сделал их белыми в крови Агнца, и что поэтому они находятся перед престолом Божьим, и что с их глаз Бог отрет все слезы (Откр. Vii. 13-17).

Ученикам более мягкой школы также часто говорили слова бессмертной надежды в той же самой Книге, которая говорила о небесной жизни так, как никогда не говорило ни одно земное писание. Пророк услышал как бы голос *великого множества людей* и сказал, как блаженны те, кто призван на брачный пир Агнца; и тот же пророк услышал, что не будет больше ни смерти, ни печали, ни плача; и снова повторил славное обещание, что рабы Его (*все* рабы Его) увидят лицо Его и будут царствовать во веки веков (Откр. xix. 6, 9, xxi. 4, xxii. 4, 5).

Кроме того, они читали и размышляли над прекраснейшим, исчерпывающим обетованием, данным *всем* Его верным рабам, а не только группе мучеников: "Блаженны омывшие одежды свои, чтобы иметь право приступать к дереву жизни и входить вратами в город (Божий)" (Откр. xxii. 14). (Откр. xxii. 14, Исправленная версия).

Эти и многие другие подобные солнечные изречения из Книги Жизни в Евангелиях, Посланиях и Откровении святого Иоанна постоянно звучали в ушах христиан первых дней и говорили им о *бессмертной надежде*, которая была их благословенным сокровищем, - слова, которые услаждали их тяжелый и слишком часто болезненный жребий, которые заставляли их чувствовать, что они совершили хороший обмен, когда отказались от мимолетных и часто греховных земных удовольствий ради надежды на бессмертные радости небес. Они чувствовали, насколько бедными и ничтожными были те вещи, от которых они отказались, по сравнению с тем, что ожидало их, когда короткий и утомительный период человеческой жизни подошел к концу.

Несмотря на то, от чего верующие отказались ради Имени, несмотря на множество ежедневных испытаний и опасностей, которым они постоянно подвергались, они были

странно счастливы новым счастьем, совершенно неизвестным в старом языческом мире, радостью, которую никто не мог у них отнять. Языческое общество, когда бы оно ни обращало на них внимание, относилось к ним с презрительной жалостью, которая слишком часто переходила в лютую ненависть. Мы видим это в "Деяниях" мучеников из вопросов, которые задавали им римские чиновники, когда они представали перед трибуналом, просто потому, что они были христианами. Такую оценку секте давали такие люди, как великие императоры Антонины, Пий и Марк. Резюме Фронто, знаменитого ритора, наставника и друга Марка, воспроизведенное в рассуждениях Цецилия в диалоге Минуция Феликса, слишком четко повторяет то же самое пренебрежительное мнение, окрашенное презрением и едва скрытой ненавистью.

Нигде языческая концепция страданий и убогости христианской жизни не выражена более четко, чем в живописной и графической поэме Рутилия Наматиана,[91] современника Паулина из Нолы в первые годы V века.

Это сравнительно поздняя языческая критика христианства, но она прекрасно выражает общепринятые взгляды языческого общества и в точности совпадает с мнением таких выдающихся римлян, как Марк и его друг Фронто, во втором веке.

"Есть ли смысл, - пишет Рутилий, - жить жалкой жизнью, боясь стать несчастным? Эти христиане любят мучить себя: они более жестоки, чем оскорбленные боги. Я задаю вопрос, не владеет ли эта секта секретом ядов, более смертоносных, чем те, которыми владела Цирцея; ведь Цирцея вызывала опасность только в теле, а эти люди изменяют саму душу?"

Однако жизнь христианина в первые двести пятьдесят лет нашей эры, как мы уже показали, не была печальной и скорбной, не была жалким существованием. Это была жизнь невыразимо светлая и счастливая, о которой не мечтал ни один поэт или философ в многоликой истории язычества.

КНИГА III
ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

ЧАСТЬ I
ОТ ДАТЫ ВЕЛИКОГО ПОЖАРА РИМА В ЦАРСТВОВАНИЕ НЕРОНА ДО СМЕРТИ МАРКА АНТОНИНА
64 Г. Н. Э. - 180 Г. Н. Э.

Вступление

Нет никаких сомнений в том, что в период, о котором мы пишем в этой Третьей книге, растянувшийся примерно на сто шестнадцать лет, с очень короткими промежутками сравнительного затишья, христианская секта постоянно жила под завесой гонений;

наказания за исповедание Имени были очень суровыми - исповедники постоянно подвергались конфискации имущества, суровому заключению, пыткам и смерти.

Об этом положении вещей, существовавшем в Римской Церкви и во всех общинах христиан, мы узнаем не только и даже не столько из Деяний мучеников, которые для этого раннего периода сравнительно немногочисленны и, за редким исключением, имеют сомнительный авторитет, сколько из дошедших до нас фрагментов современных христианских писаний несомненной подлинности.[92]

Эти фрагменты, поскольку некоторые из них - всего лишь фрагменты, представляют собой довольно значительную литературу, и их можно рассматривать как описание большей части жизни, которую вели христиане в течение этих ста шестнадцати лет, [93] период, когда религия Иисуса постепенно, но быстро укоренялась в римском мире. За одним примечательным исключением труды, на которые мы ссылаемся, вышли из сердца Новой секты.

Мы приведем ряд наиболее ярких отрывков из фрагментов рассматриваемых произведений, особенно касающихся непрекращающихся гонений, которые христианам пришлось пережить в тот период, на котором мы останавливаемся в этом разделе - который закончился со смертью Марка и воцарением его сына Коммода в 180 году н.э.

Цитаты будут разделены на две группы: первая - из трудов апостолов и апостольских людей, то есть людей, которые видели и общались с самими апостолами. Даты этой первой группы свидетелей варьируются от времен Нерона до времен Траяна, примерно от 64 до 107-10 гг. н.э. Во вторую группу войдут сочинения, датируемые от времен Траяна до воцарения Коммода, 180 г. н. э.: будут приведены приблизительные даты написания каждого из них и краткие сведения о нескольких авторах.

Можно заметить, что упоминания о гонениях становятся все более многочисленными, подробными и выразительными после 134-5 гг. 134-5, даты окончания последней страшной Иудейской войны в последние годы правления императора Адриана, когда линия разделения между иудеем и христианином стала четко обозначенной, а положение и отношение христиан уже не просто вызывало презрение, но неприятие и даже страх со стороны государственных властей, которые тогда (после 135 г. н.э.) впервые ясно увидели, какое великое и могущественное общество выросло в сердце империи.

Какую весомую группу слов мы сейчас процитируем! Они были написаны людьми, которые жили в сердце этого маленького общества, которые любовью сильнее смерти любили Иисуса из Назарета как своего друга и своего Бога. Это слова, которые вкраплены в их письма - их набожные труды - их истории - их просительные трактаты и извинения за веру, веру, которую они считали дороже жизни.

Насыщенные реальностью, они рассказывают нам о жизни, которую вели они и их близкие: читая их, мы словно дышим воздухом, которым дышали они; простая неприкрашенная история повествует нам о том, какие ежедневные, ежечасные опасности выпадали на их долю, какие ужасные испытания, какие невыразимые опасности окружали их; они показывают, как трудно было быть христианином в те ранние дни, в первые сто лет, последовавшие за "кончиной" С. Иоанна.

Ничто из того, что мы можем сказать сейчас - написать сейчас, - не может дать нам картину, живую картину жизни этих первых поколений верующих во Имя, как эти слова, собранные из

фрагментов современных писаний, дошедших до нас через долгие века бурь, стрессов и перемен.

В первой группе мы кратко рассмотрим следующие: Послание к Евреям, *около* 65-6 гг. н. э.; Первое послание святого Петра, *около* 65-7 гг. н. э.; Апокалипсис святого Иоанна (Откровение), *около* 90 г. н. э.; *Первое послание* святого Климента Римского*, около* 95 г. н. э. К этой небольшой подборке мы бы добавили *Семь посланий* святого Игнатия, 107-10 гг. н. э., которые в настоящее время считаются несомненно подлинными.

I
ПЕРВАЯ ГРУППА ЦИТАТ

Послание к Евреям, *примерно* 65-6 гг. н.э.

Первые три из вышеупомянутых писаний обладают особым авторитетом; они с самых ранних времен были признаны частью канона новозаветных Писаний: из этих трех Послание к Евреям, как принято считать, было написано около 65-6 гг. н.э. Общины, к которым оно обращено, очевидно, подверглись серьезным страданиям, и им сказано, что в недалеком будущем их ожидает еще более ужасное испытание. К этим гонениям они должны подготовиться.

Приводится ряд примеров благородного и героического противостояния испытаниям и искушениям (Евр. xi. 32-40, xii. 1-4); автор Послания, очевидно, ожидал, что подобный опыт выпадет на долю общины, к которой он обращался.

Первое Послание святого Петра, *около* 65-7 гг. н. э.

Второе послание, которое будет рассмотрено более подробно, имеет огромное значение как свидетельство взгляда на постоянные гонения, которым подвергалась секта после 64 г. н.э. Первое послание святого Петра[94] было опубликовано *около* 65-7 года. Оно было написано, очевидно, во время гонений; основной темой Послания является утешение и ободрение для отдаленных общин, к которым оно обращено. Гонения, очевидно, бушевали в Риме, откуда было написано письмо, но они быстро распространялись и по провинциям империи. Используемый язык показывает, что это было не отдельное капризное нападение, а систематическая и узаконенная атака на религию Иисуса. Процитируем несколько отрывков:

"В течение времени, по необходимости, вы находитесь в тягости от многоразличных искушений, чтобы испытание вашей веры, которая драгоценнее золота, не подвергающегося испытанию огнем, обнаружилось в похвалу и честь и славу при явлении Иисуса Христа" (i. 6, 7).

"Если вы страдаете за правду, счастливы вы; и не бойтесь ужаса их, и не смущайтесь. Лучше, если будет на то воля Божия, чтобы вы пострадали за доброе дело, нежели за злое" (iii. 14-17).

"Возлюбленные, не считайте странным огненное испытание, которое должно постигнуть вас, как будто бы с вами случилось что-нибудь странное" (iv. 12).

"Если вас будут поносить за имя Христово, счастливы вы; ибо Дух славы и Божий почивает на вас". Если кто страдает как христианин, пусть не стыдится, но пусть прославляет Бога за это" (iv. 14-16).

"Которые стойко держатся в вере, зная, что те же скорби совершаются и в братьях ваших, которые в мире" (ст. 9).

Откровение святого Иоанна, *около* 90 г. н. э.

Апокалипсис Иоанна Богослова принято датировать *примерно* 90 г. н. э.; *суть* этого странного и во многом прекрасного писания, не похожего, за исключением некоторых разделов, на другие признанные книги новозаветного канона, - *страдания Церкви*: прошло всего четверть века с тех пор, как Нерон и его советники решили начать преследование общин верующих в Иисуса.

Никто не может читать это поразительное "Откровение" Иоанна Богослова с его чудесными видениями, увещеваниями, словами предостережения, посланиями ободрения и утешения, не ощущая, что Церковь, изображенная в нем , подвергалась и подвергается жестоким, непрекращающимся гонениям; что страдальцы были свидетелями Имени; и что их страдания были вызваны не какими-либо проступками или изменой государству, а исключительно *Именем, которое они исповедовали*. Они были осуждены просто потому, что были христианами.

Правда, непосредственно об этих гонениях сказано сравнительно мало. Другие темы, несомненно, гораздо важнее для писателя; однако в тексте есть несколько случайных намеков на страдания, перенесенные во время гонений, - намеков, которые невозможно не принять.

Мы процитируем некоторые из них. Многие из них подразумевают, что Церковь подвергалась длительному преследованию до самой смерти:

"Я видел под жертвенником души убитых за слово Божие и за свидетельство, которое они держали; и они возопили громким голосом, говоря: доколе, Господи, святый и истинный, не судишь и не отмстишь крови нашей за живущих на земле? И даны были каждому из них белые одежды, и сказано им, чтобы они успокоились на малое время, доколе не исполнятся рабы их и братья их, которые должны быть убиты, как и они" (ст. 9-11).

"Это те, которые вышли из великой скорби... потому они пред престолом Божиим" (vii. 14-17).

"И они победили его кровью Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили жизни своей до смерти" (xii. 11).

"Они пролили кровь святых и пророков" (xvi. 6).

"И увидел я души тех, которые были обезглавлены за свидетельство Иисуса и за слово Божие... и они жили и царствовали со Христом тысячу лет" (xx. 4). (xx. 4).

Жертвы этих гонений, как нам ясно сказано, являются свидетелями "Имени" или "Веры": так, в послании к церкви в Пергаме мы читаем:

"Ты твердо держишь имя Мое и не отрекся от веры Моей" (ii. 13).

"И увидел я женщину[95] , упившуюся кровью святых и кровью мучеников Иисусовых" (xvii. 6).

Гонения продолжались долгое время:

"Я знаю дела твои и где ты живешь, даже где место сатаны, и ты твердо держишь имя Мое... даже в те дни, когда Антипа, верный мученик Мой, был убит среди вас" (ii. 13).

И гонения будут продолжаться:

"Не бойся ничего из того, что тебе предстоит... будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни" (ii. 10).

Особенно интересным с исторической точки зрения в этой связи свидетельства "Апокалипсиса" Св. Иоанна с бессонными гонениями, которым подвергалась секта, является экзегеза профессора Рамсея слов: "И поклонятся ему (зверю) все живущие на земле, имена которых не записаны в книге жизни Агнца" (xiii. 8), и "все, кто не поклонится образу зверя, должны быть убиты" (xiii. 15).

"Здесь подразумевается, что гонителю поклоняются как Богу все люди[96] , кроме христиан, и что мучеников убивают за то, что они не поклоняются "зверю", то *есть* римскому императору. Таким образом, их отказ от поклонения "зверю" и свидетельство о собственном Боге объединены в один акт; а это подразумевает, что поклонение "зверю" (императору) было испытанием, отказ от которого был равносилен признанию и свидетельству.....

"Важность, которую придавали во время гонений поклонению императору, и ненависть к этой особой форме идолопоклонства как к особому врагу, продиктовали фразу, обращенную к Пергамской церкви: "Ты обитаешь там, где престол сатаны, *то есть* храм Рима и Августа"" (ii. 13).

Об особой пристрастности императора Домициана к этой особой форме идолопоклонства, в которой его лично почитали как бога, уже говорилось.

S. Климент Римский, Первое послание, *около* 95-6 гг. н. э.

Около 95-6 года по Р.Х. Климент, епископ Рима, написал свое послание к христианской общине Коринфа, известное *как 1-е Послание*. Со времен Иренея и до наших дней это письмо считалось произведением величайшей важности, и его подлинность как сочинения Климента Римского никогда не оспаривалась. Его важность заключается в том, что в нем зафиксировано традиционное толкование апостольского учения, которого с первых дней придерживались в великой общине метрополии. Непосредственной причиной письма епископа Рима к Коринфской церкви были пагубные внутренние разногласия, терзавшие коринфскую общину, споры, которые не только омрачали ее влияние дома, но и приводили к серьезным скандалам за рубежом, и которые, если их не остановить, могли серьезно повлиять на работу Церкви в городах, далеко отстоящих от Коринфа.

Это было нежное, любящее письмо с увещеваниями; но его ценность для Церкви в целом во все времена заключается в том, что оно является авторитетной декларацией доктрины, которой учили в великой Церкви в Риме в последние годы первого века, спустя более четверти века после смерти свв. Петра и Павла.

Климент в своем Послании к Коринфской церкви не имел намерения писать историю своей Церкви. Его цель была совсем иной. Однако в его длинном послании есть несколько заметок, разбросанных тут и там, которые касаются обсуждаемого сейчас вопроса, *то есть* непрерывного характера гонений, под которыми находился христианский народ, начиная с 64 года.

Климент начинает с объяснения причины своей задержки в рассмотрении вопросов, которые беспокоили коринфскую общину. "По причине внезапных и неоднократных бедствий , постигших нас, мы считаем, братья, что несколько запоздали с вниманием к спорным вопросам, возникшим между вами, возлюбленные" (*1 Еф.* 1).

Следующая аллюзия очень поразительна. "Но чтобы перейти от примеров древних дней" (Климент цитировал Ветхий Завет), "давайте перейдем к тем поборникам, которые жили очень близко к нашему времени. Приведем примеры, которые принадлежат нашему поколению... Величайшие и праведнейшие столпы Церкви подвергались гонениям и спорам даже до смерти. Был Петр, который... претерпел не один и не два, а много трудов, а затем, принеся свидетельство, отправился в назначенное ему место славы..... Павел своим примером указал на награду терпеливой стойкости... он отошел от мира и пошел в святое место..... К этим мужам святой жизни было собрано огромное множество людей, которые через многие унижения и пытки... подавали нам пример мужества.

"Сие, возлюбленные, пишем не только в назидание вам, но и на память себе, ибо мы в тех же списках, и то же состязание ожидает нас" (*1 Еф.* 5-7).

Приведенные здесь слова Климента, сказанные в середине его аргументации, неопровержимо свидетельствуют о том, что после мученической смерти двух великих христианских учителей Петра и Павла общину (он говорит прежде всего о Риме) на протяжении всего его поколения преследовали непрерывные гонения. "Огромное множество избранных", - говорит он нам, - в свою очередь приняли мученическую смерть и присоединились к выдающимся лидерам, которые шли до них. Мы знаем, что после смерти Домициана наступило временное затишье в буре гонений. Дион рассказывает, как император Нерва уволил тех, кто ожидал суда по обвинению в святотатстве. Несомненно, именно в этот короткий период сравнительного затишья у Климента появился досуг, чтобы заняться беспокойными делами коринфской церкви и написать важное письмо, которое мы только что процитировали.

Но римский епископ осознавал, что "затишье" было временным и вызвано лишь реакцией, наступившей после убийства Домициана во время короткого правления императора Нервы; ведь далее (в главе vi.) он говорит о своем состоянии и состоянии своих единоверцев в Риме: "Мы в одних списках (с теми, кто был убит), и нас ожидает то же самое состязание".

Игнатий Антиохийский, епископ и мученик, *CIRCA* A.D. 107-10

Игнатий, епископ Антиохии, принявший мученическую смерть во времена Траяна, *около 107-10* гг. н.э. 107-10, - примерно через двенадцать или пятнадцать лет после того, как Климент Римский написал свое памятное послание к Коринфской церкви, - является следующим свидетелем, которого мы предлагаем привести в поддержку утверждения, выдвинутого на предыдущих страницах, а именно, что гонения, начатые Нероном в 64 году, никогда не затихали, но с большей или меньшей силой продолжали преследовать христианскую секту на протяжении всего царствования императоров династии Флавиев и далее.

Письма Игнатия были написаны, правда, через несколько лет после угасания дома Флавиев. Но мученик-епископ Антиохийский родился около 40 года благодати, и, следовательно, ему было около двадцати четырех лет, когда начались гонения Нерона; и на протяжении всего правления Веспасиана, Тита и Домициана он, без сомнения, занимал высокое положение, вероятно, в христианской общине в Антиохии; поэтому он вполне может быть приведен в качестве ответственного свидетеля отношений, существовавших между христианами и правительством империи в последние тридцать пять лет первого столетия.

Во время своего путешествия из Сирии в Рим, где он был осужден на то, чтобы быть выставленным перед дикими зверями в великолепном амфитеатре Флавиев (Колизей), Игнатий написал семь писем, которые сохранились до нас; шесть из них были адресованы особым церквям, а одно - Поликарпу, епископу Смирны.

Вокруг этих писем долгое время велись споры об их подлинности. В наше время, благодаря почти пожизненным трудам выдающегося ученого-епископа Дарема (д-р Лайтфут), спор практически прекращен. Серьезные европейские ученые, за редким исключением, теперь принимают семь Посланий (среднее переложение,[97] , как называет его Лайтфут) из переписки Игнатия как абсолютно подлинные.

Рамзи хорошо и кратко излагает суть аллюзий на условия, в которых жила и продолжает жить христианская секта в течение долгого периода личного опыта Игнатия, который включал в себя весь период правления семьи Флавиев, *то есть* во время правления императоров Веспасиана, Тита и Домициана. Все эти упоминания встречаются в четырех письмах мученика, написанных во время его путешествия в Рим, во время его остановки в Смирне, *то есть* в Посланиях к церквям Ефеса, Тралл, Магнесии и Рима.

Он говорит: "Они изобилуют тонкими фразами, самые явные из которых можно процитировать: жизнь христианина - это жизнь страданий; кульминация его жизни и венец, которого он постепенно надеется стать достойным, - это мученичество; но Игнатий далеко не уверен, что он его достоин (*Траллы*, 4). Страдания и гонения - это воспитание христианина, через них он становится истинным учеником (*Еф*. iii. *Magn*. viii. 9). Учитель, таким образом, - это человек или Церковь, которые прошли через наибольшее количество страданий и таким образом показали истинное ученичество, и Игнатий выделял Ефес и Рим как своих учителей. Игнатий все еще находится в опасности, еще не полностью доказав свою стойкость, в то время как Ефес доказан и твердо стоит на ногах, что подразумевает, что он особенно отличился количеством своих мучеников; более того, Ефес был дорогой мучеников, главным городом провинции, где многие, даже из других частей, представали перед проконсулом для суда, и в то же время был портом, откуда их отправляли в Рим. В Послании к Ефесу мы читаем несколько любопытное выражение: "Вы являетесь большой дорогой для тех, кто находится на пути к смерти для Бога" (*Еф*. xii.)".

"Подробное сравнение проводится в Письме к магнезийцам, viii. 9, между пророками и христианами того времени. Пророки были гонимы, а христиане терпеливо переносят гонения, чтобы стать истинными учениками..... Таков принцип христианской жизни; что страдание - это лучшая тренировка..... Впечатление, произведенное гонениями на чувства христиан по отношению к империи, очень ярко выражено в "Письмах Игнатия". За пределами Апокалипсиса непримиримая оппозиция между государством и христианством нигде не выражена так сильно, как в них, и в обеих группах сочинений прослеживается одинаковое отождествление государства с миром. Для обеих групп характерны та же великолепная дерзость по отношению к государству, тот же отказ принять то, что казалось людям очевидными фактами, та же совершенная уверенность в победе".[98]

Однако, за исключением отрывков *из Послания к Римлянам*, письма Игнатия не содержат *прямых* ссылок на гонения; они посвящены исключительно делам и перспективам церквей, которым он писал, но весь дух этого небольшого сборника указывает на то, что гонения и страдания были общим уделом христианской секты во времена императоров Флавиев и их ближайших преемников.

Послание к Римской церкви, однако, значительно отличается по своему содержанию от остальных шести. Оно целиком посвящено одной-единственной теме - грядущей мученической смерти писателя. Для искреннего христианина "мученичество - это новое рождение, истинная жизнь, чистый свет, полное ученичество; венец мученика лучше всех царств земли; только тогда, когда мученик опустится на мир, он поднимется к Богу". Увенчанная мученичеством, его жизнь становится изречением Бога".

Эта пылкая, страстная, хотя и несколько преувеличенная картина мученичества мало что могла бы сказать римским общинам, если бы такие сцены, как изображенная Игнатием, не были обычным явлением в Риме. Однако ее восприятие показывает, насколько хорошо она была понята теми, к кому были обращены пламенные слова епископа-мученика. Его письма на ценились очень высоко уже в ранние времена, но это особое Послание к Римской Церкви с самого начала пользовалось большей популярностью, чем другие. Его детали и учение были совершенно уникальны. Похоже, что оно распространялось отдельно от остальных шести, иногда само по себе, иногда в сопровождении истории о мученической смерти, которой так жаждал Игнатий.

Две или три ссылки в этом письме заслуживают внимания как имеющие особое отношение к вопросу о бессонном характере гонений, которым подвергалась секта.

Послание к Римлянам, 3. Епископ Лайтфут хорошо перефразирует этот отрывок, таким образом:

"Не делайте, - пишет Игнатий, призывая Римскую церковь не предпринимать никаких шагов, которые могли бы помешать его ожидаемой смерти на арене, - не отступайте от своего истинного характера; до сих пор вы подгоняли мучеников к победе; теперь не вмешивайтесь и не лишайте меня моего венца". Рим до сих пор был главной ареной мученичества; римские братья подбадривали многих умирающих христианских героев в их славном поединке.

В Послании к Римлянам, 5, мы встречаем следующее любопытное высказывание относительно арены диких зверей, на которую он был осужден: "Да будет мне радость от зверей, приготовленных для меня; и я молюсь, чтобы найти их готовыми, более того, я соблазню их, чтобы они быстро пожрали меня, не так, как они поступали с некоторыми, отказываясь прикоснуться к ним из-за страха; да, хотя они сами не захотят, пока я готов, я сам принужу их к этому."

Этот отказ диких зверей прикоснуться к намеченным жертвам - отнюдь не редкий случай в ранней мартирологии. Капризное поведение зверей, внезапно освобожденных из заточения и темноты и выведенных на яркий свет амфитеатра, с плотной толпой зрителей вокруг, выкрикивающих аплодисменты или восклицания, вполне естественно. Ни в коем случае не стоит придавать чудесный характер всем этим историям, многие из которых абсолютно достоверны. Но то, что Всевышний порой затыкал рты "диким", вполне достоверно. Странная, моя страшная власть, которую святые мужчины и женщины часто осуществляют над пушистыми и пернатыми неприрученными существами, - общеизвестный факт, и он не раз становился предметом обсуждения.[99] Однако такое упоминание о случайном поведении диких существ на арене, происходящее посреди аргументов писателя, ясно показывает, что зрелище ужасных расправ над христианами на арене, где они подвергались нападению диких зверей, не было редкостью в римской жизни.

Мрачный каталог пыток, которые героический мученик перечисляет в той же главе Римского послания, завершает ужасную картину страданий храбрых христианских исповедников,

страданий, на которые римские граждане, без сомнения, часто взирали в течение многих последних лет.

II
ВТОРАЯ ГРУППА ЦИТАТ

Письмо Плиния к Траяну, *около* 112 г. н. э.

Во вторую группу цитат из античных авторитетов следует поместить очень важное сообщение о гонениях во времена Траяна, содержащееся в известной переписке Плиния с императором. Это уже обсуждалось довольно подробно.

Здесь будет достаточно[100] кратко упомянуть об отношении к христианам, которых Плиний обнаружил в своей провинции Вифиния не только в городах, но и в сельских поселениях, и о том влиянии, которое эти христиане, очевидно, оказывали на жизнь провинции.

Эти христиане, за исключением тех, кто называл себя гражданами Рима, - их отправляли в столицу для суда - после третьего допроса, если они продолжали упорствовать, осуждались и предавались смерти по решению правителя ("perseverantes duci (ad mortem) jussi").

Это единственный языческий авторитет[101] , который здесь цитируется, но его чрезвычайная важность для данного исследования положения христиан в Римской империи во времена Траяна и ранее оправдывает его включение.

Письмо к Диогнету, *около* 117 г. н.э.

Автор этого очень раннего христианского письма неизвестен, и о Диогнете, которому оно адресовано, мы ничего не знаем. Но это короткое письмо интересно и даже красноречиво, а его дата может быть установлена с достаточной уверенностью на основании выражений, содержащихся в письме. Христианство, когда было написано письмо, было *новым явлением в мире - это* несколько раз отмечается в письме.[102]

О гонениях упоминается следующее: "Христиан любят все люди, и все их гонят; они неизвестны и (однако) осуждены; их предают смерти... они испытывают недостаток во всем и, однако, преизобилуют всем; их бесчестят, и, однако, в самом бесчестии они прославляются; о них злословят, и, однако, их оправдывают; их поносят и благословляют; их оскорбляют, но они отвечают на оскорбление честью; они делают добро, но их наказывают как злодеев; будучи наказанными, они радуются" (*Письмо к Диогнету*, гл. v).

"Разве вы не видите, как они (христиане) подвергаются нападению диких зверей, чтобы убедить их отречься от Господа, но не победить? Разве ты не видишь, что чем больше их наказывается, тем больше становится остальных" (*Письмо к Диогнету*, гл. vii).

"Тогда ты должен и любить, и восхищаться теми, кто терпит наказание за то, что не отрекается от Бога".

"Восхищайся теми, которые ради праведности терпят огонь, который только на мгновение, и считай их счастливыми, когда узнаешь (природу) того огня" (*Письмо к Диогнету*, гл. x).

Пастырь Ерма, *около* 140 г. н. э.

Гермас, автор или составитель некогда знаменитого *"Пастыря"*, в очень древней традиции был отождествлен с Германом, о котором упоминает С. Павел (Рим. xvi. 14). Это отождествление было предложено Оригеном в середине III века. Мураторский канон называет приблизительную дату его составления *около* 140 г. н. э. и предполагает другого автора. Современная наука, однако, считает, что данное произведение прошло через несколько редакций, первая из которых относится к более ранней дате. Если это так, то значительные части небольшого тома "Пастыря" относятся к правлению Траяна, а возможно, и к периоду епископата Климента Римского.[103]

Но независимо от того, примем ли мы за дату написания 140 год или около того, или вместе с Дюшеном и Харнаком примем более раннюю дату написания отдельных частей (последние годы I века), нет никаких сомнений в том, что труд, содержащий "Видения", "Заповеди" и "Притчи" Ермаса (известного под именем *Пастыря*), был принят христианами II века как трактат, имеющий очень высокий авторитет. Его публично читали в общинах наряду с каноническими (более поздними) Писаниями, не ставя, однако, в один ряд с этими священными писаниями.

Постепенно его авторитет падает, более суровые духи, такие как Тертуллиан, недолюбливают его мягкие и сострадательные указания в деле примирения грешников, богословы, которые в первые годы были менее позитивны, менее точны в своих догматических определениях, вскоре начинают видеть, насколько спекулятивными и даже дикими были некоторые утверждения и определения Лиц в Божестве. Таким образом, труд становился все менее и менее важным элементом в арсенале христианского богословия. С. Иероним, например, открыто попирает его, когда пишет о *Пастыре* как о "Liber ille apocryphus stultitiæ condemnandus". Однако другие авторитетные деятели Церкви третьего и четвертого веков, такие как Климент Александрийский, Ориген и Афанасий, похоже, всегда относились к *Пастырю* с большим почтением.

О том, какое высокое место он занимал в ранней Церкви, свидетельствует его появление в древнейшем списке Священного Писания - Codex Sinaiticus, где он удостоен чести быть помещенным в конце канонических писаний.

Но именно как историческое свидетельство о постоянных гонениях, терзавших раннюю Церковь, без какого-либо периода прекращения, это произведение цитируется здесь. *Пастырь* полон ссылок на это положение вещей. Ренан (*L'Église Chrétienne*) описывает эту книгу в своих живописных ярких образах как "выходящую из ванны крови". Лайтфут говорит о ней как о "преследуемой в значительной части этим жутким призраком гонений". Писатель специально упоминает об этом преследовании христианской секты в прошлом и говорит, что оно, вероятно, продолжится и в будущем.

В своем уникальном и интересном труде Гермас ничего не говорит об иудейских врагах Церкви, а его ссылки на окружающих его язычников очень немногочисленны. Можно сказать, что это произведение посвящено исключительно внутренней жизни римских общин. В целом он изображает жизнь последователей Иисуса как вполне удовлетворительную и хорошую, хотя она и была измученной, но в ней постоянно появлялось и вновь появлялось много вещей, которые требовали исправления. Он более или менее подробно останавливается на разногласиях, ссорах, ожесточении, которые возникали между ними и которые слишком часто уродовали и омрачали прекрасные христианские идеалы.

Но в конце концов, в явно верных и точных картинах Гермы о христианских общинах в Риме наибольшее внимание он уделяет их поведению в тех постоянно повторяющихся испытаниях их веры, которым они постоянно подвергались из-за бессонной и беспокойной недоброжелательности правительства. Независимо от того, относится ли это письмо *примерно к* 140 году, когда царствовал Адриан, или частично к последним годам первого века во времена Траяна, очевидно, что положение христианской общины всегда было очень шатким.

Рескрипты Траяна и Адриана несколько смягчили суровые меры, но и до, и после этих гуманных и государственных постановлений положение христиан было действительно тяжелым и болезненным. Ведь даже после издания упомянутых рескриптов над их головами постоянно висел меч, и тонкая нить, на которой он висел, часто обрывалась.

Христиане постоянно представали перед магистратом. Их ждали суровые вопросы, на которые они должны были ответить; им ежедневно вдалбливали, что исповедование беззаконного культа является тяжким преступлением. Их спрашивали: Готовы ли они отречься от него и вместо него поклоняться языческим богам? Бросят ли они несколько зерен ладана в знак своего отречения на алтари Рима и Августа? Если они делали эту, как казалось, самую малость, их сразу же отпускали; если же они отказывались, то смерть, в той или иной форме, была их скорой и неизбежной участью.

Ерма рассказывает нам о том, что происходило в римских общинах в связи с гонениями за Имя. Должно быть, в то время, когда писал автор *"Пастыря"*, преследования христиан были постоянными, потому что он с горечью говорит о тех, кто часто уступал давлению. Отступничество в рядах христиан было, увы, небезызвестным скандалом. Некоторые, говорит он, просто отрекались от своей веры; другие, испугавшись, шли дальше и публично хулили Имя. Некоторые были настолько подлыми, что предавали и доносили на своих братьев по вере.

Но, с другой стороны, Ермас рассказывает нам о том, что Церковь насчитывала множество мучеников. Все они, говорит он, не были равны даже здесь, ибо некоторые сначала дрожали и трепетали, и только в последний момент, вероятно, когда собирались кадить идольскому жертвеннику, засвидетельствовали хорошее исповедание. Однако были и такие, говорит наш автор, чье сердце ни на мгновение не подводило их.

И все же в целом этот суровый, хотя и доброжелательный цензор христианской церкви не был недоволен жизнью, которую в целом ведут общины верующих в Иисуса; он, похоже, в полной мере признает, что жизнь этих людей подвержена тяжким искушениям - искушениям не только из-за неизбежной опасности, которую влечет за собой исповедание Имени - хотя он в основном останавливается на этой постоянно присутствующей опасности, - но и из-за более мелких соблазнов, с которыми неразрывно связано все человеческое существование: деловые вопросы, общественные обязательства, старая ревность и зависть, которые всегда существуют между богатыми и бедными.

"Житие Германа", - замечает Дюшен, - "это настоящий экзамен совести Римской Церкви". Писатель не щадит никого в своей суровой, но доброжелательной критике; священники и дьяконы общин - одни из тех, в ком он находит серьезные недостатки. Однако, несмотря на его искренние и трогательные увещевания в адрес тех, кто в часы испытаний и гонений, в многочисленных ежедневных искушениях обычной жизни оставил свою первую любовь, Гермас признает, что в Римской церкви число праведных и честных превышает число

отпавших. Правда, он сурово обличает неверных священников, диаконов и других членов иерархии, но и здесь он признает людей, достойных самой высокой оценки; он останавливается на их любви, благотворительности, гостеприимстве и даже отводит этим верным служителям религии место среди славной компании апостолов.

Общее впечатление, которое оставляет в памяти читателя внимательное изучение портрета христианских общин Рима, написанного Ермасом в те далекие времена, примерно со времен Нерона до времен Траяна и даже Адриана, заключается в том, что эта великая и многострадальная Церковь далеко не полностью состояла из святых, но что праведные и богобоязненные - мужчины и женщины, омывшие свои одежды в крови Агнца, как истинные ученики Учителя, - все же составляли решительное большинство.

С его изображением грехов и ошибок римских христиан - грехов, во многом связанных с отпадением многих из них в страшный час гонений, - тесно связано его заверение в том, что эти грехи могут быть прощены здесь, даже если они совершены *после* крещения. Ни один грех, ни одно отпадение, по учению Ермаса, не является непоправимым; ни один истинно кающийся человек никогда не должен быть лишен прощения и примирения. Именно этот щедрый и широкий взгляд на доброту и божественную жалость Бога так не нравился суровым и безжалостным учителям могущественной школы, к которой принадлежали такие люди, как Тертуллиан, - школы, которая вскоре возникла в Церкви. Из подлинных письменных остатков самого раннего периода у нас нет ничего сравнимого с *"Пастырем* Ерма", когда мы ищем картину внутренней жизни Римской церкви в то далекое время, когда эхо голосов учеников, бывших с Иисусом, еще звучало в ушах людей.

Как догматический учитель автор "*Пастыря*" практически не представляет ценности; Гермас явно не был богословом, но он был внимательным и, очевидно, точным наблюдателем людей и вещей. Искренний и благочестивый, он с горечью сожалеет о слабости одних в час испытаний, о неспособности других в обычном ходе вещей держаться узкого пути, ведущего к жизни, и с нескрываемой радостью радуется о многих благородных мужчинах и женщинах, которые, несмотря на страшные опасности и искушения, сохранили Веру незапятнанной и непогрешимой.

Гермас *Пастырь* - свидетель, к голосу которого никто не может не прислушаться, о тяжких и бессонных гонениях, которые со времен Нерона, с редкими и короткими перерывами, преследовали христианскую секту в Риме.[104]

Поскольку эта книга, очевидно, была написана непосредственно под завесой гонений - положение вещей, которое окрашивает почти каждую страницу книги, - трудно из стольких свидетельств выбрать какой-либо особый отрывок, рассказывающий об этом постоянном преследовании секты; мы приведем лишь несколько отрывков, где это беспокойное состояние гонений окрашено яркими красками.

"Счастливы вы, переносящие грядущую великую скорбь, и счастливы те, которые не отрекутся от жизни своей" (Ермас, *Видение*, ii. 2).

"Место справа - для тех, кто угодил Богу и пострадал за Имя Его" (Ермас, *Видение*, iii. 1).

"Что они вынесли? Слушайте: Бичевания, темницы, великие скорби, кресты, диких зверей за Имя Божие - им назначено отделение освящения по правую руку - каждому, кто пострадает за Имя Божие" (Ермас, *Видение*, iii. 2).

"Но кто те камни, которые были извлечены из глубины и положены в здание, и подогнаны к остальным камням, прежде положенным в башню? Это те, кто пострадал за Господа" (Ермас, *Видение*, iii. 5).

"Они без колебаний покаялись и упражнялись во всех добродетелях и праведности, а некоторые из них даже пострадали, будучи добровольно преданы смерти" - "Итак, из всех этих людей жилище будет в Башне".

"Все, которые были приведены к властям и испытаны, и не отреклись, но страдали с радостью, те в большой чести у Бога" (Ермас, *Притчи*, viii. 10).

"Все, кто однажды пострадал за имя Господне, почтенны перед Богом, и всем им отпущены грехи, потому что они страдают за Имя Сына Божьего" (Ермас, *Притчи*, viii. 20).

"И вы, страдающие за Имя Его, должны прославлять Бога, потому что Он счел вас достойными носить Имя Его, чтобы исцелить все язвы ваши" (Ермас, *Притчи*, viii. 28).

Иустин Мученик, *примерно* 140-160 гг. н. э.

Приведенные выше даты примерно охватывают период литературной деятельности Иустина. Однако он родился не *позднее* 114 г. н. э., а возможно, и несколькими годами раньше. Мы мало знаем о его ранней истории. Он был прилежным учеником и мыслителем, а его труды относятся к числу наиболее важных, дошедших до нас от первых шестидесяти лет второго века. Сохранились три его сочинения, в подлинности которых нет никаких сомнений. Две *апологии* и *диалог с иудеем Трифоном*. Первая *"Апология"* и *"Диалог"* - произведения значительного размера. Кроме того, есть и другие сочинения, носящие его имя, но подлинность их сомнительна.

Изначально он был язычником, но, похоже, стал христианином благодаря сильному впечатлению, которое произвело на него бесстрашие, проявленное учениками Новой секты перед лицом смерти. Он также был глубоко убежден в величии и истинности ветхозаветных писаний. В конце концов, во время правления императора Марка Антонина, он получил мученический венец, которым так долго восхищался и которого так страстно желал. Это произошло примерно в 165 году.

В трех его подлинных трудах содержатся многочисленные упоминания о гонениях, которым подвергались последователи Имени, и бесчисленные ссылки на состояние вечного риска и опасности, в котором жили и работали его единоверцы.

Мы приведем лишь несколько из них, в которых даны безошибочные детали.

"Если кто признает себя христианином, наказывайте его за это признание" (Иустин, *Апол.* i. 4).

Об осуждении на смерть за одно только имя христианина часто упоминает наш автор (см. отрывки из 1 *Апол.* xi.).

"Мы не можем лгать или обманывать наших (официальных) дознавателей; мы охотно умираем, исповедуя Христа" (Иустин, *Апол.* i. 39).

"Хотя против тех, кто учит или даже исповедует имя Христа, постановлена смерть, мы везде исповедуем и учим его" (Иустин, *Апол.* i. 45).

"Верующие, что после смерти ничего нет... становятся нашими благодетелями, когда освобождают нас от страданий и испытаний этой жизни; ... они убивают нас, однако, не для того, чтобы принести нам пользу, но чтобы мы лишились жизни и радости" (Иустин, *Апол.* i. 57).

"Язычники, познавшие Бога - Творца всего сущего через Иисуса Распятого... терпеливо ожидают любых мучений и возмездия, даже смерти, вместо того чтобы поклоняться идолам" (Иустин, *Диалог с Трифоном*, xxxv.).

" ... чтобы вы не были гонимы правителями, которые... не перестают предавать смерти и преследовать тех, кто исповедует Имя Христа....". (Юстин, *Dial.* xxxix.).

" ... За то, что мы отказываемся приносить жертвы тем, кому в прежние времена приносили жертвы, мы терпим самые суровые наказания и радуемся смерти, веря, что Бог воскресит нас Христом Своим и сделает нас нетленными-спасительными-бессмертными" (Иустин, *Диал.* xlvi.).

"Теперь ясно, что никто не в состоянии устрашить или подчинить нас, уверовавших в Иисуса, ... ибо очевидно, что, хотя нас обезглавливали и распинали, бросали на растерзание диким зверям, в огонь и на все другие пытки, мы не отказываемся от своего исповедания; но чем больше таких случаев происходит, тем больше других, и тоже во все возрастающем числе, становятся верующими и поклоняющимися Богу через имя Иисуса" (Иустин, *Dial.* cx.).

"И вы сами... должны признать, что мы, призванные Богом через созерцаемую и позорную тайну Креста... терпим все мучения, чтобы не отречься от Христа даже словом" (Иустин, *Dial.* cxxxi.).

"Ибо, предав некоторых смерти за ложные обвинения, выдвинутые против нас, они также привлекли к пыткам наших слуг - детей, слабых женщин - и ужасными муками заставили их признать, что они виновны в тех самых действиях, которые они (гонители) открыто совершают, - о которых, однако, мы мало беспокоимся, потому что ни одно из этих действий на самом деле не является нашим. Свидетелем наших мыслей и поступков является неизреченный Бог" (Иустин, II. *Apol.* xii.).

Октавий Минуций Феликс, *около* 160 г. н. э.

Иероним сообщает нам, что Минуций Феликс до своего обращения в христианство был адвокатом в Риме. Диалог, составляющий суть этого сочинения - произведения довольно значительного объема, - представляет собой предполагаемый спор между культурным язычником Цецилием и христианином Октавием, причем писатель Минуций Феликс выступает в роли арбитра между спорящими сторонами. Местом действия диалога был берег моря в Остии, а завершается он обращением язычника Цецилия, которого убедили аргументы, приведенные христианином Октавием.[105]

Сходство между "Минуцием Феликсом" и знаменитой *"Апологией"* Тертуллиана, написанной *около* 200 г. н. э., поразительно, и вопрос о том, кто из них является плагиатором, долгое время стоял перед критиками. Более поздние ученые, среди которых выделяются Эберт, Салмон, епископ Лайтфут, Ренан и Кейм, окончательно установили приоритет Минуция. Лайтфут считает наиболее вероятным периодом написания Минуция 160 год благодати, до смерти Антонина Пия, дату, основанную на внутренних свидетельствах письма.

Дин Милман оценивает литературное совершенство произведения следующим образом: "Пожалуй, ни одно позднейшее произведение, как языческое, так и христианское, не напоминает нам о золотых днях латинской прозы так сильно, как *"Октавий"* Минуция Феликса" (*Hist. of Christianity*, book iv. chap. iii.).

Из тридцать седьмой главы *"Диалога"* взяты следующие поразительные отрывки, касающиеся темы непрекращающихся гонений, которым подвергались христиане в середине второго века:

"Как прекрасно перед Богом зрелище христианина, с болью вступающего в списки, когда он противостоит угрозам, наказаниям и пыткам; когда, насмехаясь над шумом смерти, он попирает ногами ужас публичного палача; когда он поднимает свою свободу против царей и князей и предается одному Богу, Который есть Он; когда, торжествуя и побеждая, он попирает того самого человека, который вынес ему приговор! Ибо победил тот, кто завоевал то, за что сражался! Но Божий воин не оставлен в страданиях и не покончил со смертью. Таким образом, христианин может казаться несчастным, но на самом деле он не может быть таковым. Вы сами превозносите несчастных людей до небес. Например, Муций Сцевола, который, потерпев неудачу в своих попытках против короля, должен был погибнуть... если бы не пожертвовал своей правой рукой. А сколько наших людей терпели, чтобы не только их правая рука, но и все тело было сожжено - сожжено без крика боли, - хотя в их силах было освободиться!

... "Разве я сравниваю христиан с Муцием или даже с Регулом? Но мальчики и девочки насмехаются над крестами и пытками, дикими зверями и всеми ужасами наказания - со всем вдохновенным терпением страдания" (Minucius Felix, cap. xxxvii.).

Мелито, епископ церкви в Сардах, *около* 170 г. н.э.

Об этом Мелито известно очень мало; очевидно, он был довольно объемным писателем, но от длинного списка его работ, который приводит Евсевий (*Н.Е.* Book vi. 26), остались лишь несколько фрагментов. В одном из этих фрагментов рассуждения, адресованного императору Марку, есть следующий отрывок:

"Чего действительно никогда не было прежде, род благочестивых (христиан) теперь преследуется, гонимый в Азии новыми и странными постановлениями. Ибо бесстыдные доносчики - это те, кто жаждет чужого добра и, пользуясь указами императоров, открыто грабят днем и ночью, грабят тех (христиан), кто не виновен ни в каких преступлениях..... И если эти дела совершаются по твоему повелению (т.*е.* императора Марка), то пусть они хотя бы совершаются в законной форме..... Мы (христиане), конечно, с радостью переносим такую смерть, но все же настоятельно просим вас о том, чтобы вы сначала сами разобрались в личностях этих заговорщиков и рассудили, заслуживают ли они сами смерти и наказания или безопасности и неприкосновенности..... Мы просим вас не забывать нас среди этого беззаконного грабежа населения" (Мелито Сардийский, фрагмент, цитируемый Евсевием, *Н.Е.* iv. 26).

Афинагор, *около* 177 г. н.э.

Удивительно, как мало сведений дошло до нас об этом афинском философе, ставшем христианином. Считается, что он много писал, но сами названия его работ исчезли. Единственные сохранившиеся фрагменты Афинагора - это его *"Апология"*, или *"Посольство"*,

как он ее называет, адресованная императору Марку Аврелию и его сыну Коммоду, и трактат "О *воскресении"*.

Филипп из Сиде[106] приводит одну интересную деталь, касающуюся этого малоизвестного раннего писателя. Он рассказывает, что был обращен в христианство благодаря Писанию, которое он изучал с целью его опровержения.

Следующий отрывок взят из *"Апологии* или *посольства* Афинагора".

Он обращается к императорам Марку и Коммоду, а затем пишет: "Почему вам ненавистно одно лишь имя (христианин)? Имена (конечно) не заслуживают ненависти. Именно противоправное деяние требует наказания и кары. Но о нас, которые называются христианами, вы не заботитесь, хотя мы не совершаем никакого зла..... Вы позволяете, чтобы нас притесняли, подвергали преследованиям, чтобы люди враждовали с нами только за наше имя..... Мы страдаем несправедливо, вопреки закону.... Мы умоляем вас позаботиться о нас, чтобы нас перестали убивать по наущению ложных обвинителей.... Когда мы отдали свое имущество, они все еще замышляют против наших тел и душ, выдвигая против нас множество обвинений в преступлениях, в которых мы не виновны даже в мыслях" (глава i.).

" ... Если кто-либо действительно может обвинить нас в малом или большом преступлении, мы не просим избавить нас от наказания; мы готовы понести самые суровые и беспощадные наказания, но если обвинение касается только нашего *имени*... тогда, о выдающиеся государи, ваша задача - освободить нас законом от их злого обращения" (Афинагор, гл. 2, ст. 2). Поэтому то, что дается как общее право всех, мы тоже требуем для себя, чтобы нас не ненавидели и не наказывали только за то, что мы называемся христианами" (Афинагор, глава ii.).

Приведенные выше цитаты из Афинагора ясно показывают, на каком, казалось бы, поверхностном основании христиане подвергались жестоким гонениям и преследованиям во всех мыслимых формах - только потому, что они были христианами. В правление великого и доброго императора Марка Аврелия Антонина *nomen ipsum*, простое "имя", было достаточным основанием для осуждения.

Феофил Антиохийский, *около* 180 г. н.э.

Феофил, согласно Евсевию, *H.E.* iv. 20-24, был шестым епископом сирийской Антиохии (по Евсевию). Он стал епископом в 168 году, когда царствовал Марк. О его жизни ничего не известно, кроме того, что он родился язычником. Он был автором нескольких работ, в том числе *комментариев* к Евангелиям и Книге Притчей, а также сочинения против Маркиона и т. д. Но ни одно из них не дошло до нас. Все, чем мы располагаем, - это три книги, содержащие "Элементы веры", адресованные его другу Автолику. Цитируемый отрывок взят из третьей из этих книг. Его аргументы во многом схожи с теми, что выдвигал Иустин Мученик.

"Они преследуют и ежедневно преследуют тех, кто поклоняется Ему (единственному Богу) ..... Из тех (*т.е.* христиан), кто ревностно стремится к добродетели и ведет святую жизнь, одних они побивают камнями, других предают смерти, и до сих пор подвергают их жестоким пыткам".

Тертуллиан, *CIRCA* A.D. 195-211

Чтобы завершить цепочку свидетельств современных авторов о вечном состоянии беспорядка, постоянно переходящего в активные гонения, которое было уделом христианской секты с 64 г. н. э., даты первого официального преследования Нерона, до 180 г. н. э., даты смерти императора Марка, периода, который мы рассматриваем, добавим важное свидетельство Тертуллиана. Годы его литературной деятельности простираются приблизительно от 195-211 гг. н.э. Но хотя даты его произведений варьируются от пятнадцати до двадцати лет после смерти Марка, несомненно, что его общий взгляд на положение христиан включал, по крайней мере, последние годы периода, на котором мы специально останавливаемся.

Его трактаты, которые особенно касаются христианской и церковной жизни, а также церковной дисциплины, окрашены ссылками на то состояние гонений, в котором, очевидно, жила христианская секта. Эти многочисленные упоминания вводятся вскользь, как будто опасные условия были само собой разумеющимися, неизбежными и входили в обычную жизнь секты.

Мы приводим лишь несколько из них в качестве примеров того, как Тертуллиан представлял себе жизнь, окруженную смертельными опасностями.

Здесь следует прочесть все краткое и интересное обращение к "Блаженным мученикам" в этой связи.

"Нас ежедневно осаждают враги, нас ежедневно предают, нас часто удивляют в наших собраниях и общинах" (Тертуллиан, *Апол.* 7).

"Непрестанно за наших императоров мы возносим молитвы... мы просим обо всем, чего бы ни пожелал император, как человек или как кесарь. С нашими руками, простертыми к Богу, разорвите нас своими железными когтями, повесьте на крестах, окутайте пламенем, отнимите у нас головы мечом, напустите на нас диких зверей; само отношение молящегося христианина - это подготовка к наказанию. Пусть это, добрые правители, будет вашим делом - вырвать у нас душу, умоляющую Бога от имени императора. На правде Божьей и преданности Его Имени ставьте клеймо преступления" (Тертуллиан, *Apol.* 30).

"Только христианам запрещено говорить что-либо в свою защиту, чтобы помочь судье принять справедливое решение; все, о чем заботятся, - это получить то, чего требует общественная ненависть, - исповедание Имени" (Тертуллиан, *Апол.* 2).

Тертуллиан постоянно ссылается на то, что христиане просто лгут в "Имени". "Ваши приговоры, однако, касаются только этого, а именно: что кто-то исповедовал себя христианином", - часто встречается (Тертуллиан, *Ad Nationes*, 8).

ЧАСТЬ II
ПОДГОТОВКА К МУЧЕНИЧЕСТВУ

Вступление

В патетическом и интересном исследовании анонимного автора *De Laude Martyrii* ("О похвале мученичеству") - исследование, которое обычно следует за трудами С. Киприана, - мы читаем о том, как некоторые римские чиновники, помогавшие в пытках умирающего христианского святого, сказали друг другу: "Это действительно удивительно, эта способность не обращать внимания на боль и агонию! Кажется, ничто его не трогает; у него есть жена и маленькие дети, но даже любовь к ним не трогает его. *В* чем же секрет его странной силы? Конечно, это не может быть воображаемая вера, которая позволяет ему принимать такие страдания и такую смерть!"

Моральное воздействие этой стойкости, этого безмятежного принятия пыток и смерти - как на гонителей, так и на преследуемых - было, несомненно, очень велико. Возможно, его недооценивают. То, что мы только что процитировали из трактата *De Laude Martyrii*, *то есть* свидетельство того, что должно было произойти много тысяч раз, а именно: как это поразило чиновников, исполнявших суровый закон Рима, - было повторено в наше время одним из самых серьезных историков, который отнюдь не был увлечен религиозным энтузиазмом. Леки в своей скрупулезно честной, но в то же время холодной и бесстрастной главе о ранних христианских гонениях завершает свой обзор этого периода следующими примечательными словами: "Ради любви к своему Божественному Учителю, ради дела, которое они считали истинным, мужчины и даже слабые девушки переносили эти вещи (он подробно описывает некоторые из известных пыток и смертей ранних христианских верующих) не дрогнув, когда одно слово могло бы избавить их от страданий. Никакое мнение, которое мы можем составить о действиях священников в более позднюю эпоху, не должно нарушать благоговения, с которым мы склоняемся перед могилой мученика".[107]

Более вдумчивые из языческих правителей, которые с безымянным страхом ожидали свержения культа идолов, сохранение которого, по их мнению, было неразрывно связано с поддержанием великой Римской империи, которую они так любили, увидели в постоянстве мучеников великую опасность, которой подвергался этот культ идолов.

Такие разные правители, как Нерон и Домициан, Адриан, Антонин Пий и Марк Антонин, Север, Деций и Диоклетиан, а также их министры чувствовали, что самые суровые меры подавления новой веры абсолютно необходимы, если они хотят остановить быстро наступающий и, казалось бы, неудержимый прилив христианства в империи.

Учитывая сильное впечатление, которое производило на язычников, видевших или слышавших об этом, постоянство обвиняемого христианина, оказавшегося лицом к лицу со всеми ужасами пыток и смерти, наиболее дальновидные из римских магистратов прилагали все усилия, чтобы склонить обвиняемого христианина к отречению и уступить воле и желаниям императорского правительства.

В бесчисленных случаях это уступка делалась, казалось бы, очень просто - несколько зерен ладана, брошенных на алтарь идола; просто признание божественности царствующего императора, которое в конце концов можно было объяснить простым официальным выражением горячей преданности.

В некоторых случаях признание одного верховного божества - Юпитера, который представлял бы единого всемогущего Бога христиан, - предлагалось в качестве "modus

vivendi" правдоподобной риторикой государственного деятеля, заботившегося о Риме, но для которого все религии были мифами.

Сенатору-христианину, который ради Христа отказался от прекрасного дома и возвышенного положения, его коллеги-язычники на судейском месте напоминали о неизбежном долге, который человек в его великом положении должен выполнять перед законом и порядком, перед своим господином императором; конечно, он, как никто другой, должен подавать пример верности и послушания; должен ли он унижать свой гордый орден, поклоняясь неизвестному распятому преступнику вопреки желаниям и приказам императора и императорского правительства?

Еще чаще красноречивый магистрат обращался к храбрым христианам обоих полов с призывом проявить жалость к тем, кого они любят, - к престарелым отцу и матери, к мужу, жене или беспомощным детям. Неужели своим роковым упрямством они должны были навлечь утрату и позор, стыд и нищету на этих беззаконников?

Затем за всеми этими умозрительными аргументами римский судья показывал бледному исповеднику, стоящему перед ним, ужасные пытки - жестокую смерть, которая непременно ожидала того, кто с угрюмым и необъяснимым упрямством отказывался повиноваться законам незапамятной империи, когда повиноваться было так легко.

И многие уступили, в этом нет сомнений. Число мучеников, устоявших до смерти, несомненно, очень велико, гораздо больше, чем хочет признать холодный и бесстрастный критик, но число тех, кто уступил, несомненно, было значительным.

Для римского магистрата было почетно публично склонить на свою сторону одного или нескольких исповедников новой религии, убедить какого-нибудь известного христианина рассыпать на алтаре обожествленного императора, или популярного образа Марса-мстителя, или Дианы, или еще более великого Юпитера несколько зерен ладана, символизирующих его возвращение к древнему языческому культу, или, еще лучше, вырвать несколько неохотных слов, в которых обожаемый Христос отрекался и отказывался от него.

Для римского языческого судьи такая судебная победа всегда была триумфом. Она быстро принесла бы свои плоды и подняла бы на поникший штандарт язычества множество мужчин и женщин, размышляющих, сомневающихся, колеблющихся на пороге христианства; на пороге, где перед ними был такой пример отречения, который они, несомненно, никогда бы не переступили!

И эти сцены в течение долгих лет активных гонений разыгрывались снова и снова. Война между религией Христа и старым идольским культом, столь дорогим Риму и миллионам его подданных, была поистине затяжной и смертельной, и, насколько могли судить люди, решение в течение долгих лет трепетало на волоске.

И все это время многое - гораздо большее, чем думают сейчас люди, - зависело от серьезного и торжественного вопроса о мученичестве.

Это был внешний и видимый знак того нового чудесного откровения, которое воздействовало на столь разные умы, которое беспокойно действовало в столь разных классах, в Риме и во многих провинциях римского мира, которое с первых дней своего появления в великой империи сразу же начало производить могучие перемены во всех сословиях, во всех обществах, куда оно проникало, и с каждым годом оно проникало все глубже.

Новое Откровение преподавалось все более многочисленной группой учителей, пылких, страстных, красноречивых, некоторые из них были учеными и культурными. Оно также обладало литературой, которая постепенно увеличивалась в объеме и силе, - литературой, основанной на "Записи", которая, как утверждали эти учителя, не исходила ни из одной мастерской на этой земле.

Но вся эта литература, мощная, будоражащая душу, касалась, сравнительно говоря, лишь немногих мужчин и женщин, составлявших могущественный мир Рима. Огромная масса народов империи не читала книг и не слышала слов учителей Новой религии.

Нужно было *что-то большее*, чтобы затронуть *народные* массы - что-то, что могли бы увидеть и услышать тысячи людей; что-то, что они могли бы увидеть сами. Этим чем-то и занялась благородная армия мучеников.

С первых дней появления нового учения императорское правительство Рима было намерено, по возможности, вытеснить его из общества, которое контролировал Рим.

Пока ученики Того, Кто дал учение и торжественное поручение Своим ученикам преподать всем людям эту удивительную историю, еще жили и мужественно выполняли повеление своего Учителя, начались неустанные гонения на тех, кто принял Новое Откровение (люди назвали их христианами в честь их Учителя Христа); гонения, которые были то переменчивыми и неопределенными, то яростными и неумолимыми в своем действии, то вялыми и затихающими, но которые никогда не спали. В течение двух с половиной столетий - периода от Нерона до Константина - быть христианином было просто противозаконно, и его приверженец подвергался самым суровым наказаниям, которые порой взыскивались очень строго. Временами закон государства частично отменялся, но, говоря нервными словами великого африканского учителя, обращенными к христианскому братству в течение всех этих долгих лет, - "Non licet esse vos".[108]

Более государственные правители Рима, признавая влияние мучеников на народ, как мы уже отмечали, всеми доступными им средствами поощряли отступничество - потому что публичное отречение от веры глубоко волновало людей. Каждый публичный акт отступничества был тяжелым ударом для христианского дела; с другой стороны, каждый пример великолепной стойкости в страданиях и смерти был прекрасным ободрением для огромной толпы чужаков, которые колебались на границе христианства. Какова же должна быть, думали эти люди, а их было великое множество, тайная сила новой веры, способная заставить сильных мужчин, нежных женщин всех возрастов и разных сословий переносить такие ужасные страдания и в конце концов встретить смерть с улыбкой, озаряющей измученные болью лица.

I

История, которую они рассказывали, должна быть правдивой, иначе она никогда не обладала бы такой могущественной силой.

Лидеры секты Нового Откровения полностью осознавали эти два фактора в жизни своего времени. Любое отступничество или публичный отказ от однажды принятой религии Христа было бедствием, которого следовало остерегаться с величайшей бдительностью. С другой стороны, каждый пример публичной стойкости до конца был огромным подспорьем в деле распространения веры, поэтому с самых ранних дней в великих христианских центрах была создана *школа - мы* не можем использовать другой подходящий термин - *подготовки к*

мученичеству. Эта интереснейшая и далеко идущая работа в самой ранней Церкви - Церкви времен гонений - до сих пор обычно оставалась незамеченной; только в последнее время она привлекла к себе внимание.[109]

Это была не бессистемная временная работа, не "подготовка к мученичеству", но, как мы увидим, настоящая "школа", длительное обучение для ужасной, неправдоподобной случайности. В конце второго и в течение всего третьего века это была, очевидно, признанная и важная христианская организация. Как только мы узнаем о его существовании, мы начинаем находить безошибочные доказательства этого в трудах таких важных учителей, как Тертуллиан и Киприан.

В этой некогда знаменитой, но ныне забытой школе мученичества известное уподобление Св. Павла легло в основу теории, которая, по-видимому, вдохновила эту работу, - уподобление, сравнивающее христианского бойца на арене мира с атлетом в известных и популярных играх амфитеатра. Там атлет, прежде чем выйти на арену, тщательно готовился к трудностям: долгая и тщательная подготовка, прежде чем он мог надеяться завоевать пальму и корону, была абсолютно необходима. Он должен был пройти через множество долгих, трудоемких и болезненных упражнений, воздержаний, бдений, постов, прежде чем его тело будет готово выдержать опасности и страдания подготовленного бойца на общественной арене.

Подобным образом должен тренироваться и христианский атлет, предвкушающий возможное мученическое испытание. Св. Киприан в середине третьего века определенно пишет о том, что явно было практикой Церкви: "Ad agonem sæcularem, exercentur homines et parantur.... Armari et præparari nos beatus Apostolus docet."[110] ("Для борьбы с миром люди обучены и подготовлены..... Блаженный апостол учит нас быть во всеоружии и наготове").

Награда за мученичество была очень велика. Видения и сны блаженных страдальцев постоянно читались вслух в общине.

В момент после смерти ангелы переносили их в рай - сад Божий. Там их встретят словами триумфа и даже восхищения. Господин сам примет Своих искупленных слуг, которые сражались в доброй борьбе и победили. Его приветственный поцелуй, прикосновение Его руки сразу же наполнят их души неописуемой радостью. Видение Перпетуи", *около* 200 г. н. э. или немного раньше, одна из ранних "Страстей мучеников", абсолютная подлинность которой не вызывает сомнений, поскольку она никогда не дополнялась и не редактировалась, является хорошим примером "видений", которые видели мученики перед своим высшим испытанием.

Но для обучения и подготовки требовалось нечто большее, чем публичное изложение этих хорошо известных поступков и страстей, поэтому для наставления искренних и преданных мужчин и женщин было специально составлено и выпущено несколько коротких трактатов, так сказать, "Руководств" для подготовки к великому испытанию. Большинство из них исчезло; они были написаны ревностными учителями для особого времени, для тех лет, когда Церковь подвергалась горьким испытаниям; когда время испытаний закончилось, они больше не требовались и, как правило, не сохранялись. До нас дошли лишь немногие из них, такие как "Увещевание к мученикам" Оригена, трактаты Тертуллиана "К мученикам" и "Скорпион", письмо "К тибаритам" С. Киприана и анонимный труд, процитированный в начале этой главы, *"De Laude Martyrii*". Это достойные образцы того, что когда-то было значительной литературой. В очень многих сохранившихся "Страстях мучеников" мы встречаем часто повторяющийся ответ, который христианин дает судье, когда его спрашивают о его положении в жизни, стране, семье и т.д. "*Я христианин*" - таков был почти

неизменный ответ на эти вопросы; часто ничего больше. Такова была "формула", которой учили в школах мученичества, - очень немногие следы этой "формулы", однако, появляются в дошедших до нас трактатах; она, однако, должна была постоянно повторяться в "потерянных" трактатах или трактатах, переданных в руки тех, кто проходил обучение, - потерянных трактатах, на которые уже была сделана ссылка. Послание святого Игнатия к римлянам, несомненно, использовалось в качестве одного из таких трактатов или пособий.

Слова такого знаменитого учителя, как Киприан, который в конце концов сам принял мученическую смерть, также хранились в сокровищнице. Некоторые из них содержатся в видении святого Флавиана перед его мучениями: "Я увидел во сне епископа-мученика Карфагенского и сказал ему: "Киприан, очень ли мучителен смертный удар?" Он ответил: "Когда душа находится в состоянии небесного восторга, страдающая плоть уже не принадлежит нам; тело совершенно нечувствительно к боли, когда дух пребывает с Богом"".

Это представление о нечувствительности мученика к боли было очень общим. Тертуллиан повторяет ее почти в тех же словах. Св. Фелицита, цитируемая в упомянутых выше Страстях св. Перпетуи, сказала: "Когда я буду в амфитеатре, Господь будет там и будет страдать за меня".

S. Перпетуя в тех же известных "Страстях", после того как ее швырнул и растерзал дикий и обезумевший зверь, очнулась от экстаза, в который она была погружена, и спросила стоявшего рядом чиновника, когда ее выставят перед разъяренным животным. Св. Бландина в другой жестокой сцене мученичества была так же нечувствительна к боли - ее душа была далеко, разговаривая с Господом или молясь Ему.

Но из всех различных "Руководств по мученичеству", которые давали в руки тем, кто хотел получить особую подготовку ко дню испытаний, ни одно не было таким действенным, легким для понимания, убедительным, как слова Евангелия от Матфея. Очевидно, их запомнили и снова и снова повторяли в тяжелый час испытаний.

Такие изречения, как эти, - слова самого Господа, - страдалец знал: "Блаженны гонимые за правду, ибо их есть Царство Небесное". "Как[111] тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь". "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь Того, Кто может и душу и тело погубить в аду".

"Итак, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю (признаю) пред Отцом Моим Небесным". "А кто отречется от Меня пред людьми, того отрекусь и Я пред Отцом Моим Небесным".

"Кто любит отца и мать более, нежели Меня, тот не достоин Меня". "И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня".

"Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною".

"И всякий, оставивший домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную".

Но "подготовка к мученичеству", которой добровольно подвергали себя многие христиане в I, II и III веках, отнюдь не сводилась к усвоению содержания небольшого сборника тщательно подготовленных трактатов, к слушанию красноречивых и пламенных увещеваний преданных учителей или даже к постоянному углублению в слова Божественного Учителя. Эта

подготовка включала в себя длительную и тщательно сбалансированную практику аскезы, которая приучала тело к самоотречению и страданиям, чтобы, когда действительно начнутся муки испытания, тело, тщательно приученное к выносливости, смогло встретить боль, не дрогнув.

В этой подготовке к смертельной схватке, победа в которой была так важна для дела, не жалели сил - постоянно практиковались мучительные и трудоемкие упражнения, долгие посты, бдения и молитвы, которые должны были сделать тело нечувствительным к усталости и способным переносить любые страдания, какими бы тяжелыми они ни были. Иногда эта подготовка продолжалась долгое время, прежде чем представился подходящий случай для публичного испытания.

Именно отсутствие этой длительной и тщательной подготовки, о которой говорится в прекрасном евангельском письме, описывающем Лионское и Вьеннское мученичества, стало причиной многих неудач и уклонения от мученической агонии некоторых лионских страдальцев.

II

Великий и суровый учитель Тертуллиан, писавший около 200 г. н. э., сообщает нам некоторые подробности аскезы, которой придерживались те, кто готовился к мученической смерти. Мы приведем здесь лишь несколько его пламенных слов.

"Блаженные мученики, подумайте, - писал он, - как в мирное время солдаты (он говорил о подготовке непобежденных легионов Рима) закаляют себя на войне трудами, маршируя в тяжелых доспехах, бегая по тренировочному двору, работая на рвах, чтобы, когда наступит день битвы, тело и разум не дрогнули, когда они переходят от мирного одеяния к почтовому плащу, от тишины к шуму, от спокойствия к беспорядку. Так и вы, о благословенные, считайте все, что есть трудного в этом вашем жребии, который вы взяли на себя, дисциплиной для ума и тела. Вы собираетесь пройти через благородную борьбу, в которой живой Бог - президент, Святой Дух - тренер, в которой награда - вечный венец ангельской жизни..... Поэтому ваш Учитель Иисус Христос предвидел благое дело перед днем борьбы... наложить на вас тяжелую тренировку, чтобы ваши силы были больше"... "Чем тяжелее труд при подготовке, тем сильнее надежда на победу, ... ибо доблесть приобретается трудом".[112]

В других местах Тертуллиан цитирует С. Павла в таких отрывках, как: "Мы хвалимся и скорбями, зная, что скорбь производит терпение, а терпение опытность, а опытность надежду" (Рим. ст. 3, 4); и еще: "Посему я радуюсь" (2 Кор. xii. 10) "в немощах, в поношениях, в нуждах, в гонениях, в бедствиях ради Христа"... "всегда перенося в теле умирание Господа Иисуса" (2 Кор. iv. 10); и еще (2 Кор. iv. 16, 17, 18): "Хотя внешний наш человек и погибает, но внутренний обновляется день ото дня..... Ибо легкие наши скорби, которые на мгновение, производят в нас гораздо более великую и вечную славу, когда мы смотрим не на видимые вещи, но на невидимые".[113]

В своем трактате "Идолопоклонство" Тертуллиан еще более подробно останавливается на вопросе "подготовки к мученичеству". Он предписывает практиковать все виды аскетизма, например, терпеть голод и жажду как привычное дело.

Это пламенное увещевание завершается необычными словами: "Перекормленный христианин будет, пожалуй, нужнее медведям и львам, чем Богу; чтобы встретиться с дикими зверями, он должен будет тренироваться до истощения".

Все это и многое другое в этом любопытном "Исследовании" Тертуллиана отчасти преувеличено, но оно бросает значительный свет на то, как положительно готовились к мученичеству, а тело - к перенесению ужасных страданий, неизменно завершаемых смертью. Каждый пример такого мужественного терпения - каждое "сопротивление до крови" - христианские наставники и лидеры первых 250 лет считали неоценимым для распространения своего дела. С другой стороны, любое публичное поражение и отказ от своих слов были бы серьезным ущербом для их дела; поэтому языческое правительство, как мы уже отмечали, напрягало все нервы, чтобы сделать отказ легким; а христианские мастера, напротив, делали все, что могла изобрести изобретательность или подсказать горячая преданность, чтобы подготовить спортсменов, которые в высшем общественном испытании могли бы получить приз мученичества.

Они добились успеха, несмотря на многочисленные поражения. Эти школы мученичества породили в Риме и провинциях бесчисленную череду храбрых мужчин и женщин всех рангов, всех возрастов, которые, к изумлению языческого мира, через боль и муки снова и снова завоевывали окрашенный кровью славный венец мученика. Это был совершенно новый опыт в мире, и эффект, который он произвел на рядовых мужчин и женщин, стал очевиден только после заключения мира в Церкви. Жители Рима от увиденного были убеждены, и никто не сомневался, что вера, способная породить таких героев, несомненно, основана на *чем-то* истинном и реальном.

Примерно за восемьдесят или, самое большее, девяносто лет до того, как жил и писал Тертуллиан, Игнатий, епископ Антиохийский, по пути в Рим, где он был обречен быть выставленным перед дикими зверями в большом амфитеатре, написал свое знаменитое письмо к Римской церкви.

Датируется оно примерно 107-10 гг. н.э. Это небольшое письмо высоко ценилось в ранней Церкви. Его по праву можно назвать *сводом* мучеников в эпоху гонений. В нем точно воплощены мысли и стремления, которым учила своих учеников "школа мучеников", которую мы изображали. Мы приведем некоторые из этих мыслей в качестве достойного завершения этого небольшого исследования о "подготовке к мученичеству", как это практиковалось в течение первых двухсот пятидесяти лет.

Это письмо Игнатия дышит в своих нервных и страстных словах полным бесстрашием, хотя ужасное испытание лежало непосредственно перед ним; оно говорит об интенсивном и страстном желании писателя получить разрешение нести свое свидетельство о любви Христа, получить разрешение "устоять до крови" (Евр. xii. 4). Все короткое письмо, по сути, является страстным призывом к мученичеству.

Игнатий писал примерно следующее:

> "Дорогая римская конгрегация, не делайте ничего, что могло бы помешать мне закончить мой курс. Если *вы будете* молчать, Бог будет говорить через меня". (Очевидно, он опасался, что благодаря заступничеству влиятельных друзей, которыми, как знал великий учитель, он располагал в столице, смертный приговор может быть отложен, а возможно, и отменен).
>
> "Молитесь, - писал он, - чтобы у меня были силы как делать, так и говорить. Если только вы промолчите и оставите меня в покое, - я слово Божье; но если вы

пожелаете моей жизни - тогда я снова стану просто криком. Хорошо уйти от мира к Богу, чтобы вознестись к Нему.

"Я хотел бы, чтобы все люди знали, что по своей воле я умираю за Бога..... Пусть меня отдадут диким зверям, чтобы я стал чистым хлебом Божьим (или Христовым). Носите со мной.... Теперь я начинаю быть учеником.... Приди огонь и крест, и схватки с дикими зверями, вырывание костей, отрубание конечностей, сокрушение всего моего тела. Пусть жестокие муки дьявола будут преследовать меня. Лишь бы мне достичь Иисуса Христа!... Я ищу Того, Кто умер за нас. Его я желаю, воскресшего ради нас.... Дайте мне принять чистый свет: когда я приду туда, тогда я стану человеком. Да буду я подражателем страстей Бога моего....".

"Пишу вам, находясь среди жизни, но вожделея смерти. Желание мое (или любовь к жизни) распято, во мне нет (теперь) огня земного, но только вода, живущая и говорящая во мне и говорящая во мне: "Приди к Отцу". Я не желаю ни пищи тления, ни наслаждений жизни. Я хочу хлеба Божьего, который есть плоть Христова, ... и пить хочу Кровь Его, которая есть любовь нетленная".

Это был тот новый чудесный дух, в котором раннехристианские мученики встречали и приветствовали со странной интенсивной радостью пытки, бесчестие, смерть. Это был тот дух, которого с безымянным ужасом боялись великие языческие государственные деятели, стоявшие у руля империи в Риме, и жаждали сокрушить и уничтожить его, тот новый дух, который, как чувствовали самые мудрые и дальновидные из них, всегда звучал предсмертным звоном для языческого культа, культа, который они связывали с генезисом, силой и самой жизнью римской системы, культа, обожествлявшего Рим и поклонявшегося гению римского императора.

ЧАСТЬ III
ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО МУЧЕНИКОВ В ПЕРВЫЕ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Вступление

На предыдущих страницах было уделено много внимания вопросу о продолжительности периодов гонений и, соответственно, о количестве мучеников, пострадавших в эти периоды. Принято считать, что после смерти Нерона в Римской Церкви, как и в провинциях, наступил длительный период спокойствия, и что секта христиан в целом оставалась без защиты во время правления Веспасиана и Тита, а также Домициана, вплоть до последних лет его жизни.

Было показано, что это отнюдь не так и что христиане подвергались преследованиям в большей или меньшей степени на протяжении всего этого периода предполагаемого спокойствия.

И после, во времена правления Траяна и Адриана, быстро растущая христианская община постоянно подвергалась гонениям со стороны недружелюбного и подозрительного правительства, часто по наущению завистливого и враждебного населения. Снова и снова эти нападки, поначалу, вероятно, в основном локальные и частичные, перерастали во всеобщее и ожесточенное преследование.

Во времена Антонина Пия преследования христиан становились все более общими и жестокими, а когда императором стал Марк Антонин, страдания учеников Иисуса из Назарета стали еще более острыми и явными, и наступил ужасный период гонений, ставший уделом христианских подданных Рима.

Мы имеем ужасные примеры этого горького "антониновского" преследования в печальных записях, несомненно подлинных, мучеников Вьенны и Лиона, скиллитанских мучеников в Северной Африке, героических мавританских жертв, в поразительных и жалких деяниях Перпетуи и ее спутниц.[114]

И опять же нередко утверждается и в значительной степени верится, что христианские традиции преувеличивают число мучеников, пострадавших во время длительных, хотя и периодически прерывавшихся периодов гонений. Что касается этого раннего периода, первых двух веков, эпохи, на которой мы сейчас особенно останавливаемся, то это предположение, очень часто более или менее принимаемое, абсолютно беспочвенно. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот.

Чтобы не преувеличивать число исповедников "Имени" и не рисовать в слишком ярких красках историю их мученичества, ранние христианские писатели очень мало останавливаются ни на числе исповедников, ни на их страданиях. В древнейших дошедших до нас церковных календарях нет ни одного упоминания о мучениках или исповедниках II века; в этих списках мученики не упоминаются вплоть до середины III века. Исключение делается лишь в отношении некоторых прославленных мучеников и исповедников. Как правило, за исключением особых случаев, годовщины мучеников второго века, по-видимому, не отмечались. Только из общего тона самых ранних христианских сочинений[115] мы можем понять, что община подвергалась постоянной опасности и что тень гонений постоянно витала над головами последователей "Имени".

Наиболее точные сведения о большом количестве христиан, о том, как на них смотрело императорское правительство, и о суровых мерах, принятых против них, можно найти в известиях великих языческих историков, таких как Тацит и Суетоний, и более точно и четко в письме Плиния к Траяну и в ответе императора , на котором мы уже останавливались с некоторыми подробностями.

Что касается важного и интересного вопроса о "количестве" мучеников в целом, то одно очень весомое доказательство было проигнорировано и проигнорировано.

Это доказательство исходит из катакомб, которые в последние годы стали предметом столь тщательных и кропотливых исследований, которые продолжаются до сих пор. В этих исследованиях, пожалуй, ничто так не помогло великим ученым, посвятившим себя этой работе, как так называемые "Маршруты" или "Путеводители паломника" по этой великой сети подземных кладбищ под пригородами Рима. Мы знаем, что в пятом, шестом и двух последующих веках огромное количество паломников, не только из Италии, но и из дальних стран, посещали Рим, особенно с целью благоговейного посещения и молитвы у святынь храбрых исповедников веры, пострадавших в дни гонений, со времен Нерона до прихода к власти Константина Великого.

В помощь этим толпам паломников было составлено определенное количество "Маршрутов". Некоторые из них дошли до нас; эти любопытные и интересные "Ручные книги паломников" обычно обнаруживаются (сравнительно недавно) в некоторых крупных монастырских библиотеках.[116]

Они датируются последними годами пятого века и далее, а написаны - те копии, которыми мы располагаем, - в основном в шестом, седьмом и восьмом веках. Несомненно, эти "Маршруты" были скопированы с еще более древних документов, и вполне вероятно, что будут обнаружены и другие. Но и те, которыми мы располагаем, оказали неисчислимую услугу исследованиям таких людей, как Марчи, Де Росси, Марукки и их соратников.

Информация, содержащаяся в этих книгах-путеводителях паломников, в большинстве случаев оказалась необычайно точной, а детали, изложенные в них, поразительным образом совпали с тем, что было обнаружено. Были идентифицированы не только наиболее известные святыни, о которых упоминалось, но даже общие детали оказались в значительной степени верными. Однако одна деталь в этих древних "маршрутах паломников" не получила того внимания, которого она заслуживает, и которая самым поразительным образом подтверждает тезис, высказанный выше, о том, что число мучеников в Риме (поскольку мы остановились здесь именно на Риме) было сильно недооценено большинством историков.

I

Мы вкратце пройдемся по свидетельствам "Маршрутов" на этот счет, затрагивая по порядку каждую из главных катакомб. Как правило, в "Маршрутах паломников" различные группы кладбищ (катакомб) классифицируются в соответствии с названием римской дороги, в непосредственной близости от которой они были раскопаны. Таким образом, объединяются кладбища, расположенные на "Via Aurelia", "Via Portuensis", "Via Appia", "Via Salaria Nova" и т.д. Такая топографическая схема была составлена, очевидно, для удобства путешественников-паломников, которых таким образом поочередно водили вокруг главных святынь.

На правом берегу Тибра в квартале Трастевере

Виа Ватикана. (*Ватиканское кладбище.*)

> Здесь упоминаются склепы, существующие под великой базиликой Святого Петра. "Никто не знает, каково число святых мучеников, покоящихся в этой церкви" (Etenim nullus hominum scit numerum sanctorum Martyrum qui in eadem ecclesia pausant).-Итинерарий *Уильяма Мальмсберийского*.
>
> Этот "Путеводитель", вероятно, был издан для использования крестоносцами. Очевидно, он был составлен на основе гораздо более древнего документа, поскольку многие святыни, упоминаемые в нем, принадлежали катакомбам, которые во времена Вильгельма Мальмсберийского были давно забыты.

Виа Аурелия. (*Дорога, ведущая в Чивита Веккья.*)

> После рассказа о святынях некоторых прославленных исповедников, похороненных на кладбище у этой дороги, мы читаем, как "эти лежат погребенные со многими (другими мучениками)" (cum multis sepulti jacent).-De *Locis SS. Martyrum*.
>
> Из этого "Итинерария", полное название которого "De Locis SS. Martyrum quæ sunt foris civitatem Romæ", был найден в Зальцбургской библиотеке.
>
> Via Portuensis. (*Дорога, ведущая в Портус, древний порт Рима, построенная Клавдием*).
>
> Указываются некоторые знаменитые святыни, после чего следуют слова: "Затем спуститесь в пещеру (или склеп), и вы найдете там бесчисленное множество

мучеников" (invenies ibi innumerabilem multitudinem martyrum); и снова, ссылаясь на другое место, "та пещера (или склеп) наполнена костями мучеников".

К кладбищам на Via Portuensis относятся кладбища Понтиана и С. Феликса.- Зальцбургский *маршрут*.

Кладбища (катакомбы) на левом берегу Тибра (собственно Рим)

Виа Остиенсис. (*Дорога, ведущая в Остию.*)

После упоминания гробницы святого Павла и других святынь, таких как святой Адауктус, упоминается мученик Номеус и многие другие (cum plurimis aliis).

Виа Ардеатина. (*Дорога справа или к западу от Аппиевой улицы*).

В "Путеводителе" говорится о различных святынях и далее: "Неподалеку лежат святые Петронилла и Нерей, Ахилл и многие другие мученики" - Итинерарий *Уильяма Мальмсберийского*.

Виа Аппиа. (*"Царица дорог" ведет через Альбано в Капую*).

(1) После перечисления различных примечательных святынь, таких как храм Святой Цецилии, мы читаем: "Там мы натыкаемся на бесчисленное множество мучеников" (Ibi innumerabilis multitudo martyrum).

(2) Далее упоминаются "80 безымянных мучеников, которые покоятся здесь" - *Маршрут* Зальцбурга.

(1) В другом "Маршруте", описывающем кладбища Аппиева пути, мы читаем о "800 мучениках, которые, как утверждается, покоятся в большой группе катакомб Каллиста".

(2) И здесь снова используется выражение "со многими мучениками" - De *Locis SS. Martyrum*.

Виа Латина (*выходит из древнего Порта Капена слева от Аппиева пути*).

В упоминаемом здесь "Итинерарии" говорится о трех группах кладбищ, в двух из которых, после указания на некоторые известные святыни, говорится, что "там покоятся многие мученики" -De *Locis SS. Martyrum*.

Виа Лабикана (*ведет из древних Эсквилинских ворот*).

В "Путеводителе паломника", о котором здесь идет речь, упоминается, что в группе кладбищ, расположенных на этой дороге, "покоятся многие мученики". В другом месте говорится о "многих других мучениках", а еще в одном - о "30 мучениках" - Итинерарий *Зальцбурга*.

Другой "Путеводитель паломника" рассказывает о "бесчисленном множестве мучеников", похороненных в этой группе катакомб.-De *Locis SS. Martyrum*.

Другой "Маршрутный лист", указав некоторые известные имена, упоминает, что здесь были "другие мученики без числа" - Итинерарий *Айнзидельна*.

Виа Тибуртина. (*Дорога, которая через Тибуртинские ворота, ныне Порта Сан-Лоренцо, ведет в Тиволи*).

В "Путеводителе" говорится о церкви Святого Лаврентия и двух базиликах на прилегающем кладбище. В нем говорится: "Там покоятся многие мученики"; и еще раз, на соседнем кладбище, упоминается о "множестве святых", похороненных там.- Итинерарий *Зальцбурга*.

В другом "Итинерарии", описывающем эти кладбища, говорится, что "вместе со Святой Кириакой и Святой Симфорозой похоронены многие мученики" -De *Locis SS. Martyrum*.

Виа Номентана (Via Nomentana) (*ведет из старого Порта Коллина в город Номентум (Ментана). Современные ворота Porta Pia находятся рядом со старыми воротами*).

После описания группы кладбищ, расположенных вокруг базилики Святой Агнессы, и упоминания некоторых из наиболее известных святых, в "Маршруте" говорится: "Многие другие спят там."-De *Locis SS. Martyrum*.

Виа Салария Нова (Via Salaria Nova) (*ведет в северном направлении от старого Порта Коллина (Porta Collina, ныне Porta Pia). Большое кладбище (катакомба) Присциллы находится немного в стороне от города на этой дороге*).

В "Итинерарии" говорится о старой базилике Святого Сильвестра; ее руины находятся в катакомбе Присциллы. Там, как сказано, "покоится множество святых"; и далее, все еще говоря о той же базилике Святого Сильвестра, говорится, что "под алтарем с некоторыми знаменитыми исповедниками находится множество святых" - Итинерарий *Зальцбурга*.

Другой "Путеводитель", пишущий о великих, которые покоятся на кладбище "Присцилла", добавляет, что они спят там "со многими святыми". Рядом тот же "Путеводитель" рассказывает, как один из сыновей-исповедников святой Фелицитаты на том же месте покоится "со многими святыми"; и снова упоминает о "многих мучениках, похороненных там". И еще раз, говоря о святилище святого Сильвестра, сообщает, что "еще очень много святых и мучеников лежат рядом". В одной могиле, добавляет "Путеводитель", "похоронены 373 человека"."-De *Locis SS. Martyrum*.

Уильям Мальмсберийский, копируя, как мы уже говорили, из гораздо более древнего "Путеводителя паломника", после перечисления имен наиболее выдающихся мучеников добавляет: "И еще бесчисленное множество других святых похоронено там" (alii innumerabiles).- Уильям *Мальмсберийский*.

Виа Салария Ветус. (*Эта дорога находилась в непосредственной близости от последней, упомянутой "Via Salaria Nova"*).

В "Итинерарии", описывающем группу кладбищ на этой дороге, после упоминания более известных имен святых написано следующее: "Они похоронены вместе со многими мучениками"; и далее повествует о том, что "здесь погребены 230 мучеников" - De *Locis SS. Martyrum*.

Уильям Мальмсберийский, пишущий о той же группе, сообщает, что "в одной могиле покоятся 260 мучеников", а "в другой - 30" - Уильям *Мальмсберийский, Итинерарий*.

Виа Фламиниа. (*Эта древняя дорога выходит из современного Порта-дель-Пополо, являясь прямым продолжением современного Корсо. Это великая дорога, связывающая город с Северной Италией*).

На этой дороге есть только одно кладбище или катакомба - Святого Валентина. В "Путеводителе" рассказывается, что мученик Святой Валентинус покоится там вместе "с другими безымянными мучениками".

В другом "Путеводителе" говорится: "Здесь похоронены многие святые"."-De *Locis SS. Martyrum*.

II

Несколько менее весомыми, чем свидетельства "Маршрутов" или "Путеводителей паломников", но все же очень важными, поскольку они бросают сильный свет на доказательства, которые мы собрали вместе по вопросу о большом количестве мучеников и исповедников Рима, захороненных в катакомбах, являются "Каталог" и "Ярлыки" Монцы, когда-то приложенные к маленьким флаконам с маслом, привезенным в Теоделинду из священных святилищ Рима.

В другом месте мы уже кратко описывали эту любопытную и абсолютно подлинную реликвию.[117] Теоделинда попросила реликвии из святынь римских кладбищ (катакомб); папа Григорий Великий в последние годы шестого века прислал ей немного масла из лампад, которые в его времена постоянно горели перед каждой из этих святынь.

Оригинальный "Каталог" (Notitia) этих масел, а также "Ярлыки" (Pittacia), которые когда-то были прикреплены к флаконам, в которых хранились масла, хранятся в соборе Монцы.

Каталог (или Notitia) предваряется следующими словами:

"Nōt. de olea scōrum (sanctorum) martyrum qui Romæ in corpore requiescunt-id est" и т. д. Далее следует список мучеников, от святынь которых было взято немного масла (содержавшегося в лампадах, всегда горевших перед ними).

В некоторых случаях, в частности, после таких имен, как св. Феликс и Филипп и Св. Корнилий, встречаются следующие выражения:...

"Et aliaram multarum Martyrum"- "et multa millia scorum"- (sanctorum) "et alii Sci (Sancti), id est CCLXII." ... "in unum locum et alii CXXII. et alii Sci XLVI."- "et aliorum multi scor" (sanctorum).

Иными словами, в "Каталоге" и "Ярлыках" на флягах рассказывается, как святое масло было взято из лампад, горящих перед могилами (святынями) святой Агнессы и "многих других мучеников, похороненных рядом"; святого Корнилия и "многих тысяч святых", покоящихся в непосредственной близости от его могилы; святого Филиппа и "многих других святых, спящих у его святыни", и т.д.

В трех случаях приводятся точные числа безымянных мучеников, а именно: 262, 122 и 46. Выражение "многие тысячи", встречающееся в этом памятнике благоговейного чувства христиан VI века к благородным и преданным исповедникам веры, конечно, преувеличено; его можно даже назвать риторическим выражением; Но оно неопровержимо свидетельствует о глубоко укоренившемся убеждении христиан, живших в века, последовавшие за Миром Церкви, что в этом священном городе римских мертвецов было погребено огромное количество мучеников, а также тех, чьи имена и истории были, так сказать, на слуху во всех землях, где почитали Иисуса Христа.

III

В одном из сборников эпитафий, помещенных им в катакомбах (Sylloge Palestina), сохранилась знаменитая надпись папы Дамаса (366-84 гг. н. э.), надпись, первоначально помещенная в папском склепе кладбища "Каллист", в которой особенно говорится о

"множестве мучеников, похороненных вместе" возле этого священного места. Эпитафия начинается следующим образом:

"Hic congesta jacet quæris si turba piorum

Corpora sanctorum retinent veneranda sepulchra

Sublimes animas rapuit sibi Regia cœli."[118]

Пруденций (*Perist.* i. 73) (конец четвертого века) прекрасно намекает на завесу забвения, которая опустилась на скрытые могилы этих бесчисленных безымянных мучеников:

"O vetustatis silentis obsoleta oblivio

Invidentur ista nobis, fama et ipsa extinguitur."

И еще (*Perist.* ii.):

"Vix Fama nota est, abditis

Quam plena sanctis Roma sit,

Quam dives urbanum solum

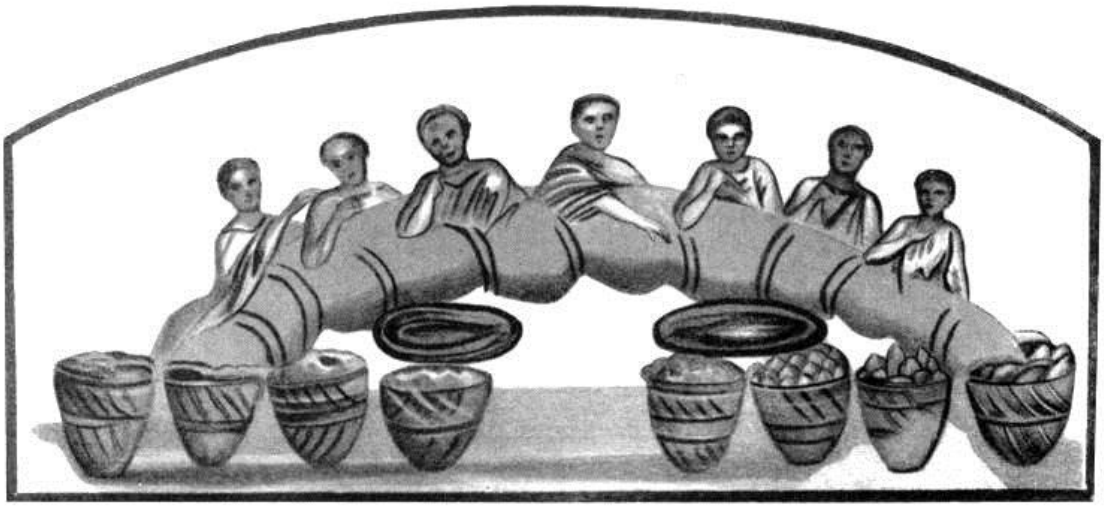
Sacri sepulchris floreat".

Мученики, традиционно погребенные в различных катакомбах Рима, чьи могилы с благоговением и постоянством посещали толпы паломников, прибывавших в Рим из чужих земель после заключения мира в Церкви в четвертом, пятом и последующих веках, представляют собой жертв различных периодов гонений в течение первых трех столетий.

Здесь ни в коем случае не ставится цель надавить на традиционные утверждения, содержащиеся в маршрутах паломников, процитированных в этой главе, относительно огромного количества мучеников, погребенных в катакомбах Рима.

Возможно, эти утверждения несколько преувеличены, но неоспоримым фактом остается то, что *очень большое количество* жертв различных гонений, безусловно, было погребено в этом освященном городе мертвых; и неизменная традиция о количестве погребенных мучеников должна приниматься во внимание и серьезно учитываться, когда рассматривается вопрос о количестве христианских жертв.

КНИГА IV
РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ



"ПРИДИ И ПООБЕДАЙ" ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ СВ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА - МИСТИЧЕСКАЯ ТРАПЕЗА СЕМИ УЧЕНИКОВ

КЛАДБИЩЕ КАЛЛИСТА-II ВЕК. (ЛЮБИМАЯ КАРТИНА В КАТАКОМБАХ)

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ

Вводная часть

Абсолютно надежным источником информации о тайне внутренней жизни Церкви в первые христианские века являются верные записи мыслей, надежд, чаяний общин Церкви метрополии империи, высеченные и нарисованные на бесчисленных могилах в подземных коридорах и камерах катакомб Рима.

"Народные, действительные верования поколения или общества людей не всегда можно выяснить у современных писателей, которые в большинстве своем принадлежат к другому слою. Вера народа - это нечто отдельное от книг или лозунгов партий. Она витает в воздухе. Она в их интимных разговорах. Мы должны услышать, особенно если речь идет о простых и необразованных людях, о чем они говорят друг с другом. Мы должны сидеть у их кроватей, узнавать, что дает им наибольшее утешение, что больше всего занимает их последние минуты. Это, какой бы она ни была, вера людей, правильная или неправильная; это и только это - их настоящая религия..... Можно ли установить это относительно ранних христиан?

"Книги того периода немногочисленны и немногочисленны, и эти книги по большей части являются трудами ученых, а не популярных писателей. Можем ли мы, кроме этих книг, узнать, что было самым реальным и постоянным представлением их самых дорогих надежд здесь и в будущем? Странно сказать, но после столь долгого времени (а прошло уже около двух тысяч лет) это возможно; ответ, во всяком случае, для той огромной массы христиан со всех концов империи, которая была собрана в столице, можно найти в римских катакомбах"[119] - том великом городе мертвых, который лежит под землей в ближайших пригородах императорского Рима. Этот город мертвых, несомненно, содержит несколько сотен миль улиц с гробницами, а в гробницах, по меньшей мере, три или более миллионов безмолвных обитателей!

В этом месте упокоения мертвых римская община, величайшая из христианских церквей, исповедовавших веру Иисуса, на протяжении примерно двух с половиной столетий благоговейно погребала своих близких, когда они уходили из суматошной и беспокойной римской жизни в невидимый мир. Там, в этих катакомбах, они часто молились, очень часто в годы гонений; там они слышали учение о долге, надежде и вере из уст избранного учителя, и именно из слов, написанных или высеченных на бесчисленных могилах в катакомбах, мы узнаем, какова была истинная вера этих ранних общин, каковы были их надежды и чаяния. На этих безмолвных улицах, на стенах бесчисленных погребальных камер они любили рисовать картины и писать короткие эпитафии, рассказывающие о тех же самых заветных надеждах. Некоторые из этих картин и эпитафий, часто тусклые и обесцвеченные, часто изуродованные, до сих пор хранятся у нас. Не мало художников, работавших здесь, очевидно, были людьми недюжинной силы в своем благородном ремесле.

Разрушенные, оскверненные, испорченные, хотя сейчас они доступны лишь сравнительно небольшим частям - какой сокровищницей для ученого является эта молчаливая группа кладбищ!

Внимательное изучение недавних открытий в катакомбах проливает свет на мнения и мысли христиан I и II веков, показывая нам, что течение раннехристианской мысли нередко шло по несколько иному руслу, чем поток мыслей, представленный нам современными авторами того самого раннего периода. Однако следует подчеркнуть, что кардинальные доктрины веры, которым учили самые авторитетные первохристианские писатели, были абсолютно идентичны верованиям христиан римских катакомб. Высшая божественность Сына Божьего - Его любовь к людям и забота о них - подчеркивается в молчаливом учении, если это возможно, более категорично, чем в пылком догматизме великих католических писателей.

Чтобы читатель мог правильно понять обширность, природу и важность этих катакомб Рима, чьи молчаливые свидетельства "Внутренней жизни" ранней Церкви вызываются в памяти, в этой четвертой книге будут даны: (1) краткое описание того, как исследования этого замечательного "Города Мертвых" в последние годы проводились тщательными учеными и экспертами; (2) общий и несколько подробный отчет о положении и особенностях нескольких Катакомб, особенно останавливаясь на более важных из этих кладбищ; (3) учение, содержащееся в надписях, резьбе и картинах на могилах в коридорах Катакомб.

ЧАСТЬ I

I

С момента того, что можно назвать повторным открытием Катакомб в винограднике на Виа Салария в 1578 году[120] , работа по раскопкам и исследованию улиц Города Мертвых, который находится под пригородами Рима, велась медленно и несколько неустойчиво, вызывая в целом лишь небольшой интерес общественности, и до последних пятидесяти лет, грубо говоря, была наиболее злонамеренной и разрушительной.

Вполне вероятно, что благонамеренные, но плохо направленные усилия исследователей принесли больше разрушений и хаоса, чем набеги варваров в шестом и двух последующих веках, а также медленное изнашивание и вымывание временем.

Среди них Бозио, 1593-1629 гг. н.э., пионер исследователей катакомб, занимает одно из немногих почетных мест; его метод работы был во многом научным. Он не был простым исследователем, работающим бессистемно, а направлял свои труды, тщательно просеивая всю информацию о прошлой истории огромного подземного некрополя, которую он мог добыть. Но, в конце концов, материалы этой истории, которые он смог собрать, были скудны по сравнению с теми, которыми располагают ученые нашего времени, и, как следствие, многие выводы, к которым пришел этот пионер катакомбных исследований, были ошибочными.

Но в своей манере работы Бозио не имел преемников. Как правило, после ухода из жизни этого выдающегося ученого и исследователя, увы, исследователи катакомб за редким исключением придерживаются совсем другого метода, и из-за небрежных и плохо контролируемых раскопок, которые велись с перерывами в течение 200 и более лет, был нанесен непоправимый ущерб, а потери для этой глубоко важной ветви ранней христианской истории просто неисчислимы.

Общие результаты этой неудачной исследовательской работы в прошлом можно подытожить следующим образом:

В течение этого долгого периода - примерно с 1629 года н.э. до середины XIX века, то есть около 220 лет - *главным объектом и целью исследования катакомб было обретение реликвий*; когда они были унесены, не обращалось внимания ни на склепы, ни на улицы могил. Записи о раскопках были скудными и совершенно незначительными, а каждая катакомба, из которой были извлечены реликвии, оставалась в состоянии полной разрухи и плачевного беспорядка. В результате этих поисков, длившихся 220 лет, было сделано мало открытий, имеющих реальное значение для раннехристианской истории и археологии. Наконец, в середине девятнадцатого века Де Росси всерьез взялся за изучение и научное исследование огромного христианского некрополя Рима.

Де Росси был другом и учеником отца Марчи, неутомимого исследователя катакомб, который был действительно впечатлен возможностями более тщательного изучения, чем это делалось до сих пор. Настоящая честь Марчи заключается в том, что он привил своему ученику страстную любовь к работе, которой тот посвятил долгую и напряженную жизнь.

Великий Город Мертвых, во многом благодаря трудам де Росси, стал для нас чем-то большим, чем обширный музей надписей и памятников, работы христианских общин в Риме в течение первых двух с половиной веков, последовавших за проповедью и мученической смертью свв. Петра и Павла. Конечно, важнее всего свидетельство этих драгоценных реликвий о самом раннем народном понимании христианства: позже мы остановимся на замечательном свидетельстве, которое многочисленные надписи и странные эмблемы, нарисованные и высеченные на гробницах, свидетельствуют о вере и убеждениях ранней Церкви; но выдающийся римский ученый, о котором мы говорим, учил нас, что есть нечто большее, чем даже свидетельство этих драгоценных надписей и эмблем, которое можно получить из терпеливого изучения тайны катакомб.

Де Росси верил, и великолепные результаты его долгой работы поразительно подтвердили его убеждение, что среди разрушенных и опустошенных улиц могил можно найти и идентифицировать *исторические склепы* самых известных и прославленных мучеников

Христа, мужчин и женщин, которые в течение первых двух с половиной веков через боль и муки ушли на покой и завоевали свои венцы, и таким образом будет получено новое и поразительное доказательство истинности большей части истории мучеников ранней Церкви.

Официальные записи почти всех римских мученичеств эпохи гонений, как мы знаем, были уничтожены императорским правительством во времена Диоклетиана. Дошедшие до нас мартирологи или истории этих героев и героинь веры Иисуса, как известно, за несколькими примечательными исключениями, в большинстве своем были составлены *спустя* два или даже более столетий *после того, как* произошли описываемые в них события, и, как следствие, рассматривались внимательными христианскими учеными как ненадежные источники ранней христианской истории; это признают и самые ученые из благочестивых христианских студентов.

Однако великий труд де Росси, как ни странно, реабилитировал многие из этих давно дискредитированных историй о мучениках,[121] и ясно показал нам, что не так уж мало наиболее важных из них были абсолютно основаны на фактах; Конечно, некоторые из различных подробностей, изложенных в этих мартирологах, являются более или менее легендарными, но великий кардинальный факт существования, жизненного труда и страданий, и благородного свидетельства веры, запечатленного кровью их жизни, этих истинных слуг обожаемого Учителя, положительно установлен тем, что было найдено за последние пятьдесят лет в римском городе христианских мертвых.

Де Росси и его соратники действительно открыли нам совершенно новую и самую поразительную страницу в истории этой раннехристианской Церкви.

II

Представляет особый интерес кратко просмотреть основную часть материалов, которыми пользовался де Росси в качестве руководства во время своих долгих сорокалетних трудов по исследованию катакомб. В первую очередь необходимо рассмотреть то, что можно назвать литературой о Городе мертвых.

Наиболее важными из них являются

1. *Деяния мучеников.* О них уже говорилось, что они, за исключением нескольких случаев, не имеют большого исторического авторитета, поскольку в основном были написаны спустя два столетия или даже больше после событий, о которых они якобы рассказывают. Однако они были не лишены ценности для исследователей катакомб, поскольку следует помнить, что, когда эти "Деяния" были собраны вместе в том виде, в котором мы имеем их сейчас, в пятом, шестом и седьмом веках, катакомбы все еще были объектом страстного паломничества со всех земель, и многие детали в этих "Деяниях", очевидно, были основаны на исторической традиции, например, место, где именно был похоронен мученик из "Деяний"; такая деталь, например, служила путеводителем для исследователя.

2. *Мартирология св. Иеронима* - сборник, датируемый примерно серединой VI века, но, несомненно, содержащий записи более раннего времени.

3. (так называемая) *Liber Pontificalis* - в целом надежный и интересный труд, ранняя часть которого широко использовалась во всем западном христианстве, безусловно, с VI века. Первая часть этого труда содержит биографические сведения о епископах Рима со времен святого Петра до времен папы Николая, 807 г. н.э. Самая ранняя из дошедших до нас редакций первых папских повествований в *Liber Pontificalis* была сделана в конце пятого века

или в первые годы шестого. Но она, очевидно, основана на записях гораздо более раннего времени, сохранившихся в Римской церкви.

4. Но самым ценным для целей своего великого труда де Росси считает группу трудов, известных как *"Маршруты паломников*". Они были основаны на справочниках, составленных для использования благочестивыми паломниками из Британии, Галлии, Испании, Германии и Швейцарии - мужчинами и женщинами, которые желали увидеть знаменитые святыни Рима и отдать им дань уважения.

До нас дошло не менее пяти таких драгоценных маршрутов паломников или путеводителей по знаменитым святыням или местам погребения мучеников в огромном римском Городе мертвых. Они оказались очень ценными для де Росси в его исследовательской работе. Первые, пожалуй, по значимости из них содержатся в трудах Уильяма Мальмсберийского, в которых рассказывается о деяниях крестоносцев в Риме. Уильям Мальмсберийский писал в год благодати 1095. Но в рассматриваемом разделе "Итинерария" говорится о святых мучениках так, как будто они *все еще покоятся* в своих катакомбных могилах, хотя мы знаем, что они были перенесены в городские церкви примерно за три столетия до этого. Это ясно показывает, что раздел "Маршрута" был написан за несколько столетий до того, как Уильям из Малмсбери жил и скопировал его в свой труд.

Другие "Маршруты пилигримов" были найдены в знаменитых монастырских библиотеках, например в библиотеках Айнзидельна и Зальцбурга. Их можно приблизительно датировать серединой седьмого века, то есть до понтификата Павла I, 757 г. н. э., и Пасхалия I, 817 г. н. э., когда произошел массовый перевод останков мучеников из катакомб в более надежное укрытие городских церквей. Таким образом, они были написаны в тот период, когда традиции, связанные с историческими склепами и их почитаемым содержимым, были еще сравнительно свежими и яркими.

В одну категорию с "Маршрутами паломников", которые великий римский ученый нашел столь полезными в своих катакомбных исследованиях, следует поставить знаменитый папирус, хранящийся в соборе Монцы. Это современный каталог или список священных масел, отправленный папой Григорием Великим (590-604 гг. н. э.) королеве лангобардов Теоделинде. Королева лангобардов отправила к папе Григорию Великому специального посланника, некоего аббата Иоанна, с просьбой принести реликвии святых, погребенных в катакомбах. В тот период ни одна часть священных тел не могла быть изъята даже по просьбе столь могущественного просителя, как Теоделинда; но в качестве замены папа прислал немного масла, которым питались лампы, постоянно горевшие перед гробницами или святилищами указанных святых.

Каждый флакон с маслом был тщательно промаркирован, и список этих билетов или этикеток был записан на папирусе из Монцы. Специально перечислены шестьдесят или семьдесят святынь, а также около восьми мест, где горели масла, перед гробницами, в которых находилась толпа безымянных святых и мучеников.

Этот каталог священных масел Монцы де Росси тщательно сопоставил с топографическими заметками в вышеупомянутых "Маршрутах паломников". Он очень помог ученому исследователю обнаружить и идентифицировать многие из главных святилищ Катакомб.

Другой и совершенно иной материал для своих изысканий де Росси нашел в самих безлюдных Катакомбах: он заметил, что некоторые безошибочные признаки всегда отмечали близкое соседство с каким-либо историческим склепом.

1. Существование над землей более или менее разрушенных базилик различных размеров - в некоторых случаях остатки значительного здания, в других - сравнительно небольшого сооружения, например, часовни или оратория. Такое разрушенное здание, очевидно, указывает на то, что под землей, иногда глубоко под землей, находится исторический склеп, имеющий важное значение. Подобная небольшая базилика или оратория, несомненно, была построена после заключения церковного мира в середине или конце IV или в V веке, когда в моду вошло паломничество к святыням святых и мучеников. Он был рассчитан на постоянно растущие толпы людей, которые часто приезжали из дальних стран, чтобы помолиться рядом и поклониться святым и мученикам, чьи останки покоились в крипте, расположенной непосредственно под ним.

2. Остатки, более или менее совершенные, лестницы или лестниц, ведущих вниз к священной крипте, содержащей гробницу какого-либо великого исповедника, известного и почитаемого в традиции Церкви.

3. Присутствие "светильника" или шахты, иногда значительного размера, которая была построена для обеспечения светом и воздухом подземной камеры в катакомбах, указывает на то, что в непосредственной близости от "светильника" когда-то существовал исторический склеп. Эти отверстия или шахты были в основном делом рук папы Дамаса и его преемников в последние годы четвертого и в первые годы пятого веков.

4. Внизу, в некоторых разрушенных коридорах гробниц и в некоторых кубикулах или отдельных камерах, ведущих из коридоров, на стенах видны многочисленные "граффити" или надписи, часто очень грубо вырезанные или нарисованные, некоторые из надписей или вопросов представляют собой просто имя, другие содержат краткую молитву за писавшего или за того, кто был ему дорог. Очевидно, что наличие таких надписей указывает на непосредственную близость исторического склепа, в котором когда-то покоились останки почитаемого "великого", - нередко имя "великого" было включено в некоторые граффити.

Такие "граффити" явно были делом рук многочисленных паломников, посещавших катакомбы в V и последующих веках.

5. В некоторых кубикулах или отдельных камерах, ведущих из коридоров, видны остатки росписей, явно относящихся к периоду гораздо более позднему, чем первоначальные работы в катакомбах, - росписей, которые принадлежат скорее к византийской, чем к какой-либо классической школе искусства, и которые нельзя датировать ранее шестого или седьмого веков. Существование таких более поздних декоративных работ ясно указывает на то, что место, украшенное таким образом, было традиционно святым и, несомненно, являлось местом упокоения почитаемого святого и мученика.

6. В своих "материалах" для идентификации исторических склепов Де Росси нашел надписи папы Дамаса, умершего в 384 году н.э., которые оказали ему наибольшую помощь.

Любовь Дамаса к катакомбам и его работа в них хорошо известны. Он был значительным поэтом, и драгоценные фрагменты поэтических надписей, составленных им, были найдены во многих из наиболее важных катакомб, которые были исследованы. Эти надписи были выгравированы на мраморных табличках его другом и искусным художником Фурием Дионисием Филокалом четкими красивыми буквами. Во многих случаях эти фрагменты были собраны воедино, а там, где не хватало разбитых частей, они были прекрасно восстановлены с помощью "силлогов" или коллекций раннехристианских надписей, собранных в основном в

девятом веке благодаря труду монахов. Эти сборники сохранили для нас около сорока надписей папы Дамаса в честь мучеников и исповедников, похороненных в катакомбах. Все они, за единственным исключением, написаны гекзаметром.

Подобные коллекции раннехристианских надписей хранятся в библиотеках таких монастырей, как Айнзидельн, С. Рикье, С. Галль и др.

Результатом сорокалетних исследований и работы Де Росси в катакомбах, основанных на вышеупомянутых исторических документах и свидетельствах, полученных из того, что он нашел в разрушенных коридорах гробниц и ведущих из них камер, стало то, что если до его времени было известно не более трех важных исторических склепов, сейчас уже более пятнадцати[122] из них были четко идентифицированы, замечательное и поразительное доказательство реальности страданий и стойкости героев и героинь веры в первые двести пятьдесят лет существования религии Иисуса - страданий и стойкости, которые привели к окончательному триумфу христианства.

Кратко перечислим лишь некоторые из наиболее выдающихся поздних исторических открытий, которые вывели большую часть ранней истории и внутренней жизни великой римской церкви из области традиций в сферу научной истории.

В первом веке - находки на кладбищах Домитиллы и Присциллы. Давно оспариваемая история Нерея и Ахилла, существование и судьба двух Домитилл, родственниц императорского дома, христианство и мученическая смерть патриция Ацилия Глабрия, консула, были в значительной степени подтверждены.

Во втором веке были обнаружены гробницы свв. Фелицита и Цецилии, а также могилы святого Януария, старшего сына Фелицита,[123] подтверждают существование и смерть знаменитых мучеников, в существовании которых сомневались даже искренние студенты-христиане, а история их жизни вообще была отнесена к области религиозной романтики.

В начале третьего века - чудесная "находка" папского склепа на кладбище Каллиста и разрушенные останки гробниц нескольких римских епископов, исповедников и мучеников - неопровержимо свидетельствуют об истинности записей ранней христианской истории и ставят печать на традицию, которая до сих пор держалась лишь с полусерьезным доверием. В середине того же века идентификация гробниц Агнессы и ее приемной сестры Эмерентианы заменила на страницах серьезной истории сцены, часто цитируемые в ранней мартирологии, но которые компетентные христианские критики долгое время относили к области чисто легендарных. Исследования и труды де Росси и его соратников и учеников пролили свет на времена жестоких непрерывных гонений императора Диоклетиана и открыли для публики множество гробниц безымянных мучеников, пострадавших под железной рукой императорского Рима в кровавые времена этого последнего и самого яростного нападения на христианство. Помимо множества безымянных могил великого множества мучеников и исповедников, пострадавших при Диоклетиане, эти исследования позволили обнаружить гробницы нескольких знаменитых христианских лидеров, ставших свидетелями доброго исповедания в ту страшную эпоху, в частности, места упокоения Петра и Марцеллина, римских епископов Кая и Евсевия, Марка и Марцеллина. "Очень славная группа памятников - группа, которая, как мы можем ожидать, будет становиться все больше и больше в своем учении, потому что *бесчисленные склепы еще ждут, чтобы их исследовали и искали*. Каждый древних дорог, ведущих из незапамятной столицы Италии, а когда-то и всего мира; каждое историческое кладбище или катакомба содержит такой склеп с центральной святыней какого-нибудь известного мученика или прославленного исповедника Имени".

Так пишет Марукки, один из самых выдающихся из ныне живущих римских исследователей катакомбной истории, ученик и преемник Де Росси. (Эти слова были написаны в год благодати 1903).

Следуя указаниям, содержащимся в "Маршрутах паломников" седьмого и восьмого веков, де Росси в тщательно составленном каталоге перечисляет тридцать семь кладбищ или катакомб. Однако некоторые из них не были точно идентифицированы. Одно или два из них очень малы; другие, простирающиеся, по-видимому, на большой территории, сообщаются друг с другом; некоторые очень плохо известны, другие еще совершенно не исследованы.

III

Студенту, желающему понять обширность великого подземного Города Мертвых и составить представление о современных знаниях о могущественном христианском некрополе первых дней, будет полезно сделать краткий обзор известных кладбищ и их более важных склепов.

В этом очерке речь пойдет о каждой из дорог, ведущих из Рима, в непосредственной близости от которых были раскопаны различные кладбища или катакомбы, - у каждой дороги есть своя особая группа кладбищ, расположенных под виноградниками или садами, примыкающими к дороге.

Холм Ватикана

Естественно, в первую очередь следует упомянуть кладбище на Ватиканском холме, где находится гробница Святого Петра. Весь район Ватикана во времена Нерона (середина первого века христианской эры) был покрыт садами и виллами; он напрямую сообщался с городом через Триумфальную дорогу, впоследствии названную Неронской, и был пересечен Триумфальной и Корнелийской улицами. Между этими двумя дорогами был похоронен апостол Святой Петр. В маршрутах паломников святая гробница описывается как "juxta viam Corneliam", а теперь как "juxta viam Triumphalem". Прямо над гробницей апостола[124] Анаклет, епископ Рима, третий по счету, воздвиг "Memoria" или маленькую часовню. Эта "Memoria" или часовня Анаклета выросла в величественную базилику, известную впоследствии как собор Святого Петра в Риме.

Гробница, о которой идет речь, находится неподалеку от того места, где, без сомнения, апостол принял мученическую смерть в 67 году от Рождества Христова. Вокруг гробницы Святого Петра, как мы увидим, были похоронены девять или десять первых епископов или пап Рима, а также другие безымянные святые, некогда прославившиеся в ранние годы истории римских общин.

Сомнительно, что на Ватиканском холме когда-либо существовали катакомбы, как мы понимаем этот термин. Никаких следов подземных коридоров или камер, ведущих из коридоров, не обнаружено; следует только помнить, что окрестности гробницы Святого Петра и первых епископов Рима были полностью изменены в результате раскопок, необходимых для фундамента большой базилики, возведенной над маленькой Меморией Анаклета Константином Великим в первой половине четвертого века.

Виа Аурелия

Виа Аурелия Ветус, вероятно, была первоначально проложена К. Аврелием, цензором в 512 году. Она начиналась от Яникула (современные ворота Святого Панкраса) и вела прямо к морскому берегу. Это была дорога из Рима в Чентумцелле (Чивита Веккья).

Кладбища вдоль Via Aurelia пока еще очень несовершенно исследованы.[125] В древних маршрутах паломников упоминаются четыре отдельных кладбища. (1) Кладбище свв. Processus и Martinianus, первый век. (2) С. Калеподий или С. Каллист, третий век. (3) Св. Панкратия, четвертый век. (4) Два Феликса, четвертый век.

Кладбище Св. Processus и Martinianus. (Апостольский век.) Предание гласит, что эти святые были тюремщиками святого Петра и своим обращением обязаны своему узнику. Они приняли мученическую смерть вскоре после смерти святого Петра, будучи обезглавленными на улице Аурелия; Луцина, богатая римская матрона, похоронила их в своем саду недалеко от места их мученической кончины. Эта Луцина, вероятно, была той самой, которая дала свое имя древнему кладбищу на Виа Аппиа, и которое теперь является частью большой сети кладбищ, известных как Катакомбы Святого Каллиста.

Об этой катакомбе известно очень мало. Среди сети усыпальниц на этом участке Виа Аурелия это особое кладбище до сих пор не было четко идентифицировано.

Эти кладбища находятся в плачевном разрушенном состоянии. Исследованные локулы, очевидно, относятся к очень раннему периоду. Марукки, призывая к более детальному исследованию здесь, предполагает вероятность того, что в конечном итоге будут обнаружены некие "Воспоминания" о Святом Петре.

Кладбище Св. Калеподия. Этот святой, по-видимому, был священником, который принял мученическую смерть, вероятно, во время народного восстания, в царствование Александра Севера (222-35 гг. н.э.). Это кладбище в основном известно как место упокоения папы Каллиста, который также пострадал во время народного восстания в 222 году н.э. и был упокоен на этом кладбище, возможно, потому, что оно было ближе к месту его мученической смерти, чем официальный папский склеп на Виа Аппиа, которому он дал свое имя. Исследовательские работы здесь, насколько это удалось, проводились с трудом из-за разрушенного состояния коридоров.

Кладбище С. Панкратия.- С. Панкратий был мальчиком-мучеником двенадцати или, по некоторым данным, четырнадцати лет, когда в 304 году н. э. он пострадал за веру во время гонений Диоклетиана.

Это кладбище было впервые известно под именем Октавиллы, христианской матроны, которая похоронила юного исповедника в своем саду на Аврелиевом пути. Вероятно, это было кладбище до того, как захоронение останков знаменитого мальчика-мученика дало ему новое имя и немалую известность.

История Святого Панкраса всегда была привлекательной, и некоторое количество церквей, названных в его честь, разбросано по многим землям. Над криптой с его могилой была построена небольшая базилика. Папа Сириций (конец IV века) восстановил и украсил ее. Гонорий I, 620 г. н.э., перестроил ее. В нынешней церкви Святого Панкратия почти не осталось следов первоначальной базилики. Останки мученика исчезли. Странно, но во время великого перенесения праха святых и мучеников папой Павлом I и Пасхалием I, прах Панкраса остался нетронутым в своей гробнице. Коридоры, однако, были полностью разрушены и исследованы очень частично.

Местонахождение кладбищ, упомянутых в маршрутах паломников, названных в честь двух святых, каждый из которых носил имя Феликс, не обнаружено.

Виа Портуенсис

Эта дорога ведет от старого Порта Навалис в Трастевере, городе "через Тибр", прямо в Портус, порт Рима, построенный Клавдием, когда Остия (Чентумцелла) не справлялась с торговлей столицы. Три кладбища, согласно древним маршрутам, были раскопаны на Via Portuensis. Понтианское, самое известное из трех, где покоятся останки свв. Абдон и Сеннен; и второй, почти в пяти милях от города, катакомбы Генероса. Есть и третье, кладбище Святого Феликса, местоположение которого пока не обнаружено.

Кладбище Понтиана - Понтиан был богатым христианином из квартала Трастевере, который во втором веке - вероятно, в последние годы столетия - собирал своих собратьев-христиан для молитвы и учения в своем доме. Кладбище, носящее его имя, первоначально было вырыто в одном из его садов. В старых маршрутах паломников говорится об огромном количестве мучеников в этой катакомбе - "innumerabilis multitudo Martyrum". Некоторые из них названы на сайте ; наиболее примечательными, однако, являются два знатных перса, Абдон и Сеннен, которые, посетив Рим во время гонений Деция, пострадали за свою веру.

В этой катакомбе находится известный древний баптистерий значительных размеров, который был богато украшен в шестом веке. Подобные баптистерии были найдены и в других катакомбах, в частности, в катакомбе Святой Присциллы, очень древнем и обширном кладбище, которое будет описано с некоторыми подробностями позже.

Останки наиболее известных мучеников были перенесены в город в период великого перенесения святых тел в девятом веке, после чего это кладбище перестало посещаться. Оно исследовано лишь частично.

Кладбище Святого Феликса, упомянутое в "Маршрутах", пока совершенно неизвестно.

Кладбище Дженероза, расположенное на дороге в Порту, не упоминается в "Путеводителе паломника", несомненно, из-за его удаленности от города - около пяти миль. Лансиани дает яркое описание его истории и открытия в 1867 году. Она имеет небольшую площадь и, очевидно, была раскопана во время гонений Диоклетиана, *около* 303 г. н. э., в месте, которое когда-то было священной рощей, принадлежавшей коллегии братьев Арваль, но которое было заброшено, вероятно, после роспуска братства, который, как предполагается, произошел примерно в середине третьего века.

IV

Виа Остиенсис

Виа Остиенсис, проходящая по городской стороне Тибра, одна из главных дорог Империи, начинается у древнего Порта Остиенсис, известного с VI века как Порта Сан-Паули, и ведет к старой гавани Остии. В "Маршрутах паломников" перечислены три кладбища, расположенные прямо у этой дороги: гробница апостола Павла с маленьким кладбищем Лучина, кладбище Коммодилла и кладбище С. Текла.

(1) Согласно общей традиции, апостол Павел принял мученическую смерть в 67 году н.э., и его тело было положено в гробницу на Остийском пути в саду, принадлежавшем христианке по имени Луцина, - некоторые отождествляют ее с "Луциной" из кладбища Каллиста на Аппиевом пути. Там оно покоилось, согласно последним исследованиям, до гонений и конфискации кладбищ в 258 году н.э., когда в целях безопасности его тайно вынесли одновременно с телом Святого Петра из могилы на Ватиканском холме. Священные останки двух апостолов были положены в склепе "Платония", который впоследствии стал называться

катакомбой Святого Себастьяна, на Аппиевой улице; и, вероятно, после двухлетнего перерыва, когда император Галлерий вернул кладбища христианским общинам, тела двух апостолов были возвращены на прежние места упокоения.

Анаклет, третий по счету римский епископ, воздвиг в I веке небольшую "Меморию" или часовню над могилой святого Павла, подобную той, что он построил над гробницей святого Петра на Ватиканском холме.

В 324-5 годах первый христианский император Константин над гробницей апостола и маленькой "Памятью" воздвиг первую важную базилику, известную как собор Святого Павла; император поступил с локулусом или саркофагом Святого Павла так же, как и с саркофагом Святого Петра, заключив его в массивный бронзовый гроб, на котором установил золотой крест. Когда базилику перестраивали после пожара 1813 года, обнаружилась мраморная плита, которая, очевидно, была частью сводчатой крыши первоначальной усыпальницы апостола. На этой плите, а точнее, на мраморных плитах, которые сейчас лежат прямо под алтарем, выгравированы простые слова *Pavlo Apostolo Mart*: надпись, очевидно, относится ко временам Константина (324-5 гг. н.э.). Дальнейшее исследование гробницы не было разрешено. Предполагается, что бронзовый саркофаг с его священным содержимым и золотым крестом лежал непосредственно под массивной каменной кладкой, на которой покоится мраморная плита, о которой мы уже говорили.

На мраморной плите, помимо простой надписи, о которой мы говорили выше, есть три отверстия: самое важное из них - круглое; это, по сути, маленький колодец, глубиной 23½ дюйма, который, несомненно, изначально был так называемым "billicum confessionis", через который опускали носовые платки и другие предметы, чтобы освятить их кратковременным пребыванием на саркофаге, когда доступ в сам склеп был невозможен. Два других проема или маленьких колодца имеют глубину всего 12½ и 8 дюймов соответственно. Неизвестно, для каких целей они предназначались.

История знаменитой базилики такова. Лансиани пишет, что "удивление вызвало поведение Константина Великого по отношению к Святому Павлу, чья базилика на второй вехе Via Ostiensis выглядит как свинское сооружение по сравнению с той, что он воздвиг над гробницей Святого Петра. У Константина не было намерения поставить Павла в более низкое положение или оказать меньшую честь его памяти". По его первоначальному проекту, который он воплотил в жизнь, дорога в Остию проходила рядом с могилой; таким образом, пространство в его распоряжении было ограничено. Но еще до того, как закончился четвертый век, было настоятельно решено, что церковь Святого Павла должна быть равна по размерам и красоте той, что находится на Ватиканском холме: так, при перестройке базилики первоначальный план был изменен императором Валентинианом II в 386 году н.э. Гробница и алтарь над ней были оставлены нетронутыми, над алтарем возвысилась огромная арка, и от нее на запад, в сторону Тибра, была построена огромная церковь. Великую работу продолжил Феодосий и завершил Гонорий, а великолепные декоративные работы окончательно выполнила сестра Гонория, знаменитая Плацидия, умершая в 450 г. н.э. Некоторые папы, в частности Григорий Великий, а затем Гонорий III, в 1226 году, дополнили украшения Плацидии.

Очевидно, в очень ранние времена вокруг крипты, в которой находилось тело Святого Павла, существовало кладбище; это и было первоначальное кладбище Лучины. Но оно было нарушено последующим возведением базилики Константина, а затем и гораздо более крупной церкви, начатой при Валентиниане II. Есть надежда, что в будущем тщательное исследование кладбища прольет свет на многое, что в настоящее время неизвестно.

(2) *Кладбище Коммодилла* - расположено слева от Виа Остиенсис на дороге Семи Церквей. Коммодилла, очевидно, была богатой римлянкой, которая, как и многие другие христиане с положением и средствами, отдала свой сад для христианских мертвых. Однако о ее истории ничего не известно.

Два мученика, свв. Феликс и Адауктус, некогда хорошо известные в христианской истории, были погребены здесь. Они относятся ко времени Диоклетиана. Эта катакомба, очевидно, имеющая значительные размеры, известна лишь очень слабо. В мартирологах упоминаются другие "исповедники", похороненные здесь, но коридоры либо заземлены, либо находятся в состоянии разрухи и неразберихи, и любое тщательное исследование было бы дорогостоящей и сложной работой.

(3) *Кладбище Св. Феклы* - ничего не известно о мученице, давшей имя этой катакомбе; однако ее не следует путать с прославленной святой того же имени, которая принадлежит Ликаонии и традиционно связана с Св. Павлом. Это кладбище пока изучено лишь в недостаточной степени; его размеры неизвестны.

Виа Ардеатина

Виа Ардеатина лежит на небольшом расстоянии справа от Виа Аппиа, от которой она ответвляется недалеко от церкви "Domine quo vadis", традиционного места явления Господа Святому Петру. В непосредственной близости от Виа Ардеатина и Виа Аппиа находятся, грубо говоря, всего в двух милях от города, замечательная группа кладбищ, известных под именами Домитилла и Каллист. К ним относятся кладбище Люцины - на самом деле территория Каллиста, кладбища SS. Маркуса и Бальбинуса, а также кладбище С. Сотериса. Эта огромная сеть подземных коридоров, камер и часовен более или менее объединена переходами и коридорами (хотя это не совсем точно), но многое еще не изучено, а линии разграничения между несколькими катакомбами неопределенны. Недавние тщательные исследования Де Росси, Армеллини, Марукки и других менее известных исследователей, однако, привели к открытию некоторых великих и примечательных исторических склепов, центров, вокруг которых группируется сеть коридоров. Эти идентификации пролили свет на самую раннюю историю многочисленных и влиятельных римских общин; многое, что считалось чисто легендарным и сказочным, перешло, как мы уже заметили, в область реальной истории. Вкратце мы коснемся нескольких наиболее примечательных "находок".

Кладбище Домитиллы - знаменитая группа катакомб, известная под этим общим названием, возможно, за исключением кладбища Святой Присциллы и кладбища Святого Каллиста, которые будут описаны далее, является самой обширной из всех катакомб; и, за исключением только что упомянутых исключений, в некоторых из ее районов, самой древней по дате.

Большая часть этого огромного кладбища относится ко времени людей, знавших апостолов Петра и Павла.

Оно было местом погребения некоторых христианских членов императорского дома Веспасиана, Тита и Домициана в дни их могущества, и оно с уверенностью говорит нам о том, что в рядах христианской общины Рима в самые первые дни были представители самых высоких слоев гордой аристократии мира, которые не стеснялись делить одни и те же места в христианских молитвенных домах с рабами и мелкими торговцами.

Пишущий о кладбище Домитилла в 1903 году, Марукки без колебаний называет его, возможно, самым важным из всех катакомб; но, "увы!", продолжает он, "оно было ужасно

опустошено сравнительно современными исследователями". Эти разрушительные исследования печально сказались на том значении, которое Катакомба и ее несколько отделов, или областей, могли бы иметь как великий памятник ранней христианской истории, если бы эти недавние раскопки проводились с должным вниманием и благоговением.

В общих чертах, кладбище Домитиллы состоит из трех отдельных отделов или областей. Первая - работы первого и второго веков. В этой области находится несколько известных исторических центров, *например*, гробницы двух святых - Нерея и Ахилла, а также некогда знаменитой Святой Петрониллы, известный вход или вестибюль, выходящий на улицу Ардеатина, и капелла или палата Амплиатуса. Вторая зона - это работа третьего века, а третья датируется последними годами третьего и первой четвертью четвертого. Эти зоны соединены коридорами разных периодов второго, третьего и четвертого веков; вся сеть очень велика.

ВХОД НА КЛАДБИЩЕ С.ДОМИЦИЛЛЫ (КРИПТА ФЛАВИЕВ) ВЕК I

В конце шестого века, в понтификат Сириция, большая часть ранней части кладбища была повреждена строительством базилики Святой Петрониллы, здания, которое также носит имена Нерея и Ахилла.

Слава этих первых мучеников и количество паломников к их святыням в последние годы четвертого века побудили папу Сириция, невзирая на вред, который такая работа могла бы причинить многим неизвестным могилам раннего периода, построить несколько большую церковь или базилику над гробницами Св. Нерея и Ахилла и святой Петрониллы. Расположение гробниц этих двух святых было установлено; могила Петрониллы также была локализована с достаточной степенью уверенности. Главный алтарь базилики IV века был установлен над могилами двух мучеников; останки Петрониллы лежали в камере за апсидой базилики; не сохраняя, конечно, точности деталей мартирологии VI века о Нерее и Ахилле, открытия на кладбище Домициллы установили факт существования этих двух традиционных

святых и мучеников. Теперь ученые признают, что большая часть мартирологии VI века была основана на надежной традиции.

Многочисленные споры о Петронилле, странствиях ее тела и о том, была ли она дочерью святого Петра, обсуждаются в Приложении I., стр. 277, где подробно рассказывается история ее гробницы.

Склеп Амплиатуса - еще один исторический центр этой великой катакомбы - расположен в центре области или района, первоначально занятого гробницами христианских членов императорского дома Флавиев. Украшения здешних погребальных камер и стиль надписей относятся к I веку и первой половине II.

В одном из тщательно украшенных склепов семьи Флавиев находится арочная гробница с высеченным на мраморе словом "Амплиат", выполненным иероглифами, которые относятся к очень раннему периоду. Де Росси, подробно изучив вопрос, приходит к выводу, что эту могилу можно с большой долей вероятности считать местом сна останков Амплиатуса, возлюбленного Св. Павла (Рим. xvi. 8). Это имя явно принадлежит рабу или вольноотпущеннику; впоследствии оно (Амплиат) стало признанной фамилией различных членов семьи и их потомков. На первый взгляд кажется странным, что человек подневольного звания должен занимать гробницу значительной важности в самом центре христианского кладбища, принадлежащего столь великому Дому. Это, несомненно, объясняется тем, что этот Амплиат занимал какое-то очень видное положение в раннехристианской общине Рима. Из этого де Росси делает вывод, что Амплиат, скорее всего, был другом святого Павла; этим объясняется то, как высоко ценили этого человека подневольного происхождения в самых благородных римских христианских домах.

V

Виа Аппия

На Аппиевой улице - "царице дорог", как ее называли, - находятся четыре группы кладбищ, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Две из этих групп, а возможно и три, соединены между собой коридорами.

Виа Аппиа" вела от древнего Порта Капена через Альбано, Арицию и т.д. в Капую, а затем была продолжена до Бриндизи. Три из четырех групп кладбищ или катакомб, идущих из Рима, находятся справа от дороги: кладбище святого Каллиста, святого Себастьяна ("ad Catacombas"), святого Сотериса; а слева - кладбище Пртекстатуса.

Выше мы уже упоминали о древних маршрутах паломников как о надежном указателе для де Росси в его исследовательской и изыскательской работе. В качестве примера мы приводим краткую выдержку из старшего из двух "Путеводителей паломника", известного как "Зальцбургский маршрут", который датируется примерно 625 годом благодати: "По Аппиеву пути вы придете к святому Себастьяну Мученику, чье тело лежит глубоко под землей; там же находятся гробницы апостолов Петра и Павла, в которых они покоились 40 лет..... На север по тому же Аппиеву пути вы придете к мученикам Тибуртию, Валериану и Максиму. Там вы проходите в большую крипту и находите святого Урбана, мученика и исповедника; в другом месте Фелициссимуса и Агапита, мучеников; в третьем месте Кирина мученика; в четвертом Януария мученика. На том же пути вы найдете святую Цецилию и бесчисленное множество мучеников ("ibi innumerabilis multitudo Martyrum"), Сикста папу и мученика, Дионисия папу и мученика, Юлиана папу и мученика, Флавиана папу и мученика. В ней покоятся 80 мучеников. Папа-мученик Зефирин покоится над Евсевием; папа-мученик Корнелий покоится в крипте чуть дальше; а затем вы приходите к святой Деве и мученику Сотерису".

Сравнивая различные "Путеводители для паломников", де Росси обнаружил, что при весьма незначительных различиях в деталях они прекрасно согласуются друг с другом; и в целом, хотя они были составлены тысячу - тринадцать сотен лет назад, он смог с их помощью определить основные святыни, посещаемые толпами паломников шестого и двух последующих веков.

(1) *Кладбище Святого Себастьяна* ("*ad Catacombas*") расположено на Аппиевой улице, по правую сторону; примерно в полутора милях от Порта Сан-Себастьяна (древнего Порта Аппиа). Главной "памятью", относящейся к этой катакомбе, является камера Платония, названная так из-за того, что она была облицована мрамором, в которой на короткое время были помещены тела двух апостолов - свв. Петра и Павла. Факт того, что эта камера была временным пристанищем святых тел, не вызывает сомнений; точная дата их помещения туда и продолжительность периода, в течение которого они находились в камере Платония, вызывают много споров. Период в сорок лет, упомянутый в цитированном выше "Маршруте паломника", теперь сокращен наиболее надежными из современных ученых до двух лет, а датой помещения тел в это место принято считать 258 г. н. э., в дни короткого, но жестокого преследования Валериана, когда гробницы на Ватиканском холме и на Via Ostiensis не считались безопасными от посягательств. Когда активные гонения прекратились, останки двух апостолов были возвращены на прежние места упокоения; однако место, где на короткое время упокоились святые тела, приобрело в глазах верующих особую святость, и очень многие желали быть положенными в непосредственной близости от этого освященного места. Это, несомненно, послужило первоначальной причиной образования кладбища "ad Catacombas", так назывался небольшой район, в котором находилась временная гробница двух апостолов.

Катакомбы, о которых идет речь, были названы в честь Себастьяна, храброго исповедника во время гонений Диоклетиана*, около* 289-303 годов нашей эры. Этот Себастьян был трибуном первой когорты и командовал ротой пренторов, которая стояла на страже Палатина. Он умер за свою веру при обстоятельствах, представляющих особый драматический интерес: его пронзили стрелами и жестоко бичевали. Его тело, как гласит, вероятно, правдивая история, было извлечено из общей канализации, в которую оно было бесславно сброшено, христианской матроной по имени Луцина, которая благоговейно похоронила его на кладбище "ad Catacombas" по соседству со священной камерой Платония.

Останки святого Себастьяна были извлечены в XVII веке кардиналом Боргези из склепа, в котором они первоначально покоились, и перезахоронены в современной часовне, возведенной над древним святилищем. В Средние века, когда из-за набегов варваров и последующего перевода более знаменитых мучеников в городские церкви, богатая событиями история катакомб была забыта, это кладбище, благодаря своей связи с двумя великими апостолами, всегда было освященным святилищем, И после повторного открытия Города Мертвых в XVI и XVII веках оно получило название своего знаменитого района "ad Catacombas" по различным подземным кладбищам, которые время от времени обнаруживались с тех пор.

Коридоры с могилами на этом знаменитом кладбище еще не полностью раскопаны.

Кладбище Св. Каллиста - большая группа катакомб, известная под названием "Св. Каллист", расположена справа от Аппиевой улицы, примерно на четверть мили ближе к Риму, чем только что описанное Кладбище Св. Себастьяна ("ad Catacombas"); обычный вход находится примерно одной с четвертью мили от Порта Св.

РОСПИСЬ В КАПЕЛЛЕ КАТАКОМБ СВ. КАЛЛИСТА - ШЕРИНГ ГРОБНИЦЫ, ВПОСЛЕДСТВИИ РАСКОПАННОЙ НАД ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ГРОБНИЦЕЙ СВЯТОГО

Она состоит из нескольких групп кладбищ разных периодов, начиная с I века и заканчивая IV. Эти группы настолько объединены коридорами, что их можно рассматривать как одну огромную катакомбу. Кладбище Каллиста частично датируется первым веком, но название "Каллист" оно получило только в последние годы второго или в первые годы третьего века, когда Каллист диакон был назначен Зефирином епископом Рима смотрителем *кладбища*. Впоследствии Каллист сменил Зефирина на посту епископа и значительно расширил первоначальную территорию, одну из камер которой он выделил как официальное место захоронения епископов или пап Рима. До времени Каллиста официальным местом погребения епископов было кладбище на Ватиканском холме, непосредственно примыкавшее к усыпальнице Святого Петра. В конце II века ограниченное пространство на Ватиканском холме было полностью занято, поэтому возникла необходимость в устройстве нового папского склепа.

Самой древней частью группы "Каллистус" является так называемый склеп Люцины (I-II века). Очевидно, что в первую очередь он был раскопан на территории знатного рода Сецилиев и использовался в качестве места погребения христианских членов этого великого дома. Де Росси полагает, что "Луцина", на чьей земле первоначально был устроен склеп, была не кто иная, как известная Помпония Грёцина, жена Плаутия, знаменитого полководца времен Нерона, об обращении которого в христианство в год 58-й благодати Тацит упоминает в едва завуалированных выражениях. Если это так, то имя "Луцина" было принято великой дамой, о которой идет речь, и под которым она была широко известна в христианских кругах. Принятие такого "агнонима" не было редкостью среди римских дам. Первоначальная площадь кладбища Люцины была значительно расширена во времена императора Марка и в последние годы II века. Капелла пап, о которой говорилось выше, и другие важные погребальные камеры вошли в эту расширенную зону.

Именно в третьем веке, несомненно, после строительства Каллистом новой крипты или часовни папы[126] , и, конечно, отчасти благодаря присутствию этого великого исторического центра, кладбище приобрело свои грандиозные размеры.

Кладбище С. Сотерис, обширная катакомба, сообщается с более древней частью крипты и коридоров Каллиста. Многое здесь еще не исследовано. Святая Сотерис - дева и мученица, давшая свое имя этому большому кладбищу, была похоронена "в Cemeterio suo" в 304 году н.э. Она пострадала, когда бушевали гонения Диоклетиана.

Группа, которую мы назвали "Катакомбы Каллиста", является самой большой и обширной из катакомб, расположенных на больших дорогах, проходящих через пригороды и ближайшие окрестности Рима.

Открытие этого важного участка древнего христианского Города Мертвых было сделано в 1849 году, когда де Росси нашел в старом винограднике, граничащем с Виа Аппиа, фрагмент надписи с буквами "NELIUS Martyr". В "Маршрутах" было записано, что Корнелий, епископ Рима и мученик, был похоронен на кладбище "Каллистус". В ходе последующих поисков была найдена вторая часть разбитой таблички, которая завершала надпись "Корнелий Мученик". Виноградник был куплен папой Пием IX, и очень скоро искатели наткнулись на разрушенную часовню пап и крипту Святой Цецилии.

Таким образом, местоположение исторической катакомбы Каллиста было установлено без всяких сомнений, и вот уже около пятидесяти лет часть огромного кладбища медленно раскапывается де Росси и его спутниками; результаты оказались чрезвычайно важными и внесли немалый вклад в наши знания о раннем христианстве - его вере, его надеждах, его предчувствиях.

Кладбище Пртекстатуса находится по левую руку от Аппиевой улицы, почти параллельно обычному входу в обширную сеть катакомб Каллиста. Сравнительно небольшое по размерам, но очень древнее кладбище. Должно быть, оно было устроено довольно рано, во втором веке; не исключено, что некоторые части этого кладбища датируются первым веком. Некоторые из украшений исторического склепа тщательно продуманы и поразительны, и, очевидно, относятся к лучшему периоду классического искусства. Пока он исследован лишь частично. Он находится в частной собственности, и владелец, очевидно, не желает разрешать детальное исследование: это вызывает разочарование, так как из-за его большой древности и наличия некоторых исторических склепов, которые когда-то были местами упокоения известных героев раннехристианской борьбы, вероятно, открытия, представляющие большой интерес, могли бы стать результатом длительного и тщательного поиска.

Еще в 1857 году де Росси обнаружил на этом кладбище Пртекстатуса несколько сильно украшенных склепов, в которых, очевидно, покоились некоторые знаменитые мученики, упоминаемые в "Маршрутах паломников" как спящие в этой катакомбе.

Здесь мы встречаем множество признаков, которые говорят нам о том, что это очень древнее кладбище. Говоря об этой катакомбе Пртекстатуса, паломники упоминают, в частности, три небольшие базилики в непосредственной близости, которые часто в четвертом или пятом веках строились прямо над криптой или склепами, содержащими останки известных мучеников и исповедников; это делалось для удобства паломников, приезжавших из дальних стран, чтобы помолиться у святынь: руины двух из этих базилик, очевидно, посвященных св. Валериану, Тибуртию, Максиму и Зенону. Из этих исповедников Валериан и Тибуртий были соответственно мужем и шурином Святой Цецилии. Зенон[127] также был

мучеником. Максим был римским офицером, который руководил казнью Валериана и Тибуртия, и который, видя их стойкость под пытками, стал христианином, за что и был предан смерти.

Было установлено, что в этой маленькой катакомбе существовали и другие исторические склепы, а именно: склепы SS. Фелициссимуса, Агапета и Квирина с дочерью Бальбиной, из которых Фелициссимус и Агапит были дьяконами при папе Сиксте. Они приняли мученическую смерть при Валериане, 258 г. н.э. Квирин был трибуном, который был предан смерти в более ранний период при императоре Адриане.

Еще более известный исповедник, чем все эти, святой Януарий, старший из семи мучеников-сыновей святой Фелицитаты, был похоронен в этой священной катакомбе второго века в Пртекстатусе. Множество граффити, сделанных посетителями-паломниками в окрестностях гробницы этого Януария, свидетельствует о большом почитании, которым пользовался этот мученик.

Потолок гробницы, которая была идентифицирована как гробница святого Януария, прекрасно украшен росписью II века, представляющей четыре времени года: весну - цветами, лето - колосьями кукурузы, осень - виноградной лозой, зиму - лаврами; птицы и маленькие крылатые фигурки художественно перемешаны в этой очень ранней декоративной работе. На стене внизу картина, изображающая Доброго Пастыря с овцой на плече, была почти уничтожена могилой, раскопанной в четвертом веке. В могиле покоилось тело какого-то благочестивого христианина, друзья которого стремились положить своего любимого покойника как можно ближе к священным останкам знаменитого мученика Януария. Не мало наиболее ярких катакомбных росписей, к несчастью, изуродовано ошибочным благочестием последующих поколений.[128]

Личность Præтекстата, в честь которого названо это кладбище, неизвестна.

VI

Виа Латина

Древняя Виа Латина ответвляется от Виа Аппиа недалеко от бань Каракаллы. Вскоре она теряется среди виноградников, но появляется вновь и в конце концов приводит к Альбанским холмам.

В маршрутах паломников упоминаются три кладбища. Они называют определенное количество имен мучеников, похороненных в этих катакомбах, но ни одно из них, по-видимому, не является широко известным. В них также говорится о "многих мучениках", погребенных в этих катакомбах.

Названия трех катакомб, о которых идет речь, следующие: (1) Апронien - возможно, имя первоначального донора; (2) SS. Gordianus и Epimachus; и (3) S. Tertullinus. Эти кладбища никогда не подвергались тщательному исследованию, и даже место третьего из них до сих пор не определено.

Виа Лабикана

Ведет от Порта Маджоре, древней Порта Пренестина, в Палестрину. Маршруты рассказывают о двух кладбищах на этой дороге: С. Кастулус и Св. Петра и Марцеллина. Катакомба Сан-Кастулус была исследована лишь частично. Она находится в разрушенном

состоянии и в настоящее время недоступна. Святой Кастул принял мученическую смерть во время гонений Диоклетиана.

Катакомбы Св. Петра и Марцеллина, иногда называемая "ad duas lauros", по первоначальному названию района, находится в непосредственной близости от знаменитой Торре Пиньятара, гробницы Святой Елены; это название происходит от пигнатских или глиняных горшков, использовавшихся при строительстве. Из этой гробницы был извлечен великолепный порфировый саркофаг, хранящийся сейчас в Ватикане. SS. Петр и Марцеллин, в честь которых названа эта некогда знаменитая катакомба, пострадали во время гонений Диоклетиана. Святой Петр был орденом экзорцистов. Святой Марцеллин был священником. Папа Дамас в своей надписи, первоначально помещенной на их склепе, рассказывает, что узнал подробности их мученической смерти от палача, нанятого государством. В последнее время это кладбище было частично исследовано. Тела двух святых, давших свои имена катакомбе, были вывезены и сейчас находятся в Селигенштадте, недалеко от Майенса. Святые, названные "Quatuor Coronati", в первую очередь были похоронены здесь, но впоследствии их останки были перенесены папой Львом IV в церковь на Кёлиане. Это кладбище имеет значительную протяженность.

В "Маршрутах" перечисляются имена нескольких мучеников, когда-то, очевидно, хорошо известных. Они также говорят о многих других мучениках, похороненных здесь, используя такие выражения, как "innumerabilis martyrum multitudo sepulta jacent"- "alii (Martyres) innumerabiles" и т. д.

Виа Тибуртина

Виа Тибуртина ведет в Тиволи. Она выходит из Рима через Порта Сан-Лоренцо, который стоит на месте древнего Порта Тибуртина. На этой дороге находятся два больших кладбища - Святого Кириака и Святого Ипполита. Св. Кириака была вдовой-христианкой. Однако важность этой катакомбы в основном обусловлена тем, что в ней находится гробница святого Лаврентия. Святой Лаврентий принял мученическую смерть в 258 году н.э., через три дня после смерти папы Сикста II, к которому он был приставлен в качестве диакона. По очень распространенному преданию, Лаврентий пострадал на колосниковой решетке. Память о нем пользуется необычайной популярностью. Марукки, один из последних ученых, писавших о катакомбах, без колебаний говорит, что почитание, воздаваемое ему, было почти равно почитанию апостолов. Вряд ли в западном христианстве найдется город, в котором не было бы церкви, носящей его почетное имя. В самом Риме их шесть.

Над криптой, содержащей гробницу Святого Лаврентия, Константин Великий построил небольшую ораторию или меморию, которая вскоре стала слишком мала для толп паломников. Вторая церковь была возведена папой Сикстом III в 432 году н.э. рядом с меморией Константина, которая впоследствии стала называться "Basilica ad Corpus". Вторая церковь была названа "Базилика Майор". Три римских папы пятого века были похоронены в "Basilica ad Corpus". В тринадцатом веке две церкви были объединены в одну Гонорием III, 1218 г. н.э.

В маршрутах упоминается несколько известных мучеников, похороненных на кладбище, которое было раскопано вокруг священной гробницы мученика, в частности, SS. Justus, Cyriaca, Simferosa и т.д., "cum multis martyribus". В сравнительно недавние времена катакомбы были безжалостно повреждены работами в связи с очень большим современным

кладбищем. Лишь с 1894 г. н.э. стали больше заботиться о сохранении драгоценных останков этой некогда важной катакомбы.

Кладбище Святого Ипполита.- На той же самой большой дороге, Виа Тибуртина, которая тянется через ныне пустынную Кампанью к Тиволи, на северной стороне дороги почти напротив кладбища Святого Кириака, на котором стоит только что описанная базилика Святого Лаврентия, находится катакомба Святого Ипполита. Это кладбище было по-настоящему исследовано лишь сравнительно недавно, и многое здесь еще предстоит раскопать. Под землей была обнаружена небольшая базилика с исторической криптой, в которой когда-то был похоронен знаменитый мученик. Коридоры вокруг были печально опустошены варварскими захватчиками в пятом и последующих веках, а вся катакомба находится в руинах и исследована лишь частично. Очевидно, что она имеет значительные размеры. Близость к гробнице великого ученого-мученика, очевидно, была привилегией, которой жаждали многие, начиная с середины третьего века и далее. Множество паломнических "граффити" или надписей, более или менее грубо вырезанных и нарисованных в окрестностях святилища, говорят нам о том, что место, где покоятся останки Ипполита, долгое время было объектом благоговейного паломничества после заключения церковного мира на протяжении всего четвертого и последующих веков. В "Маршрутах" упоминается множество мучеников, похороненных здесь, среди которых, пожалуй, наиболее известен святой Генезий; он был знаменитым актером, когда-то насмехавшимся над религией, храбрым исповедником которой он в конце концов стал; он умер за свою веру.

Но славой этого ныне разрушенного кладбища была гробница святого Ипполита. Его хорошо описал епископ Лайтфут в своем длинном и исчерпывающем мемуаре (*"Апостольские отцы"*, часть 1. том ii.).

"Положение и влияние Ипполита были уникальными среди римских христиан его эпохи. Он соединил знания и традиции Востока, изначальной родины христианства, с практической энергией Запада, где проходили его собственные жизненные труды. Он был, безусловно, самым ученым человеком в Западной Церкви..... Хотя он прожил до середины третьего века, он мог проследить свою родословную всего на три ступени, как литературную, так и министерскую, до жизни и учения Самого Спасителя, Иренея, учеником которого он был, Поликарпа и С. Иоанна. Этот сайт был его прямым предком. Неудивительно, что эти факты обеспечили ему исключительную честь в его собственном поколении".

Положение, которое он занимал в христианском мире, вызывает много споров. Обычно его описывают как епископа Портуса, римской гавани, а современные ученые пришли к выводу, что он осуществлял общее руководство в ранге епископа над различными общинами иностранцев, торговцев и других людей на итальянском побережье, штаб-квартирой которых был Портус.

Среди руин над кладбищем Ипполита была найдена очень величественная и поразительная статуя, увы, сильно изуродованная. На спинке и боковинах кресла, на котором сидит фигура ученого епископа, выгравирован общепринятый список его трудов. Нет никаких сомнений в подлинности статуи, которая датируется примерно 222 годом. Она является древнейшей христианской статуей, дошедшей до нас; более того, она стоит особняком как пример очень ранней христианской скульптуры, и, вероятно, была воздвигнута в период покоя Церкви в царствование императора Александра Севера, и является ярким доказательством уникального положения, которое занимал писатель и ученый в христианском сообществе.

Несомненно, он был предан смерти, но какова была особая форма его мученичества, точно неизвестно. Мы знаем, что он был сослан в Сардинию, где и пострадал, а его останки были

привезены в Рим вместе с останками Понтиана, епископа Рима, который также принял мученическую смерть в то же время в Сардинии; Понтиан был положен в папском склепе на кладбище Каллиста, а Ипполит - в катакомбе, носящей его имя на улице Тибуртина, примерно в 237 году.

Папа Дамас, великий реставратор римских святынь, расширил и украсил крипту, где покоились останки почитаемого, в последние годы четвертого века, а несколько лет спустя христианский поэт Пруденций в своем сборнике гимнов под названием *Peristephanôn* - Короны мучеников - посвятил длинную поэму святыне и памяти Ипполита.

В первые годы четвертого века, когда Гонорий, сын Феодосия, правил Западной империей, очевидно, что слава и репутация Ипполита, ученого и мученика, были в числе популярных историй христианства, а его гробница - одним из главных объектов паломничества.

Строки Пруденция, написанные в последние годы четвертого века, цитируются как дающие представление о знаменитой катакомбе, какой она представлялась ученому и поэту во времена Феодосия и Гонория. Они также дают некоторое представление о том, как ценились и почитались мученики и исповедники первой эпохи христианства в столетие, последовавшее за Миром Церкви:

> "Вблизи городских стен, среди фруктовых садов, находится склеп. В его тайные камеры ведет крутой путь с извилистыми лестницами..... По мере того как вы продвигаетесь вперед, тьма, как ночью, становится все более густой..... Однако через определенные промежутки в крыше прорезаны отверстия, через которые в склеп проникают яркие солнечные лучи. Хотя углубления, извивающиеся то в одну, то в другую сторону, образуют узкие камеры с галереями в глубоком мраке, свет все же проникает сквозь пробитые своды в полые углубления..... И таким образом во всем подземном склепе можно по-прежнему наслаждаться яркостью отсутствующего солнца.
>
> "В такие тайные углубления было перенесено тело Ипполита, совсем недалеко от того места, где сейчас стоит алтарь, посвященный Богу.
>
> "Та же алтарная плита совершает таинство и является надежным хранителем костей мучеников, которые она охраняет в ожидании Вечной Жизни, в то время как она кормит святой пищей жителей у реки Тибр.
>
> "Удивительна святость этого места. Алтарь находится рядом для тех, кто молится, и он помогает надеждам таких людей, милосердно давая им то, что они требуют. Здесь и я, когда болел недугами души и тела, часто преклонял колени в молитве и находил помощь..... Рано утром люди приходят приветствовать (Ипполита); вся молодежь этого места поклоняется здесь; они приходят - они уходят - до захода солнца. Любовь религии собирает в одну огромную толпу и латинян, и чужеземцев" - перевод *из Пруденция, "Перистефанон", Страсти святого Ипполита*.

Близкое соседство кладбища и базилики Святого Лаврентия (описанной выше) с годами стало роковым для памяти Святого Ипполита. С ранних времен святой Лаврентий, диакон Сикста II, пользовался необычайной честью. Он пострадал, как мы уже говорили, во время гонений Деция, *около* 258 г. н. э., и занимает место святого Стефана в Западной церкви. Именно об этом знаменитом и популярном святом Августин писал: "Quam non potest abscondi Roma, tam non potest abscondi Laurentii corona". В молитве старейшего римского сакраментария мы читаем: "De beati solemnitate Laurentii, peculiaris præ ceteris Roma lætatur". "Неудивительно, - пишет епископ Лайтфут, - что ореол, окружавший головы других соседних

святых и мучеников, *даже самого знаменитого Ипполита*, померк в свете его уникального великолепия".

Шли годы, и соседняя базилика Святого Лаврентия становилась все больше и больше. Базилика святого Ипполита, построенная на его кладбище, померкла, о ней не заботились; великий ученый был забыт в славе, которая собралась вокруг соседнего популярного святого. Павел I, 756-67 гг. н. э., перенес священный реликварий святого ученого в известную городскую церковь Святого Сильвестра в Капите.

Кладбище и базилика Ипполита после того, как останки святого были перевезены, были быстро забыты, а само место было со временем перепутано с кладбищем и величественной церковью Святого Лаврентия на другой стороне Виа Тибуртина. Только в 1881 году де Росси обнаружил древнее кладбище и разрушенную подземную базилику, о которых вкратце говорилось выше, - базилику и катакомбы, которые посещал Пруденций в последние годы IV века и которые он так ярко изобразил в своем гимне в *Перистефаноне*.

За пределами Рима есть следы славы великого ученого, но их немного. В Порту есть разрушенная церковь, носящая его имя; ее башня, все еще заметная, является заметным ориентиром в безлюдной Кампанье. В Арле есть церковь , посвященная Ипполиту. Странная история связывает его останки с некогда знаменитым королевским аббатством Сен-Дени недалеко от Парижа. Его тело или, по крайней мере, части его тела также традиционно хранятся в церквях Брешии и Кельна. Римские церкви Святого Лаврентия и "Quatuor Coronati" также утверждают, что обладают реликвиями Святого Ипполита.

Но эти несколько разрозненных и сомнительных реликвий - почти все, что осталось от Ипполита, и хотя многие из его трудов все еще с нами, свидетельствуя о его трудолюбии и учености, его имя и жизненный путь практически забыты людьми, а в церковных анналах лишь тусклое, размытое воспоминание о карьере одного из величайших ученых и писателей первых двух христианских веков живет на страницах этой богатой событиями истории.

Из двух святых, чьи базилики и кладбища находились так близко друг от друга на Кампанской дороге недалеко от Рима, одного, святого Лаврентия, люди увенчали ореолом непревзойденной славы; другого, святого Ипполита, чей почетный титул был действительно намного выше, чем у его товарища по гробницам на Виа Тибуртина, люди предпочли забыть.

Виа Номентана

Виа Номентана выходит из Рима на север через современную Порта Пиа, в древности - Порта Номентана, а в средние века - Порта Сант-Агнези. На этой дороге "Маршруты" рассказывают о трех кладбищах: Святого Никомеда, Святой Агнессы и кладбище, которое обычно называют "Cœmeterium majus". Де Росси называет это последнее кладбище Острийским; некоторые называют его в честь знаменитой мученицы, приемной сестры Агнессы, святой Эмерентианы, которая была похоронена там."

(1) *Кладбище Святого Никомеда* - это всего лишь небольшая катакомба, но она представляет большой интерес из-за своего возраста. Оно датируется, очевидно, первым веком. Традиция гласит, что Никомед был пресвитером, жившим во времена Домициана. Он принял мученическую смерть за веру, и его тело было брошено в Тибр. Его ученик, некий Юст, извлек тело своего учителя и похоронил его "in horto juxta muros". Сад, о котором идет речь, расположенный вдали от городских стен, и был местом нынешней маленькой катакомбы.

Каменная кладка здесь очень ранняя, а различные греческие надписи на локулах также свидетельствуют о ее большой древности; Марукки упоминает о резервуаре с водой в главной галерее и считает, что наличие воды предотвратило дальнейшее расширение кладбища.

(2) *Кладбище Святой Агнессы* находится на Виа Номентана, примерно в миле от Порта Пиа. Святая Агнесса с ранних времен была необычайно любима героинями времен гонений. Иероним хорошо передает эту народную оценку: "omnium gentium litteris atque linguis .... vita laudata est." Ее история хорошо известна: как она отказалась стать невестой сына проконсула, утверждая, что она уже невеста Христа. После ужасных испытаний она была приговорена к сожжению как христианка, но огонь запоздал или оказался недостаточным, и палач вонзил нож ей в горло. Имя "Агнесса" - это просто христианское прозвище, которое она приняла в знак своей чистоты и целомудрия. Имя ее семьи неизвестно, но точно известно, что она принадлежала к богатому, возможно, знатному дому. Она была похоронена на кладбище, принадлежавшем ее родителям "in prædiolo suo".

Ее мученическая смерть произошла во время гонений императора Валериана, *около* 253-7 гг. н.э. Часть катакомбы, носящей ее имя, относится к более древнему периоду, чем Святая Агнесса. Среди других признаков большой древности - греческие надписи на различных локулах. Кладбище, которое было исследовано с некоторой тщательностью, состоит из трех этажей, имеющих разную дату. Однако именно после погребения юной мученицы катакомбы были развиты и приобрели значительные размеры, поскольку многие из христианской общины Рима желали положить своих близких умерших в непосредственной близости от гробницы Агнессы. Император Константин в четвертом веке построил над гробницей базилику, известную как Святой Агнессы. В Неаполе сохранилась надпись на небольшой мраморной табличке, привезенной из Рима, которая, по мнению Армеллини , первоначально находилась на локуле, содержащей тело святой. Надпись выглядит следующим образом:

Agne - Sanc
Tissima

Базилика несколько раз подвергалась реставрации, но с достаточной точностью сохранила первоначальное расположение церкви Константина.

Когда она была впервые построена в четвертом веке, как мы видим в других подобных случаях, в галереях катакомб были произведены значительные разрушения и хаос. Строители четвертого века часто безжалостно вырубали и уничтожали галереи, cubicula, loculi, когда устраивали фундамент и нижние этажи большой или малой церкви, которая возникала над гробницей особого святого и мученика. В качестве ярких примеров такого странного пренебрежения к старым местам погребения можно привести базилики святой Домитиллы, святой Лаврентии, святого Сильвестра; последняя из них построена над кладбищем святой Присциллы.

Тело Святой Агнессы так и не было перевезено из своего первоначального дома. В 1605 году, во время понтификата Павла V, ее останки вместе с останками ее приемной сестры, мученицы Святой Эмерентианы, были помещены в серебряный саркофаг или урну. Это можно было видеть в 1901-2 годах, когда проводились работы под алтарем.

(3) *Cœmeterium majus* в непосредственной близости от катакомбы Святой Агнессы. Де Росси называет его "Острийским" кладбищем и связывает с воспоминаниями о Святом Петре, как о месте, где апостол крестил. Марукки, однако, в свете недавних открытий в катакомбе Присциллы на соседней Виа Салария, безоговорочно считает, что место работы и проповеди

святого Петра следует искать на последнем названном кладбище. Краткое резюме аргументов Марукки, которые являются наиболее весомыми, будет дано при описании кладбища Присциллы.

Слава этого кладбища (Cœmeterium majus), поскольку память о Святом Петре, похоже, действительно принадлежит катакомбе Святой Присциллы, заключается в том, что здесь находилась первоначальная гробница Святой Эмерентианы, которая за свою преданность своей приемной сестре Агнессе приняла мученическую смерть вскоре после смерти Агнессы. Место, где находилась гробница, было установлено, но останки Эмерентианы сейчас покоятся в серебряной урне, в которой хранится тело Святой Агнессы в ее базилике под алтарем.

Название "Cœmeterium majus" датируется, несомненно, пятым веком. Одной из наиболее ярких особенностей этой катакомбы является маленькая базилика, не построенная позднее, а принадлежащая к первоначальному произведению. Она просто вырыта в туфовом камне и разделена на две части проходом, проходящим через кладбище. Это идеальная подземная церковь, содержащая отдельные отделения для мужчин и женщин. Пресвитерий и местоположение алтаря четко определены; кресло для епископа или председательствующего пресвитера стоит на своем месте, как и столб, на котором горело священное масло перед неким освященным святилищем. Интересно, для каких целей предназначалась эта маленькая церковь посреди кладбища?

В маршрутах упоминается, что здесь были похоронены различные мученики, история жизни которых нам неизвестна.

VII

Виа Салария Нова

Виа Салария Нова, как и Виа Номентана, от которой она находится на небольшом расстоянии, лежит на северной стороне города. К ней примыкают четыре кладбища: Святой Фелицитаты, Трасона и Сатурнина, Йордани и очень важная и древняя катакомба Святой Присциллы.

История Святой Фелицитас, которая вместе со своими семью сыновьями была предана смерти за свою религию во времена правления и по прямому указанию императора Марка Аврелия*, около* 162 года н.э., достаточно хорошо известна. "Деяния" о мученичестве многими учеными не считаются подлинными, хотя документ, о котором идет речь, считается очень древним.

Эта история обычно подвергается очень резкой критике, как воспроизведение истории из Четвертой книги Маккавеев. Высокая оценка, которой сейчас повсеместно пользуется император Марк, несомненно, способствует жесткой критике , с которой воспринимается история о Фелисите и ее семи сыновьях. Естественно, что не хочется признавать истинность истории, в которой любимый герой историков и философов, благородный император Марк, играет столь жалкую роль, и в которой так ярко проявляется мужественное постоянство и благородная стойкость группы тех христиан, которых он так не любил и пытался презирать.

Но это один из многочисленных примеров, свидетельство которого никто не может опровергнуть, - катакомбы подтверждают главную истину истории, которая до сих пор была в значительной степени дискредитирована. Гробницы героической матери и ее храбрых сыновей были идентифицированы. Мы перечисляем.

В катакомбе Святой Фелицитас тело матери было погребено и впоследствии перенесено в базилику, построенную над данным кладбищем. В древней катакомбе Пртекстатус была найдена гробница Януария (старшего из сыновей Фелицитаса); более того, из многочисленных молитв и аллюзий в граффити вокруг нее следует, что гробница была глубоко почитаема многими поколениями посетителей-паломников. В знаменитой катакомбе Присциллы были найдены две из семи гробниц - Феликса и Филиппа. Известно также, что на кладбище Йордани похоронены Мартиалис, Виталис и Александр. В катакомбе Максимуса, кладбище на Виа Салария, которое не было идентифицировано, был положен Силан, седьмой из группы верных. Тело Силана, самого младшего, очевидно, было унесено, но впоследствии восстановлено и положено в той же катакомбе вместе с его матерью.

После заключения церковного мира над кладбищем Святой Фелицитас была возведена небольшая базилика, а папа Дамас написал в ее честь одно из своих Посланий. В конце VIII века папа Лев III перенес останки матери и ее сына Силануса в церковь Святой Сюзанны.[129] Там они покоятся до сих пор.

После переноса драгоценных реликвий кладбище , о котором мы говорим, как и многие другие катакомбы, было заброшено посетителями-паломниками, а само место его расположения было быстро забыто. Де Росси в 1858 году удалось указать его местоположение, но оно не исследовалось до 1884 года, когда рабочие, копавшие фундамент дома, наткнулись на древние локулы с надписями и несколькими тусклыми слабыми изображениями. Так обнаружилась маленькая базилика VI века и руины того, что когда-то было гробницей и святилищем Святой Фелицитас в катакомбе, носящей ее имя.

На улице Салария-Нова, между кладбищем Святой Фелицитас и очень важным кладбищем Святой Присциллы, существует так называемая сеть катакомб, исследованная лишь частично. Первая названа *по имени Тразона*, богатого римского гражданина, который предоставил гостеприимство гробницы в катакомбе под своим садом нескольким мученикам во время гонений Диоклетиана, в частности Сатурнину. Эта часть катакомб еще очень мало исследована; коридоры и т.д. все еще заземлены.

Чуть дальше по той же дороге находится еще одно кладбище, известное под тем же названием - "Тразон". Марукки, однако, называет его "*Cœmeterium Jordanorum*". Вполне вероятно, что первоначально оно было соединено с Тразоном. Значение термина "Иордани", используемого в старых маршрутах паломников, неясно. Это одно из самых глубоко раскопанных кладбищ. Здесь было обнаружено до четырех этажей галерей, расположенных одна под другой. Между группами галерей этой катакомбы находится несколько "аренариев", или песчаных карьеров. Вся эта обширная сеть катакомб и аренариев пока раскопана лишь частично. Работа, естественно, дорогостоящая и сопряжена с определенными опасностями.

Де Росси помещает в один из этих "аренариев" или песчаных карьеров в середине этой группы катакомб Тразона и Иордани на Виа Салария, место мученической смерти известного СС. Хрисанфа и его жены Дарии, которые несли свое свидетельство до смерти во время гонений императора Нумериана*, около* 284 г. н.э. Дария когда-то была весталкою; став христианкой, она стала предметом особой ненависти со стороны угасающей языческой партии.

S. Григорий Турский в своем труде "De Gloriâ Martyrum" рассказывает, как после заключения церковного мира, когда были найдены гробницы этих двух знаменитых мучеников, в историческом склепе их гробницы были обнаружены печальные останки большой группы

христиан - мужчин, женщин и даже детей. Через некоторое время после мученической кончины свв. Хрисанф и Дарья, несколько христиан тайно пришли в крипту, чтобы помолиться у гробницы мучеников. Об этом было сообщено, и императорская власть со всей поспешностью распорядилась замуровать вход. Это было быстро сделано, и группа христианских верующих была погребена заживо. Тела были найдены, как рассказывает Григорий Турский, а вместе с ними и серебряные евхаристические сосуды, которые они принесли для празднования Святого Причастия.

Папа Дамасус, сделавший это необычное открытие во второй половине IV века - примерно через столетие после этого массового мученичества, - не позволил трогать ни группу, ни священную гробницу, а просто в нагромождении камней сделал маленькое окошко, чтобы паломники могли смотреть и почитать эту странную печальную группу мучеников.

Де Росси надеялся когда-нибудь наткнуться на это маленькое окошко и через пятнадцать веков снова с благоговением взглянуть на эти "миниатюрные христианские Помпеи!"

S. Григорий в шестом веке рассказывает, что паломникам его времени показывали маленькое окошко с видом на эту трогательную сцену.

Надежды де Росси - более того, его ожидания - найти окно пока не оправдались: разрушенное состояние катакомб препятствует исчерпывающим поискам.

Как мы узнаем из маршрутов паломников, на этой группе кладбищ еще предстоит обнаружить множество гробниц мучеников и исторических склепов.

Кладбище Святой Присциллы. Недавние исследования дополнили наши прежние знания об этой катакомбе и подтвердили суждение де Росси о ее большой древности и важности. Действительно, она стоит в одном ряду с великой сетью кладбищ Каллиста и Домитиллы на Аппиевой и Ардеатинской дорогах - возможно, не по масштабам, но уж точно по древности и интересности . Оно расположено вдоль Саларианского пути, описанного выше, на севере города.

Запомнились слова де Росси: "Кладбище Присциллы - это центр, где различные воспоминания, связанные с церквями Пуденс и Присцилла, встречаются, как линии, проведенные из разных мест".

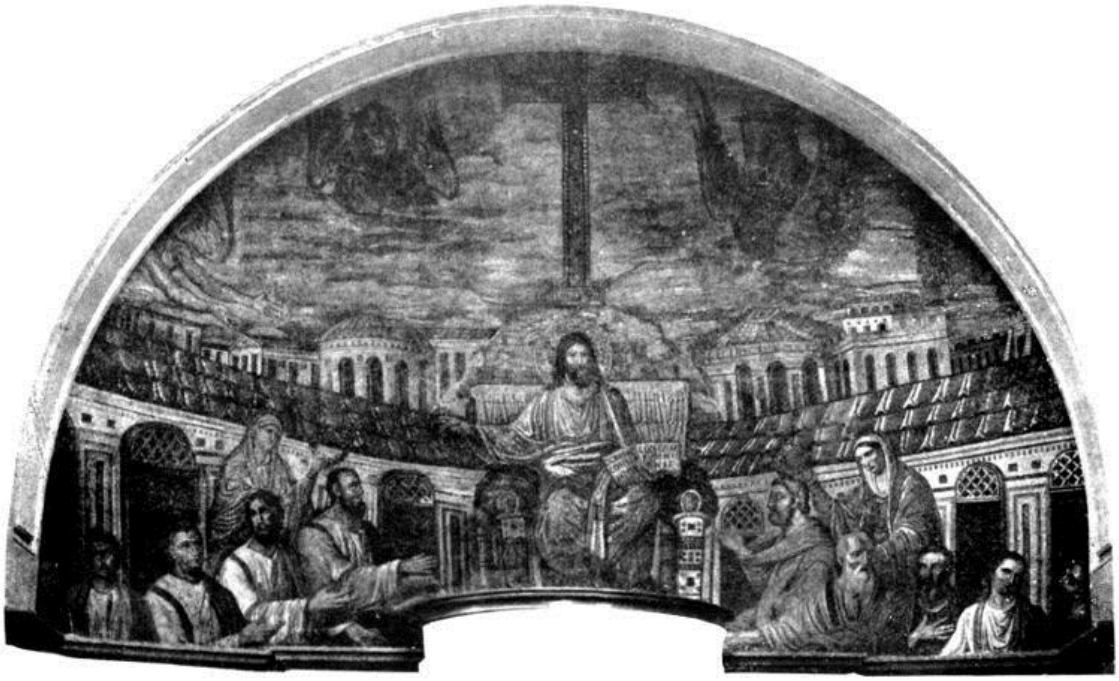
Великий ученый и археолог упоминает здесь три древнейшие церкви Рима, чьи основания были заложены в апостольские времена. Это церковь Пуденциана на Виминальском холме, церковь Прасседиса на Эсквилине и церковь Присциллы (Приска) на Авентине. Прискилла, несомненно, является прямым потомком церкви, которая находилась в доме Акилы и Прискиллы, друзей Павла. Мы относим ее к пятому веку. Очевидно, что еще до IV века маленькая церковь в доме палаточников превратилась в общественную церковь св. Прискиллы. Ее основатели, известные Акила и Прискилла, были похоронены на кладбище Прискиллы.

Папа Лев IV в девятом веке специально упоминает их гробницы на кладбище Присциллы.

Вторая из трех древних церквей, S. Prassedis, как и S. Pudentiana, находилась в обширном поместье, которым владела семья Пуденс у подножия Эсквилина. Однако не сохранилось никаких преданий о том, когда он был впервые основан. Он упоминается в надписи пятого века на кладбище Святого Ипполита, а также в 490 году в Деяниях Собора под председательством папы Симмаха. Она неоднократно реставрировалась, а в раннем

Средневековье прославилась как первое место, где папа Пасхалий I поместил останки 2400 мучеников, которые ради безопасности были переведены из различных катакомб.

В наше время эта древнейшая церковь наиболее известна благодаря маленькой часовне, названной из-за своего необычного и таинственного великолепия "Орто дель Парадизо". Ее обычно называют капеллой Святого Зенона, которому она была посвящена изначально. Святой Зенон пострадал во времена правления Клавдия (Готика), 268-70 гг. н.э. Он похоронен в склепе на кладбище Пртекстаус. В одном из маршрутов Святой Зенон назван "Братом Святого Валентина из катакомбы на Фламинианском пути". В этой знаменитой часовне хранится одна из величайших реликвий Рима - колонна, к которой, как говорят, был привязан наш Спаситель во время Страстей, - из редчайшей кровавой яшмы. В Святом Прасседисе находятся два древних саркофага с останками двух святых сестер Св. Прасседиса и Пудентианы, перенесенные из их первоначальных гробниц на кладбище Святой Присциллы во время великого перевода останков святых Пасхалием I. В центре нефа до сих пор виден колодец, в котором Прасседис, вероятно, хоронил останки мучеников; такой же колодец есть в сестринской церкви Святой Пудентианы.



МОЗАИКА В АПСИДЕ ЦЕРКВИ СТА. ПУДЕНЦИАНА, РИМ

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК. ГОСПОДЬ НАШ С АПОСТОЛАМИ И ДРУГИМИ: ЗДАНИЯ НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ, ВЕРОЯТНО, ИЗОБРАЖАЮТ ИЕРУСАЛИМ. ИЗ ДВУХ ЖЕНСКИХ ФИГУР, СТОЯЩИХ ПОЗАДИ АПОСТОЛОВ, ТА, ЧТО СПРАВА ОТ СПАСИТЕЛЯ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ С. ПРАССЕДИС, А ТА, ЧТО СЛЕВА, С. ПУДЕНЦИАНУ - ДОЧЕРЕЙ ПУДЕНА. МОЗАИКА ОТНОСИТСЯ КО ВРЕМЕНИ ПАПЫ СИРИЦИЯ, 384-398 ГГ. Н.Э.

Первая из трех церквей, S. Pudentiana, безусловно, самая интересная из трех. Принято считать, что это самая древняя церковь в Риме; первоначально, как гласит предание, это была церковь в доме сенатора по имени Пуденс, который принимал и оказывал гостеприимство Святому Петру. Она упоминается в надписях четвертого века. Сириций, сменивший Дамаса на римском епископате в 384-398 годах н. э., восстановил ее. Из этого следует, что он существовал задолго до эпохи Мира Церкви. Увы, с тех пор он претерпел множество реставраций, но до сих пор сохранилась великолепная и величественная мозаика в апсиде, датируемая Сирицием. Это самая древняя мозаичная работа в римской

церкви. (Св. Констанция с ее прекрасной мозаичной крышей, которая немного старше, в первую очередь была не церковью, а просто мавзолеем). Фигуры двух сестер SS. Прасседис и Пудентиана, держащие короны, стоят позади Господа и Его апостолов. Недавние исследования выявили и другие признаки его большой древности, и Марукки считает, что можно обнаружить еще больше.

Очевидно, что между этими древнейшими церквями и кладбищем Прискиллы, о котором мы сейчас расскажем, существует тесная связь.

Очень древний документ - "Деяния Пастора и Тимофея", - который Бароний, кардинал Виземан и другие считают подлинным, довольно подробно рассказывает об основании этой самой ранней церкви С. Пудентиана; большинство ученых, однако, признавая их большую древность, не решаются принять эти "Деяния" как относящиеся к тому очень раннему периоду, когда они якобы были написаны. Тем не менее, они, вероятно, воплощают в себе суть общепринятой традиции. Этот древний документ состоит из двух писем: первое - от священника Пастора, адресованное Тимофею, второе - ответ Тимофея. К ним добавлено приложение Пастора, которое завершает историю. Мы приводим часть из него:

"Пуденс отошел к своему Спасителю, оставив дочерей, укрепленных в целомудрии и наученных всему Божественному закону. Они продавали свое имущество, раздавали его бедным и строго придерживались любви к Христу..... Они пожелали устроить в своем доме баптистерий, на что блаженный Пий (епископ Рима, 142-57 гг. н.э.) не только дал согласие, но и собственной рукой нарисовал план фонтана..... По совету блаженного Пия, в основанном Пуденсом оратории было объявлено с соблюдением всех древних обычаев о праве собственности на рабов-христиан; там в праздник Пасхи было крещено 96 человек, так что отныне в указанном оратории постоянно проводились собрания, которые днем и ночью звучали хвалебными гимнами. Многие язычники с радостью приходили туда, чтобы обрести веру и принять крещение..... Сам блаженный епископ Пий часто посещал ее с радостью и приносил за нас жертву Спасителю.

"Тогда Пудентиана отошла к Богу. Сестра ее (Прасседис) и я (пастор) окутали ее благовониями и укрыли в оратории. Затем через 28 дней мы отнесли ее на кладбище Присциллы и положили рядом с ее отцом Пуденсом".

(Далее следует рассказ о смерти Новатуса, который, согласно примечанию в Liber Pontificalis (2-е издание) в изложении папы Пия I, был, очевидно, братом двух сестер; он завещал свое имущество Прасседису, который возвел церковь в своих банях).

"По истечении двух лет на христиан было объявлено великое гонение, и многие из них приняли мученический венец. Прасседис укрыла множество из них в своем оратории..... Император Антонин услышал об этих собраниях в оратории Прасседиса, и многие христиане были схвачены..... Блаженная Прасседис ночью собрала их тела и похоронила на кладбище Присциллы..... Тогда Дева Спасителя, изнемогая от горя, просила только о смерти. Ее слезы и молитвы достигли небес, и через 54 дня после того, как пострадали ее братья, она отошла к Богу. И я, пастор, священник, похоронил ее тело рядом с телом ее отца Пуденса".[130]

Подведем итог общей традиции, которую во многом подтверждают недавние исследования в церкви Пудентиана и в катакомбе Святой Присциллы:

Ученик апостолов Петра и Павла, некто Пуденс, римлянин сенаторского ранга и богатый, принял святого Петра в своем доме, который в очень ранние времена стал местом встречи

христианского народа в Риме. Впоследствии это место стало церковью Святого Пуденциана. У Пуденса было две дочери, Пудентиана и Прасседис. Позже бани Новата (брата обеих сестер), которые, по-видимому, были частью дома или дворца Пуденса, стали признанным местом встречи христиан, и впоследствии это место стало называться церковью Святой Пуденции.

Кладбище Святой Присциллы на улице Салария также принадлежало этой христианской семье и, несомненно, было построено на территории того же Пуденса. На этом кладбище были похоронены Пуденс и две его дочери. Одна часть катакомбы использовалась как место захоронения знаменитой семьи Ацилиев Глабрионов, в которой, очевидно, было много христиан.

Де Росси считает, что Пуденс, отец двух сестер Пудентианы и Прасседис, принадлежал к этому прославленному роду Ацилиев Глабрионов.

Также, очевидно, существовала тесная связь между Акилой и Присциллой, столь тесно связанными со святым Павлом, и семьей Пуденсов. С большой вероятностью было высказано предположение, что Акила был вольноотпущенником или клиентом Пуденса, а Акила и его жена Прискилла были тесно связаны с благородной семьей, о которой мы говорили. Прискилла, подруга С. Павла, была названа в честь старшей Прискиллы. Все они, как мы знаем, были похоронены на кладбище Прискиллы. Присцилла, которая дала свое имя катакомбе, была матерью Пуденса.

Вышеприведенный небольшой очерк, показывающий связь кладбища Присциллы с этими древнейшими церквями, является необходимым введением к описанию катакомбы, которую мы без колебаний называем одной из самых важных среди римских кладбищ. По нашему мнению, она является одной из древнейших и стоит в одном ряду с кладбищами Домитиллы и Луцины в районе С. Каллиста. Каждое из этих трех относится, вероятно, к первому веку христианской эры.

Из упоминаний *в Либерийском календаре*, составленном в 354 году н.э. под заголовком "Depositiones Martyrum", в *Liber Pontificalis* и в "Маршрутах паломников" мы узнаем, что на кладбище Присциллы были погребены останки многих мучеников, исповедников и святых. Здесь на протяжении нескольких веков покоились тела Акилы и Прискиллы, Пуденса и его святых дочерей Прасседис и Пудентианы, двух мученически погибших сыновей святой Фелицитаты, Феликса и Филиппа, которые свидетельствовали о себе во времена императора Марка, и мученика Кресцентия. Здесь же были похоронены семь епископов Рима, двое из которых носят мученический венец - Марцеллин и Марцелл, пострадавшие во время гонений Диоклетиана. Это самые известные, но и многие другие мученики были погребены в этом древнейшем Божьем погребении.

Некоторые из этих освященных останков после умиротворения Церкви в IV веке были подняты из склепов большой катакомбы и положены в базилике, впоследствии названной Святым Сильвестром.[131]

В КАТАКОМБЕ СВЯТОЙ ПРИСКИЛЛЫ (II ИЛИ III ВЕК). ФИГУРА МЕРТВЕЦА В ВИДЕ ОРАНТЫ СПРАВА ТРОЕ ДЕТЕЙ В ПЕЧИ НА ПОТОЛКЕ ДОБРЫЙ ПАСТУХ С КОЗОЙ НА ПЛЕЧАХ.

В девятом веке, когда происходило великое перемещение драгоценных останков святых и мучеников из их прежних мест упокоения в катакомбах за пределами Рима в более надежные места упокоения внутри города, кладбище Присциллы, как и другие божьи акры, которые мы называем катакомбами, лишилось многих своих священных останков. Как и другие

катакомбы, Св. Присцилла сразу же перестала быть объектом благоговейного паломничества, была быстро забыта и оставалась забытой на протяжении многих сотен лет. Исследовать ее начали только в последние тридцать-сорок лет, и то не до конца. Только в 1887 году н.э. был обнаружен склеп знатного рода Ацилиев Глабрионов.

Совсем недавние исследования и открытия убедили Марукки, последнего исследователя и изучателя катакомб, долгое время бывшего помощником и учеником Де Росси, что кладбище Присциллы должно быть идентифицировано как место проповеди и учения Святого Петра - так часто упоминаемое как "Sedes ubi prius sedit sanctus Petrus" - что кладбище Святой Присциллы было "*Cœmeterium ad Nymphas beati Petri ubi baptizaverat*". Марукки с бесконечной тщательностью и ученостью доказал свою точку зрения и показал многочисленной группе заинтересованных ученых те самые бассейны, все еще наполненные водой в темных склепах Святой Присциллы, в которых великий апостол, вероятно, крестил первых новообращенных в религию своего Учителя, для которых в конце концов он стал свидетелем своего благородного исповедания на Ватиканском холме в царствование императора Нерона.

Кладбище Присциллы, как оно исследовано в настоящее время, состоит из двух обширных галерей; многие из его склепов и коридоров датируются первым и вторым веками. Их возраст точно определяется, помимо других известных признаков, по характеру декоративных работ, а также по характеру и фразеологии надписей; наличие множества *греческих* эпитафий является еще одним верным доказательством очень ранней даты захоронений.

По упоминаниям в "Маршрутах паломников", несмотря на их нынешнее часто разрушенное и заброшенное состояние, можно с уверенностью определить многие из первоначальных гробниц наиболее известных исповедников и святых. Мы укажем несколько наиболее примечательных особенностей этого важного и почтенного кладбища.

На первом этаже, в склепе, рядом со старой входной лестницей, находится первоначальная гробница Присциллы, согласно древним маршрутам. Рядом с криптой находится большая камера II века, очевидно, использовавшаяся для общественных богослужений. Из этой большой крипты выходят небольшие палаты или часовни, одна из которых - знаменитая Греческая капелла, названная так в более поздние времена из-за греческих надписей на стенах. Росписи на стенах очень важны и интересны. Эта древняя часовня также использовалась для богослужений. По соседству с этой частью кладбища находится большой склеп, который, судя по различным признакам, таким как явное желание многих сделать его своим последним домом; по столбам, на которых когда-то были установлены лампы, которые всегда горели рядом с особо почитаемыми святынями; по многочисленным путям доступа для паломников третьего и четвертого веков, - очевидно, был последним местом упокоения нескольких самых известных святых из катакомб Святой Присциллы. Пока не удалось расшифровать ни одной надписи или граффити паломников, которые могли бы рассказать нам о том*, кто* здесь покоился. Было высказано предположение, что Прасседис, Пудентиана и другие известные святые, вероятно, были погребены в этом месте или рядом с ним. Марукки обращает внимание на большое количество локул на этом кладбище, которые до сих пор не тронуты и не растащены. Надписи на многих из этих локулов в большинстве своем очень короткие и простые, содержащие мало что, кроме имени умершего, с краткой красивой ссылкой на надежду мертвых во Христе.

В этой первой или самой верхней галерее катакомб, на которой мы остановились, совсем недавно был обнаружен очень большой склеп, окруженный коридорами, сильно разрушенный, но в нем еще видны остатки искусной отделки и валяются фрагменты

мрамора, с кусками саркофагов и частями надписей, тщательно вырезанных, некоторые на греческом языке, прекрасно выделанных. В этом месте, совершенно отличном от большого кладбища, посреди которого оно расположено, когда-то находились останки христианских членов знатного римского дома Ацилиев Глабрионов. Судя по найденным и расшифрованным надписям, это место захоронения знаменитой семьи датируется I веком, а захоронения - I и последующими веками.

Эти Ацилии Глабрионы, чьи имена встречаются и повторяются в разбитых надписях, были членами выдающейся семьи, занимавшей очень высокое положение в аристократии Рима при первых императорах. О главе этого прославленного дома, Ацилии Глабрионе, мы многое узнаем от историков Суетония и Диона Кассия.

В 91 году Ацилий Глабрион был консулом и вызвал ревность императора Домициана, который приговорил его к бою с дикими зверями в саду одной из императорских вилл. Из этой смертельной схватки он вышел победителем, но ненависть императора не была удовлетворена, и он сослал могущественного патриция, а в конце концов предал его смерти.

Обвинение против Ацилия Глабрио, по-видимому, заключалось в том, что он был одним из "изобретателей новых вещей" ("molitores novarum rerum"). Это было неясное и загадочное обвинение, выдвинутое против различных высокопоставленных лиц во времена правления Домициана. Обвинение было связано с практикой какого-то странного иностранного суеверия, неизвестного государственной религии. Сейчас принято считать, что этим преступлением было исповедание христианства, а Ацилий Глабрион, Клеменс, ближайший родственник императора, и многие другие, о которых упоминает Суетоний, привлеченные к суду по этому обвинению и преданные смерти, были, очевидно, христианами. Эта догадка, после недавнего открытия большого склепа Ацилиев Глабрионов на кладбище Присциллы, принадлежащего этому знатному дому, стала несомненной, поскольку христианство погребенных там людей было абсолютно доказано словами и священными христианскими знаками, вырезанными на разбитых плитах, которые когда-то были частью саркофагов и локулов, носящих фамилию семьи.

Таким образом, согласно Марукки, Алларду, известному и ученому историку гонений, и Де Росси, Ацилий Глабрион, великий патриций, консул первого века, современник апостолов Петра и Павла и, несомненно, их друг и новообращенный, был одним из той аристократической группы в Риме, которая приняла веру Иисуса, группы, о которой так мало известно, и само существование которой до сих пор было под вопросом; И эти люди, признавая братство рабов и вольноотпущенников, самых бедных и печальных жителей великого города, не только помогали им в жизни и связывали с ними все самые дорогие и надежды, но и оказывали им "гостеприимство гробницы", возводя вокруг величественного семейного склепа коридоры и погребальные камеры, где могли бы покоиться эти бедные и ничтожные члены христианской общины. Кладбище Присциллы, относящееся ко временам апостола, является прекрасным примером этого любящего христианского обычая.

Традиция приписывает основание этой огромной и древней катакомбы Пуденсу, богатому сенатору; его матери Присцилле, о которой, кроме ее имени, мы ничего не знаем; ее святым дочерям Прасседису и Пудентиане. Возникает вопрос: был ли этот Пуденс членом великого дома Ацилиев Глабрионов? Ведущие итальянские ученые, изучающие историю катакомб, считают, что он, безусловно, был. Де Росси даже подозревает, что Пуденс был самим консулом-мучеником. С нашими нынешними знаниями это предположение не может быть решительно подтверждено. Однако это интересная гипотеза.

Базилика Святого Сильвестра, о которой мы сейчас поговорим, возведенная вскоре после заключения церковного мира в IV веке, находилась прямо над криптой Ацилия Глабриона.

Очень примечательной особенностью катакомбы Святой Присциллы являются резервуары с водой, которые, очевидно, в очень ранние времена служили баптистериями. Самый значительный из этих резервуаров находится на верхнем этаже кладбища и сообщается с ним широкой лестницей из более чем двадцати пяти ступеней, которая выходит за то, что когда-то было апсидой базилики Святого Сильвестра. Марукки описывает его как "большой водоем, наполненный водой, осушенный небольшим каналом". Этот большой баптистерий стал, начиная с IV века, местом повышенного интереса многочисленных паломников, посещавших катакомбные святилища.

Еще один большой резервуар с водой был найден на втором этаже этой огромной катакомбы; были найдены и другие, более мелкие резервуары.

Марукки считает, что именно это кладбище упоминается в многочисленных преданиях, в том числе и в маршрутах паломников, как особое место трудов святого Петра, его проповедей, обучения и крещения, как "cœmeterium beati Petri ubi baptizaverat", как "sedes ubi prius sedit sanctus Petrus".

Исследование, которое привело к недавним открытиям на этом кладбище, еще не было завершено, когда де Росси определил Cœmeterium Ostrianum (о котором мы говорили выше) как место работы святого Петра. Именно эти последние "находки" побудили Марукки определить кладбище Присциллы как место, где трудился великий апостол в те ранние годы истории римского христианства.

Под первой обширной галереей этой катакомбы с ее многочисленными воспоминаниями о святых и мучениках, включая знаменитый склеп дома "Acilii Glabriones", находится другая, очень древняя область погребальных галерей.

Сюда вели несколько лестниц, некоторые из которых сейчас полностью закрыты. Эта обширная зона захоронений пока исследована лишь частично. По приблизительным описаниям, она состоит из длинной галереи, из которой выходят более двадцати других галерей, многие из которых пока исследованы лишь в недостаточной степени.

Марукки, который посвятил катакомбам Присциллы длинный и важный раздел своего большого труда, пишет об этом втором этаже кладбища как о самом обширном и тщательно спланированном из всех кладбищ подземного Рима, которые еще были исследованы.

Его слова здесь примечательны и должны быть процитированы: "Можно без преувеличения сказать, что это кладбище - самый обширный и самый богатый район всего южного Рима".

Каменная кладка, использованная при его строительстве, многочисленные надписи на локулах, высеченные на мраморе или нанесенные красной краской на плитку, - все свидетельствует о его глубокой древности; большая его часть, несомненно, датируется вторым веком. В нем, как мы уже отмечали, есть резервуар или цистерна с водой, конечно же, баптистерий - глубокий и значительного размера.

Эта необычная особенность, в сочетании с большим резервуаром первого этажа и несколькими меньшими резервуарами, обнаруженными в различных коридорах и погребальных камерах - особенности и черты, которыми не обладает ни одна другая

катакомба - полностью оправдывает древнее название "ad Nymphas", которое, без сомнения, принадлежит исключительно кладбищу Святой Присциллы, и которое в некоторых частях, кажется, хранит память о крещении Святого Петра.

Над большинством катакомб - несомненно, над самыми важными - вскоре после установления мира в Церкви были возведены базилики или церкви различных размеров для размещения паломников и членов римских общин, желавших посетить и поклониться святыням подземных кладбищ, которые вскоре стали знаменитыми и объектами почитания в христианском мире. Базилика, впоследствии известная как Святой Сильвестр, которая была построена над кладбищем Присциллы, несомненно, до 336 года, получила, возможно, большую известность, чем любая другая из этих кладбищенских церквей четвертого века.

В эту базилику, очевидно, вскоре после ее возведения, были перенесены тела многих мучеников, чьи останки были в первую очередь помещены в склепы Святой Присциллы под ней. Маршруты паломников подробно рассказывают об этом, и особенно упоминают, что под главным алтарем Святого Сильвестра покоятся два мученически погибших сына Святой Фелицитаты - Феликс и Филипп.

В Сильвестр также были принесены останки двух пап-мучеников, Марцелла и Марцеллина. Здесь же был погребен папа Сильвестр, строитель базилики, в честь которого она была названа, а у его ног - папа Сириций, преемник папы Дамаса. Еще трое из тех, кто занимал папский престол, были погребены в этом почетном святилище: Либерий, 353-5 гг. н.э.; Целестин, 422-32 гг. н.э.; и несколько позже папа Вигилий, 538-55 гг. н.э.; всего в Святом Сильвестре покоятся останки семи епископов Рима.

Действительно, эта маленькая базилика является третьим из священных мест погребения епископов Рима. *Первое* находится на Ватиканском холме, в непосредственной близости от могилы Святого Петра, где покоятся десять или одиннадцать первых обитателей Римского престола. *Второй* - знаменитый так называемый Папский склеп на кладбище Святого Каллиста на Аппиевом пути. *Третья* - базилика Святого Сильвестра над кладбищем Присциллы. *Четвертая* - снова на Ватиканском холме, рядом с могилой Святого Петра, в величественной церкви, возведенной императором Константином на месте маленькой часовни памяти Линуса.

ЧАСОВНЯ ГРОБНИЦ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ III ВЕКА, ЧАСТИЧНО ВОССТАНОВЛЕННАЯ - КАТАКОМБА СВ. КАЛЛИСТА

Было высказано предположение, что в каждом случае на выбор места для создания официального папского захоронения повлияло какое-то непосредственное воспоминание о Святом Петре, которое было связано с этим местом. В случае с первым и четвертым это очевидно.

В случае с первым была маленькая Memoria над священной гробницей. В случае с четвертой - место было выбрано на Ватиканском холме, под сенью дома Божьего, воздвигнутого Константином над первой Меморией.

Вокруг могилы Святого Петра было естественно и уместно возложить тела первых епископов Рима. Когда это место было полностью заполнено, как это случилось в конце второго века, и нужно было найти новое официальное место для захоронения епископов, Зефирин и Каллист, с большой вероятностью, были направлены на то большое кладбище, которое в очень ранние времена носило имя Каллиста, из-за памяти о св. Петра и Павла, которые были связаны с соседним кладбищем "ad Catacombas" (Св. Себастьяна); а Марукки считает, что какая-то сокровенная память о великом апостоле связана с красивой легендой "Quo vadis" - место неподалеку от кладбища Каллиста - витало вокруг Божьего акра, выбранного для места папского склепа.

Третий выбор места для захоронения пап - базилика на катакомбе Святой Присциллы - объясняется многочисленными воспоминаниями о Святом Петре, связанными с этой катакомбой, которые теперь отождествляются со сценами учения и крещения Святого Петра.

Там, в базилике Святого Сильвестра, до тех пор, пока не был осуществлен великий перевод катакомбных святых в понтификаты Павла I и Пасхалия I, покоились останки семи пап, двух сыновей Фелицитаса и многих других знаменитых и героических мучеников. Однако когда драгоценное сокровище останков этих святых было перевезено в более надежное убежище близлежащей метрополии, катакомба и базилика Святой Присциллы были вскоре забыты.

От базилики Святого Сильвестра, увы, мало что осталось; о ее существовании не было известно до тех пор, пока де Росси не обнаружил ее руины в 1889 году. Подземные крипты, коридоры и баптистерии сохранились лучше, чем построенная над ними базилика, и уже сейчас представляют собой почти неисчерпаемую копилку богатств для антиквара, теолога и историка; а в ближайшие годы, когда будут проводиться дальнейшие исследования на этом огромном историческом кладбище, можно ожидать открытий, представляющих еще больший интерес, - открытий, говоря словами последнего труженика в S. Присциллы, которые могут рассказать нам больше о "прохождении" Св. Петра в этом почтенном доме столь многих и столь разнообразных священных воспоминаний.

VIII

Виа Салария Ветус и Виа Фламиниа

Кладбище С. Памфила.- С. Памфил, как мы узнаем из "Маршрутов", был мучеником; однако о его истории ничего не известно.

Кладбище не было тщательно исследовано. Однако оно имеет определенное значение. Несколько галерей были частично исследованы, но с некоторым риском.

Виа Салария Ветус, на обочине которой расположена эта катакомба, ответвляется от Виа Пинчиана на севере города.

Кладбище Святого Гермеса и Святой Василисы находится на той же дороге, немного дальше от города.

Деяния святого Гермеса" не принимаются как относящиеся к очень ранней дате (119 г. н. э., когда императором был Адриан) мученической смерти, о которой они повествуют. В этих Деяниях говорится, что Гермес был префектом Рима. В списках префектов это имя не встречается. Однако было высказано предположение, что он был чиновником префекта.

В катакомбах были обнаружены остатки очень значительной базилики; очевидно, на этом же месте находилось еще более древнее здание.

Галереи могил, которые были частично исследованы, находятся в очень разрушенном и опасном состоянии. Известно, что тело святого Гермеса было перевезено папой Григорием IV в девятом веке. Некоторые части этого разрушающегося кладбища, очевидно, имеют большую древность.

В этой катакомбе покоятся и другие мученики, когда-то хорошо известные; из них, пожалуй, наиболее известны святая Василисса, святой Протус и святой Гиацинт. СС. Протус и Гиацинт, очевидно, пострадали во время гонений Валериана, 257-8 гг. н.э. Гробница святой Василиссы не была идентифицирована.

Останки святого Гиацинта были найдены в 1841 году в *закрытом* локусе и завернуты в ткань, от которой все еще исходил сладкий аромат. Кости, очевидно, были сожжены. Было высказано предположение, что, вероятно, мученик пострадал от огня; это была необычная форма мученичества. На локуле было написано имя святого, дата преставления и слово *"мученик"*. Надпись и освященные останки сейчас находятся в церкви Пропаганды.

Возможно, в этой интересной, но разрушенной катакомбе будут проведены дальнейшие исследования. Исследования здесь, однако, трудны и опасны. Большая часть работы Дамаса в конце четвертого века была признана в этом месте. По всей видимости, это кладбище высоко ценилось ранними паломниками.

В маршрутах говорится о другом кладбище на Виа Салария Ветус под названием "ad Clivum Cucumeris", но оно до сих пор не было идентифицировано.

Кладбище Св. Валентина.- Старая Виа Фламиниа выходит из города на северо-восточном углу и является прямым продолжением Корсо. Это великая дорога, связывающая север Италии с Южной Италией, как и Виа Аппиа с Южной Италией. Она проходит через Порта-дель-Пополо, бывшие ворота Святого Валентина; в старину их называли Фламинскими воротами. На этой Виа Фламиниа, недалеко от города, находится катакомба Святого Валентина - единственное кладбище на этой дороге.

S. Валентинуса - последнее в нашем длинном каталоге подземных кладбищ. Об исповеднике и мученике , в честь которого названа эта катакомба, известно немного. Его "Деяния", как мы их знаем, были составлены только в шестом веке. Валентинус принял мученическую смерть *около* 268-70 гг. н.э. (Клавдий Готик). (Императором тогда был Клавдий Готский). Считается, что он был христианским священником и врачом.

Тело мученика было найдено христианкой Сабиниллой и погребено неподалеку от места его мучений. Желание быть похороненным рядом со Святым Валентином привело к дальнейшим раскопкам, но туф в этом месте был слишком твердым и не поддавался образованию галерей. Над гробницей мученика были выкопаны коридоры, однако до сих пор не найдено ничего интересного. Была построена и третья галерея. Именно вторая галерея над могилой мученика стала общественным кладбищем, но она была исследована лишь частично, многое до сих пор завалено.

Через некоторое время после заключения церковного мира, при папе Юлии, 337-52 гг. н.э., немного правее склепа мученика была построена базилика в честь Святого Валентина. Эта церковь была восстановлена, возможно, перестроена, папой Гонорием I, 625-38 гг. н.э. Руины этой церкви Святого Валентина были обнаружены недавно. В маршрутах говорится о теле Святого Валентина как о находящемся в восстановленной базилике. Эти священные останки, как и в других случаях, несомненно, были перенесены из места их первоначального упокоения в церковь наверху. Тела других мучеников, вероятно, пострадавших во время гонений Диоклетиана, упоминаются в путеводителях для паломников. В руинах базилики была обнаружена часовня с надписью, посвященная некоторым местным мученикам, и вместе с этими безымянными святыми упоминается С. Зенон. Св. Зенон, очевидно, когда-то был очень почитаем. Его присутствие здесь объясняется заметкой в одном из маршрутов, где он назван "братом Валентини", что, возможно, означает лишь "брат в страсти".

S. Зенон был похоронен на известном кладбище Пртекстатус на Аппиевом пути. Сейчас он, пожалуй, наиболее известен благодаря знаменитой капелле Святого Зенона в церкви Святого Прасседиса, работы папы Пасхалия I, которую обычно называют "Орто дель Парадизо". На мозаике в этой прекрасной часовне изображены два мученика - Валентинус и Зенон.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I.- О СВ. ПЕТРОНИЛЛЕ

Бароний, а вслед за ним епископ Даремский Лайтфут и другие, обращают внимание на этимологическую трудность, которая существует при попытке вывести имя Петронилла из имени Петрос, которое на первый взгляд кажется таким очевидным. Эти ученые предпочитают связывать имя "Петронилла" не с Петросом, а с "Петронием". А основателем рода Флавиев был Т. Флавий Петро. Затем Лайтфут предполагает, что "Петронилла" была отпрыском дома Флавиев, приняла христианство, вероятно, во времена Антонина Пия, и впоследствии была похоронена вместе с другими христианскими членами великого дома Флавиев на кладбище Домитилла.

Однако де Росси и другие недавние исследователи катакомбной истории, несмотря на предполагаемую этимологическую трудность, отказываются от первоначальной "петринской" традиции, но предпочитают считать, что Петронилла *была* дочерью, но только *духовной* дочерью великого апостола, то есть она была просто обычной новообращенной святой Петра.

Из этих двух гипотез: (*a*) что касается первой, то при том свободном и грубом обращении с латинским языком в сравнительно ранний период истории империи, когда грамматика, орфография и просодия очень часто более или менее игнорировались, за исключением высококультурных кругов, этимологическая трудность, на которую ссылается Лайтфут, едва ли может быть поставлена, поскольку она имеет небольшой вес.

(*b*) Что касается второй гипотезы, то, по всей видимости, современные римско-католические богословы не признают, что у святого Петра вообще была дочь, а в прежние христианские века это было совершенно неизвестно. Приведем пример. Уже в конце восьмого века на алтаре церкви в Бурже, посвященной Пресвятой Деве и другим святым, сохранилась надпись, приписываемая Алкуину, ученому министру Карла Великого. В этой надписи встречается следующая строка:

"Et Petronilla patris præclari filia Petri".

Итак, ближе к концу четвертого века папа Сириций, между 391 и 395 годами н.э., построил важную базилику, недавно обнаруженную на кладбище Домитилла на Виа Ардеатина; но хотя в этой базилике находились исторические гробницы знаменитых мучеников Св. Нерея и Ахилла, исповедников I века, а также тело святой Петрониллы, он посвятил базилику в ее честь. Папа Сириций, конечно, никогда бы не назвал эту важную и очень раннюю церковь в честь сравнительно неизвестного члена дома Флавиев; еще меньше он назвал бы ее именем простого новообращенного великого апостола.

В глазах Сириция, очевидно, не было и тени сомнения в том, что Петронилла, к которой он питал столь глубокое почтение, была дочерью святого Петра, и ничем, кроме столь прославленной родословной, нельзя объяснить упорное почитание ее останков, которое, как мы видели, сохранялось на протяжении многих веков; древняя традиция, согласно которой она была дочерью апостола, очевидно, была неизменной и неоспоримой.

Современному ученому в его рвении к чистоте языка, которым он восхищался, и современному благочестивому романисту в его стремлении показать, что Святой Петр был свободен от всех домашних и семейных связей, оставалось лишь усомниться в личности той, кого нерушимая традиция и непоколебимое почитание с незапамятных времен считали дочерью великого апостола, столь любимого и почитаемого в Риме.

В других местах, кроме Галлии и Рима, мы находим следы этого очень раннего культа Святой Петрониллы. В окрестностях Бури-Сент-Эдмундс ее память издревле почиталась; под любопытным сокращением "С. Парнел" в этой местности до сих пор существует церковь, названная в ее честь - в Уэпстеде, Бури-Сент-Эдмундс. Еще более примечательная историческая справка содержится в "Итинерарии Лиланда", официальном сочинении, , датируемом *примерно* 1539-40 гг. н.э. Леланд, пишущий об Озрике, некогда короле Нортумбрии, основателе знаменитого Глостерского аббатства, рассказывает, как этот король Озрик "впервые лег в часовне святого Петронелла" Глостерского аббатства. Озрик умер в год благодати 729.

Таким образом, до того как ее тело по приказу франкского короля Пипина было перенесено в маленький императорский мавзолей, воздвигнутый великой базиликой Святого Петра на месте ее гробницы на Виа Ардеатина, в самом сердце далекой и лишь очень несовершенно христианизированной Англе-ланда (Англии) существовала мерсийская часовня, названная в честь этой Петрониллы.

В "Historia Monasterii S. Petri Gloucestriæ", документе или, скорее, сборнике документов, представляющем большую ценность, мы находим запись, которая рассказывает нам о том, как Кинебург, сестра короля Озрика и первая настоятельница религиозного дома Глостера, правила домом двадцать девять лет и, умерев в 710 году н.э., была похоронена в 710 году.Д. 710, была похоронена *перед алтарем Святой Петрониллы*; а позже в той же Historia есть запись о том, что королева Эадбург, вдова Вульфера, короля мерсийцев, настоятельница Глостера с 710 по 735 год, была похоронена рядом с Кинебургой *перед алтарем Святой Петрониллы*. Сам король Озрик, умерший в 729 году н.э., был похоронен в той же могиле, что и его сестра Кинебурга, или, как сказано в "Истории", "в церкви Санкти Петри у алтаря святой Петрониллы, в Аквилонари, в части ejusdem monasterii".

Профессор Фримен причудливо комментирует это следующим образом: "Несомненно, что здесь была какая-то церковь, предшественница, пусть и скромная, великой соборной церкви (Глостера), которая существует сейчас, по крайней мере, со времен Озрика (*около* 729 г. н.э.). Но больше этого мы не можем сказать, кроме того, что в ней находился *алтарь Святой Петрониллы*".

ПРИЛОЖЕНИЕ II.- О ГРОБНИЦЕ СВ. ГРОБНИЦЕ ПЕТРА

S. Гробница Петра - Пока папа Павел V занимался разрушением и восстановлением восточной части старого собора Святого Петра (работа Константина), несколько раньше н.э. 1615 года тот же Папа задумал сделать более достойными подходы к священной "Исповедальне" апостола в западном конце церкви, и именно во время строительства лестниц и проведения определенных раскопок, необходимых для осуществления его планов, его архитектор наткнулся на ряд могил в непосредственной близости от стен, окружающих освященную гробницу Святого Петра. Здесь, очевидно, находилось старое кладбище Ватикана, которое изначально было запланировано в первом веке Анаклетом. Об этом открытии было сделано несколько записей. Но только несколько лет спустя, когда в понтификат папы Урбана VIII (кардинала Барберини) были проведены более важные раскопки, связанные с фундаментом, необходимым для поддержки огромного балдахина из бронзы над главным алтарем, это древнейшее кладбище было более полно раскрыто.

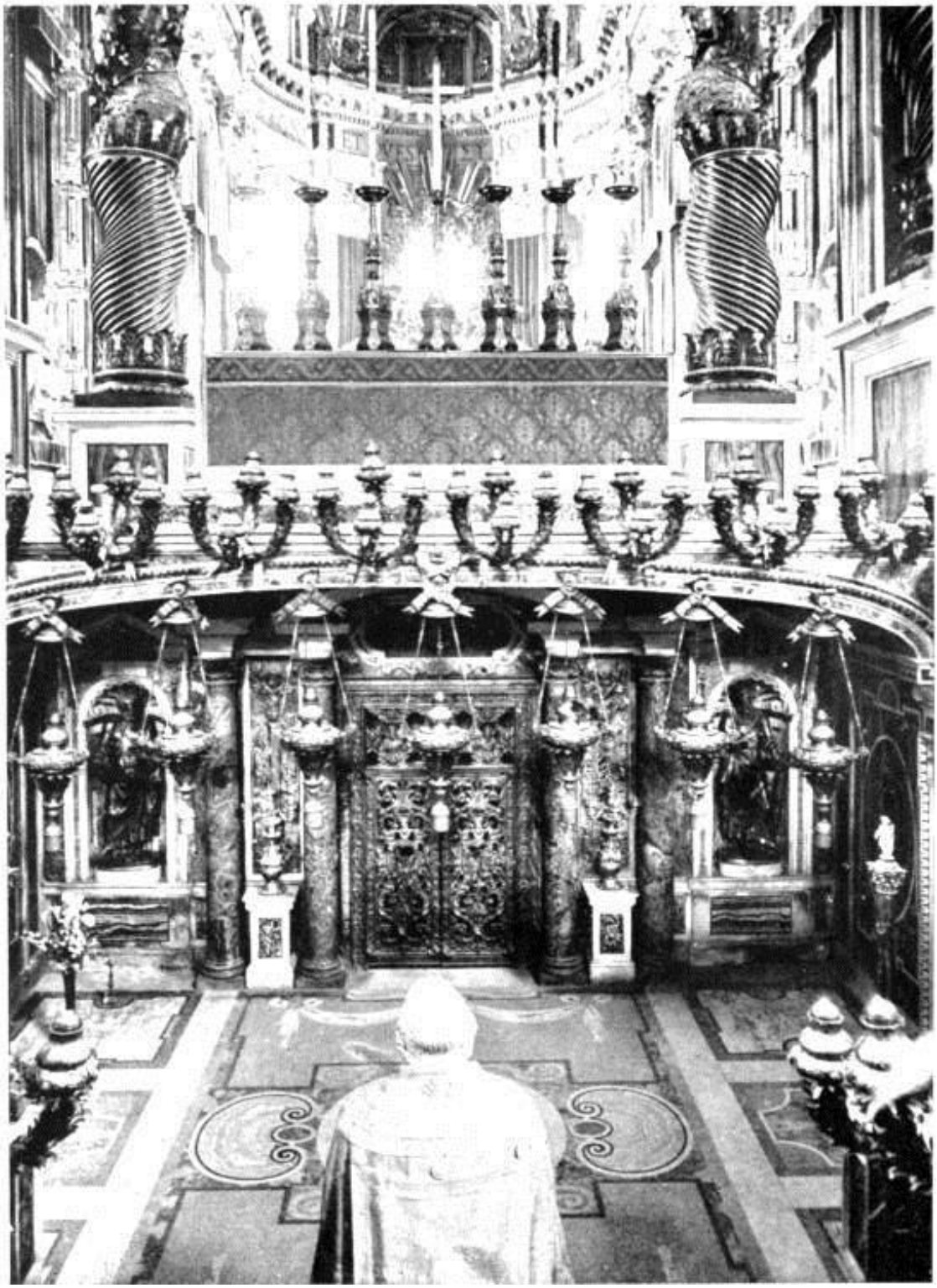
Обстоятельства, которые привели к этим открытиям Урбана VIII, были следующими: Дата - около 1626 года н.э.; Бернини был архитектором, пользовавшимся доверием Папы, и было решено заменить существующий навес над алтарем и исповедальней, который считался слишком маленьким и незначительным для своего положения, большим и массивным

бронзовым балдахином, который теперь покрывает главный алтарь и исповедальню, ведущую к священной гробнице.

Материалы для этого мощного балдахина и его колонн были взяты из портика Пантеона, а крыша портика этого почтенного здания была очищена от позолоченной бронзы. Этот портик сохранился со времен его строителя Агриппы, зятя императора Августа.

Поступок Урбана VIII, лишившего таким образом одну из оставшихся слав древнего Рима, подвергся в свое время резкой критике, а в память об этом странном акте позднего "вандализма" сохранилась известная эпиграмма: "Quod barbari non fecerunt, fecit Barberini".

Новый балдахин или навес Бернини был высотой 95 футов и, по подсчетам, весил около 100 тонн. Чтобы выдержать этот огромный вес металла, было решено построить глубокий и обширный фундамент. Именно при выкапывании и возведении этих подконструкций в непосредственной близости от гробницы апостола и были сделаны те замечательные открытия, о которых мы сейчас расскажем.



S. ПЕТРА, РИМ - ИСПОВЕДЬ. 95 ВЕЧНО ГОРЯЩИХ ЛАМПАД ПЕРЕД ВХОДОМ В ГРОБНИЦУ АПОСТОЛА

Отчет, из которого мы приводим цитату, является практически полуофициальным протоколом, составленным очевидцем - Убальди, каноником собора Святого Петра, который присутствовал при совершении открытий и оставил нам свои записи, сделанные на месте и в то время. Как ни странно, но до сравнительно недавнего времени меморандумы Убальди лежали без внимания, спрятанные в ватиканских архивах. Они были найдены[132] одним из хранителей этих архивов и недавно опубликованы профессором Армеллини.

Однако прежде чем привести выдержки из воспоминаний Убальди об открытиях на кладбище Анаклета в 1626 году, читателю будет полезно кратко рассказать о вероятном нынешнем положении и состоянии гробницы великого апостола. Следует помнить, что раскопки в связи с балдахином Бернини проводились в непосредственной близости от гробницы, о которой идет речь.

Свод, в котором, как мы полагаем, покоится саркофаг, содержащий священные останки апостола, находится сейчас глубоко под главным алтарем великой церкви. Она всегда была подземной, и, несомненно, с самых первых дней ее посещало множество верующих, принадлежащих не только к римской общине, но и паломников из многих других стран. Папа Анаклет, чтобы разместить этих многочисленных посетителей-паломников, построил прямо над гробницей небольшую Memoria или часовню. По всей видимости, для этого были подняты стены склепа, и таким образом получилась камера или часовня наверху. Эта мемория Анаклета известна как исповедальня. Обе эти камеры сейчас находятся под полом существующей церкви. Первоначально над камерой гробницы Анаклета находилась "Тропея", о которой упоминал пресвитер Каиус *около* 210 г. н.э. Это, несомненно, "Тропея".

Грубо говоря, высота двух камер от пола первоначального склепа до потолка построенного над ним Memoria составляет около 32 футов. Разница в высоте каждой из этих двух камер незначительна.

Вероятное объяснение деталей, приведенных в *Liber Pontificalis* о работах Константина Великого в гробнице, заключается в следующем: Обе камеры гробницы - первоначальный свод и расположенная над ним Память Анаклета - были оставлены нетронутыми, но с некоторыми дополнительными элементами, придуманными просто для того, чтобы укрепить и обеспечить постоянство святыни и ее содержимого. Затем вся камера гробницы была заполнена сплошной каменной кладкой, за исключением того, что находилось непосредственно над саркофагом.

Верхняя камера, Memoria, была укреплена с каждой стороны массой каменной кладки, чтобы выдержать вес большого алтаря, главного алтаря базилики Константина, который был возведен так, чтобы стоять непосредственно над телом Святого Петра. Катаракт или билликум, как его иногда называют, покрытый бронзовой решеткой, открывался сверху вплотную к алтарю. Таких маленьких отверстий два: одно ведет в Memoria, а другое - из Memoria в камеру гробницы под ним. Через эти отверстия платки и подобные предметы опускались так, чтобы коснуться саркофага. Это, как мы знаем, нередко допускалось в пятом, шестом, седьмом и восьмом веках. Такие предметы, после того как они касались гроба, считались самыми ценными реликвиями.

В дополнение к этим работам в двух камерах император Константин заключил первоначальный каменный гроб, в котором находились останки святого Петра, в бронзу и положил на этот бронзовый саркофаг большой золотой крест - дар своей матери Елены и его самого. Именно этот крест папа Климент VIII и его кардиналы видели тускло поблескивающим внизу, когда в ходе грандиозных строительных работ, проводившихся в последние годы XVI века, неожиданно открылось отверстие в гробницу.

Теперь едва ли можно сомневаться в том, что бронзовый гроб и золотой крест все еще находятся в той камере гробницы, куда их поместил Константин.

Когда возникла необходимость в раскопках для фундамента нового массивного балдахина, папа Урбан VIII сначала встревожился, опасаясь, что священная гробница будет потревожена. Помня предостережения папы Григория Великого против вмешательства в

гробницы таких святых, как Петр и Павел, "никто не смеет даже молиться там, - писал он однажды, - без особого страха". Три года ушло на подготовку к работе и отливку балдахина. Внезапная смерть Алеманни, хранителя Ватиканской библиотеки, который был главным ответственным за подготовительные работы, и кончина двух доверенных лиц Папы как раз в момент начала работ потрясли умы людей; но после некоторых колебаний было решено продолжить необходимые раскопки: "Все возможные меры предосторожности, - говорит нам Убальди, - были приняты для сохранения благоговения, причитающегося этому месту, и для безопасности реликвий". Папа повелел, "чтобы во время работы всегда присутствовали некоторые священники и служители Церкви".

Убальди подробно описывает, что было найдено, когда был выкопан каждый из четырех фундаментов для четырех больших колонн балдахина. Мы приведем несколько цитат из воспоминаний Убальди, а затем кратко расскажем о том, что, по-видимому, было обнаружено в этом, возможно, самом древнем и, безусловно, самом интересном из подземных кладбищ христианского Рима.

При раскопках первого фундамента - "всего в двух или трех дюймах под мостовой - начали находить гробы и саркофаги. Ближайшие к алтарю (вверху) были поставлены боком к древней стене" (несомненно, это была часть стены Мемории Анаклета), "и по этому они решили, что это должны быть тела, погребенные ближе всего к гробнице Святого Петра. Это были мраморные гробы, сделанные из простых плит разного размера". Только на одном из них, похоже, была надпись, и это было одинокое слово "Linus". Не был ли это гроб первого Папы, того самого Линуса, которого приветствует в римском Послании Святой Павел?

"Два из этих гробов были вскрыты. Тела, одетые в длинные одеяния до пят, темные и почти черные от возраста, и обмотанные бинтами, ... когда их трогали и двигали, они распадались в пыль..... Мы можем только заключить, что те, кто был найден так близко к телу Святого Петра, должно быть, были первыми (мучениками) Папами или их непосредственными преемниками.....

"На том же уровне, вплотную к стене (Memoria) были найдены еще два гроба меньшего размера, каждый из которых содержал маленькое тело, по-видимому, ребенка десяти или двенадцати лет." "Были ли эти люди, чьи тела получили привилегию погребения так близко к могиле Святого Петра, маленькими мучениками?... Рядом... находились два (гроба) из древней терракоты, полные пепла и обгоревших костей, ... другие фрагменты подобных гробов были найдены глубже по мере раскопок, а также кусочки стекла из разбитых флаконов. Было очевидно, что вся эта земля была смешана с пеплом и окрашена кровью мучеников..... Также были найдены куски обугленного дерева, которые, как можно предположить, служили для сожжения мучеников, а затем были собраны как драгоценности и захоронены вместе с их прахом".

Чуть дальше Убальди пишет, все еще говоря о том, что было найдено там, где был раскопан первый фундамент: "Затем был найден небольшой колодец, в котором находилось большое количество костей, смешанных с пеплом и землей; затем еще один гроб; рядом с ним было найдено еще одно квадратное место, по сторонам которого было найдено еще больше тел, а с одной стороны было продолжение очень древней стены (Памяти Анаклета). В этой стене находилась ниша, которая использовалась в качестве усыпальницы, и в ней были найдены пять голов, зафиксированных гипсом и аккуратно расположенных, также хорошо сохранившихся. Ниже находились ребра, все вместе, и другие части в их порядке, перемешанные с большим количеством земли и пепла, положенные не случайно, а с

точностью и большой осторожностью. Вся эта святая компания была закрыта и хорошо закреплена известью и строительным раствором.....

"Теперь необходимо было подумать, как лучше положить святые кости и тела, которые были взяты, в каком-нибудь подходящем и памятном месте; они были помещены в несколько ящиков из кипарисового дерева и были отнесены перед маленьким алтарем святого Петра в исповедальне, и здесь в течение всех этих дней они хранились под замком и под печатью. Было решено, что они не должны быть лишены привилегии быть рядом с телом святого Петра. Поэтому было решено, что, поскольку они были найдены похороненными вместе и без различия имен, все равно одна могила должна вместить их всех, так как святые мученики все едины в вечности", - как замечательно говорит святой Григорий Назианзен, - "... была построена подходящая и вместительная могила" (недалеко от места), "и там произошло повторное погребение". Внутри гробницы была помещена следующая надпись, вырезанная на свинцовой плите

> *Corpora Sanctorum prope sepulchrum sancti Petri inventa, cum fundamenta effoderentur æreis Columnis (из балдахина Бернини) ab Urbano VIII-super hac fornice erectis, hic siul collecta et reposita die 28 Julii 1626".*

При раскопках второго фундамента была зафиксирована очень замечательная "находка". Убальди рассказывает, что "не более чем на три или четыре фута вниз, сбоку был обнаружен большой гроб, сделанный из больших плит мрамора..... Внутри лежал пепел с множеством костей, слипшихся и наполовину сгоревших. Это напомнило о знаменитом пожаре во времена Нерона, за три года до мученичества С. Петерса, когда христиане, ложно обвиненные в возникновении пожара и объявленные виновными в этом преступлении, устроили в цирке садов Нерона, которые находились здесь же, на Ватиканском холме, первые зрелища мученичества. Одни были преданы смерти различными жестокими способами, другие были подожжены и использовались в качестве факелов в ночное время, тем самым открывая в Ватикане, благодаря свету, который они давали, живое великолепие истинной религии..... Эти кости, как говорят, были похоронены рядом с местом, где они претерпели мученическую смерть, и дали первый повод для религиозного почитания этого святого места..... Поэтому мы почитали эти святые кости, как принадлежащие первым основателям великой базилики и первенцам наших мучеников, и, вернув гроб на место, позволили ему оставаться на том же месте".

С большим пафосом мистер Барнс, из чьего перевода "Записок Убальди" о находках на кладбище Анаклета взяты эти выдержки, описывает сцену погребения этих печальных останков мучеников во время игр Нерона. Мы приводим отрывок, специально относящийся к этой странной и удивительной "находке", где, после описания того, что происходило на знаменитых играх, он продолжает следующим образом:

"Наконец ужасная сцена подошла к концу; *живые* факелы, горевшие медленно, замерцали и погасли, оставив после себя лишь груду пепла и полусгоревшей плоти; толпы зрителей потянулись обратно в город, и на сады Нерона снова опустилась тишина. Тогда из темноты в цирке и по дорожкам садов поползла новая толпа - мужчины и женщины, девы и даже маленькие дети; каждый из них, идя, брал в руки свою жизнь, ибо обнаружение означало жестокую смерть назавтра; они стремились спасти, что могли, из мощей мучеников: кости, погрызенные собаками и дикими зверями, пепел, полусгоревшую плоть и другие печальные остатки - все они были драгоценны в глазах оставшихся братьев, реликвии, которые не

должны быть потеряны.... Недалеко от цирка, по другую сторону улицы Аурелия, у некоторых христиан уже был крошечный участок земли, пригодный для погребения. Туда на следующий день в большой каменный сундук были сложены все останки, которые только можно было собрать; ведь о том, чтобы хранить их отдельно друг от друга, не могло быть и речи". Это было начало Ватиканского кладбища, ставшего впоследствии столь знаменитым. " ... Спустя более 1600 лет, когда велись раскопки для строительства нового балдахина над алтарной гробницей самого Святого Петра, печальные реликвии этого первого великого гонения были обнаружены. Но они не были потревожены и до сих пор покоятся на том месте, где были первоначально положены, где теперь над ними возвышается славный купол первой церкви христианства".

В записках о третьем фундаменте нет ничего особо интересного.

О четвертом фундаменте Убальди написал следующую странную и особенно интересную заметку: "Почти на уровне тротуара был найден гроб, сделанный из тонких и больших плит мрамора..... Этот гроб, как и другие, найденные на другой стороне, был помещен в круг пресвитерии таким образом, что все они были направлены к алтарю, как спицы к центру колеса. Поэтому было очевидно, с каким основанием это место заслуживает названия "Собор мучеников". ... Эти тела окружали святого Петра так же, как это делалось бы на синоде или соборе".

Очевидно, это останки первых епископов или пап Рима, для которых Анаклет предусмотрел особые условия, когда устраивал это самое раннее из кладбищ. Их имена: Линус, чей гроб лежит отдельно, но все еще близко к могиле апостола, Анаклет, Эварист, Сикст I, Телесфор, Гигин, Пий I, Елевферий и Виктор. Виктор был положен в этом священном месте в год благодати 203. После него ни один епископ Рима не был похоронен на кладбище Анаклетус на Ватиканском холме. Первоначально небольшое по размерам, оно к тому времени было заполнено, и преемники папы Виктора, как мы знаем, были погребены в отведенной для них камере на кладбище Святого Каллиста в большой катакомбе, названной так на Аппиевом пути.

Другие захоронения на священном Ватиканском кладбище в непосредственной близости от гробницы апостола - некоторые из наиболее примечательных из них были отмечены в наших небольших выдержках из "Записок Убальди" - были, очевидно, телами или печальными останками мучеников первого и второго веков христианской эры или в нескольких случаях выдающихся исповедников веры, чьи имена и история забыты, но о которых упоминал Пруденций (цитируется на стр. 216).

Существует бесценная информация о том, что находится под главным алтарем и западной частью великой Матери-Церкви христианства.

В редком плане этого кладбища Ватикана, нарисованном Бенедетто Дреем, магистром-масоном папы Павла V, который, очевидно, был сделан в период первых открытий при Павле V, где-то между 1607 и 1615 годами, и который получил некоторые более поздние исправления, несомненно, после второй серии открытий в результате раскопок фундамента в окрестностях гробницы Святого Петра для большого бронзового балдахина Бернини во времена папы Урбана VIII, около 1626 года.

Этот план Дрея очень ценен, хотя и не точен в деталях. На нем отмечено расположение некоторых из найденных могил, но не всех, которые были обнаружены во время второй серии

открытий при Урбане VIII. Он был издан только в 1635 году. Эта более поздняя дата объясняет внесенные в него исправления.

ЧАСТЬ II
ДВА ПРИМЕРА НЕДАВНИХ ОТКРЫТИЙ

КРИПТА СВЯТОЙ ЦЕЦИЛИИ - МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ СВЯТОЙ ФЕЛИЦИТАТЫ, ЯНУАРИЯ И ДРУГИХ ЕЕ СЫНОВЕЙ
I

Из множества страниц катакомбных преданий история крипты Святой Цецилии и ее недавнего открытия, а также идентификация мест захоронения Святой Фелицитаты и ее семи сыновей были выбраны для того, чтобы быть рассказанными здесь как особенно интересные примеры исторической и теологической важности этих исследований среди забытых кладбищ подземного Рима.

Слова Алларда в его издании исчерпывающего резюме Норткота и Браунлоу о части монументального труда де Росси заслуживают цитирования. Пишущий о Святой Цецилии, он сказал:

> "Les découvertes modernes l'ont bien vengée du scepticisme ou de la prudence excessive de Tillemont: on saut aujourd'hui que Sainte Cecile n'est ni un mythe, ni une martyre venue de Sicile, mais une vraie Romaine, du plus pur sang romain; sa noble et gracieuse figure est décidément sortie des brumes de la légende pour entrer dans le plein jour de l'histoire."

"Деяния" о ее мученичестве в их нынешнем виде, вероятно, не старше пятого века, хотя Св. Цецилия пострадала в правление императора Марка Антонина, *около* 177 г. н.э. Но эти "Деяния", несомненно, в значительной степени основаны на современной записи: недавние открытия позволили исторической критике справедливо восстановить то, что было первоначальным в истории мученицы.

Цецилия была знатной римлянкой, принадлежавшей к семье сенаторского ранга; ее отец, по-видимому, был язычником, а если и христианином, то скорее мирским человеком, чем искренне верующим, так как он выдал свою дочь замуж за молодого патриция Валериана, язычника, но язычника самого высокого пошиба. Цецилия была преданной христианкой: она сразу же побудила своего мужа и его брата Тибуртия отказаться от идолопоклонства. Обвиненные в христианстве в тот момент, когда правительство императора Марка было намерено искоренить быстро растущую религию Иисуса, братья были приговорены к смерти и приняли мученическую смерть вместе с римским офицером, который председательствовал на их казни и который, видя постоянство двух молодых патрициев, принял веру, позволившую ему стать свидетелем их доброго исповедания.

Цецилия разделила их осуждение. Однако правительство, опасаясь примера смерти столь выдающейся личности в римском обществе, решило предать ее смерти как можно более уединенно. Она была обречена умереть в собственном дворце. Печи, отапливавшие бани,

были раскалены до предела, и Цецилия оказалась под воздействием смертоносных и удушливых испарений. Но они не подействовали: пробыв в своих покоях ночь и день под этими испарениями, она осталась жива и, судя по всему, невредима. Тогда префект города, руководивший казнью Цецилии, отдал приказ ликтору обезглавить юную христианку, упорно отказывавшуюся отречься от своей религии.

В этой истории нет ничего неправдоподобного, и далее рассказывается о том, как палач, измученный своей мрачной задачей, нанес три смертельные раны, но Цецилия, хотя и умирала, все же дышала и сохраняла сознание.

Римский закон запрещал наносить более трех ударов мечом, и она прожила еще два дня и ночь, во время которых ее навещали друзья, среди которых был епископ Урбанус, не тот Урбанус, епископ Рима, о котором с некоторой путаницей повествуют "Деяния", а другой Урбанус, вероятно, прелат какого-то меньшего округа.

После ее кончины тело со всей тщательностью и благоговением было положено в погребальную камеру, которая впоследствии стала частью большого кладбища Каллиста. Мученица была погребена, очевидно, в склепе или крипте, принадлежавшей ее знаменитой семье; в непосредственной близости от могилы Св. Цецилии было найдено несколько надписей, принадлежащих христианским членам рода Cæcilia. Менее чем через четверть века после ее мученической смерти подземное кладбище, на котором находился склеп Цецилии, стало частью общего имущества римских общин. Каллист, впоследствии епископ Рима, занимал высокий пост при епископе Зефирине, и он был поставлен над кладбищем, которое впоследствии стало называться в его честь кладбищем Каллиста. В начале третьего века, когда в Ватиканском склепе, где первые епископы Рима покоились вокруг тела святого Петра, уже не осталось места для погребения, Каллист устроил усыпальницу, известную как Папский склеп, как официальное место захоронения епископов Рима. Камера, в которой была погребена Святая Цецилия, находилась рядом с этим Папским склепом. Де Росси наглядно выражает это: "Ce n'est donc pas sainte Cecile qui fut enterrée parmi les Papes, c'est elle au contraire qui fit aux Papes du III^{me}siècle les honneurs de sa demeure funèbre." (Из Алларда.)

Мы проследим историю прославленной римской святой на протяжении веков.

Содержащееся в "Деяниях Св. Цецилии" утверждение о ее погребении на кладбище Св. Каллиста, несомненно, является точным, хотя здесь явно прослеживается рука несколько более позднего "редактора", поскольку кладбище получило свое название "Каллист" лишь спустя тридцать лет после мученической кончины святой. Св. Цецилия сразу же заняла видное место среди мучеников и исповедников времен гонений Марка Аврелия. Это объясняется не только драматическими сценами, которые, по общепринятому преданию, сопровождали ее страсти, но и высоким положением страдалицы, а также ее щедрым завещанием римским общинам.

Ближе к концу четвертого века крипта Святой Цецилии вошла в число народных святынь, о которых особо заботился папа Дамасус, большая часть работ которого до сих пор, несмотря на столетия запустения, хорошо видна. Работа Дамаса здесь отнюдь не ограничивалась украшением, а включала в себя тщательную подготовку к посещению святыни паломниками, например, специальную лестницу и значительные каменные работы по укреплению стен и подходов. Несколько позже папа Сикст III, 432-40 гг. н. э., продолжил и усилил декоративные и конструктивные усовершенствования своего предшественника Дамаса.

Украшения и росписи этой крипты, как они выглядят в настоящее время, явно датируются четвертым, пятым, шестым и седьмым веками. Де Росси считает, что существование этих последовательных украшений и тот факт, что различные работы, как конструктивные, так и декоративные, очевидно, были выполнены здесь в разные эпохи, говорят нам о том, что это историческая усыпальница, высоко почитаемая многими поколениями посетителей-паломников.

С очень ранних времен, скорее всего, со времен императора Марка, здесь была церковь, традиционно построенная на месте древнего дома, дома мученика Валериана, мужа Цецилии. Недавние исследования подтвердили древнюю традицию, поскольку под существующей церковью Святой Цецилии обнаружились части важного римского дома второго века.

Церковь, первоначально бывшая частным молитвенным домом, в очень отдаленный период превратилась в общественную базилику. Придя в ветхое состояние, она была восстановлена папой Паскалем I в девятом веке. Это восстановление старой базилианской церкви, несомненно, навело Пасхала на мысль о поисках останков любимого мученика, в память которого изначально была посвящена церковь. Драматическая и хорошо подтвержденная история обретения тела Пасхалом такова:

//

Великое перенесение останков 2300 мучеников и исповедников из катакомб в город ради защиты этих драгоценных реликвий от варварского разграбления произошло во времена папы Пасхала I (девятый век). Когда происходил этот перевод, Паскаль навел справки о месте захоронения Святой Цецилии. Хотя в пространной записи в *Liber Pontificalis* не упоминается никакой особой причины для этого расследования, нет никаких сомнений, что реставрационные работы, которые велись в базилике святой на другом берегу Тибра, подсказали Папе эту идею. Гробницу знаменитого святого найти не удалось, хотя на протяжении столетий о ней недвусмысленно упоминалось в нескольких маршрутах паломников и в еще более древнем "Путеводителе", переписанном Уильямом Мальмсберийским несколько веков спустя.

КОПИЯ МАДЕРНОВСКОГО ЧУЧЕЛА СВ. ЦЕЦИЛИИ, КАК ОНА БЫЛА НАЙДЕНА, НАХОДИТСЯ В НИШЕ КАТАКОМБЫ С. КАЛЛИСТА, ГДЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНО БЫЛО ПОМЕЩЕНО ТЕЛО.

Это было примерно в 821 году от Рождества Христова, после долгих и бесплодных поисков потерянной гробницы, когда он пришел к выводу, что тело св. Цецилии было унесено, вероятно, Астольфом и лангобардами во время их разрушительных набегов, а гробница уничтожена, папа Паскаль однажды рано утром, слушая пение псалмов в великой ватиканской базилике, заснул; во сне ему явилась святая во славе; она открыла свое имя "Цецилия" и сказала ему, где[133] искать ее гробницу.

Послушавшись слов святой в видении, он сразу же нашел потерянную гробницу, и когда гроб из кипарисового дерева был открыт, тело Цецилии оказалось неизменным, по-прежнему завернутым в расшитое золотом одеяние, в которое она была облачена, когда ее любящие друзья положили ее на покой после мученической смерти, а льняные ткани, испачканные ее кровью, были сложены вместе у ее ног.

Она лежала в той позе, в которой скончалась. Те, кто хоронил ее, оставили ее в таком положении - не на спине, как тело в гробу, а на правом боку, с подтянутыми коленями и отвернутым лицом, с вытянутыми перед собой руками. В этой трогательной и изящной позе она как будто тихо спала.

Так же, как он нашел ее, в том же гробу с одеянием из золотой ткани и окровавленным бельем, сложенным у ее ног, Папа Паскаль благоговейно положил ее в крипту под алтарем своей церкви в районе Трастевере, просто прикрыв тело тонкой шелковой вуалью.

Спустя почти восемьсот лет (1599 г. н.э.) Сфондрати, титулярный кардинал церкви, проводя реставрационные и ремонтные работы в этой древней церкви Святой Чечилии, наткнулся на большой склеп под главным алтарем. В крипте находились два древних мраморных саркофага. Были вызваны ответственные свидетели, и в их присутствии саркофаги были осторожно открыты. В одном из них лежало тело Святой Цецилии, как его видел за восемь

веков до этого папа Паскаль I - в той же жалкой позе, облаченное в золотую ткань, с окровавленными льняными пеленами у ног.

Правящий папа Климент VIII позаботился о том, чтобы обеспечить тщательных свидетелей этого странного открытия; среди них были знаменитые ученые кардиналы Бароний и Бозио; величайший художник того времени Стефано Мадерно был вызван, чтобы осмотреть мертвую святую и выполнить прекрасный мраморный портрет, который сейчас находится в углублении Исповедальни под главным алтарем известной церкви в Трастевере в Риме. В надписи художник Мадерно рассказывает, как он увидел Цецилию, лежащую нетленной и неизменной в своей гробнице, и как на мраморе он изобразил святую именно такой, какой он ее видел.[134]

Второй саркофаг, найденный кардиналом Сфондрати в крипте церкви Святой Чечилии под главным алтарем, также был им вскрыт. В нем были обнаружены тела трех мужчин, которые явно умерли насильственной смертью - двое из них были обезглавлены, а третий, очевидно, был забит до смерти ужасным способом пыток, который иногда использовался - "plumbatæ" - перьями или металлическими прутьями, заряженными свинцом; один из них, который, очевидно, использовался в сцене смерти мученика, был найден в крипте этого кладбища. Эти трое, несомненно, были останками SS. Валериана (патриция, мужа Святой Цецилии), Тибуртия, его брата, и римского офицера Максима, чьи останки, несомненно, привезенные папой Пасхалием I с кладбища Пртекстатус, где, как мы знаем, они были погребены, были помещены им в крипту церкви Святой Цецилии рядом с телом знаменитого мученика, с которым они были так тесно и славно связаны.

История обнаружения и определенной идентификации первоначальной погребальной камеры Святой Цецилии ярко и подробно описана де Росси. Это была одна из его важных "находок". Имея перед собой традицию и четкие ссылки в традициях паломников, великий археолог был уверен, что где-то в непосредственной близости от усыпальницы пап или епископов Рима третьего века должен быть найден склеп, в котором Святая Цецилия пролежала более шести веков.

Сначала он обнаружил, что к официальному папскому склепу примыкает еще одна камера, очевидно, значительных размеров, в которой был сооружен светильник[135] , но и камера, и светильник были завалены землей и руинами. Он приступил к раскопкам; в процессе работы исследователи по соседству с камерой наткнулись на остатки росписей.

Ниже, почти на уровне камеры, эти рисунки становились все многочисленнее и отчетливее. Работа по выкапыванию продолжалась медленно; все больше картин, очевидно, когда-то украшали эту разрушенную и заброшенную камеру смерти - одна из них, богато одетая женщина, явно изображала Святую Цецилию. На другой был изображен епископ с именем Урбана, связанным с историей святого. Картины датированы по-разному, некоторые из них относятся к седьмому веку. Была найдена дверь, которая когда-то вела в Папскую крипту: остатки большой и сложной декоративной работы были хорошо видны, работы разных эпох, относящиеся некоторые из них к пятому, шестому и седьмому векам.

В одной из стен камеры было сделано большое отверстие для саркофага мученика.

Все это ясно указывало на то, что когда-то это был очень известный исторический склеп, куда стекались многие поколения паломников, а его положение в точности соответствовало тому, что мы читаем в "Маршрутах паломников", в *Liber Pontificalis* и в других древних

источниках как положение первоначального места погребения Святой Цецилии. Сюжеты тусклых обесцвеченных картин также указывали на тот же вывод.

В непосредственной близости от погребальной камеры де Росси насчитал около двенадцати или тринадцати надписей, рассказывающих о христианских членах "рода Цецилии", которые были похоронены здесь - все свидетельствовало о том, что первоначально эта часть большой группы так называемых "Каллистусовых" катакомб была собственностью знатного дома, о котором идет речь, и что, вероятно, в ранние времена она была передана христианской церкви в Риме. Поэтому святая и мученица была положена среди могил других членов ее семьи.[136]

В цепи собранных воедино свидетельств одно звено, похоже, требует разъяснения. Как получилось, что папа Паскаль I не смог сначала обнаружить погребальную камеру Святой Цецилии, учитывая, что она находилась так близко к знаменитому Папскому склепу и фактически сообщалась с ним? Ответ заключается в том, что, несомненно, в какое-то время до его исследования крипта Святой Цецилии была "замурована", "заземлена" или иным образом скрыта, чтобы защитить эту почитаемую святыню от любопытных глаз и святотатственных рук лангобардов и других варваров-налетчиков. Следует помнить, что на протяжении веков гробница Святой Цецилии была одним из главных объектов почитания на этом большом кладбище. Признаки этой более поздней работы по сокрытию были также обнаружены де Росси.

Де Росси, подводя итоги, приходит к выводу, что нет никаких сомнений в идентификации первоначального места захоронения Святой Цецилии, и что обнаруженная им погребальная камера, примыкающая к Папскому склепу, была местом, где ее саркофаг лежал на протяжении веков - реальная камера, которую впоследствии украсил и сделал доступной Папа Дамас; которая была еще более украшена несколькими его преемниками на папском престоле; и которую посещали и почитали следующие поколения паломников со всех земель.

В девятом веке саркофаг со священными останками был перевезен, как мы видели, папой Пасхалием I в древнюю базилику Святой Цецилии в Трастевере, где он и покоится с тех пор. В 1699 году ее увидели и открыли, а ее драгоценное содержимое осмотрели папа Климент VIII, кардинал Сфондрати, кардинал Бароний, Бозио и другие, как мы уже рассказывали.

После перевода в девятом веке первоначальная крипта, как и многие другие катакомбные святилища, была заброшена и предана забвению, пока де Росси не обнаружил ее заново и не восстановил ее удивительную историю.

Пишущий в начале двадцатого века Марукки, последователь и ученик Де Росси, в своей последней работе о катакомбах пересматривает и полностью подтверждает выводы своего великого учителя по вопросу о традиции гробницы Святой Цецилии.

То, что мы заявили в начале этого небольшого исследования, несомненно, подтверждается. Св. Цецилия и ее история больше не принадлежат лишь смутной и древней традиции, а живут на страницах научной истории.

III

Приведем еще один пример, еще более яркий, того света, который бросают свидетельства катакомб на важные вопросы, вызывавшие серьезные споры, в связи с историей первых лет христианства.

Церковные историки самого высокого ранга сильно сомневались в правдивости истории о мученической смерти святой Фелицитаты и ее семи сыновей[137] во времена императора Марка, примерно в середине второго века. Великолепное постоянство в вере матери и ее сыновей-героев, по мнению этих серьезных и компетентных критиков, было почти полностью скопировано с истории матери Маккавеев и ее семи храбрых сыновей, и поэтому Страсти святой Фелицитаты и ее сыновей были в целом отнесены на полку ранней легендарной христианской истории; немногие историки осмелились бы процитировать как подлинную эту патетическую и вдохновляющую главу о гонениях императора Марка. Ее считают литературным произведением, придуманным в шестом веке или даже позже, и совершенно не относящимся к серьезной истории.

Но недавние исследования в великом подземном городе римских мертвецов полностью изменили эту общепринятую точку зрения, и данный эпизод теперь должен занять свое место среди признанных христианских записей середины второго века. Она принадлежала к числу знатных дам Рима; ее муж, о котором нам ничего не известно, умер, но Фелицита и ее сыновья были хорошо известны в христианской общине столицы, где она отличалась искренним и преданным благочестием.

Ее высокое положение обеспечивало ей значительное влияние, и, как следствие, ее боялись языческие понтифики. Эти сановники, зная о враждебном отношении императора Марка Антонина к христианам, распространили информацию о том, что благородная христианская дама принадлежит к незаконной религии. Они представляли ее как возбуждающую гнев бессмертных богов своим могущественным влиянием на народ. Марк сразу же поручил префекту города Публию проследить за тем, чтобы Фелицита и ее сыновья публично принесли жертву оскорбленным божествам. Это произошло в год благодати 162.

"Деяния страстей", из которых мы приводим эту цитату, несомненно, с небольшими изменениями представляют собой официальные записи или *вербальный протокол* допроса на суде.

Префект Публий сначала с большой мягкостью убеждал ее принести себя в жертву, а затем, обнаружив ее упрямство, пригрозил ей публичной казнью.

Убедившись, что уговоры и угрозы бесполезны, Публий призвал ее: "Если ей приятно умереть, пусть хотя бы ее сыновья останутся живы". Фелицитас ответила, что они, конечно, будут жить, если откажутся приносить жертвы идолам, но если принесут жертву, то непременно умрут - вечной смертью.

Затем состоялся публичный суд на открытом Форуме; римский магистрат снова убеждал мать сжалиться над своими сыновьями, которые были еще в самом расцвете сил, но храбрая исповедница, обратившись к юношам, велела им смотреть на небо - там их ждет Христос со своими святыми: "Сражайтесь, - сказала она, - сыновья мои, в добром бою за ваши души".

Юноши по очереди становились перед ним. Префект от имени императора предложил каждому из них великолепное вознаграждение и желанные привилегии при императорском дворе, если только они согласятся публично принести жертву римским богам. Все семеро отказались, предпочтя умереть вместе со своей благородной матерью, выбрав другой

гвердон, альтернативный гвердон, предложенный от имени великого императора, страшную и позорную смерть, к которой открыто исповедующий христианство во времена Марка был приговорен суровым римским законом.

Допрос и благородные ответы матери и сыновей, содержащиеся в "Деяниях о страстях святой Фелицитаты", - это одновременно волнующее и патетическое повествование.

За этим, естественно, последовало окончательное осуждение. Смертные приговоры были утверждены императором и сурово приведены в исполнение.

Фелицита и семь ее сыновей приняли мученическую смерть,[138] и через боль и муки перешли к покою и блаженству в Раю своего обожаемого Учителя Христа.

Вокруг этих "Деяний" ведется непрерывная война критики: вопрос до сих пор не решен окончательно.

Тиллемон нерешительно высказывает мнение, что они не обладают всеми характеристиками подлинных "Деяний". Епископ Лайтфут еще более решительно заявляет, что они не являются подлинными. Обэ повторяет аналогичное суждение. С другой стороны, Де Росси, Боргези и Дульсе признают их подлинными. Но все сходятся во мнении, что они очень древние. Часть с вопросами, несомненно, является дословным извлечением из оригинальной *просодии*.

По-видимому, первоначально это произведение было написано в основном на греческом языке, но Григорий Великий, который ссылается на него, говорит о другом и лучшем тексте, которым мы не располагаем. Одним из поразительных признаков его большой древности является то, что в нем не упоминаются гробницы мучеников. Если бы эти "Деяния" датировались хотя бы пятым веком, это не было бы упущено, поскольку в пятом веке мученические смерти приобрели большую известность.

Однако очень раннее упоминание об этих гробницах мы находим в так называемом "Либерийском" или "Филокалийском" каталоге, который был частично составлен или собран воедино не позднее 334 года от Рождества Христова. Альтернативное название Каталога происходит от имени Филокалуса, знаменитого каллиграфа папы Дамаса, который, скорее всего, и был составителем этого произведения, состоящего из нескольких хронологических и топографических трактатов, представляющих наибольший интерес, некоторые из которых, несомненно, были составлены в очень ранний период. Среди прочего, в нем содержится каталог римских епископов, заканчивающийся Либерием, и фрагмент под названием "Depositio Martyrum", в котором тщательно указаны места захоронения семи сыновей Фелицита. Этот древний меморандум оказал огромную помощь де Росси и Марукки в определении первоначальных могил "семерых".

Когда де Росси проник на кладбище Пртекстатус на Аппиевом пути, он наткнулся на камеру, очевидно, сильно украшенную, когда-то облицованную мрамором, тщательно построенную и украшенную. По его мнению, это был исторический склеп, представляющий огромный интерес. Свод камеры был расписан, а фресковые украшения еще достаточно хорошо сохранились. Росписи представляли собой гирлянды из виноградных лоз, лавров и роз, выполненные с большим вкусом и тщательностью; стиль и исполнение принадлежали работам, которые следует датировать не позднее II века. Под красиво украшенным сводом находилась длинная фресковая картина, изображающая доброго пастыря с овцами; одна овца была у него на плечах. В эту картину, к сожалению, вмешался локулус, или могила, более поздней даты, вероятно, четвертого или пятого века; на локулусе все еще можно было

прочесть следующую маленькую надпись - совершенную, за исключением первых нескольких букв:

. . MI RIFRIGERI JANUARIUS AGATOPUS FELICISSIM
. . . МАРТИРЫ

Некоторые христиане VI века, желая положить своих любимых покойников рядом с мучениками, вырезали стену камеры для приема тела, независимо от картины, а затем, пока штукатурка была еще свежей, вырезали эти слова молитвы, которые можно перевести так: "Пусть Януарий, Агатопус,[139] и Фелициссимус освежат (душу...)". Агатопус и Фелициссимус были двумя дьяконами папы Сикста II, которые (вероятно, в той же катакомбе) приняли мученическую смерть в 258 году н.э. Впоследствии их погребальные камеры были идентифицированы.

Де Росси сразу же задался вопросом: не является ли эта камера, украшенная росписями явно II века, склепом, где был положен святой Януарий? Все сомнения на этот счет были впоследствии развеяны, так как в конце концов во многих фрагментах была найдена оригинальная надпись, которую папа Дамасус велел поместить над дверью или возле алтаря. Надпись гласила:

БЕАТИССИМО - МАРТИРИ
ЯНУАРИО
ДАМАСУС - ЕПИСКОП -
FECIT

Тело святой матери Фелицитас было положено на кладбище на улице Салария Нова, носящей ее имя. После заключения мира в конце первой четверти IV века над местом в катакомбе, где покоились останки матери-мученицы, была возведена небольшая базилика. Уже в 1884 году н. э., во время рытья фундамента дома, маленькая базилика была обнаружена, по словам Марукки, "на месте гробницы С^те^Фелисите". Стены украшают картины с изображением матери и ее сыновей. Под базиликой находилась крипта, в которой, согласно Зальцбургскому маршруту, покоился ее младший сын С. Силан: слова этого паломнического маршрута гласят: "Illa pausat in ecclesia sursum et filius ejus sub terra deorsum".

В конце VIII века папа Лев III перенес останки матери и сына в церковь Святой Сюзанны, расположенную рядом с банями Диоклетиана, где они покоятся до сих пор.

В Филокалийском или Либерийском календаре, *датируемом примерно* 334 годом, под заголовком "Depositio Martyrum" появляется запись о том, как еще двое из семи мученически погибших сыновей Фелицита были похоронены на кладбище Святой Присциллы, а именно, Св. Феликс и Филипп.

После заключения церковного мира над частью большого кладбища Присциллы была возведена базилика, впоследствии известная как Святой Сильвестр, и многие тела самых известных мучеников были подняты из подземных галерей и камер и похоронены на видных местах в новой базилике Святого Сильвестра; среди них были останки двух сыновей Фелицитаса, Святых Феликса и Филиппа. Феликса и Филиппа. Об этом подробно рассказывается в "Маршрутах паломников" или "Путеводителях". Эти два известных мученика были положены под главным алтарем Святого Сильвестра. Во втором зальцбургском маршруте, известном как "De locis SS. Martyrum", они упоминаются особо: "S. Felicis [*sic*] unus de septem et S. Philippus unus de septem", а у Вильгельма Мальмсберийского,

копирующего гораздо более древний итинерарий, мы читаем: "Basilica S. Silvester ubi jacet marmoreo tumulo co-opertus ... Martyres ... Philippus et Felix". Марукки считает, что может указать гробницу в подземной крипте, где эти двое были первоначально положены.

Трое оставшихся сыновей Фелицитаса, а именно СС. Александр, Виталис и Мартиалис, были похоронены на кладбище Йордани на улице Салария Нова. Это кладбище, из-за его разрушенного состояния и сложности проведения раскопок, было исследовано лишь частично; но Марукки считает, что нашел выбитую надпись, относящуюся к "Александру, одному из семи братьев". Вполне вероятно, что при тщательном исследовании этой большой, но сравнительно малоизвестной катакомбы, находящейся в очень разрушенном и запущенном состоянии, будут обнаружены и другие следы пребывания этих троих: в настоящее время значительные ее части совершенно недоступны.

Второй зальцбургский маршрут "De locis SS. Martyrum" специально направляет паломника к гробницам этих троих, таким образом: "propeque ibi" (со ссылкой на базилику Святых Хрисанфа и Дарьи, построенную над частью Cœmeterium Jordani) "S. Alexander et S. Vitalis, sanctusque Martialis qui sunt tres de septem filiis Felicitatis ... jacent". Уильям Мальмсберийский в своей транскрипции древнего маршрута также упоминает их, как и другие путеводители пилигримов.

В знаменитом каталоге "Монца" и в "Питтациях", или маленьких этикетках, принадлежащих к флаконам, содержащим немного священных масел, которые сжигались перед гробницами выдающихся исповедников и мучеников (флаконы с маслами были посланы папой Григорием Великим (590-604 гг. н. э.) лангобардской королеве Теоделинде), встречаются имена Фелицитаты и шести ее сыновей-мучеников.

В "Pittacia" или ярлыках они сгруппированы топографически вместе, как мы приводили их выше, Фелицита - в отдельном ярлыке, Януарий - также в отдельном, затем две группы вместе, как указано выше, "два" и "три". Есть причина, по которой С. Силан, похороненный вместе со своей матерью на кладбище, названном в ее честь, отсутствует в этом каталоге "Монца" и на этикетках флаконов с маслом. Его тело, как сообщает "Либерийский" каталог, в течение сезона отсутствовало в своем первоначальном локуле, будучи украденным, но впоследствии было найдено и заменено.

Подозрение в легендарном характере истории о мученичестве святой Фелицитаты и ее семи сыновей во многом связано с выводами некоторых критиков (далеко не всех) о том, что "Деяния святой Фелицитаты" и ее сыновей не являются подлинными, то есть не относятся к современному произведению, а были составлены в несколько более позднее и неопределенное время. Однако наиболее авторитетные из этих критиков признают, что они очень древние.

Но если допустить, что эти выводы верны и что "Деяния" в строгом смысле слова не являются подлинными, то обстоятельства Страстей и мученической смерти Матери и ее героических сыновей опираются на другие авторитеты, не зависящие от "Деяний", - авторитеты высочайшей ценности и абсолютно не подвергаемые сомнению.

Из них свидетельство катакомбных гробниц матери и семи ее сыновей, несколько новое свидетельство, является тем, которое мы специально приводим здесь.

Это свидетельство неизменно, оно не допускает никаких последующих пересмотров или дополнений. В своем особом отделе это, пожалуй, самое сильное свидетельство, которое можно привести, и многое из этого странного неожиданного свидетельства было неизвестно

до недавнего времени - пока эти забытые кладбища не были частично исследованы компетентными и неутомимыми учеными наших дней и времени.

Кроме того, есть и другие важные "кусочки", которые за неимением места мы не будем здесь цитировать, относящиеся к той же теме , а именно к историческому существованию св. Фелицитаты и ее семи сыновей, их храброго свидетельства и последующей мученической смерти во времена императора Марка Антония, например, надписи папы Дамаса, проповедь в честь святой Фелицитаты папы Григория Великого, похвальное слово святого Петра Хризолога, архиепископа Равенны, 433-54 гг. н.э., и т.д.

ЧАСТЬ III
ЭПИТАФИИ И НАДПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В КАТАКОМБАХ

I

В этом разделе мы подробно расскажем о том, что эти (те же самые) катакомбы говорят нам о *мыслях* раннехристианских общин по некоторым из наиболее важных проблем, связанных со смертью и жизнью за пределами могилы, а также, кстати, о раннехристианском взгляде на вопрос о причастии святых.

Скудные остатки литературы этого раннего периода, как мы уже намекали, хотя они и ценны, но носят скорее характер ученых исследований и выводов. То, что мы находим нарисованным и высеченным на миллионах могил этого огромного подземного Божьего акра, простым народным языком рассказывает нам о том, что именно думали и чувствовали христиане, жившие, работавшие и страдавшие в течение двух веков, последовавших за мученической смертью свв. Петра и Павла, думали и чувствовали по этим судьбоносным вопросам.

Могилы в этом безмолвном городе, насчитывающем, возможно, три, четыре или даже пять миллионов, принадлежат ко всем эпохам, всем чинам и порядкам. Здесь есть склепы с останками членов императорской семьи, мужчин и женщин сенаторского и самого возвышенного ранга среди гордых патрицианских домов. Есть могилы купцов и торговцев, очень богатых и очень бедных; бесчисленные могилы вольноотпущенников, огромного класса и печальноглазых рабов.

Здесь также не мало могил мужчин и женщин, которые отдали все, даже дорогую жизнь, ради Имени, и которые, поскольку они исповедовали непоколебимую веру в Божественного Сына Бога, через боль и муки перешли к своему покою в Раю Божьем.

Некоторые из разрушенных могил были когда-то поразительно украшены; многие из них были сделаны из дорогого мрамора и красиво оформлены, в то время как вокруг этих усыпальниц великих и богатых людей находится множество могил, грубо, хотя и с любовью оформленных.

Эпитафии и надписи, вырезанные и нарисованные на этих могилах, некоторые из них выполнены с большим искусством, очевидно, профессиональными художниками. Однако многие из них были грубо и поспешно нарисованы или нацарапаны на гипсовой или каменной плите, закрывавшей полку в стене, в которой лежал покойник.

Надписи по большей части сделаны на латыни, но в первом и большей части второго века слова часто написаны по-гречески. В некоторых случаях эти два языка смешиваются, эпитафия начинается на одном языке и заканчивается на другом: иногда латинские слова написаны греческими буквами.

Различные искаженные способы написания не являются чем-то необычным, обычные правила грамматики нередко нарушаются. Действительно, как в некоторых латинских стихах первых христианских веков игнорируются правила классической просодии, так и в прозе, которой пользовались дети народа, наблюдается подобное пренебрежение к языку и правописанию. Это было началом народного патуа, который в конце концов выкристаллизовался в современный итальянский язык.

Существует любопытная и интересная разница между эпитафиями из катакомб, написанными, когда христианство было запрещенной религией, когда те, кто принимал его, подвергались более или менее жестоким гонениям, и эпитафиями последних лет четвертого и последующих веков. В первые три христианских века в темных и одиноких коридорах и покоях, где покоились их любимые умершие, люди писали эпитафии, не предназначенные для чтения ни одним человеческим глазом, кроме их собственных, когда они посещали этот священный Божий уголок, - только имя или эмблема их самых дорогих надежд, небольшое изображение Доброго Пастыря и Его овец, пара слов надежды и радостной уверенности в вечном будущем - и ничего больше. Очень короткими, очень простыми, очень трогательными были эти раннехристианские эпитафии. Великие и знатные не излагали с помпой ранг и положение своих умерших: мы мало читаем о благочестии и доброте многих святых, чьи останки покоились в этих длинных безмолвных коридорах.

Но на кладбищах (в основном наземных) последних лет четвертого и последующих веков, когда Церковь наслаждалась миром и когда иной дух витал над делами и днями христиан, мы начинаем встречать те глупые безвкусные фразы, которые с течением времени становились все более и более модными, рассказывая о звании и положении умершего, о его доброте, святости и преданности.

Дин Стэнли приводит эпитафию в клуатрах любимого им Вестминстерского аббатства, которая, по его словам, напомнила ему о катакомбных надписях так, как не напоминала ни одна другая из помпезных и замысловатых эпитафий в этом благородном английском доме великих мертвых. Она посвящена маленькой девочке и гласит следующее:

"Джейн Листер - умершее дитя".

Первой и наиболее заметной чертой в жизни христиан первых трех веков, о которой нам говорят надписи в катакомбах, была их глубокая убежденность в реальности будущей жизни.

Эпитафии говорят об умерших так, как будто они еще живы. Они *разговаривают* с мертвыми. Они чувствовали, что между ними и оставшимися в живых все еще существует общение - общение, продолжающееся в новых условиях и находящее утешение в непрестанной взаимной молитве.

Они были уверены, что душа усопшего соединена со святыми, что она с Богом и наслаждается миром, счастьем, покоем; поэтому часто маленькая эпитафия дышит смиренной и любящей молитвой о том, чтобы они, оставшиеся в живых, вскоре были допущены к участию в этих благословениях. Иногда оставшиеся в живых призывали на помощь молитвы усопшего, поскольку знали, что душа усопшего живет в Боге и с Богом; они

думали, что молитвы души в присутствии Бога помогут - должны помочь - тем, чье время испытаний еще не закончилось.

Доктор Норткот хорошо подытоживает все это: "Одним словом, они очень сильно осознавали, что все верующие, в теле или вне тела, все еще являются живыми членами одного мистического тела, тела Христова; что они составляют одну большую семью, связанную самыми тесными узами любви; и что эта любовь, которая сильнее смерти, имеет свое дело и счастье в молитве - молитве выживших за тех, кто ушел раньше, молитве блаженных за тех, кто остался позади". (*Эпитафии катакомб*, глава v.)

Эта глубоко укоренившаяся вера в жизнь за могилой, эта глубокая убежденность в том, что разделение между этой жизнью и жизнью за могилой не разрывает притязаний на привязанность и любовь, никогда не прерывает - нет, ни на один час - обмен любовными услугами.

Мы процитируем несколько старых эпитафий, начертанных или высеченных на мраморных или каменных табличках или на толстой штукатурке, закрывавшей полку, в которую клали умерших.

На некоторых из этих табличек мы читаем просто имя умершего; на других имя сопровождается христианской эмблемой, такой как якорь, мистическая рыба, ἰχθύς - каждая буква которой тесно связана со Спасителем: (ι) Иисус, (χ) Христос, (θ) Бог, (ύ) Сын, (ς) Спаситель; пальмовая ветвь, знак победы над смертью; голубь, символ христианской души, иногда Святого Духа; этот голубь или птица были излюбленной эмблемой души, идея заключалась в том, что душа похожа на перелетную птицу, обитающую здесь на время, а затем улетающую за моря в более светлый и спокойный дом. Очень часто мы встречаем фигуру Доброго Пастыря, иногда с ягненком на руках.

II

Де Росси рассказывает, что он изучил более пятнадцати тысяч таких эпитафий и что каждый год расшифровывается еще около пятисот. Мы скопируем лишь некоторые из них:

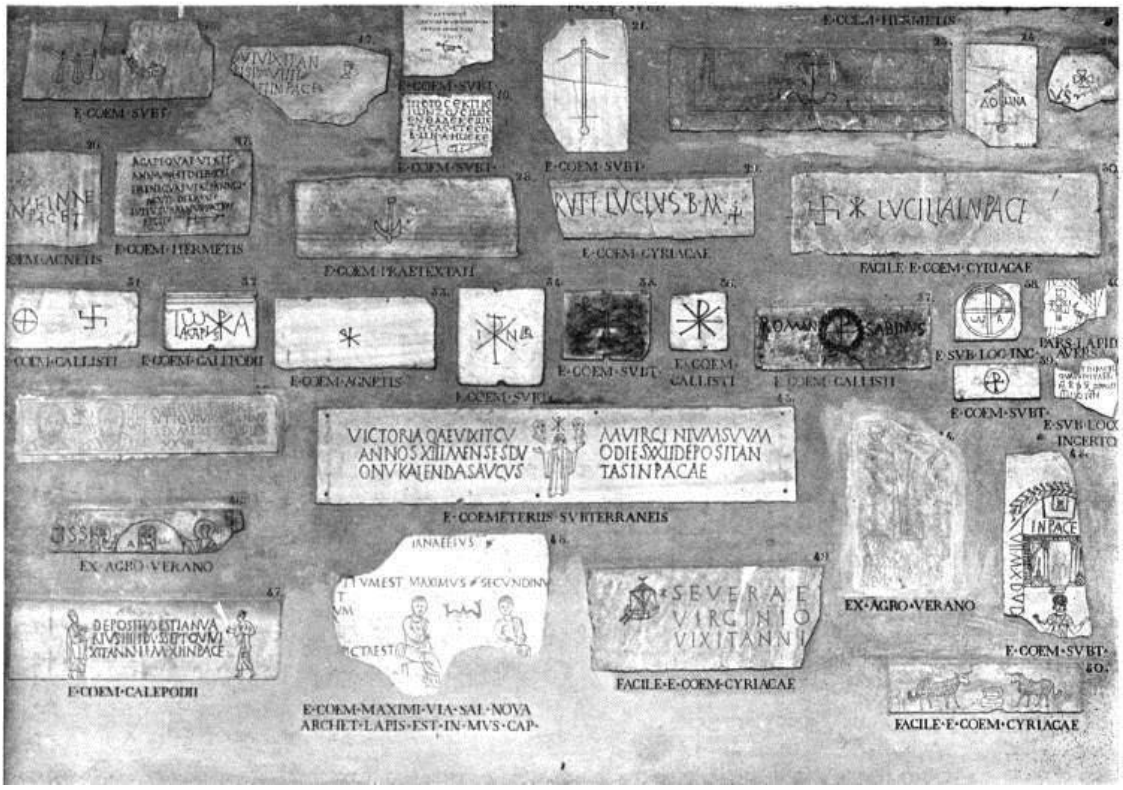
> "Милому Кириаку - сладчайшему сыну - да живешь ты в Святом Духе".
>
> "Матронате, прожившей год и 32 дня, молись за родителей твоих".
>
> "Болоса - да освежит тебя Господь во Христе".
>
> "Милая Фаустина - да живет ты в Боге".
>
> "Мир душе твоей, Оксихолис".
>
> "Агапе, ты будешь жить вечно".
>
> "Филумена - дух твой в мире".
>
> "Бацис, милая душа в мире Господнем, девственница - отец своей милейшей дочери".
>
> "Викторина - в мире и во Христе".
>
> "Америнус - своей дражайшей супруге Руфине; да освежит Господь дух твой".
>
> "Его родители сделали это для своего доброго и милейшего сына Феликса..... Да примет тебя Христос с миром".

"Порцелла спит здесь с миром".

"Севера; да живешь ты в Боге".

"Прощай, мой дорогой, в мире со святыми душами; прощай во Христе".

Ни слова скорби на этих могилах усопших, ни слова сожаления о том, что они ушли. Только несколько слов о том, что они надеются на своих близких, и молитва к Богу, Христу и Святому Духу, чтобы они хранили их в своей любящей опеке.



НАДПИСИ НА МОГИЛАХ ИЗ РИМСКИХ КАТАКОМБ

Мы должны немного остановиться на вопросе о свидетельстве, которое несут эти эпитафии первой эпохи христианства о практике обращения живых за *помощью* к тем, кто ушел за завесу. Нет сомнений, что в более поздний период и на протяжении всего Средневековья такая практика существовала, и она привела к результатам, которые истинные богословы обычно осуждают. Вопрос заключается в том, насколько это была практика Церкви первых дней?

Нет никаких сомнений в том, что средневековая Церковь с самых ранних времен учила, что молитвы великих святых обладают особой действенностью, и в необразованном сознании это переходило в нечто похожее на веру в то, что эти святые обладают некой реальной силой вмешиваться в человеческие дела и влиять на них. В дальнейшем мы процитируем некоторые из взглядов С. Августина.

Однако в случае с ранними христианами, чьи мысли отражены в их великом Городе мертвых, дело обстояло совсем иначе. Они так сильно верили в продолжение жизни после смерти, что поддерживали общение с усопшими путем обмена молитвами.

S. Киприан, великий богослов и осторожный учитель, считал, что блаженные умершие беспокоятся о тех, кого они оставили. Если допустить, что таково было общее чувство

христиан по отношению к своим близким умершим, которые, как они верили, жили рядом с Богом и Его Христом, то можно представить, насколько естественно было для них просить их о молитвах - ведь разве они не жили рядом с Богом и Его Христом, к Которому должны были быть обращены их молитвы? Таким образом, в Церкви первых двухсот пятидесяти лет это общение, в значительной степени состоящее из постоянного молитвенного обмена между живыми и мертвыми, опиралось на эти семейные и дружеские узы, и ни на какие другие. Формальное обращение к святым и мученикам как к особо сильным душам относится к более позднему времени. Это не было учением, и уж точно не *общим* учением, Церкви катакомб.

Но даже в катакомбах очень скоро появился обычай толпиться вокруг могилы знаменитого мученика, как будто место, где покоились останки святого, обладало какой-то особой добродетелью; И маленькая камера, где покоились святые останки героя или героини веры, вскоре была заполнена могилами - могилами, вырытыми совершенно без учета картин и украшений, которые украшали камеру и ее первоначальную гробницу, картин и украшений, которые были безжалостно вырезаны, чтобы освободить место для новых локул, где мертвые могли бы покоиться рядом с останками святого или мученика.[140]

Однако нас особенно волнует то, что катакомбы свидетельствуют о совершенной уверенности первых христиан в продолжении жизни за пределами могилы, повторенной много тысяч раз. Для верных умерших - верующих в Иисуса Христа - не было разрыва, вызванного смертью, для них жизнь продолжалась, как и прежде; сознательная жизнь продолжалась и после смерти, только в других и более счастливых условиях.

Чтобы оценить разительные перемены в представлении о смерти - самом важном событии в жизни человека на земле, - будет интересно взглянуть на свидетельства, представленные в тот же период языческими эпитафиями. Достаточно беглого рассмотрения, чтобы показать, какая непроходимая пропасть отделяла христианское представление от языческого.

Что сразу же привлекает наше внимание при изучении языческих эпитафий, так это полное отсутствие какой-либо надежды за пределами могилы. Все тщательно разработанные языческие картины будущей жизни, популяризированные в греческих кругах гомеровскими поэмами, а в латинском обществе - изысканными стихами Вергилия, при столкновении с суровой реальностью могилы просто стираются - они воспринимаются как чистые басни.

Смерть в этих языческих эпитафиях, истинных выражениях популярных языческих верований первых трех веков христианской эры, всегда рассматривается как враг; она описывается как вечный сон, а могила представляется как последний вечный дом.

Хорошо сказано, что эта меланхоличная идея была передана в тихой грусти одного слова "Vale" или в более впечатляющем повторении его: "Vale, Vale dulcissima-semper in perpetuo vale". Прощай, прощай, милейший, навеки прощай. То и дело любимая языческая формула сводилась к двум словам - "fuisti; vale".

Некоторые языческие эпитафии игриво саркастичны, например: "Ах, усталый путник, как бы далеко ты ни шел, в конце концов ты должен прийти сюда". Некоторые даже насмехаются над смертью, предлагая другим наслаждаться жизнью. "Живите настоящим часом, пейте и играйте, ибо вы ни в чем не уверены, только то, что вы едите и пьете, действительно ваше". "Фортуна дает много обещаний, но ни одно из них не выполняет; живите настоящим часом, ведь ничто другое вам не светит". Некоторые эпитафии горьки: "Я жил, как хотел, но не знаю, почему я умер". "Вот оно, так оно и есть, ничего другого быть не может".

Здесь надпись на могиле молодой женщины оплакивает ее раннюю смерть: "Я поднимаю руки на Бога, который забрал меня в двадцать лет, хотя я не сделала ничего плохого". Отец скорбит о потере своего ребенка: "Судьба судила плохо, когда лишила меня тебя". Отец и мать часто записывают себя как самых несчастных, самых несчастливых ("miserrimi-infelicissimi"). Иногда они используют эти печальные и невеселые выражения по отношению к своим умершим детям. Матери то и дело описывают себя как "оставленных на слезы и стоны" или как "обреченных на вечную тьму и ежедневные печальные причитания". Родители оплакивают своего умершего ребенка следующим образом: "Наша надежда была в нашем мальчике; теперь все - пепел и траур". Часто они оплакивают своих умерших детей следующим образом: "Они умерли, не заслужив этого". Другой родитель оплакивает смерть ребенка в таких выражениях: "Ни талант, ни приветливость, ни любовь к победам не помогли продлить дни ребенка; несмотря на все это, он стал добычей жестокого Плутона".

На очень многих языческих гробницах, несомненно, можно найти свидетельства большой любви и глубокой привязанности к усопшим, но нет ни отблеска надежды на воссоединение или счастье в другой жизни; как правило, нет и намека на другую жизнь. Если кто-то и осмеливается заглянуть за могилу - а это случается редко, - то все, что находится *за* ней, мрачно, печально и меланхолично.

Следующие слова, вложенные в уста умершей девушки, хорошо передают это общее ощущение: "Здесь я лежу, несчастная, во тьме". "Путник, не проклинай меня, проходя мимо, - стонет другая надпись, - ибо я во тьме и не могу ответить".

III

Удивительная перемена в народных чувствах, показанная в христианских эпитафиях, если сравнить их с языческими эпитафиями того же периода, поистине поразительна! То, что мы читаем в римском "Городе мертвых", говорит нам о духе, который обитал в этих компаниях верующих во Имя. *Этого* достаточно, чтобы объяснить новую жизнь, которую вели многие, сверхчеловеческое мужество, проявленное армией мучеников и исповедников , и окончательную победу религии Иисуса, которая произошла примерно двести лет спустя.

Мы, живущие в то время, которое, возможно, является вечером мировой истории, вчитываемся в светлые слова новозаветных писаний, в горячие увещевания и благородные решения таких людей, как Климент Римский, Игнатий и Поликарп, в святые учения великих богословов, таких как Иреней, Тертуллиан и Киприан.

И читая, мы чувствуем, что эти авторы, очевидно, были глубоко убеждены в истинности таких возвышенных и волнующих душу утверждений; мы также знаем, что эти писатели и учителя жили прекрасной жизнью, которой они учили, - что они умерли, многие из них, с улыбкой на устах и песней в сердце.

Но что же люди - простые люди, обычные граждане, рабы и мелкие торговцы из тысяч городов Империи, солдаты Рима и патриции Рима - что *они* думали обо всем этом? Об этих новых странных словах, этих озаренных солнцем надеждах, этих славных золотых обещаниях великих учителей христианства?

Катакомбы дают нам ответ. В последние годы, медленно, мучительно, антиквары и ученые открывают тайны давно скрытого Города Мертвых, который лежит по всему многовековому Риму, и, благодаря их трудам, из слов и изображений, начертанных и нарисованных на миллионах могил, до нас, через многие века, доходит ответ, в котором нет сомнений.

Да, люди - рабы и торговцы, солдаты и знатные - верили словам Нового Завета, принимали учение первых христианских учителей и, веря, боролись за жизнь, которую любил Учитель. Никто ни на минуту не посмеет усомниться в могущественной силе этого странного свидетельства миллиона могил; это действительно голос из тысячи могил.

Кроме того, то, что можно назвать терминологией, то есть словами и выражениями, используемыми на этих огромных кладбищах для обозначения всего, что связано со смертью и погребением, учит той же истине: для верующего во Имя все мраки, страхи и ужасы, обычно связанные со смертью, отсутствуют в этих коротких эпитафиях.

Катакомбные надписи и изображения, помимо того, что они свидетельствуют о вере ранних христиан в продолжение жизни после смерти, в бессмертие души, - свидетельство, выраженное бесчисленным множеством способов, - свидетельствуют и о некоторых из важнейших догматов христианской веры.

Крайняя краткость надписей и неизбежно малое пространство, отведенное для изображений и эмблем, высеченных и нарисованных на могильных плитах, по большей части очень маленьких, конечно, не позволяют дать сколько-нибудь полное изложение даже основных положений христианской веры: и все же то, что мы находим на этих плитах, с уверенностью говорит нам, в кого верили эти ранние общины и к кому были обращены эти пламенные молитвы. Во многих эпитафиях названы все Лица вечно благословенной Троицы.

Мы находим множество примеров формулы древних вероучений: "В Боге и во Христе". Это отчетливое перечисление двух первых Лиц Пресвятой Троицы свидетельствует о католической вере составителей эпитафий.

Третье Лицо Троицы также отсутствует в этих эпитафиях. На некоторых из них мы читаем, например: "В Святом Духе Божьем"; "Да живешь ты в Святом Духе". Даже упоминание всех трех Лиц Пресвятой Троицы было найдено выгравированным на этих могильных табличках.

Однако самое поразительное в этих ранних записях о вере христианской общины - это свидетельство, которое они несут - свидетельство, повторяющееся бесчисленное количество раз, - первобытной веры в верховную Божественность Иисуса Христа. Мы снова и снова встречаем такие формулы, как "Во имя Христа"; "В Бога Господа Христа"; "В Бога Христа"; "Великий Бог Христос" ("Deo Magno Christo"). В самых ранних эпитафиях наиболее распространенным символом является рыба, нарисованная, вырезанная или написанная в начале или конце эпитафии, но не как часть предложения, а как самостоятельная формула. Это было заявление о вере в "Иисуса Христа, Сына Божьего, Спасителя"; буквы, образующие греческое слово Ichthus, как мы уже объясняли, являются инициалами[141] слов этой формулы.

Нет сомнений, что с древнейших времен *рыба* была признанным символом нашего Господа. Она сразу же стала священной "тессерой" или знаком - совершенно непонятным для языческого и официального мира, но для верующего - ценнейшим символом, содержащим с поразительной краткостью и в то же время с поразительной ясностью полное изложение, так сказать, вероучения, исповедания фактов в той мере, в какой они касаются Спасителя.

Катакомбы полны Христа. Именно к Нему обращались христиане эпохи гонений: именно на Нем они покоились в радости и в печали, в болезни и в здравии, в дни опасности - а их в первые два с половиной века было великое множество - и в час смерти. Именно в Его словах они черпали свою силу. Сознавая Его постоянное присутствие среди них, они с радостью страдали ради Него. С Его именем на устах они умирали бесстрашно, с радостью уходя в Долину заоблачных теней. На мраморной или гипсовой плите, закрывавшей узкую полку в коридоре катакомб, где с благоговением и любовью покоились их бедные останки, часто было начертано или высечено дорогое имя Иисуса.

Катакомбы полны Христа. Мы уже не раз говорили о росписях на стенах и потолках коридоров и камер. Они очень разнообразны, большинство сюжетов составляют Ветхий и Новый Заветы. Но самым излюбленным предметом изображения - несомненно, ведущим видом христианского искусства в первые дни - была фигура "Доброго пастыря". Она встречается не только на сайте мертвых. Она часто высекалась на потирах, используемых в святой Евхаристии. Его прорисовывали золотом на стекле, лепили на лампадах, вырезали на кольцах. Но именно в катакомбах мы должны найти его в самых разнообразных и жалких формах - то нарисованным фреской на стенах коридоров и покоев, где так густо лежат мертвые; то грубо, то более тщательно вырезанным на бесчисленных табличках; то изваянным на более дорогих саркофагах.

Иногда Пастырь изображен с одной овцой, иногда с несколькими; одни слушают Его голос, другие безразлично отворачиваются. Мы встречаем его в тысяче мест на самих гробницах - в маленьких часовнях или лабораториях, выходящих из коридоров, где спят самые выдающиеся из умерших. Это любимый символ христианской жизни и веры.

Эта постоянно повторяющаяся фигура Доброго Пастыря со Своими овцами в катакомбах проливает свет на этот глубоко интересный и в то же время важный вопрос - каковы были мысли той ранней церкви в Риме о Христе и Его учении?

Мы должны помнить, что они жили совсем рядом с тем временем, когда величайшая фигура в истории жила на земле и общалась с людьми. Мы должны помнить, что первое поколение римских христиан училось у Петра и Павла, и что на протяжении почти всего второго века жили люди, чьи отцы наверняка видели и слушали этих великих служителей Божественного Учителя, а также их непосредственных учеников.

Им больше всего нравилось думать об этом всемогущем Спасителе как о "великом Пастыре овец" - Пастыре из Первого послания Петра, Пастыре из Послания Луки и Иоанна.[142]

Великий и красноречивый писатель[143] в одной из своих самых впечатляющих работ без колебаний говорит о том, что он называет популярной религией первых христиан как о религии "доброго Пастыря". Он говорит, что они смотрели на эту фигуру, и она передавала им все, что они хотели. А затем он с горечью добавляет, что "с течением времени "образ доброго пастыря" исчезал из сознания христианского мира, и другие эмблемы христианской веры занимали место некогда столь любимой фигуры".

"Вместо доброго и милостивого Пастыря появился всемогущий Судья, или Распятый Страдалец, или Младенец на руках у Матери, или Учитель на Своей прощальной Вечере".

Все эти позднейшие образы Божественного Спасителя прекрасны и истинны, но это *не* то, на чем особенно останавливались первые христиане. Они любили думать о Нем прежде всего как о "Добром Пастыре, отдавшем Свою жизнь за овец".

Среди множества изображений "Доброго Пастыря" в катакомбных галереях Пастырь иногда представлен с козленком или козой вместо овцы в Своих любящих руках: "И другие овцы есть у Меня, которые не сего стада. Их также Я должен привести, и будет одно стадо, один пастырь". Катакомбное богословие, излагаемое катакомбными учителями, выходило за рамки даже этих благодатных слов, когда представляло существо на плечах Учителя не агнцем, а ребенком, не овцой, а козлом. Эти христиане первого дня были убеждены, что миссия их Учителя на земле "не отталкивать, а включать, не осуждать, а спасать; они верили в Его нежное сострадание и безграничное милосердие".[144]

Этот сладостный и любящий взгляд вызвал возмущенный протест сурового Тертуллиана (*около* 200 г. н. э.). На этом суровом протесте великого африканского отца Тертуллиана Мэтью Арнольд основывает одно из своих самых трогательных стихотворений:

"Он спасает овец, а козлов не спасает":

Так говорил свирепый Тертуллиан.

Но она вздохнула:

Младенческая Церковь, любви она чувствовала прилив

Поток на нее от еще недавней могилы ее Господа,

И тогда она улыбнулась, и в катакомбах,

С глазами, затуманенными, но с сердцем, вдохновленным правдой,

Она нарисовала поспешный образ своего Доброго Пастыря,

И на плече Его не ягненок, а ребенок".

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЭПИТАФИЯМ И Т. Д. В КАТАКОМБАХ

Желание быть похороненным в непосредственной близости от святого или исповедника, хотя, возможно, особенно заметное на подземных кладбищах Рима, не было свойственно христианам первых веков. Можно привести множество других примеров, начиная со времен старого пророка из Вефиля, который пожелал, чтобы его кости лежали рядом с костями Божьего человека, вышедшего из Иуды (1 Царств xiii. 31), и заканчивая королем Иоанном, который, как говорят, попросил, чтобы его похоронили в Вустере прямо между телами святых Освальда и Вульфстана. Освальда и Вульфстана.

S. Августина *"De curâ pro mortuis gerendâ"* - особенно интересный трактат. Великий епископ подробно обсуждает этот вопрос, и его слова бросают значительный свет на растущую практику обращения к святым.

Трактат, написанный около 421 г. н. э., был ответом на вопрос, адресованный ему св. Паулином из Нолы, очень святым и преданным человеком, но в то же время, как и немногие святые люди его времени, суеверным и часто печально ошибающимся в своей преувеличенной преданности благородному воинству мучеников, которые так хорошо сыграли роль первопроходцев в последние дни жестоких гонений.

S. Паулина попросила некая вдова, чтобы ее сын был похоронен в церкви мученика С. Феликса в Ноле. Он сказал, что удовлетворил ее просьбу, полагая, что это страстное желание верующих душ, чтобы их близких положили рядом с останками святого, основано не просто на иллюзии, а на какой-то реальной потребности души. Но С. Паулинус, очевидно, сомневался в этом, поэтому он спрашивает великого учителя Августина: действительно ли умершему полезно быть похороненным рядом со святым?

S. Августин отвечает в целом осторожно: он отмечает, что если человек жил праведно, то быть похороненным рядом со святым не может принести никакой пользы его душе; если же его жизнь была дурной, то это также бесполезно.

Все, что связано с погребением умерших, заключает Августин, на самом деле больше относится к оставшимся в живых, чем к умершим. Он объясняет эту связь следующим образом: "Когда мы думаем о месте, где лежит наш близкий человек, и это место находится в непосредственной близости от могилы святого, мы сразу же думаем о святом, о котором идет речь, и просим его или ее молитв о нашем дорогом покойнике". Но если таких молитв не просят, Августин не видит никакого преимущества в таком соседстве. (Adjuvat defuncti spiritum, non mortui corporis locus, sed ex loci memoria vivus affectus).

Затем знаменитый североафриканский богослов переходит к обсуждению вопроса: "Как мученики помогают людям?". Он говорит: то, что они помогают им, несомненно; тогда, присутствуют ли эти святые, благодаря силе, которой они обладают, во многих местах, или же они всегда пребывают в отведенном им доме - вдали от земных жилищ, но в то же время молятся за тех, кто просит их заступничества? И он добавляет, что Бог, слыша их молитвы, через служение ангелов дарует по Своему благоволению тем, кто обратился к молитвам святых, утешения, о которых просят эти святые.

Похоже, что именно это и есть суть ответа святого Августина святому Паулину Нольскому, но он тщательно оберегает свои слова, добавляя: "Все это", а именно объем силы умерших святых, "слишком возвышенный вопрос, чтобы я мог ответить на него положительно. Он слишком туманен".

"Я хотел бы задать этот вопрос тем, кто действительно знает, ибо, возможно, есть кто-то, кто обладает этим знанием", - с любопытством добавил великий мыслитель и любящий богослов.

КНИГА V
ЕВРЕЙ И ТАЛМУД

ВВЕДЕНИЕ

Среди всех разнообразных доказательных аргументов, приводимых в пользу истинности христианства, многие из которых имеют самый весомый характер и могут быть расширены

почти до бесконечности, история еврейского народа, его удивительное прошлое и его нынешнее состояние, его численность, его книги, его постоянно растущее влияние в мире двадцатого века, должны рассматриваться как наиболее яркие и примечательные.

Христианство первого века, безусловно, не было новой религией; оно было тесно связано с великой древнееврейской традицией. Священная древнееврейская традиция была первой главой - так сказать, предисловием к христианскому откровению.

Ранние или дохристианские детали еврейской истории хорошо известны и общеприняты. Ветхозаветный рассказ о еврейской расе в историческом плане редко оспаривается.

Менее известна и сравнительно мало изучена последующая история избранного народа; над записями о его судьбе после окончательного и полного разделения иудаизма и христианства опустился почти непроницаемый туман, а история судьбы остатка евреев, переживших ужасные истребительные войны Тита и Адриана, вообще была обойдена вниманием историков великой империи.

Мало кто задавался вопросом, что случилось с этим бедным остатком побежденных евреев: известно лишь, что некоторое их количество выжило после великих катастроф, а их рассеянные потомки в разных землях появлялись и вновь появлялись на протяжении всего Средневековья - бродячие и презираемые люди, которых все ненавидели и ненавидят.

Но они все еще с нами и среди нас; то, что в наше время они занимают своеобразное, уникальное положение власти и влияния, которое они постепенно приобрели во всех слоях современного общества во многих странах, теперь общепризнанно.

Эта последующая история судьбы еврейского народа с момента его окончательного отделения от христианской общины и великих катастроф 70 и 135 гг. н. э. представляет собой чрезвычайно важный фрагмент доказательной истории религии Иисуса; и все же, как ни странно, она, сравнительно говоря, неизвестна и игнорируется.

Перелистывая страницы этой удивительной истории, можно увидеть, как руководящая рука Господа, хотя и по-другому, как в далекие времена странствий по пустыне, постоянно проявлялась во всех странных печальных судьбах народа, некогда возлюбленного Богом.

Евреи двадцатого века, насчитывающие, возможно, около десяти или одиннадцати миллионов человек, хотя и рассеянные по многим землям, представляют собой отдельную расу, отдельный народ или нацию. В то время как в течение христианских веков *все* остальные расы, народы и нации, без единого исключения, вымерли или слились с другими, более новыми расами и народами, *только* они, евреи, сохранили свою древнюю национальность, свое происхождение, свои особенности, свою индивидуальность, свои заветные традиции - абсолютно *нетронутыми*.

Кажется, никто никогда не замечал, что рост и влияние великих раввинских школ в Палестине и Вавилонии, в Тиберии и Иамнии, в Суре и Пумбедите - школ, посвященных изучению Торы (Закона) и других книг Ветхого Завета, - совпали с ростом и влиянием гностических школ, школ, в которых Ветхий Завет обычно порицался и дискредитировался. Стоит ли предполагать, что отголоски великих раввинских центров обучения доходили до христианских мастеров и оказывали на них разумное влияние в их борьбе с гностицизмом на жизнь и смерть - борьбе, в которой Ветхий Завет, его божественное происхождение и авторитет всегда были одним из главных вопросов?

Не является беспочвенной и концепция, согласно которой благоговение и любовь по крайней мере значительной части искренних христиан к ветхозаветным книгам, благоговение и любовь, которые на протяжении более чем восемнадцатисот лет не претерпели ни уменьшения, ни изменения, в значительной степени обусловлены благоговейным обращением, терпеливым неустанным изучением великих раввинских школ первых христианских веков - страстной, возможно, преувеличенной, любовью еврея к своей драгоценной книге.

И хотя люди не догадываются об этом, но, несомненно, отголоски тех странных еврейских школ Тивериады и Суры, историю которых мы собираемся рассказать, достигли сердец бесчисленных христиан, для которых еврейские школы и их беспокойный труд, сосредоточенный в Священных книгах, о которых идет речь, являются лишь тенью имени?

I
ИСТОРИЯ ТРЕХ ВОЙН, ЗАВЕРШИВШИХ КАРЬЕРУ ИУДАИЗМА КАК НАЦИИ

В удивительном иудейском эпосе, столь тесно связанном с христианской историей и насчитывающем уже несколько тысяч лет, история трех последних ужасных войн, которые привели к исчезновению иудеев как нации, хотя и не как народа, является всего лишь страшным эпизодом в многоцветных летописях этой удивительной расы.

Но эти войны имеют особое значение, поскольку именно они стали земной причиной великих перемен, произошедших в судьбе евреев. После последней из трех войн они перестали быть отдельным народом и превратились в бродячее племя, рассеянное по земле; но, хотя они и скитальцы, сейчас они более многочисленны, более влиятельны в мире, чем когда-либо, даже в дни своего величайшего величия и великолепия.

Любопытная религиозная мания, которая, по-видимому, овладела ими и заставила их восстать против далеко идущей власти Римской империи, в некоторых отношениях остается загадкой. Мы можем лишь вкратце рассказать о положении дел в Иерусалиме, центре нации, за несколько лет до восстания, которое привело к первой великой войне.

В 63 году до н. э. римский полководец Помпей установил римское правление над Иудеей; с 6 года до н. э. иудейская провинция, все еще сохранявшая частичную независимость, управлялась присланными из Рима прокураторами и местной династией Иродианов. Палестинские евреи в этот период состояли из трех партий:

(1) *саддукеи и иродиане*, которые занимали большинство высоких должностей и священство.

(2) *Фарисеи*. Строгие иудеи, преданно любящие Тору или Закон Моисеев; в целом не благосклонные к римскому и иродианскому правлению, но в целом тихие и миролюбивые. Среди них были мечтатели - люди, тихо тоскующие по обещанному Мессии, ессены, а позднее, к концу периода, о котором мы говорим, - иудеи-христиане.

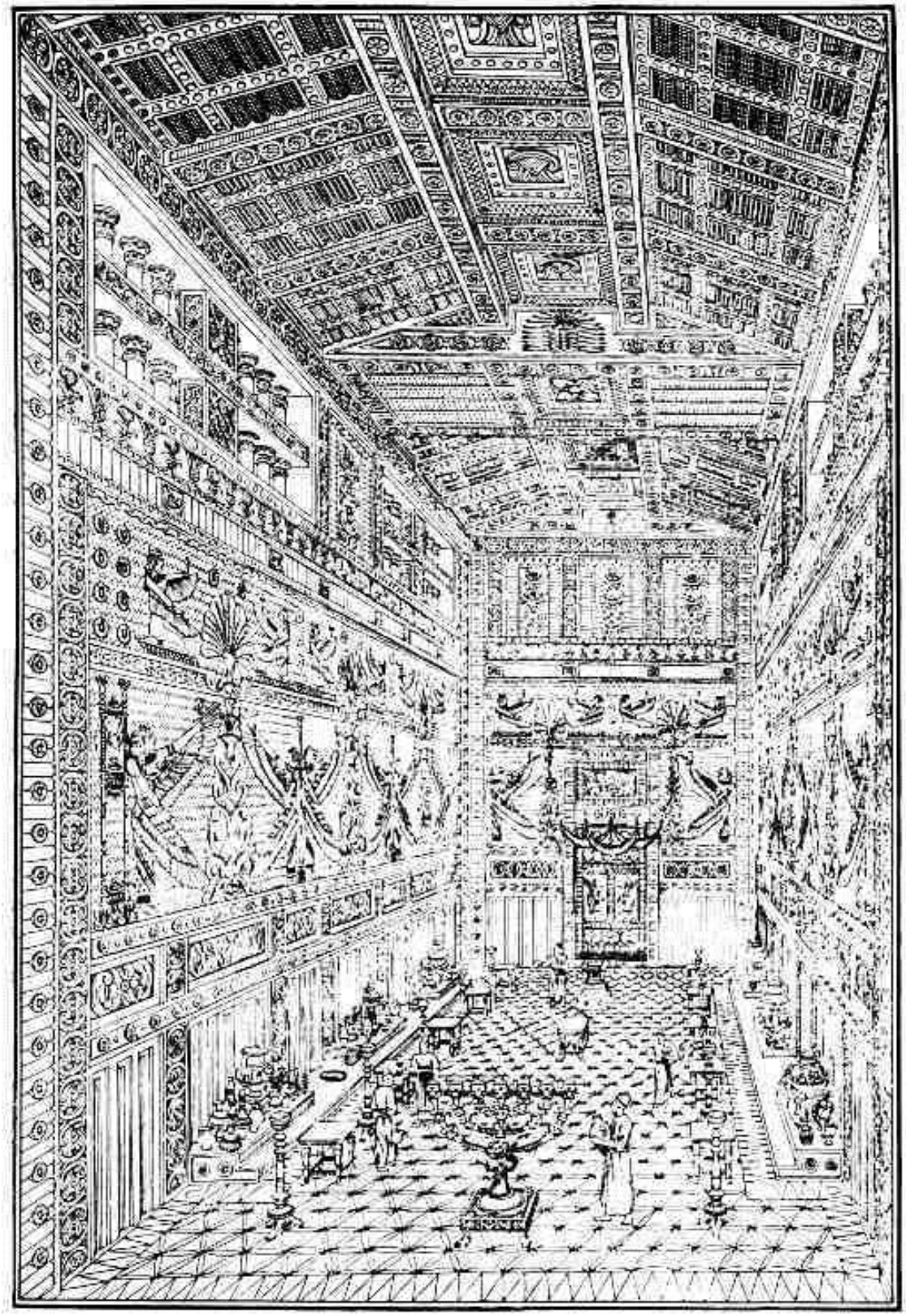
(3) *Зилоты* - авантюристы, сикарии (или убийцы), дикая буйная клика (или секта), а также путаница беспорядочных людей, составлявших грозную партию энтузиастов, ожидавших скорого прихода Мессии, который должен восстановить былую славу еврейской расы; обычно это были ярые революционеры, крайне недовольные царившим тогда положением вещей; ненавидевшие Рим и династию Иродиады, которой Рим благоволил, яростной ненавистью.

У этих зилотов было очень большое, хотя и беспорядочное, число сторонников в народе.

В 66 году н.э. в Святом городе вспыхнуло восстание. Флор, римский прокуратор (или губернатор), чье поведение на ранних стадиях великого восстания не поддается объяснению, покинул город, оставив после себя лишь небольшой гарнизон; восстание распространилось не только в Палестине и в соседней провинции Сирия, но и далеко за ее пределами - в частности, в великом городе Александрия, где проживала большая еврейская колония. Сцены ужасного насилия были обычным явлением, а в различных населенных пунктах, где было много евреев, происходили страшные резни; восстание стало серьезным, и императорский легат в Сирии Цестий Галлус выступил против повстанцев. Судя по всему, он был совершенно некомпетентным полководцем и потерпел полный провал в своих попытках овладеть Иерусалимом, штаб-квартирой революционной партии. Галлус отступил, понеся большие потери. Неудача Галла нанесла тяжелый удар по римскому престижу.

Чтобы положить конец серьезному и широкомасштабному восстанию, в 67 году Веспасиан, один из самых способных и выдающихся римских полководцев, был назначен верховным главнокомандующим в Сирии.

Постепенно, в результате ужасной кампании, Веспасиан восстановил спокойствие в Палестине и соседних регионах и осадил Святой город, где зилоты установили то, что можно назвать лишь царствованием террора.



ХРАМ В ИЕРУСАЛИМЕ - СВЯТОЕ МЕСТО ПЕРЕД РАЗРУШЕНИЕМ ТИТОМ, 70 Г. Н.Э.

В следующем, 68 году н. э., насильственная смерть императора Нерона и последовавшее за его смертью смятение во всей империи заставили Веспасиана приостановить свои действия, и на короткое время Иерусалим оказался в руках зелотов. За коротким правлением императоров Гальбы, Оттона и Вителлия последовало внезапное избрание Веспасиана на

пост главы империи в 69 году, причем выборщиками были по большей части его собственные преданные и дисциплинированные легионы в Сирии.

Вскоре после своего избрания Веспасиан вернулся в Рим, и империя, теперь уже под его сильным правлением, вновь стала единой и спокойной. Он оставил после себя в Палестине в качестве верховного главнокомандующего своего старшего сына Тита, полководца большой силы и способностей.

Осада восставшего Иерусалима была вновь продолжена; железный круг теперь окружал обреченный город, который, помимо прекрасных воспоминаний об историческом прошлом, был одной из сильнейших крепостей мира.

История осады и окончательного падения и разрушения знаменитой иудейской столицы со всеми ее безымянными ужасами была многократно рассказана и пересказана, но печальный эпизод сожжения Храма со всеми его богатыми событиями последствиями должен быть затронут вкратце.

Почему это всемирно известное святилище, стоявшее тогда во всей своей дивной красоте, с его несравненными сокровищами, некоторые из которых были окружены ореолом святости, просто не имевшим себе равных в истории народов, находившихся в сфере римского влияния, было безжалостно разрушено, а его дивные сокровища выметены? Это не было обычной политикой дальновидного Рима.

Согласно Иосифу, поджог Храма стал результатом несчастного случая, а не результатом какого-либо заранее продуманного плана или приказа, исходившего от римского главнокомандующего.

Однако современные ученые[145] считают, что был обнаружен отрывок из утраченной *"Истории" Тацита*, в котором описывается, как после взятия Иерусалима Тит провел военный совет, на котором было решено, что Храм должен быть разрушен, чтобы религия иудеев и христиан была более полно искоренена.

В Талмуде[146] сожжение Храма приписывается "нечестивому Титу".

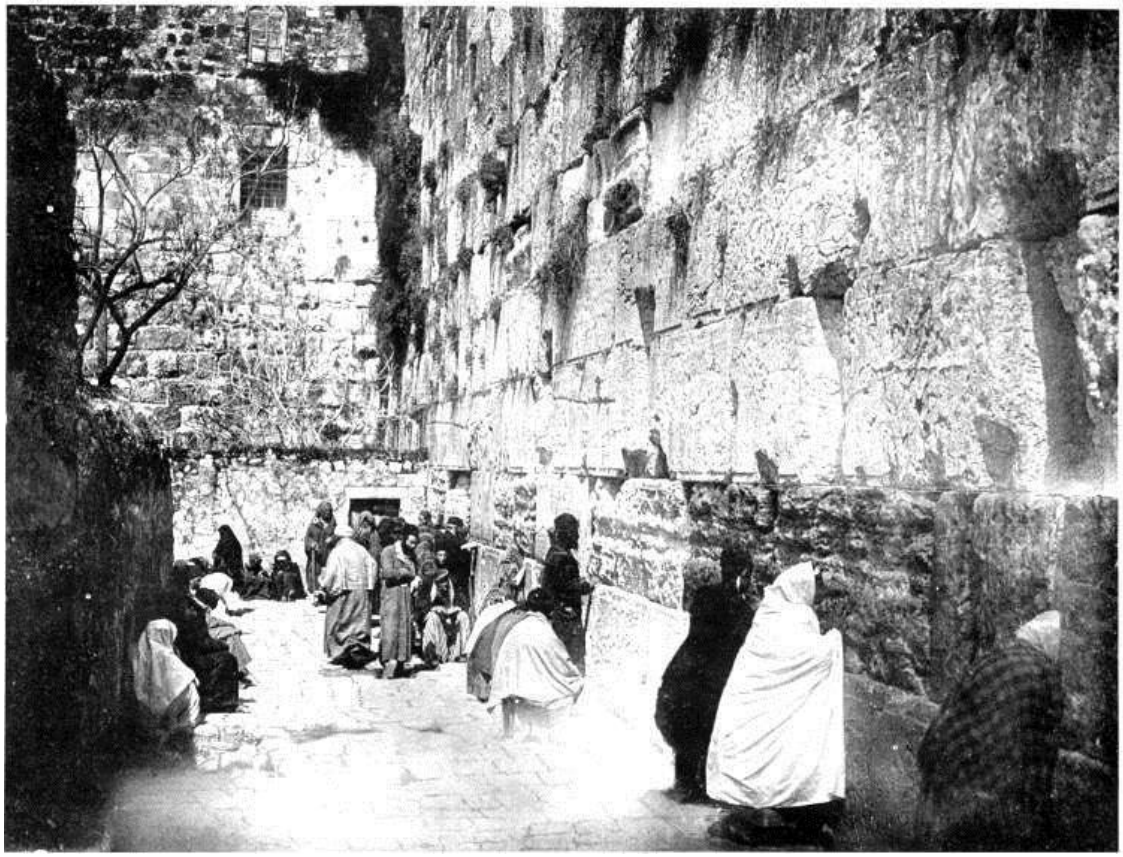
Жестокости, связанные со штурмом Иерусалима, - гибель людей и последующая судьба пленников, захваченных победоносной армией Тита, - составляют историю ужасов, которой, возможно, нет равных в мировой истории; Однако несомненно, что ужасные сцены резни и судьба защитников, переживших падение города, во многом объясняются упорной обороной и непримиримой ненавистью партии иудейских зилотов, которые спровоцировали войну и долгое время были хозяевами в злосчастном городе.

Итоги осады Тита можно кратко подвести следующим образом. Храм и город Иерусалим были снесены с лица земли и, можно сказать, полностью исчезли; остались только мощные фундаменты великолепного Храма. Они до сих пор с нами и спустя почти две тысячи лет молчаливо свидетельствуют об обширности и масштабах Третьего Храма. Не будет преувеличением назвать его одним из самых величественных зданий Старого Света.

В течение примерно пятидесяти двух лет - с 70 по 122 гг. н. э. - огромная куча бесформенных руин была всем, что осталось от исторического города иудеев и его великолепного Храма. В одном из уголков руин в этот период полного запустения Десятый легион (Fretensis) нес вахту и охранял жалкую сцену разрушения.

В 122 году по приказу императора Адриана на месте древнего города начал медленно зарождаться новый языческий город, известный как Ælia Capitolina. Этот новый город будет кратко описан в дальнейшем.

Год, последовавший за ужасной катастрофой, постигшей иудейский народ, стал свидетелем одного из самых замечательных "триумфов" в длинной череде, которыми обычно отмечалось завершение успешных римских войн.



МЕСТО ПЛАЧА ИУДЕЕВ ПЕРЕД РАЗРУШЕННЫМИ СТЕНАМИ ХРАМА

В 71 г. н. э. Тит со своим отцом Веспасианом и братом Домицианом с необычайной пышностью и тщательно продуманной живописной демонстрацией въехал в Рим. Этот триумф украшала длинная вереница пленных евреев, некоторые из которых были публично преданы смерти в рамках великого шоу. Среди ценных трофеев павшего города были выставлены знаменитые предметы, спасенные победителями из горящего Храма, - знаменитый семисторчатый священный подсвечник, золотой стол с хлебами, пурпурная завеса, которая висела перед Святая Святых, и драгоценная храмовая копия Торы - священного Закона Моисея.

История великого триумфа все еще с нами, высеченная на мраморе медленно разрушающейся арки Тита, - путешественник все еще может взглянуть на фигуру великого полководца, увенчанного Победой, в его триумфальной машине, ведомой богиней Рима, и на ту же императорскую фигуру, вознесенную на небо[147] орлом. На резное изображение священного подсвечника с семью ветвями и золотого стола христианин смотрит с немым благоговением, а иудей - со скорбью, отказываясь утешиться. Но самих святынь[148] , над которыми витают такие невыразимые воспоминания, уже нет.

Падение Иерусалима, полное разрушение Священного города, сожжение Храма действительно предопределили судьбу евреев как отдельной нации. Центр избранной расы больше не существовал. Священные обряды, ежедневные жертвы и жертвоприношения прекратились навсегда. Великие перемены в иудаизме, на которых мы собираемся остановиться, следует отнести к 70 году. Но должны были произойти еще более ужасные события, прежде чем иудей признал свое полное поражение и понял, что великая перемена прошла через него и окончательно изменила место его заветных надежд и славных предвидений.

Еще две кровопролитные войны пришлось пережить еврею, прежде чем он успокоился в своей новой жизни - жизни, которой избранный народ будет жить долгие века, жизни, которой он живет до сих пор, хотя прошло уже более 1800 лет с тех пор, как Тит принес из разрушенного города священные сокровища Храма, чтобы украсить гордый римский триумф.

При Траяне в 116-7 гг. н. э., а затем при Адриане в 133-4 гг. н. э. партия зилотов из побежденного, но все еще не покоренного народа вновь поднялась с оружием в руках против могущественной империи, в сердце которой они жили.

Мы вкратце опишем эти последние катастрофические восстания. Дух волнения и ненависти к римской власти - дикие мессианские надежды, вдохновлявшие партию зилотов в Иерусалиме во время первой войны, закончившейся столь плачевно, - все еще жил в крупных еврейских центрах за пределами Святой земли, в странах, где опустошение, наступившее после событий 70 года, не ощущалось так остро.

Палестинские евреи на какое-то время были, по-видимому, безнадежно подавлены, но евреи Киринеи и Александрии все еще оставались мощной и опасной группой. Сейчас невозможно назвать точные причины грозного восстания 116-7 гг. н.э. Отсутствие Траяна и его огромной армии в более отдаленных регионах Азии, а также известие о том, что римское оружие встретило серьезное сопротивление в этой далекой и опасной кампании, похоже, послужили сигналом для почти одновременного восстания евреев в провинции Киринея, в городе Александрия и на Кипре.

Здесь мы не располагаем точными деталями. Восстание, как правило, характеризовалось ужасной жестокостью со стороны еврейских повстанцев, и мы читаем о страшных массовых убийствах, совершенных восставшими евреями. Восстание распространялось с пугающей быстротой и стало представлять серьезную опасность для империи. Поначалу мы слышим лишь о нескольких успехах и победах. В городах Александрия и Киринея царил ужас; но, как это всегда бывало, когда Рим всерьез выставлял свои дисциплинированные войска, повстанцы оказывались в меньшинстве и превосходили числом генералов. Военными операциями руководили два самых выдающихся императорских полководца, Марций Турбо и Луций Квиет. Война, поскольку иудейское восстание 116-7 гг. н. э. приняло масштабы серьезной войны, продолжалась почти два года, но в конце концов повстанцы были полностью разгромлены.

Число убитых в этой дикой и недисциплинированной вспышке иудейской ярости, согласно записям историков войны, настолько велико, что мы склонны подозревать их в преувеличении. В Киринее и соседних районах погибло двадцать две тысячи человек; потери в Александрии, Египте и на Кипре, по-видимому, были столь же ужасны. Но даже если допустить, что число евреев, погибших в этом фанатичном восстании, было по тем или иным причинам преувеличено, несомненно, что число убитых было огромным, что власть и влияние Избранного народа подверглись страшному испытанию в результате этого

восстания, и что в великих городах Киринее и Александрии еврейское население этих центров - больших и процветающих общин, обладавших большим богатством и влиянием, отличавшихся высокой культурой и образованностью - было почти уничтожено. Результаты безумных восстаний 116-7 гг. н. э. были поистине катастрофическими для судьбы этого необычного и удивительного народа.

Но конец еще не наступил. Еще одна кровопролитная война со всеми ее страшными последствиями должна была разразиться между евреями и Империей, прежде чем избранный народ окончательно смирился с новой жизнью, которую ему суждено было прожить в течение долгих последующих веков. Старый дух беспокойства, дикие провидческие надежды на великого человека, который должен появиться среди них, все еще жил среди более пылких и горячих членов рассеянного и уменьшенного народа.

Волнующие причины последнего великого восстания назывались по-разному. Вероятно, поведение Адриана в последние годы его жизни стало менее терпимым, а в его правительстве в большей или меньшей степени преобладал дух преследования. Среди прочих раздражающих мер, придуманных Римом, очевидно, был запрещен древний обряд обрезания. Но непосредственной причиной еврейского восстания, несомненно, стал неуклонный прогресс в строительстве нового города, Ælia Capitolina, на месте Иерусалима и Храма.

То, что языческий город с его театрами, банями и статуями должен заменить старый дом Давида и Соломона; то, что храм Юпитера должен быть построен на месте славного Дома Вечных Воинств; то, что камни старого Иерусалима и его обожаемого святилища должны быть использованы для строительства нового города идолов - было особенно ненавистно гордому и фанатичному еврею. Дальше святотатства дело не пошло. Восстание, начавшееся в Южной Иудее, быстро распространилось. Святая земля, особенно южные районы, вновь стала ареной ожесточенной религиозной войны; Вифия, крепость в пятнадцати милях от Иерусалима, стала центральным местом сосредоточения оружия яростных повстанцев, но восстание распространилось далеко за пределы Палестины.

В одном поразительном аспекте эта третья иудейская война отличалась от первого и второго восстаний. В предыдущих восстаниях фанатичных повстанцев вдохновляла *надежда* на появление Мессии-завоевателя. В третьем восстании лже-Мессия действительно явил себя и придал новую окраску и дух этому опасному восстанию.

Герой войны - псевдо-Мессия, известный как Бар-Кохаб (сын Звезды), - загадочная личность; его имя, по-видимому, было игрой с его настоящим именем, и он представлял собой Звезду, изображенную в знаменитом пророчестве Валаама (Числ. xxiv. 17): "Я увижу его, - сказал провидец Израиля, - но не сейчас..... Из Иакова выйдет звезда, и из Израиля восстанет скипетр". Был ли этот псевдо-Мессия просто самозванцем, шарлатаном, или же он действительно верил в свою миссию? Талмуд, как правило, презирает его память, но главный врач той эпохи, рабби Акиба, в то время, когда доктора Закона начали оказывать первостепенное влияние на еврейский народ, горячо верил в него и поддерживал его мессианские притязания.

Многие, но далеко не все великие раввины того времени, по-видимому, поддерживали этого Бар-кохаба, и Талмуд сообщает нам, что не малое число из них приняли мученическую смерть от рук победившего римского правительства. Вся современная история этой войны, однако, запутана, особенно в Талмуде; в деталях просто невозможно разобраться.

Храбрость Бар-Кохаба не вызывает сомнений; он погиб до конца войны, а через некоторое время после этого рабби Акиба, его самый влиятельный сторонник, был предан победителями мучительной смерти.

Искренность рабби Акивы имеет множество доказательств. Память о нем всегда была в высшем почете у его соотечественников. Он считался самым ученым и красноречивым из того знаменитого поколения еврейских учителей. Странную ошибку, которую он совершил, признав лже-Мессию Бар-Кохаба, трудно объяснить.

Как и в случае с двумя первыми знаменитыми иудейскими войнами, римская власть, похоже, поначалу недооценила это восстание, которое, однако, вскоре приняло самый грозный характер. Генерал, командовавший в сирийских провинциях, оказался недееспособным, и самый способный из имперских генералов, Секст Юлий Северус, был вызван из своего командования в далекой Британии в Иудею. Примененная римлянами тактика была в целом схожа с той, что взяли на вооружение полководцы Траяна во время второй Иудейской войны 116-7 гг. н.э. Северус избегал так называемых "битв", но продвигался постепенно, атакуя и осаждая каждый из гарнизонов мятежников, тем самым постепенно изнуряя пыл и страсть фанатичных повстанцев. Война продолжалась от двух до трех лет. Очевидно, что опустошение, ставшее результатом этой войны, было очень ужасным, а число убитых, по-видимому, было огромным. Мы читаем о штурме 50 укрепленных пунктов, о разрушении 985 деревень и городов; 580 000 человек были убиты, кроме того, многие погибли от голода и болезней: в другом отчете число убитых, однако, называется только 180 000. Нельзя не прийти к выводу, что все эти цифры значительно преувеличены. Иудея, однако, несомненно, особенно в южных районах, стала буквально пустыней; волки и гиены, как утверждается, с удовольствием бродили по опустошенной стране; юг Палестины превратился в огромную конуру, и нынешний бесплодный вид страны указывает на то, что в какой-то отдаленный период над ней произошла ужасная катастрофа.[149]

После окончания кампании римское правительство приняло самые суровые меры, чтобы уничтожить все следы восстания иудейского народа. Множество беглецов было безжалостно предано смерти. Многие были проданы в рабство. Ни одному еврею не разрешалось приближаться к развалинам Святого города. Раз в год, в "день плача", тем из несчастных, кто выбирал, разрешалось прийти и оплакать на короткий час бесформенную груду камней, которая когда-то была частью их священного Храма.

В течение некоторого времени жестокие гонения по всей империи карали это последнее грозное восстание; но эти строгие меры были очень скоро ослаблены, когда весь страх перед новой вспышкой прошел, и евреи, или то, что осталось от народа, получили возможность жить так, как им нравится, поклоняться по своей моде и беспрепятственно изучать свой любимый Закон.

М. де Шампаньи (*Les Antonins*, livre iii. chap, iii.) оценивает число евреев, погибших в трех великих войнах 70 г. н.э., 116-7 г. н.э. и 132-3-4 г. н.э. примерно следующим образом: При *Туте* - около двух миллионов; при *Траяне* - около двухсот тысяч; при *Адриане* - около одного миллиона.[150]

Третья война названа в Вавилонском Талмуде "войной на истребление".

II
(a) РАББИНИЗМ

Мы подробно описали три роковые войны, потому что удивительная история еврейской расы вступила совершенно новую фазу после катастрофического завершения третьего из этих ужасных восстаний. С 134-5 года от Рождества Христова они перестали быть нацией и стали скитаться по земле.

Однако по численности и влиянию вряд ли можно сказать, что они уменьшились. Они не слились ни с одной нацией; они остались отдельным народом, и так продолжается до сих пор, хотя с момента великого разорения прошло почти восемнадцать долгих и беспокойных веков.

Какой земной причине можно приписать это чудесное сохранение евреев? Мы с уверенностью ответим: не возникновению раввинизма - он уже давно существовал среди избранного народа, - а развитию и укреплению раввинизма и знаменитому его результату - Талмуду.

Традиционная история раввинизма и начала создания чудесной раввинской книги, Талмуда, изложена в трактате Мишны "Пирке Абот" ("Изречения отцов"). В нем говорится следующее:-

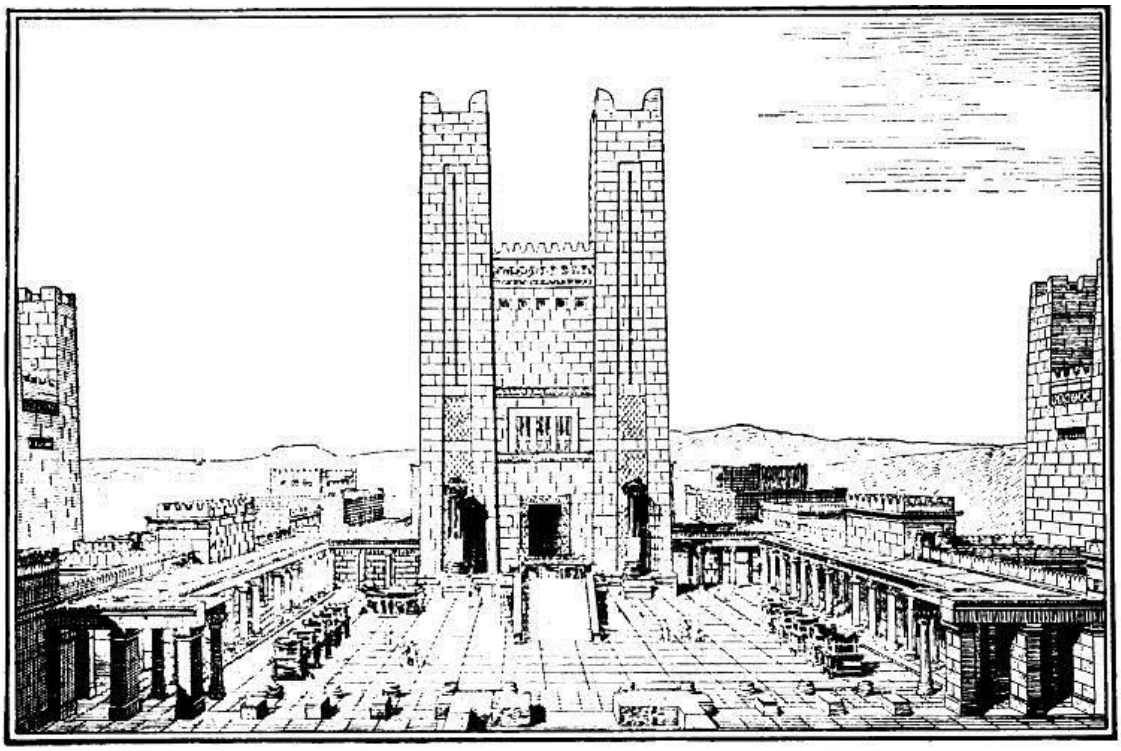
Моисей получил письменный Закон (Тору) на горе Синай. Он также получил от Вечного еще один Закон, иллюстрирующий писаный. Этот второй Закон был известен как "Закон на губах". Он никогда не был зафиксирован на бумаге, но передавался из поколения в поколение. Моисей передал этот устный Закон Иисусу Навину; Иисус Навин передал его старейшинам; старейшины передали его пророкам; пророки передали священную традицию "Слов Вечных" людям Великой Синагоги. Эти последние считаются отцами "раввинизма". Маймонид говорит нам, что эти отцы "раввинизма" сменяли друг друга (до 120 человек), начиная с пророка Аггея, 520 г. до н. э., который в Талмуде назван толкователем устного закона. Последним членом "Великой синагоги" был Симон Справедливый, *около* 301 г. до н.э.

После Симона Справедливого череда выдающихся учителей, известных как "Пары", передавала священные традиции "Закона на губах" до времен Гиллеля и Шаммая, когда мы приближаемся к христианской эре. Согласно талмудической традиции, Гиллель жил за 100 лет до разрушения Иерусалима в 70 году н.э. и, таким образом, был современником Ирода Великого.

О "Мужах Великой синагоги" и десяти сменивших их "парах" известно очень мало; сохранилось не более их имен. Вряд ли можно предположить, что в каждом поколении жила только пара особо выдающихся ученых. Скорее всего, было известно всего десять имен, и они были сформированы в пять пар или пар современников, по примеру последней и самой известной пары, Гиллеля и Шаммая. Но уже со времен Гиллеля и Шаммая мы имеем множество исторических свидетельств о существовании и деятельности раввинских школ. Почти все, о чем мы рассказали в приведенном выше отрывке, является чисто традиционным. Несомненно, в приведенном нами рассказе есть доля истины, но современная история слишком скудна, чтобы мы могли описать это отношение в трактате "Пирке Абот", который таким образом связывает сборник Мишны в прямую цепочку с Моисеем, как нечто большее, чем широко распространенная легендарная и традиционная история.

Однако мы можем с уверенностью утверждать, что основы учения школы раввинизма, которая после великого разорения 70 года Благодати стала оказывать первостепенное влияние на судьбы еврейской расы, были заложены в очень ранний период, за несколько сотен лет до христианской эры.

Несомненно, что Гиллель и Шаммай основали или, точнее говоря, развили существующие раввинские школы и собрали в них большое количество учеников. Великое развитие раввинизма, которое приписывают двум знаменитым учителям Гиллелю и Шаммаю, очевидно, было вызвано полным поглощением Палестины Римом под пагубным влиянием царской власти Ирода Великого; эти причины постепенно подрывали иудаизм не только в политическом, но и в религиозном аспекте. Гиллель и Шаммай были горячими и искренними иудеями и были полны решимости вдохнуть в нацию новый религиозный дух. Тем не менее, более чем вероятно, что весь этот ранний раввинизм был бы не более чем школой любопытных литературных спекуляций, и , возможно, не оказал бы серьезного и постоянного влияния на жизнь еврейского народа, если бы не ужасные события 70 года н.э. Когда Иерусалим перестал существовать, а Храм был окончательно разрушен, христианство вышло из сердца иудаизма и собрало в свои ряды многих из избранного народа.



ХРАМ В ИЕРУСАЛИМЕ ДО ЕГО РАЗРУШЕНИЯ ТИТОМ, 70 Г. Н.Э.

С РИСУНКА В ЕВРЕЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ. (С РАЗРЕШЕНИЯ)

То, что произошло в 70 году н. э., оказало огромное влияние на жизнь евреев - гораздо большее, чем обычно приписывают историкам. Кратко, но верно сказано, что, "как ни беспримерны были бедствия, сопровождавшие падение Иерусалима и разрушение Храма, самым ужасным из всех был полный крах иудаизма как вероучения, вследствие уничтожения всех установленных Богом средств доступа к Богу. Религиозный пульс нации перестал биться, как бы это сказать, с ужасающей внезапностью. Мы ничего не слышим о саддукеях в те дни, ... они были сметены, как мякина перед бурей, чтобы никогда больше не появиться; но фарисеи, к которым принадлежали раввины и книжники, остались непоколебимы и, собрав вокруг себя бедные остатки народа, решили вдохнуть в них новую жизнь".

Мозаика была безвозвратно уничтожена в 70 году от Рождества Христова, но основы раввинизма, как мы уже заметили, были заложены задолго до этого. Необходимо было лишь закрепить его, придать ему форму и утвердить слова его толкователей в более высоком авторитете, чем тот, который до сих пор признавался даже за писаным Законом (Торой). И это было сделано, или, точнее говоря, начато, в последние двадцать или тридцать лет первого века (годы, непосредственно следующие за катастрофой 70 г. н. э.) учениками раббана Иоханана бен Заккая, которые, безусловно, были самыми ранними разработчиками Мишны,[151] первой и самой древней части знаменитого Талмуда.

III
(б) РАВВИНИЗМ

Что раввинизм и его книга, Талмуд, сделали для еврейского народа

Исторический обзор событий, приведших к составлению и консолидации первой части Талмуда - Мишны.

После 70 г. н.э., когда Иерусалим и Храм были разрушены, возникла необычная группа раввинов, или учителей "Закона", - людей редких дарований, дальновидных и обладающих необычными способностями передавать свой энтузиазм другим людям. Эти учителя осознали полную безнадежность дальнейшей войны с Римом; они оставили все надежды на восстановление Храма; они увидели, что будущее Израиля заключается не в восстановлении его национальности как народа - это было уже безнадежно. Но только Израиль среди всех народов мира обладал Божественным Законом, был наследником славного обетования, обетования, которое, как они утверждали, принадлежало только им; никакие земные несчастья не могли лишить евреев этого: они были народом, особо возлюбленным Богом, и только пренебрегая соблюдением Божественного Закона, они могли лишиться надежного и благословенного наследства, предназначенного для них. Этот же Закон должен быть их единственным руководством во всех различных деталях жизни - как в мелочах, так и в более важных делах. Строго соблюдая его, они в конце концов получат свою великую награду, награду, предназначенную для них и только для них, как для особого народа Бога Верховного, Всемогущего.

На протяжении примерно пяти веков, со времен Эзры и возвращения остатка народа из плена, "Закон Моисеев", содержащийся в Пятикнижии, по сути, в той же форме, в какой мы имеем его сейчас, воспринимался евреями с почти безграничным благоговением. Признание его ужасных и обязательных предписаний было условием, без которого никто не мог быть членом избранного народа или иметь долю в славных обетованиях, предназначенных для него.

Их учителя настаивали на том, что заповеди "Закона" (Торы) были во всей полноте повелениями Бога. "Тот, кто говорит, что Моисей написал хотя бы один стих по собственному разумению, тот отрицает и презирает Слово Божье". Таким образом, все Пятикнижие стало считаться продиктованным Богом. Даже последние восемь стихов Второзакония, в которых рассказывается о смерти Моисея, утверждалось, что они были написаны с помощью

Божественного откровения. Некоторые из учителей пошли еще дальше: они утверждали, что вся книга Закона была передана Моисею Богом.[152]

Со временем и другие книги "Ветхого Завета" - сначала писания старших пророков и труды о доэксильском периоде Израиля, затем свод "Пророков" и другие ветхозаветные писания - также стали рассматриваться как документы, в которых воля Божья была явлена в абсолютно обязательном порядке.

Вокруг Закона (Торы) было собрано огромное количество пояснительных указаний и некоторое количество традиционных дополнений, известных как "Агада". Первые из них, указания или объяснения, известны под названием "Галаха".[153] Поскольку Закон Моисея был принят как божественный кодекс для руководства избранным народом, возникла необходимость объяснить и расширить его, чтобы применить его краткие предписания ко всем условиям повседневной жизни. Некоторые из этих галахов были традиционно заимствованы у самого Моисея. Другие, вероятно, были составлены очень рано в школах пророков; еще больше - работа книжников,[154] многочисленного класса учителей, возникшего после возвращения из изгнания во времена Эзры. Эти Галахи (мы используем известное выражение, предпочитая более точную форму множественного числа Halachoth; тот же путь был проделан в выражении "Хаггада") были значительно расширены за полвека, предшествовавшие катастрофе 70 г. *н.э.*

Группа выдающихся раввинов, возникшая после падения города и Храма и поставившая перед собой задачу восстановить Израиль на новой, чисто религиозной основе, взяла эти галахи, изучила их, поразмыслила над ними, - несомненно, переработала многие из них в соответствии с новым положением народа, теперь, когда Храм и его сложный ритуал жертвоприношений и общественных молитв исчезли, и оформила их в тщательно разработанную систему правил, указывая, как Закон может быть неукоснительно соблюден во всех отношениях обычной жизни.

Этот большой и сложный труд называется Мишной[155], или "Повторением", - термин, первоначально происходивший от метода, которым он был составлен. Она не была записана в первый раз, но *повторялась* снова и снова самыми известными учителями и главами школ своим ученикам. Со временем термин "Мишна" стал означать "второй Закон", но это не было его первоначальным значением; он относился к тому периоду, когда все обучение было *устным*.

Период разработки этих Галахи (правил) и Хаггады (традиции) длился около ста лет или чуть больше. Великие учителя, которые занимались этой работой, обычно называются мишническими раввинами - в Талмуде их называют таннаим.

В последние годы второго века Мишна, или первая часть Талмуда, была практически закрыта, и тогда великие раввинские школы занялись дальнейшим комментированием и объяснением Галахи (правил) и Агады (традиций) Мишны; эти дальнейшие комментарии и объяснения известны как Гемара.

Эта вторая часть Талмуда, известная как "Гемара",[155] дополнение к первой части, или Мишне, стала результатом трудов нескольких сотен докторов или раввинов. Две знаменитые школы раввинов продолжали великую работу по комментированию Мишны. Одна из них, палестинская, имела штаб-квартиру в Тиберии. Главными центрами другой, вавилонской, были Сура и Пумбедита. В обеих этих компиляциях одна и та же Мишна является текстом, на котором основан обширный корпус комментариев. Но Гемара, или комментарий, во многих случаях отличается. Палестинский Талмуд в том виде, в котором он существует сейчас,

гораздо короче восточного или вавилонского. Палестинские раввины работали примерно с 190 года от Рождества Христова; их труд был завершен в середине пятого века. Труды вавилонских врачей можно отнести к последним годам второго, а завершены они были в середине или в конце шестого века.

Вавилонский Талмуд - более крупный, содержащий Мишну и Гемару, дошедший до нас в первозданном виде, - занимает около двенадцати больших фолиантов и содержит не менее 2947 листов в двойных колонках, или, другими словами, 5894 страницы, написанные на иврите, арамейском или раввинском языках. Природа этих огромных компиляций более подробно описана в одном из последующих разделов этой Пятой книги.

Талмудический термин для обозначения докторов Гемары - амораим.

Единственной целью и задачей Талмуда, которую с неизменным и неустанным усердием выполняли доктора Мишны и Гемары, начиная с 70 года и почти до конца шестого века, то есть в течение примерно пятисот лет, было *прославление Израиля*. Закон и легенда, правило и традиция, собранные вместе с редким мастерством, - все они сводятся к этому. Евреи, и только евреи, были народом, избранным Богом. Если они будут чтить Его и верно служить Ему, то в конце концов получат великую и обещанную награду. Путь, и единственный путь, к познанию Бога и служению Ему был указан с непревзойденной ясностью и удивительным богатством деталей в могущественном сборнике Талмуд. Их строго предостерегали от поощрения прозелитов. Неизреченные благословения принадлежали еврею и только ему. Кроме того, великая награда полагалась не успешному еврейскому солдату, а еврею, соблюдающему суровый Закон, переданный от Моисея к пророку, от пророка к писцу, а от писца к раввинам, составившим Мишну и Гемару, которые вместе составляют Талмуд. Вопрос о восстании против Рима не нашел места в учении Талмуда.

После трех великих войн - особенно после первой, завершившейся разрушением Храма, - у еврея не было ни национальности, ни страны. Он не нуждался в них. У него было нечто гораздо большее. Он, и только он, был обладателем благословенного Божественного Закона; одиноким наследником его славных обетований.

Талмуд стал той связью, которая объединила в одну сплоченную группу евреев Киринеи и Александрии, Рима и Вавилонии. Его власть над еврейским разумом стала безграничной. Он обладал поистине чудесным очарованием для каждого ребенка Израиля. Она внушала каждому представителю рассеянной расы, как никогда ранее не внушало ни одно учение, сознание того, кто он есть и какова ужасная природа его наследия. Сильный в этом сознании, он перенес все обиды и гонения, жестокие поступки и еще более жестокие слова, которые, с редкими перерывами, были его уделом с 70 года н.э. На протяжении всех последующих веков он терпел жестокие гонения, которые и в наши дни во многих странах постоянно готовы разразиться против него.

Сильный в этом сознании, он продолжает жить, добровольный скиталец и странник среди различных народов земли, ненавидимый и ненавидящий, боящийся, но в то же время почитаемый; постоянно увеличивающийся в численности, богатстве и влиянии. Его рука присутствует в каждой группе государственных деятелей, то открыто, то скрыто, но всегда рядом: его больше на биржах и рынках наций; финансы каждой цивилизованной страны в

большей или меньшей степени направляются им, в большей или меньшей степени подчиняются его диктовке и надзору.

Кто же теперь, спрашивают люди, этот вечно неизменный еврей? В чем секрет его власти и постоянно растущего влияния? Второе великое пробуждение - пробуждение к величию своего истинного положения в мировой истории, когда все казалось потерянным, когда его Храм и Город были разрушены, когда он сразу стал бездомным, безземельным, изгоем, которого ненавидели и даже презирали, насколько мы можем *судить*, - было делом врачей и раввинов из Тивериады в Галилее, Суры и других центров в Вавилонии в годы, последовавшие за сокрушительным разрушением 70 г. н.э. Это была работа составителей и учителей Мишны и Гемары, которые вместе составили Талмуд. Мы можем время от времени удивляться любопытным и поразительным утверждениям Мишны и даже улыбаться некоторым чудесным экстравагантностям Гемары; но когда мы размышляем над удивительной историей еврея за восемнадцать веков, прошедших после опустошения 70 года н.э., мы не смеем насмехаться над Талмудом.

Когда мы рассматриваем весь вопрос о том, что мы называем "великим пробуждением" еврейского народа после внезапного и огромного разрушения города и храма; о полной перемене в сердце еврея; об отказе от старой мечты о восстановлении царства Израиля; о принятии духовного царства вместо него: Когда мы вспоминаем о всеобщем почитании и беспрекословном послушании, которое очень скоро стало проявляться к учению Мишны и Гемары - Талмуда - почитании и послушании, которые полностью изменили жизнь, взгляды, надежды рассеянной расы во всех землях, - мы задаем насущный вопрос: *Откуда* все это - могучие перемены, энтузиазм, который никогда не ослабевал и не ослабевает? Мишнические раввины - учителя Гемары, многочисленные, способные и преданные, хотя их и было немного, люди с высоким гением и глубокой эрудицией, не могут объяснить этот удивительный результат.

Талмуд", результат работы этих знаменитых раввинских школ первых христианских веков, с его дикими экстравагантностями, множеством прекрасных мыслей, своеобразной и жесткой системой, затронул сердце еврея и связал воедино этот народ, обреченный скитаться в веках без дома, страны, национальности, связями, которые ни время, ни человеческая ненависть или презрение не смогли разорвать или даже ослабить.

Странная Книга была таинственным инструментом Бога, с помощью которого Он решил сохранить в неприкосновенности народ, который Он когда-то любил - и любит до сих пор - до того дня, возможно, еще очень далекого, когда иудеи, открыв наконец глаза, воззрят на Того, Кого они пронзили.

IV
ТАЛМУД

Один[156] , который любил страстной, хотя и не всегда разборчивой любовью этот огромный дивный сборник, так чудесно повлиявший на судьбу избранного народа, написал следующие слова: "Происхождение Талмуда связано с возвращением из вавилонского плена (примерно за пять веков до нашей эры). Один из самых загадочных и судьбоносных периодов в истории человечества - это короткий промежуток времени изгнания. Каковы были влияния, оказанные на пленников в это время, мы не знаем. Но мы знаем, что из безрассудного, беззаконного, безбожного народа они вернулись, превратившись в группу пуритан..... Перемена налицо, ощутимая, безошибочная - перемена, которую мы можем считать почти чудесной. Едва узнав о существовании своей славной национальной литературы, люди теперь начали сжимать эти вырванные из огня клейма, скудные записи

своей веры и истории, с яростной и страстной любовью, любовью более сильной, чем любовь жены и ребенка. Эти же документы, постепенно складываясь в канон, стали незыблемым центром их жизни, их действий, их мыслей, их снов. С тех пор, почти не прерываясь, самые острые и практичные умы нации не отрывались от них. *Переворачивайте ее и снова переворачивайте*, говорит Талмуд в отношении Библии*, ибо в ней есть все*".

После падения города и сожжения Храма в 70 г. н. э. в удивительных записях еврея и его Книги (Талмуда) все ясно и определенно. Как он был составлен, кто его составил и почему он был издан - все это относится к истории и составляет самую важную, хотя и малоизвестную главу в летописи избранного народа; в некоторых отношениях это также самый весомый кусок доказательной истории - возможно, самый весомый, которым обладает христианство.

Но некоторые материалы, из которых была составлена великая Книга (Талмуд), так сильно повлиявшая на судьбы избранного народа на протяжении многих веков, существовали еще до катастрофы 70 года н.э. Мы вкратце рассмотрим то, что нам известно о древних материалах Талмуда; это исследование будет представлять огромный интерес.

Несомненно, что очень рано - несомненно, в далекие времена Моисея - должен был существовать, как мы уже предположили, ряд пояснительных законов, которые подробно излагали многие законы и предписания, в общих чертах изложенные в первоначальном письменном кодексе великого законодателя. Снова и снова возникали вопросы: к каким случаям в реальной жизни применимо краткое письменное предписание, какие последствия оно влечет за собой и что нужно сделать, чтобы заповеди соблюдались честно и даже неукоснительно. В ряде случаев изначальный писаный Закон не давал прямого ответа.

Чтобы восполнить эту потребность, вокруг писаного Закона (Торы) образовался свод Галахи (слово "Галаха", как мы уже говорили, означает правило, практику, обычай). Некоторые из них, по преданию, были даны самим Моисеем; другие, как говорят, были разработаны первобытным советом странников в пустыне, старейшинами, и их преемниками, более поздними "судьями в воротах", о которых говорится в Пятикнижии. С течением времени Галаха, или авторитетный устный закон, несомненно, стала важной частью исследований, проводившихся в школах пророков, основанных Самуилом в первые дни монархии, - школах, о которых мы знаем так мало, но которые на протяжении всех предэксильских дней, очевидно, играли определенную роль в жизни царств Израиля и Иуды.

После возвращения из плена, примерно за пять столетий до христианской эры, остатки народа, вернувшиеся на опустошенную землю, вернулись изменившимся народом - "группой пуритан", как мы, без преувеличения, их называем; а Божественный Закон, которым когда-то многие, возможно, большинство, пренебрегали, само существование которого они игнорировали, почти забыли, стал предметом их страстной любви.

В период изгнания, о котором мы знаем так мало, но в течение которого в народе произошли великие перемены, о которых мы смутно упоминаем, память об устном Законе, большая часть древней Галахи, традиции, священные изложения, составляющие Агаду, сохранялись учителями, в первую очередь людьми, прошедшими обучение в школах пророков. После возвращения из изгнания изучение всех этих сокровенных воспоминаний - некоторые, как мы уже предположили, возможно, восходящих к временам Моисея, - которые окружали драгоценный Закон, получило новое развитие. Закон, Галаха, традиции, известные под названием Haggadah, больше не были простым наследием ученых, которые составляли

несколько таинственные школы пророков, о которых мы читали во времена царей, но теперь рассматривались как драгоценное сокровище всего народа.

По мере того как Божественный Закон поднимался в глазах общества, его научное изучение и изложение становилось великим и популярным ремеслом. Каждый человек в народе был заинтересован в том, чтобы знать его и повиноваться ему. Возникло многочисленное и независимое сословие или гильдия, сделавшая его изучение и исследование главным делом своей жизни. Эти люди были известны как книжники; они стали признанными учителями нации. Некоторые из них были людьми с достатком, но большинство занимались каким-то ремеслом или бизнесом, от которого зависела их жизнь. Они делали палатки, сандалии, ткали, плотничали, кожевники, пекари и т. д., но изучение Закона было их любимым занятием, и некоторые из них достигли большого мастерства в своем деле. Такого класса людей не было ни в одном народе до этого - и не появлялось с тех пор ни в одной нации.[157]

Изучение Закона стало настоящей наукой, которая постепенно приобрела самые широкие масштабы. Она называлась "мидраш" - толкование, и включала в себя изучение, размышление, изложение, исследование, дознание. Люди "Возвращения из изгнания", посвятившие себя этой работе, взяли за основу своего труда сначала письменный Закон Моисея, затем постепенно записи пророков и другие писания, впоследствии включенные в канон Ветхого Завета; к этому материалу был добавлен устный Закон или та его часть, которая была сохранена, включая священные традиции, передававшиеся со времен Моисея и его преемников и хранившиеся в школах пророков. В этом "мидраше" - так мы будем называть известный термин, который в целом включает в себя все эти разнообразные и всеобъемлющие исследования книжников, живших в период между возвращением из изгнания и христианской эрой, - можно выделить два различных течения. Первое из этих великих течений можно назвать прозой, второе - поэзией. Первое (проза) называется Галаха (правила, обычаи); второе (поэзия) - Хаггада (предание и легенда, включающая притчу, аллегорию, уроки).[158]

Галаха (правила) в течение очень долгого времени никогда не записывалась, а передавалась от учителя к учителю непрерывной чередой, устно, с многочисленными и разнообразными дополнениями. Хаггада (традиции) во многих случаях, однако, записывалась и передавалась таким образом.

Таким образом, начиная с периода возвращения из изгнания, книжниками и их школами на протяжении примерно пяти веков было собрано огромное количество учений, в основном неписаных, традиционных и легендарных, основанных на Законе (Торе) и тесно связанных с ним. Примерно за тридцать лет до христианской эры Гиллель, великий раввинский учитель того периода, попытался свести эту огромную массу учений, устных и письменных, правил и традиций, галахи и агады, к какой-то определенной системе и порядку. Он кое-что сделал в этом направлении, но умер, не дождавшись реального завершения своей задачи, и в течение многих лет больше ничего не предпринималось в плане кодификации или упорядочивания.

Затем произошло великое потрясение 70 г. н. э., когда Святой город был разрушен до основания; казалось, что религия евреев уничтожена, а Храм, вокруг которого были сосредоточены все заветные воспоминания народа, исчез. Как бы ни было любопытно, но на самом деле все было наоборот: чудесное возрождение религиозной жизни стало почти немедленным результатом падения города и Храма.

Группа исключительно способных и преданных людей, как мы уже отмечали, возникла в этот критический момент еврейской истории, когда казалось, что все потеряно. Иудаизм в 70

году, когда долгая и ожесточенная война с Римом была окончательно завершена, лишился всего. Он навсегда утратил свое положение как нация. Его Храм, радость всего мира, как представлял его царственный песнопевец, представлял собой груду бесформенных руин. Его самые священные сокровища были увезены, чтобы украсить итальянский триумф. Святой город был буквально стерт с лица земли. Земля их отцов была опустошена. Тысячи людей были убиты или обращены в рабство. Евреи, жившие как чужаки в Египте, Сирии и Италии, ненавидели и презирали само свое имя. Только одно осталось у печального остатка избранного народа: священный Закон Моисея, Тора, писания древних пророков, их сокровенные псалмы, неизменные записи их прошлой славной истории.

И эти драгоценные писания, и удивительный свод правил и традиций, устных и письменных, которые собрались вокруг них, Галаха и Агада книжников, собранные за предыдущие четыре или пять веков, - все это было спасено от ужасного крушения, и группа преданных евреев собрала их вместе и с ними сразу же приступила к обучению нового, еще более великого и влиятельного народа, чем когда-либо прежде поклонявшийся Вечному Воинству, даже в золотые дни их могущественных царей Давида и Соломона; Но фундамент величия нового Израиля должен был быть построен не из человеческих материалов. Ни армия, ни сильная крепость, ни величественный город, ни даже видимый храм, сделанный руками по подобию славного утраченного Дома Божьего, не должны были в будущем стать гордостью и заветным достоянием еврея. Только Божественный закон, данный ему непосредственно от Бога, Единого, Высшего, Вечного, в будущем должен был представлять для еврея дом и очаг, семью и нацию, город и храм.

Если иудеи - разрозненный измученный остаток, переживший кровавую римскую войну Тита, - будут сердцем и душой соблюдать предписания Божественного Закона, то какое значение имеют оскорбления и жестокость, людское презрение и злоба, страдания и несчастья на короткое время; ибо глаз не видел, а ухо не слышало, какое блаженство ожидает иудея, любящего Тору. Так учила та группа пылких и преданных людей, которые, так сказать, восстали из пепла руин Иерусалима и Храма. И печальный остаток народа прислушался к этому учению и сердцем и душой почитал Закон, Тору своего Бога.

Все это не просто риторика, как бы странно это ни звучало: это чистая история без прикрас.

Не оправившись от сокрушительного поражения в 70 г. н. э., главные раввинистические лидеры после разрушения Иерусалима восстановили свои школы в Иамнии (Иабне), городе у моря, к югу от Иоппии. Они мало сочувствовали крайней партии националистов, зелотам, так как видели, что серьезный конфликт с Римом совершенно безнадежен, и направили мысли и чаяния оставшихся в живых после великого восстания в другое русло. Культ Закона отныне должен быть делом рук Израиля. Они добились огромного успеха и вскоре вселили в сердца избранного народа что-то от своего пламенного рвения; ведь то, чему они учили, как они утверждали, было словами и повелениями Вечного Владыки.

Великий учитель, Иоханан бен Заккай, вскоре сделал новую школу в Иамнии заметным центром новой работы. Мы используем термин "новая", ибо, хотя раввинизм и научное изучение Закона существовали задолго до событий 70 г. н. э., они получили новый и яркий импульс, когда Храм и Город перестали существовать.

Вокруг кафедры Иоханана быстро собралась группа верных учеников, разделявших тихий энтузиазм великого мастера, и в последние двадцать пять или тридцать лет рокового века, ставшего свидетелем ужасной победы Тита, были заложены подлинные основы Талмуда, которые объединили и связали избранный народ на века, сохранили его от распада и вновь спаяли в одну великую расу.

Рим позволил этому новому духу вырасти среди остатков разгромленного им народа и не стал вмешиваться в деятельность раввинской школы в Ямнии. Государственные деятели империи были вполне довольны тем, что беспокойный народ, так долго представлявший опасность для государства, обратил свое внимание на другие вопросы, не связанные со стремлением к независимости. Несомненно, они с некоторым презрением наблюдали за ростом нового духа среди буйного народа. Это было ничто для Рима - эта необычная преданность старому Закону и традиционному откровению, которое еврей считал божественным. Они мало задумывались о том, что еврей и его древний Закон переживут могущественную империю, которой они так гордились, и что презираемая и подавленная раса и ее заветная вера будут оказывать чудесное влияние на цивилизованный мир еще сотни лет после того, как Рим станет лишь тенью имени.

Великое еврейское восстание 117 года н. э. не оказало большого влияния на судьбу и удивительный рост раввинских школ, главный центр которых находился в Палестине. Сцены этого восстания и его ужасного наказания были далеко от Палестины, и то, что произошло в Киринее, Египте и на Кипре, лишь слегка затронуло жителей старой Земли Обетованной.

Но следующее восстание - восстание, которое мы называем третьей великой иудейской войной, - имело другую сцену. Палестина вновь стала свидетелем опасной и кровопролитной войны, когда Бар-Кохаб, ошибочный энтузиаст и патриот, снова поднял штандарт восстания против Рима и, утверждая, что он и есть долгожданный Мессия, придал этому последнему грозному еврейскому восстанию характер религиозной войны.

Как правило, великие мастера новых раввинских школ не симпатизировали зелотам, поднявшимся против Рима в этом последнем катастрофическом восстании; но один из них, знаменитый рабби Акиба, как ни странно, поддержал их дело, и некоторые другие выдающиеся раввинские учителя, несомненно благодаря его влиянию, встали на сторону Бар-кохаба в этой отчаянной и безнадежной борьбе.

Рабби Акива занимает среди ранней группы основателей Талмуда, процветавшей *с* 70 по 190 гг. н. э., пожалуй, самое видное место. Его даже называли "вторым Моисеем", настолько востребованными были его учения и толкования священного Закона, а также последующие объяснения и дополнения к нему - Галаха. Он собрал вокруг себя не только множество младших учеников, но и среди его учеников была группа раввинов, ставших впоследствии главными учителями своего времени. Часто спрашивают, что побудило этого великого раввинского ученого и учителя встать на сторону такого дикого энтузиаста, как Бар-Кохаб, и поддержать необоснованную претензию этого самозванца на признание себя обещанным Мессией.

Ответ, вероятно, заключается в том, что Акиба, как и другие новой школы раввинизма, которая стремилась восстановить падший иудаизм с помощью восторженной преданности Божественному Закону, понимал, что в христианстве следует искать и найти самого опасного врага для раввинистической концепции избранного народа. После падения города и храма и разрыва всех национальных и религиозных связей возникла серьезная опасность, что еврейский народ окажется поглощенным язычниками-христианами. Вероятно, уже тогда некоторые раввины втайне убеждались в истинности евангельской истории. Раввин Акива был одним из самых энергичных противников христианства и приветствовал появление псевдо-Мессии Бар-Кохаба как соперника Иисуса из Назарета.

Но хотя влияние Акивы было велико, поскольку он убедил некоторых евреев, он, очевидно, не увлек за собой большую часть раввинских учителей, так как Талмуд презирает имя Бар-Кохаба, хотя всегда упоминает имя Акивы с глубочайшим и нежнейшим почтением. Великая

образованность и преданное поведение любимого учителя под самыми мучительными пытками, которыми сопровождалась его казнь римским правительством, сохранили его память от горьких упреков, с которыми Талмуд отзывается о Бар-Кохабе и авторах последнего злополучного и бесполезного восстания.[159]

Акиба навсегда остался в памяти как один из величайших представителей этой замечательной группы основателей Талмуда, а также как очень благородный мученик.

Деятельность рабби Акибы не ограничивалась изложением, объяснением и подробными обсуждениями в академиях традиционной Галахи или устных комментариев к Закону Моисея. Он был практически первым[160] , кто попытался кодифицировать и упорядочить огромное количество галахи и хаггады, свести их в нечто похожее на порядок и расположение. Через несколько лет после смерти Акивы, примерно в середине второго века, его самый знаменитый ученик, рабби Меир, известный в Талмуде как "Свет Закона", продолжил работу своего учителя Акивы и занялся упорядочиванием и кодификацией Галахи, включив, однако, в свою кодификацию еще много Галахи, дополнив и проиллюстрировав свои изложения множеством интересных традиций (Агада)[161] ; Таким образом, он подготовил почву для более сложного сборника или переложения рабби Иуды Ха-Наси Святого, который известен в Талмуде как "Рабби" - Рабби *высочайшего класса*. Великий труд "Рабби" по кодификации можно отнести к 200-19 годам н. э. или примерно к этому времени.

Труд "Рабби", несколько расширенный и переработанный, дошел до нас. Он в полной мере представляет собой Мишну, которая использовалась в качестве текста великой Гемары[162] , составленной в школах Палестины и Вавилонии[163] между концом второго и последними годами шестого веков. Мишна "Рабби", в значительной степени основанная на сборниках рабби Акивы и его ученика рабби Меира, и Гемары Палестины и Вавилонии,[163] составленные в третьем, четвертом, пятом и шестом веках, составляют Талмуд.

Существовал строгий традиционный запрет, восходящий, по крайней мере, к векам, последовавшим за возвращением из изгнания, если не раньше, на *письменную* фиксацию Галахи и дискуссий книжников по поводу Галахи. Последние еврейские ученые решили, что в определенной степени этот запрет был снят "Рабби" в в самом начале третьего или в конце второго века.

Тогда мы можем с достаточной долей уверенности предположить, что "Рабби" в преклонном возрасте свел великое собрание галахи к письму, нарушив тем самым древнюю традицию, запрещавшую это делать. По-видимому, он считал, что этот запрет, если бы он сохранялся в своей древней строгости, мог бы поставить под угрозу сохранность драгоценного учения.

"Рабби" не совсем отменил этот запрет, так как устный метод обучения продолжался и в период обсуждения Гемары в Палестине и в Вавилонии: учитель пользовался только *письменной* Галахой, которая составляла редакцию Мишны "Рабби", в качестве руководства; ученики же всегда повторяли урок *устно*.

До падения Иерусалима высшей инстанцией для принятия решений по закону был великий Синедрион, правда, как правило, он принимал закон в том виде, в каком его разработали великие учителя; но все же "оттуда", *то есть* из Синедриона, как сказано в Мишне, "исходил закон для всего Израиля". Но после 70 г. н. э. великий Синедрион прекратил свое существование. Это, конечно же, привело к заметному росту престижа и власти признанных ведущих раввинов или магистров раввинских школ.

Главной задачей этих врачей было преподавание Закона. Идеалом было то, что каждый израильтянин должен был знать этот Божественный Закон. Конечно, этот идеал был недостижим, но знаменитые раввины, несомненно, собирали вокруг себя множество людей, жаждавших особого обучения тому, что стало считаться славой и надеждой их расы. "Воспитайте много ученых" - так гласила известная древняя поговорка.

Обучение в палестинских школах Иамнии и Лидды, а чуть позже, особенно в Тивериаде, а также в знаменитых вавилонских школах, таких как Сура,[164] Нехардея и Пумбедита, заключалось в постоянном упражнении памяти. Устный Закон до времен Равви, в конце второго века, никогда не записывался, учитель повторял его снова и снова. Этот неизменный метод преподавания в раввинских школах послужил основой для термина *"мишна"* (повторение).[165]

Система преподавания совершенно не походила на ту, что принята в современных колледжах и университетах. Мастера различных школ не ограничивались чтением лекций, которые ученики могли записывать. Здесь все было оживленно, волнующе, дискуссионно; вопрос отвечал на вопрос, и бесчисленные вопросы и ответы на них облекались в аллегории, притчи и легенды, - разумеется, под руководством и управлением главы академии.

Интереснейшая картина внутренней жизни и организации раввинских школ или академий, в которых медленно и целенаправленно составлялся Талмуд, дана в обширной и научной Еврейской энциклопедии (завершена в 1906 году). Здесь мы попытаемся сделать очень краткий обзор. Картина, о которой идет речь, датируется десятым веком и относится к сравнительно позднему периоду раввинской работы; но большая ее часть восходит ко времени амораимов, самых ранних раввинов Гемары, которые были учителями с первой половины третьего века.

Ее можно рассматривать как отчет и общее описание метода, с помощью которого были составлены две версии Талмуда, как в Палестине, так и в Вавилонии, в таких академических центрах раввинизма, как Сура и Тиверия. Картина в первую очередь относится к вавилонским академиям Пумбедиты и Суры, но, несомненно, очень похожая процедура использовалась и в палестинской академии Тивериады.

Студенты или ученики, по-видимому, собирались дважды в год, обсуждение и обучение длилось четыре недели.

В месяц Элах в конце лета и в месяц Адар в конце зимы ученики, желающие получить наставления в священном Законе, отправлялись в академию, скажем, в Суру или Пумбедиту, из своих различных мест жительства, тщательно изучив и подготовив в течение предыдущих пяти месяцев специальный трактат Мишны, объявленный в академии в конце предыдущей сессии главой раввинской школы в качестве темы для обсуждения на следующей сессии.

По прибытии в Суру они сразу же представали перед главой академии, который приступал к экзамену по заранее установленному трактату Мишны.

Они сидели в следующем порядке: семьдесят старших или главных учеников располагались ближе всего к главе, или президенту, школы; число семьдесят напоминало о великом Синедрионе.

За этими семьюдесятью сидели остальные ученики и члены академии.

Первый ряд - семьдесят человек - читал вслух тему дискуссии и наставления, которые должны были последовать за ней; они также читали любой отрывок, который казался им требующим особого внимания, и обсуждали его между собой, а "глава", или президент, в это время молча делал записи.

После этого "глава" читал общую лекцию по трактату, который был предметом обсуждения, добавляя к ней изложение тех особых отрывков, которые послужили поводом для дебатов.

Иногда в ходе лекции "глава" задавал вопрос о том, как ученики объясняют ту или иную галаху. На этот вопрос должны были ответить названные им ученые. После того как ответ или ответы были получены, "глава" добавлял свое собственное объяснение данной галахи.

Затем один из "семидесяти" старшекурсников выступал с речью, подводя итог аргументам, возникшим в связи с темой Галахи, которую они рассматривали.

На четвертой неделе сессии "семьдесят" и другие студенты прошли индивидуальный экзамен у "главы" академии.

Вопросы, поступившие из разных мест, также обсуждались для окончательного решения. "Глава" выслушивал и, наконец, формулировал свои решения, которые записывались. Итоги заседания академии за месяц сессии были окончательно подписаны "главой" академии.

Подробности и комментарии, содержащиеся в предыдущих разделах Пятой книги ("Еврей и Талмуд"), в основном касаются великого официального труда раввинистического иудаизма, известного как Талмуд, состоящего из Мишны и комментария к ней, Гемары.

Но помимо этого обширного сборника, следует помнить, что существует огромная масса раввинской литературы за пределами Талмуда: неканоническая Мишна, Таргумим, Мидрашим, Каббала и т. д. Некоторые из них относятся к очень раннему периоду и пользуются высоким авторитетом среди признанных еврейских учителей.

Большинство этих внеталмудических сочинений носит агадический характер.

V
ТЕКСТ СВЯЩЕННЫХ КНИГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Вся эта могучая надстройка из "Мишны и Гемары", которая занимала многие величайшие и самые искренние умы Израиля на протяжении нескольких столетий, была возведена на фундаменте Закона (Торы), признанного данным Самим Богом. Книги, содержащие этот Закон (Тору), Пятикнижие, были приняты как божественные в течение пяти веков, прошедших между возвращением из изгнания и христианской эрой. Пятикнижие поначалу составляло канон еврейского Писания. Однако его признание, несомненно, относится к гораздо более древнему периоду - задолго до дней изгнания. Однако мы не располагаем достаточными историческими данными, чтобы точно определить положение, которое занимал Закон в доэкспиляционном Израиле. Впоследствии к Пятикнижию были добавлены писания пророков и священные произведения, относящиеся к более древней доэксильской истории Израиля. Канон Писания был завершен и признан в своем нынешнем виде, конечно, за 200 лет до эпохи Иисуса Христа.

Но хотя пророки и другие писания, относящиеся к доэксильскому периоду, были впоследствии добавлены к Торе (Закону Моисея), несомненно, что они никогда не были поставлены на один уровень с ней.

Массора

После того как вопрос о том, что представляет собой каноническое писание, Божественное Слово, был окончательно и авторитетно решен, следующим шагом должно было стать обеспечение сохранности священного текста, содержащего Божественное Откровение. Книжники определили, какие книги являются каноническими. Текст этих книг был передан другой группе ученых, известной как масореты. Точная хронология этих этапов неизвестна.

Слово "Массора" происходит от древнееврейского "масар" - передавать что-то в руки другого, чтобы вверить это ему. Работа и обязанность массоретов - авторитетных хранителей священного текста - заключалась в том, чтобы оберегать его, защищая от любых изменений. Это они и делали, "возводя вокруг него ограду". Для этого они тщательно регистрировали все явления в древних манускриптах, причина и значение многих из которых были непонятны, но они были тщательно отмечены и сохранены. Были найдены слова, в которых были поставлены точки; некоторые слова были написаны большими, а некоторые - меньшими буквами; некоторые слова и выражения были архаичными, то есть относились к гораздо более раннему периоду истории; некоторые были выведены за черту; некоторые предложения содержали своеобразные выражения: подобные явления и особенности в древних рукописях были тщательно зафиксированы масоретами, и ни одно не было упущено.

Были сделаны и другие текстовые заметки, например, о количестве стихов в каждой священной книге. Также записывались средний стих и слово каждого большого раздела в каждой книге и даже во всей Библии. Отмечались все важные слова; старательно записывалось количество раз, когда каждая буква алфавита встречается в каждом разделе в каждой книге и во всей Библии. Все это, а также многое другое из столь любопытной статистической информации, регистрировалось масоретами таким образом, чтобы каждая буква, слово и строка были заперты и сцеплены на своем месте, чтобы оригинальный текст древних MSS мог быть сохранен и точно воспроизведен и передан любым переписчиком, который следует указаниям масоретов.

То, что часть этой любопытной работы была проделана, что часть этой огромной живой изгороди[166] вокруг Закона была посажена *до* падения города и Храма в 70 г. н. э., совершенно точно. Но несомненно, что чрезвычайно сложная и исчерпывающая работа массоретов по обеспечению сохранности древнего текста была действительно разработана и завершена в те века после христианской эры, когда составление Мишны и Гемары занимало внимание великих раввинских академий, возникших после разрушения Города и Храма, в Палестине и в Вавилонии.

Этот очень краткий очерк о Масоре даст некоторое представление о том, насколько ценным в глазах еврея на протяжении многих веков был текст любимого им Писания.

Мы не располагаем ни одним MSS еврейской Библии старше первой половины девятого века. Причина отсутствия очень древних СМС, вероятно, кроется в том, что евреи имели привычку хоронить старые и изношенные копии Писания, чтобы изношенный материал, ценный пергамент или папирус, не был использован для каких-либо светских целей. Однако текст, которым мы сейчас располагаем, несомненно, был актуальным в седьмом и восьмом веках христианской эры, и нет сомнений в том, что он точно представляет собой гораздо более древний текст.

Масоретские примечания, общая суть которых описана выше, написаны над и под тремя колонками, на которые обычно делится каждая страница рукописи Писания. Эти примечания называются "Массора Магна"; в то время как на полях и между колонками находятся еще более масоретские примечания. Они называются "Массора Парва".

Составление этих примечаний, включающих все явления текста, а также огромное количество интересных статистических фактов, имеющих отношение к тексту, продолжалось почти тысячу лет, и в конце концов они составили огромный объем материала. Со временем стало совершенно невозможно записать что-либо, приближающееся ко всей Масоре, в одном единственном экземпляре. Поэтому всякий раз, когда человек или община заказывали новую копию Писаний, масоретские писцы имели обыкновение переписывать только ту часть Масоры, которая представляла для них особую важность и интерес, или ту часть Масоры, которую они считали справедливым эквивалентом цены, уплаченной за МС. Таким образом, получилось так, что не существует ни одного Ветхого Завета, который бы содержал всю Масору или хоть сколько-нибудь приближенную к ней. Нынешний ученый редактор Массоры (д-р Гинзберг) имеет около семидесяти двух древних списков Ветхого Завета, собранных в Британском музее, из которых он собирает различные масоретские примечания для монументального труда, которым он занимается.

Масса материала, собранного сменявшими друг друга поколениями переписчиков, настолько огромна, что большая его часть была даже собрана в отдельные трактаты; в давние времена оказалось просто невозможно найти для него место в каком-либо кодексе, хотя древние переписчики придумали всевозможные сокращения и знаки для сжатия записей до меньшего объема.

Такова была Массора, этот чудесный и уникальный прибор, придуманный раввинами для сохранения древнего текста Писания. Краткий очерк, показывающий, как оценивали эти Писания, или, во всяком случае, собственно Закон, Пятикнижие, великие раввинские школы, необходим для этого небольшого исследования о Талмуде.

VI
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Талмудический взгляд на вдохновение Писания

В Мишне мы читаем такие высказывания, как: "Тот, кто утверждает, что Тора не с небес, не имеет доли в грядущем мире". (Санхедрим, x. 7.)

С течением времени эта точка зрения на богодухновенность стала применяться со все большей строгостью. Сначала в таком изречении, как только что процитированное, подразумевались только заповеди "Закона", но постепенно все Пятикнижие было включено в это утверждение прямого Божественного авторитета; в Мишне мы читаем поразительные изречения, подобные тем, что мы уже приводили, а именно: "Тот, кто говорит, что Моисей написал хоть одно слово по собственному разумению, является отрицателем и презирателем Слова Божьего" (Санхедрим, 99). Даже последние стихи Второзакония, повествующие о смерти Моисея, были написаны самим Моисеем - они были продиктованы ему Божественным откровением (Санхедрим, 99).

Единственный спорный момент - была ли вся Тора дана Моисею Богом сразу целиком или же передавалась ему по частям. (Гиттин *60a*.)

Со временем божественное вдохновение стало рассматриваться как принадлежность пророков и агиографии, Мишны, Талмуда и даже Агады.

Считалось, что на Синае пророкам было дано очень необычное *предвосхищающее* откровение. В книге "Шмот Рабба" мы читаем: "То, что пророки должны были пророчествовать в каждом поколении, они получили с горы Синай". Откровение, очевидно, было дано душам тех, кому предстояло быть сотворенными. И вот Исайя произносит: "С того дня, как была дана Тора на горе Синай, я был там и получил это пророчество, а теперь Господь Бог и Его Дух послали меня".[167]

Талмуд содержит несколько схожее любопытное учение относительно "Чудес": ход творения не был нарушен ими, *все они существовали изначально, а также были предопределены*. Они были "созданы" в конце всего сущего, во мраке шестого дня. Творение, вместе с этими так называемыми исключениями, однажды установилось, и в нем уже ничего нельзя было изменить. Законы природы продолжали действовать своей незыблемой силой, какое бы зло из них ни проистекало.

Талмуд - его история в веках

Замечательная еврейская книга - Талмуд - не может пожаловаться на пренебрежение или забвение. За всю историю человечества ни одно писание не подвергалось такой ненависти и преследованию. Его запрещали и сжигали снова и снова. Еще до того, как чудесный сборник был полностью завершен, император Юстиниан в 553 году н. э. осудил его по имени. Затем на протяжении более тысячи лет против еврейского священного сборника, который так много сделал для избранного народа, издавались анафемы, эдикты самого сурового осуждения.

Императоры, короли и римские папы во всех странах и во все века вели против него войну. Ее запрещали, проклинали, часто публично сжигали.

Чтобы привести средний пример того, с каким духом его повсеместно осуждали христиане, сошлемся на письмо папы Гонория IV архиепископу Кентерберийскому (1286 г. н. э.), в котором он говорит о Талмуде как об "этой проклятой книге", желая, "чтобы ее никто не читал, поскольку из нее проистекает все зло".

Наконец, после того как он просуществовал около 1000 лет, на заре Реформации появился великий христианский ученый, который выступил в его защиту. Рейхлин, самый выдающийся эллинист и гебраист своего времени, выступил против диких и невежественных предрассудков, с которыми христиане относились к этому замечательному сборнику. Долго и ожесточенно велись споры, но терпеливый ученый, хотя и был официально осужден за свою благородную защиту великой еврейской книги, в конце концов одержал победу, и Талмуд на этот раз был не сожжен, а напечатан, и со времен Рейхлина ему было позволено жить дальше без всяких препятствий. В наше время он считается одним из величайших произведений мира, хотя среди христиан его содержание сравнительно неизвестно; в то время как его превосходящее влияние в прошлом признается в ученом сообществе, которое не признает ни земли, ни расы.

Было высказано любопытное предположение, что Талмуд содержит многие из божественных изречений Господа, записанных в Евангелиях. На самом деле, если некоторые из

прекрасных слов Христа, несомненно, можно найти в Талмуде, то это только те изречения, которые являются общими для других великих учителей и мыслителей, таких как Сенека и император Марк Антонин. Однако более чем вероятно, что Младенец Иисус был знаком с некоторыми из наиболее ярких изречений ранних раввинов и учителей, таких как Гиллель и старец Гамалиил, и что иногда их изречения повторяются в евангельском учении. Но не подлежит сомнению, что общий дух раввинизма, живущий на страницах Талмуда - Мишны и Гемары, - абсолютно расходился с духом Иисуса Христа и Его учеников.

Приведем два ярких примера - положение женщин и исключительное положение Израиля. Евангельское учение о положении женщин полностью отличается от того, что мы находим в авторитетных учениях трактатов Талмуда. У нашего Господа женщина была равна мужчине во всех отношениях, как в этом мире, так и в мире грядущем.[168] О поразительной неполноценности женщин в Израиле вновь и вновь говорится в изречениях великих раввинов. Мы приведем здесь лишь некоторые из их авторитетных талмудических учений:...

R. Меир - второй век (Мишна): "Человек обязан каждый день повторять три благословения". Одна из них гласит: "Благословен Ты, Господь, Бог наш, который не сделал меня женщиной".

И еще: "Разве рабы и женщины не находятся в одной категории? Рабыня более унижена".

"Блажен человек, чьи дети - сыновья, но несчастлив тот, чьи дети - дочери". (Баба-Батра.)

"Свидетельство ста женщин равно свидетельству одного мужчины". (Йевамот.)

Суровая исключительность Израиля постоянно подчеркивается в Талмуде. Это диаметрально противоположно учению Нового Завета, столь убедительно сформулированному святым Петром (Деян. x. 34, 35): "Истинно познал я, что Бог не уважает лиц, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде принимается Им".

А в Талмуде мы читаем.

"Милостыня возвышает народ [то есть Израиль], ... но благодеяние грешно для народов", то есть для язычников проявление милосердия и благодеяния - грех (сравните Баба-Батра, лист 10, столбец 2).

И еще: "Все израильтяне имеют удел в грядущем мире". (Санхедрим, лист 90, столбец 1.) "Мир был создан только для Израиля; никто не называется сынами Божьими, кроме Израиля, никто не возлюблен перед Богом, кроме Израиля". (Герим.)

"Три вещи просил Моисей у Бога":-1. "Он просил, чтобы Шекина (слава Божья) почила на Израиле". 2. "Чтобы Шхина покоилась ни на ком, кроме Израиля". 3. "Чтобы пути Божьи были известны ему; и все эти просьбы были исполнены". (Ср. Берахотк, лист 7, кол. 1).

Подобные поучения из Талмуда можно перечислять бесконечно.

Авторитет и влияние Талмуда на иудаизм

Влияние Талмуда на иудаизм было безмерным.

Во втором, третьем, четвертом, пятом и частично шестом веках, последовавших за разрушением Иерусалима и Храма, раввинские школы Палестины и Вавилонии, где была

придумана и составлена "великая книга", стали для рассеянного народа новыми центрами, где старое священное учение не только продолжалось, но и засияло еще большим блеском - блеском, которого не было ни в одну из эпох его долгой истории.

И когда в шестом веке эта книга (Талмуд) была окончательно завершена, она была признана во всем рассеянном еврейском народе как давшая новую жизнь и новый смысл священным писаниям, которые в определенной степени, особенно в случае с ритуальным законом, естественно, после падения Храма и Святого города, потеряли большую часть своей силы и особого применения.

Затем, с течением времени, "Книга" стала самым крепким скрепляющим звеном между изгнанниками Запада и Востока; между евреями Рима и Константинополя, Александрии и далекого Востока. И позднее, когда старая Римская империя была распущена, а тевтонские племена стали хозяевами западного мира, Талмуд по-прежнему оставался связующим звеном между всеми евреями "рассеяния" на протяжении всего средневековья.

Таким образом, Талмуд на протяжении веков был тем звеном, которое скрепляло в один великий народ всю разрозненную еврейскую расу. Каждый исповедующий еврей чувствовал, что в этом великом сборнике воплощены все древние заветные традиции народа, и был убежден, что Талмуд в некоторых отношениях равен Библии, особенно как источник наставлений и решений в вопросах религии.

Он сохранил и поддерживал в течение примерно пятнадцати сотен лет в "Рассеянии" тот дух глубокой религии и строгой морали, который сохранил еврейский народ отдельным и неповрежденным; и это при самых неблагоприятных внешних условиях, ибо, за редким исключением, со времен императора Константина и победы христианства еврей был в целом ненавидим, презираем, гоним, изгнанник и скиталец по лицу земли.

В еврейской расе изучение Талмуда пробудило и стимулировало интеллектуальную деятельность в необычайной степени. Его изучение дало миру литературы огромное количество ученых, людей высочайшего характера, принадлежащих к первому рангу философов и писателей, чьи труды, хотя они в основном ограничены рамками раввинистической области мысли и спекуляций, оказали высокую услугу цивилизации.

В этом кратком исследовании трудно выделить даже самых выдающихся из них, но следующие имена сразу же придут на ум любому компетентному ученому как яркие примеры знаменитых людей раввинистической школы, чьи труды пролили настоящий свет на так называемый темный период Средневековья: - Раски.

Раши	Н.Э.	*около*	1040-1105
Маймонид	"	"	1135-1204
D. Кимхи	"	"	1158-1235

Имена выдающихся ученых и писателей раввинистической школы, появившихся за последние пятнадцать веков в разных странах, можно было бы перечислять почти бесконечно.

И этот народ по-прежнему с нами, более влиятельный и, возможно, более многочисленный, чем в любой период его бессмертной истории. По разным оценкам, его численность на сегодняшний день составляет от семи до одиннадцати миллионов человек.

Влияние Талмуда на христианство

Но не только среди еврейских народов "рассеяния" эта странная и удивительная книга оказала непревзойденное влияние, но даже среди христианских народов мира просочился ее дух и удивительным образом повлиял и окрасил некоторые важные фазы религиозной мысли и веры.

Среди христианских народов Талмуд практически неизвестен; почти для каждого человека в христианских странах он - лишь тень имени, а для подавляющего большинства - даже не имя; и все же глубокое, ужасное благоговение перед ветхозаветными Писаниями, которое живет среди всех христиан, благоговение, которое часто переходит в страстную любовь, хотя они и не догадываются об этом, во многом проистекает из учения этой великой раввинской книги - *Талмуда*, само название которого многие едва ли слышали.

Ведь Мишна и Гемара, составляющие Талмуд, тысяча трактатов, написанных учеными раввинами в разные периоды на протяжении последних шестнадцатисот лет еврейского рассеяния, - это всего лишь комментарии, объяснения и развитие традиций и истории, связанных с ветхозаветным Писанием, драгоценным наследием еврея, передававшимся из поколения в поколение избранного народа с незапамятных времен.

Эта история о неизменной любви еврейской расы к своим древним писаниям и записям, которую еврей не устает повторять, пришла к нему непосредственно от Бога Всемогущего и нашла отклик в бесчисленных христианских сердцах, И так получилось, что ветхозаветные Писания - Тора (Закон) Моисея, Пророки и другие священные книги - и по сей день принимаются с глубокой благоговейной любовью как выражение воли Вечного Владыки, как в христианских церквях, так и в еврейских синагогах.[169]

VII
(A) ПРИЛОЖЕНИЕ К "ХАГГАДЕ"

Прежде чем завершить этот небольшой очерк о Талмуде и самых ранних раввинских писаниях, следует дать несколько более подробное объяснение одной из его важных особенностей, которой мы уже слегка коснулись, - "Агады".

Не будет лишним сказать, что широкая и длительная популярность могущественной книги - Талмуда - во многом обусловлена этим особым видом изложения, включающим в себя историческое, легендарное, гомилетическое и утешительное. Он абсолютно присущ Талмуду; ничего похожего на него нет ни в официальных, ни в признанных писаниях, принадлежащих какой-либо другой религиозной системе.

Во время Изгнания и удлинившегося периода, непосредственно последовавшего за Изгнанием, *то есть* за пять веков, прошедших между "Возвращением из Изгнания" и христианской эрой, избранный народ научился, как мы уже заметили, любить свои Писания большой любовью, любовью, которую можно назвать страстью. Именно тогда священные книги стали центром их жизни и оставались им на протяжении долгих веков. Изучение этих книг, изучение, которое включало в себя исследование, изучение, изложение, применение к каждому событию в их жизни, к каждой возможной случайности, которая могла с ними произойти, известно как *мидраш*.

Легендарные истории, которые группировались вокруг событий, описанных в священных книгах, подробности, не отраженные в тексте книг, но тщательно хранимые, оберегаемые и

передаваемые по наследству, обстоятельства, более или менее интересные и важные, связанные с жизнью главных библейских персонажей, постепенно собирались вместе, тщательно отсеивались и обсуждались писцами и докторами закона, и если в конце концов признавались достоверными великими еврейскими учителями, записывались[170] и передавались из поколения в поколение.

Эта работа и изучение, особенно связанные с неюридическими частями Писания, известными как "Агада", несомненно, получили мощный импульс во времена книжников до христианской эры и достигли своего наивысшего развития в знаменитых академиях Палестины и Вавилонии, возникших после событий 70 г. н.э. Мы можем приблизительно подсчитать, что этот великий период развития "Агады" длится с 72-100 гг. н.э. до 500 или 550 гг. н.э. Можно сказать, что *творческая* деятельность Агады прекратилась после этой последней даты.

Хотя "агадические" заметки или комментарии нередко появляются в исключительно юридической части Пятикнижия, они в большей степени относятся к тем частям Писания, которые посвящены истории, повествованию и обучению, включая, конечно, пророческие писания. Вначале "агадический" мидраш ограничивался простым изложением текста Писания, но очень скоро он превратился в комментарии самого разнообразного характера, нередко в гомилии, прививающие религиозные истины и моральные максимы, в рассуждения о прошлой и будущей славе Израиля; грубо говоря, "агада" на отрывок или раздел канонического Писания стремилась, проникнув за пределы простого буквального смысла, добраться до духа данного Писания. В Талмуде (трактат Санхедрим) его хорошо сравнили с молотком, который пробуждает дремлющие искры в камне.

Легендарные дополнения, конечно, составляют важную часть Агады, но эти древние традиции или легенды отнюдь не составляют, как полагают некоторые, основную часть этого обширного и замечательного комментария к каноническому или признанному Писанию.

Среди источников, где мы находим эту любопытную библейскую литературу, ставшую очень важным звеном в цепи Талмуда , которая на протяжении стольких веков была великой связью, объединяющей разрозненную еврейскую расу, конечно же, в первую очередь следует назвать Мишну и две Гемары, палестинскую и вавилонскую, составляющие Талмуд. Здесь находятся многие из тех "Агадических" комментариев, которые, естественно, воспринимаются с глубочайшим почтением, поскольку они получили печать одобрения докторов великих академий Суры, Пумбадиты и Тивериады, процветавших в первые века христианской эры.

Но есть "Агадические" заметки большой древности и в еще большем количестве сохранившиеся в трудах, составляющих неканоническую Мишну, произведениях вспомогательных и дополнительных по отношению к самой Мишне, некоторые из которых датируются даже вторым и третьим веком или даже раньше, и всегда пользовались среди ученых евреев очень высоким авторитетом. Например, в Таргумах (Таргумим) очень много произведений "агадического" характера, причем не мало таких, которые, очевидно, имеют отдаленную древность и представляют огромный интерес.

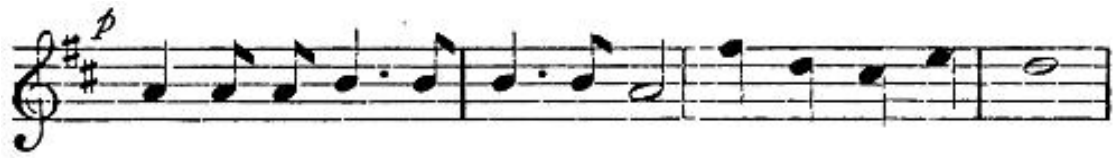
Конечно, в рамках такого краткого очерка столь обширной темы невозможно дать адекватную иллюстрацию этой огромной коллекции Агады; мы просто приведем два-три примера из Палестинского Таргума на Тору по Книге Второзакония, где оригинальный текст расширен словами традиции или легенды, гомилетикой, словами учения, утешения и ободрения.

Из палестинского Таргума на Тору (Второзаконие, глава xxxiii.). "И сказал он (Моисей): Господь был явлен на Синае, чтобы дать закон Своему народу Бет-Исраэль, и блеск славы Его Шекина поднялся из Гебала, чтобы дать себя сынам Исава; но они не приняли его. Она воссияла в величии и славе с горы Фаран, чтобы дать себя сыновьям Измаила; но они не приняли ее. Он вернулся и явил себя в святости Своему народу Израиля, и с Ним десять тысяч раз по десять тысяч святых ангелов. Он писал Своею десницею и дал им закон Свой и заповеди Свои из пламенеющего огня".

"И увидел он в начале, что приготовлено там место для гроба, место, усыпанное драгоценными камнями и жемчугом, где должен быть скрыт Моше, пророк, писец Израиля, (который) как входил и выходил во главе народа в этом мире, так будет входить и выходить в мире грядущем; потому что он творил правду пред Господом и учил сынов Израиля постановлениям судов".

"Нет Бога, подобного Богу Израиля, чья Шхина и колесница пребывают на небесах. Он будет вашим помощником. Он восседает на Своем славном престоле в Своем величии, на просторе небес. Обитель Элоха - от вечности; рукой Его силы под землей вознесен мир. Он рассеет перед вами ваших противников и скажет Словом Своим: "Уничтожьте их". И будет Израиль жить в безопасности, как в старину, по благословению, которым благословил его Яков, отец его, за праведность которого Он даст им в наследие землю добрую, дающую кукурузу и вино; и небо над ними прольется росами благословения и дождями любви-доброты. Счастлив ты, Израиль: кто из всех народов подобен тебе, народ, спасенный во имя Слова Господня? Он - щит твоей помощи, и меч Его - сила твоего превосходства".

Из Второзакония гл. xxxiv: "Да будет благословенно имя Господа мира, Который научил нас праведному пути Своему. Он научил нас одевать нагих, как Он одел Адама и Хаву (Еву); Он научил нас соединять жениха и невесту в браке, как Он соединил Хаву (Еву) с Адамом. Он научил нас посещать больных, как Он явил Себя Аврааму, когда тот заболел от обрезания; Он научил нас утешать скорбящих, как Он явил Себя Якову, когда тот возвращался из Падана в место, где умерла его мать. Он научил нас кормить бедных, как Он послал Израилю хлеб с неба; Он научил нас хоронить мертвых тем, что Он сделал для Моше; ибо Он явил Себя в Своем Слове, а с Ним и сонмы ангелов-служителей: Михаил и Гавриил расстилают золотое ложе, усыпанное хризолитами, драгоценными камнями и бериллами, украшенное пурпурным шелком, атласом и белым бельем. Метатрон, Иофиил, Уриил и Иефефия, мудрецы, положили его на него, и по Его Слову провели его четыре мили и похоронили в долине напротив Бет-Пеора, - чтобы Израиль, когда будет смотреть на Пеор, имел память о своем грехе, и при виде места погребения Моше смирился; но никто не знает гроба его до сего дня".



Он бдит над Ис-ра-элем, не мешкает и не спит.

(*Из оратории Мендельсона* "Илия").

[[Слушать]

VIII
(В) О "ГАЛАХЕ" И "ХАГГАДЕ"

Мы хотели бы добавить несколько слов, поясняющих суть галахи. Галахический мидраш (или экзегеза и развитие отрывков Закона) рассматривал точный смысл различных Божественных заповедей, содержащихся в Торе, или Законе Моисея. Он подробно объяснял, как эти заповеди должны выполняться в обычной жизни. Он претендовал на то, чтобы быть не более чем изложением первоначального Закона, но на самом деле содержал обширные дополнения к тому, что было написано в Книгах Моисея, и претендовал на равный авторитет с первоначальными предписаниями, содержащимися в Пятикнижии.

Грубо говоря, эти так называемые галахические разработки были разделены на три класса или категории: 1.

1. Галаха, или повеления, восходящие к Моисею.

2. Огромная масса галахи, содержащая *традиционные* предписания, якобы основанные на изначальных Моисеевых заповедях, но в действительности связанные с Моисеевыми предписаниями самыми незначительными узами.

3. Ряд постановлений, действительно исходивших только из школ книжников, но считавшихся одинаково обязательными с изначальными постановлениями Пятикнижия. Эти галахи в основном относятся к годам, предшествовавшим христианской эре; в последней половине первого и во втором веке они были кодифицированы и оформлены в Мишне.

Общая цель галахических мидрашей, содержащих правила израильской жизни, которые так долго занимали книжников и их школы, была в значительной степени связана, прежде всего, со сложной сетью жертвоприношений, а также с обычаями, которые следовали и предшествовали многочисленным и сложным различных жертвоприношений. Галаха может быть справедливо названа законом и правилом еврейского ритуала. Ее суть хорошо и кратко изложена следующим образом: Галахический мидраш стремился установить законами, абсолютно обязательными для каждого истинного еврея, каким образом Бог желает, чтобы его почитали; какие жертвы должны приноситься Ему, какие праздники и посты должны соблюдаться в Его честь, и вообще какие религиозные обряды должны соблюдаться народом. Другие вопросы, конечно, обсуждаются и решаются в Галахе, но эти другие моменты занимают сравнительно небольшое место в большом юридическом комментарии или ритуале, который занимает столь важное место в обширном сборнике Талмуда.

Агада

Автор вышеприведенного "исследования" считает, что картина "Агады", популярного раздела Талмуда, была нарисована крайне неполной. Несколько дополнительных замечаний об этой необычной и важной части Талмуда приводятся для того, чтобы еще больше прояснить эту странную форму экзегезы (мидраша) Священного Писания.

Мы уже говорили, что в целом "галахический" мидраш или экзегеза относится в первую очередь к книгам Пятикнижия, а "агадический" мидраш - скорее к другим книгам ветхозаветных писаний.

Но даже в Пятикнижии *повествование и история* занимают широкое пространство, и в мидраше Пятикнижия мы находим также массу агадических комментариев к повествовательным и историческим частям пяти книг Моисея.

В качестве яркого примера раннего агадического мидраша или экзегезы Писания можно привести "Книгу Юбилеев" (век 1). Она воспроизводит Книгу Бытия и любопытным образом усиливает и во многом дополняет оригинальный текст.

Остановившись на истории Творения, агадический писец рассказывает, как "в сумерках вечером перед первой субботой были созданы десять вещей: (1) пропасть в земле, в которую были поглощены Корах и его компания. (2) Открытие колодца Мириам. (3) Уста Валаамовой ослицы. (4) Радуга. (5) Манна в пустыне. (6) Знаменитый Шамир, червь, раскалывающий камни, традиционно использовавшийся при изготовлении скинии и ее мебели. (7) Жезл Моисея. (8) Алфавитное письмо. (9) Написание скрижалей Закона. (10) Каменные скрижали, на которых были записаны десять заповедей".

Благочестивый изучающий Ветхий Завет с большим интересом прочтет вышеприведенную ссылку на чисто агадический отрывок, взятый из "Книги Юбилеев", в котором упоминается ослица, обличающая Валаама.

Это один из пересказов в Писании Ветхого Завета, который по разным причинам всегда вызывал затруднения, когда рассматривался как фрагмент реальной истории. Его появление в "Книге Юбилеев" среди других явно агадических или чисто легендарных дополнений к оригинальному тексту говорит о том, что даже в Пятикнижие вдохновенный составитель иногда вводил в повествование детали, которые, по мнению очень ранних книжников, явно относились к сфере агады или легенды.

В Агаде Пятикнижия обширный цикл легенд сопровождает оригинальный рассказ Бытия о знаменитых героях израильской истории, таких как Адам, Енох, Авраам, Моисей и Аарон.

Хороший пример усиления легенды в Агаде приведен выше в отрывке из Иерусалимского Таргума на Втор. xxxiv, где рассказывается о смерти Моисея и обстоятельствах его погребения. Опять же, одно из канонических писаний Ветхого Завета, Книга Хроник, является ярким примером менее причудливого агадического исторического мидраша. Здесь составитель книги, о которой идет речь, добавляет к первоначальным записям о еврейских царях ряд деталей, не встречающихся в Книгах Царств и в более древних историях Израиля.

Хаггада специально расширяет отрывки, которые хотя бы отдаленно относятся к будущему, ангелам и небесному миру; она усиливает все мистические разделы, посвященные славе Вечного, такие как "колесница" Иезекииля, это чудесное вступительное видение его великого пророчества.

Даже в Посланиях Нового Завета и в "Деяниях" заметно агадическое влияние некоторых известных мудрецов па ; например, во 2-м Послании Св. Павла к Тимофею, iii. 8, приводятся имена египетских магов Яннеса и Иамбреса, которые не фигурируют в истории Бытия. Еще более примечательным примером влияния Агады является необычный легендарный рассказ о скале в 1 Кор. x. 4, где скала, из которой по приказу Моисея хлынула вода, представлена как положительно сопровождающая израильтян во время их скитаний по пустыне. Кроме того, в Деяниях vii. 53, Гал. iii. 19, Евр. ii. 2 Закон представлен не как данный Моисею Самим Богом, о чем говорится в Пятикнижии, а как дошедший до него через посредство ангелов.

IX
ЖЕНСКИЕ НЕДОСТАТКИ

Среди недостатков женщин[171] Израиля нет ничего более примечательного, чем положение, которое они занимали в общественных службах общины. Внутренний двор храма, в котором совершалось все официальное богослужение, был разделен стеной на два отделения - западное и восточное. Последний (восточный), более удаленный от самого Храма, назывался "Двором женщин", но не потому, что туда не допускались женщины, а потому, что туда разрешалось входить как женщинам, так и мужчинам.

Западное отделение было предназначено исключительно для мужчин; в этом отделении находился собственно Храм, включая Святое место и Святая Святых.

Перед Храмом, на западе, находился большой жертвенник всесожжения, у которого, за исключением воскурений, должны были совершаться все жертвоприношения. В этом западном отделении Внутреннего двора закалывались жертвы. Сам Храм с большим жертвенником всесожжения был окружен оградой, внутрь которой, как правило, не могли входить никто, кроме священников. Это ограждение иногда называли двором священников.

Израильтяне же, будучи допущены в западное отделение Внутреннего двора, были зрителями и помогали при жертвоприношениях на большом алтаре, от которого их отделяла только ограда, куда, однако, при определенных обстоятельствах они допускались.

Но женщинам никогда не разрешалось входить в западный отдел Внутреннего двора, никогда нельзя было проходить через стену разделения, никогда нельзя было участвовать в жертвоприношениях и торжественном ритуале у большого алтаря, который стоял у западного входа в Храм.

Отпечатано в издательстве "Моррисон и Гибб Лимитед".
Эдинбург

ССЫЛКИ:

[1] Эти слова цитируются на стр. 13-20 Книги I.

[2] Необычный и интересный отрывок Алларда здесь заслуживает того, чтобы быть процитированным дословно: "В Риме, где безбрачие стало социальной проблемой, где население уменьшилось, где в домашнем уюте царит строгость, где аборты и детоубийства происходят часто и нередко порицаются, у одних только юифов есть много детей - Тацит

назвал одним словом эту черту их расы; "generandi amor", dit-il en énumerant les principaux charactères du peuple Juif. Во всех древних книгах говорится о большом количестве людей; "увеличение численности было одной из их забот", *"augendæ multitudini consulitur*", - говорит Тацит". См. Тацит, *Hist*. v. 5; Allard, i. p. 12.

[3] Профессор Рамсей в своей книге *"Церковь в Римской империи*" предпочитает более позднюю дату написания Первого послания святого Петра, чем та, которую обычно называют, - 64-5 гг. н.э. Он считает, что оно было пропитано римской мыслью и, несомненно, написано из Рима, но не ранее 80 г. н.э. Это позволило бы говорить о длительном периоде римской деятельности апостола; и все же, как бы ни были убедительны аргументы профессора Рамзи, более поздняя дата и все, что она влечет за собой, абсолютно не согласуются со всеобщей традицией.

[4] См. подробный рассказ об этой катакомбе, Книга IV. 261 и последующие страницы.

[5] Об этих воспоминаниях, относящихся к дому Пуденса и его семье, см. с. 262-270.

[6] *Histoire ancienne de l'Église*, vol. i. p. 61 (4-е издание, 1908).

[7] Следует заметить, что интересная гипотеза, на которой останавливался Аллард (*"Histoire des Persécutions*", vol. i.) и другие авторы, не была приведена среди вышеупомянутых свидетельств. Оно любопытно и заслуживает внимания, но в лучшем случае является лишь гениальным предположением.

Эти ученые предполагают, что когда святой Петр после своего освобождения благодаря вмешательству ангела-проводника бежал из темницы Ирода Антипы и отправился в другое место (Деян. xii. 17), это "другое место", о котором так таинственно и странно упоминает автор "Деяний", означало Рим.

Римская традиция, дошедшая до нас через раннехристианское искусство, как ни странно, связывает ангельское избавление апостола Петра с *Римом*. На двадцати раннехристианских саркофагах, хранящихся в Латеранском музее, арест и заключение Святого Петра в тюрьму солдатами Ирода Антипы являются предметом скульптуры. Почему, спрашивают авторы, эта особая сцена из жизни святого Петра была выбрана в качестве сюжета, высеченного на стольких древних гробах римских христианских мертвецов? Они отвечают: связь, которая традиционно существовала между этим заточением и ангельским освобождением с первым приходом апостола в Рим.

Епископ Лайтфут несколько странно замечает (*Clement of Rome*, vol. ii. p. 491): "Св. Павел не мог бы писать так, как он пишет римлянам (i. 11, xv. 20-24), если бы их хоть ненадолго посетил апостол, особенно если бы этим апостолом был св. Петр".

Трудно понять, как он делает такой вывод из слов С. Павла в рассматриваемых отрывках. В первом отрывке (Рим. i. 11) Павел, обратившись к римским христианам и поблагодарив Бога за то, что об их вере говорят во всем мире, добавляет, что жаждет увидеть этих христиан, чтобы передать им какой-нибудь духовный дар, дабы они утвердились. Затем он объясняет или, как бы, напоминает о том, что сказал, чтобы не показалось, что они недостаточно наставлены или утверждены в вере, и поэтому в следующих за этим словах: "чтобы мне утешиться вместе с вами взаимной верой и у вас, и у меня", - превращает цель своего прихода к ним в их взаимное ликование о вере друг друга, когда он и они познают друг друга.

Во втором отрывке (Рим. xv. 20-24) св. Павел прямо говорит, что его дело было проповедовать Евангелие "не там, где Христос назван, чтобы не строить на чужом основании", то есть не там, где Христос был проповедан другим до меня.

Затем он добавляет, что считает проповедь Христа там, где Он не был назван, самым нужным делом; поэтому он отказался идти в Рим, где уже была посажена Церковь; но теперь, не имея больше Церквей, которые можно было бы посадить в тех краях, где он пребывал, он дает понять, что решил посетить Римскую Церковь.

Любой вывод, который можно сделать из этих двух отрывков Послания к Римлянам, кажется прямо противоположным тому, который предлагает Лайтфут.

[8] См. выше, с. 7-12, где подробно рассматривается вопрос об основании Римской церкви.

[9] Например, ереси николаитов и церинфян, а также некоторые ложные докетические учения.

[10] *Церковь в Римской империи*, xi. 6.

[11] Этот комментарий не может быть слишком настойчивым.

[12] Именно оно делает столь ценной яркую картину христианской жизни и влияния в великой провинции, которую рисует младший Плиний в своем "Письме к Траяну".

[13] См. Ramsay, *The Church in the Roman Empire*, xii. 2.

[14] См. Иларий (Пуатье), *Contra Arianos*, 3.

[15] Епископ Лайтфут подробно обсуждает большую вероятность точности этого определенного утверждения св. Илария Пуатье и решает, что отсутствие упоминания Веспасиана среди гонителей у Мелито и Тертуллиана ни в коем случае не делает упоминание Илария недействительным; систематических записей о гонениях не велось; сведения, которыми располагал каждый отдельный писатель, были случайными и отрывочными. Lightfoot, *Ignatius and Polycarp*, vol. i. pp. 15, 16.

[16] "Домициан любил, чтобы его отождествляли с Юпитером и боготворили как Божественное Провидение в человеческом обличье; записано, что Калигула, Домициан и Диоклетиан были тремя императорами, которые с удовольствием называли *себя dominus et deus*".

[17] Он ударил (говорит римский поэт), не вызвав народного негодования, по прославленному гражданину:

"Tempora sævitiæ, claras quibus abstulit Urbi

Illustresque animas impune, et vindice nullo".

Но когда его ярость коснулась народа, он упал:

"Sed periit, postquam cerdonibus esse timendus cœperat"...

(Ювенал, iv. 151-4).

Словом *cerdones* называли самых бедных и скромных ремесленников. Это слово обычно переводится как "сапожники" - французское *savetiers*; оно обычно применяется к классу рабов или к тем, кто занят в самых бедных отраслях промышленности.

Аллард (*Histoire des Persécutions*, i. 11, chap. iv.) считает, что отвращение и жалость населения при виде ужасных жестокостей, проявленных на знаменитых играх Нерона в 64 г. н. э., были частично вызваны негодованием людей, когда они поняли, что среди мучимых христиан в этой ужасной бойне было так много представителей их собственного класса.

Обэ в своей *"Истории преступлений"* также обращает особое внимание на эти строки Ювенала. Он тесно связывает убийство Домициана с возмущением, вызванным в народе этим жестоким преследованием, и предполагает, что заговор, приведший к убийству тирана, зародился в христианском центре. Однако это в высшей степени маловероятно.

[18] Полный официальный титул Плиния Младшего на этом посту был "Legatus proprætore provinciæ Ponti et Bithyniæ consulari potestate". Этому выдающемуся государственному деятелю доверили эту провинцию главным образом потому, что в то время она нуждалась в особом внимании.

[19] Тертуллиан, *Apologeticum*, 2; Евсевий, *H. E.* III.[xxxii. 33].

[20] Лайтфут хорошо замечает (*Апостольские отцы*, часть ii. том i., С. Игнатий, стр. 54-6), что эти два знаменитых письма нельзя отделить от сборника "Письма Плиния", в котором они появляются. Ренан в *Les Évangiles* пишет: "On ne croira jamais qu'un faussaire Chrétien eut pu si admirablement imiter la langue précieuse et raffinée de Pline."

Далее Лайтфут спрашивает, какой христианский писатель, если бы он был склонен к подделке, признался бы, что толпы его единоверцев отреклись от своей веры... что гонения уже наполняют языческие храмы, которые до этого были почти пусты, и что есть большая надежда, если будет проводиться такая же политика преследований, что последует всеобщее отступничество от христианства? Некоторые заявления, касающиеся практики христиан, также свидетельствуют о весьма несовершенном знании этих практик.

Однако наибольшие подозрения и враждебность вызвал отрывок, в котором говорится о большом *количестве* христиан; но следует помнить, что Тацит уже говорил об "огромном множестве", пострадавшем в Риме во время гонений императора Нерона.

[21] "Sed nihil aliud inveni, quam superstitionem pravam et immodicam". Плиний, *Ep.* x. 96.

[22] В книге профессора Дилла *"Римское общество от Нерона до Марка Аврелия*" есть поразительный отрывок, основанный на размышлениях Плиния, об этом желании, чтобы его помнили после смерти, столь характерном для римского (языческого) ума.

"Секрет бессмертия, единственный шанс избежать забвения - это забальзамировать свою мысль в избранной и выдающейся литературной форме, которой грядущие века не дадут умереть (Plin. *Ep.* ii. 10. 4, iii. 7. 14)..... Это желание быть запомненным было самой пылкой страстью римского ума во все века и во всех сословиях... Из того огромного литературного честолюбия, которое представлял Плиний и которое он считал своим долгом развивать, лишь малая часть достигла своей цели..... Большая масса этих жаждущих литературного творчества полностью исчезла или осталась для нас лишь тенью имен в Марциале, Стации или Плинии". Книга ii. глава i.

[23] Представляется наиболее вероятным, что первые девять книг "Плиниевых писем" были изданы в "книжной форме" для публичного использования в разные периоды и впоследствии собраны в один том. Официальная переписка Плиния с Траяном, очевидно, была "опубликована" несколько позже. Но очевидно, что во времена Симмаха (конец четвертого

века) все это было собрано вместе и составило десять книг, которыми мы сейчас располагаем.

[24] Д-р Маккейл, *Латинская литература*, iii. v.

[25] Чисто христианские сочинения, в основном богословские, не включены в этот краткий обзор - как бы хороши и блестящи ни были некоторые из них, другие причины, помимо их литературных достоинств, в значительной степени способствовали их сохранению.

[26] Сюда же можно отнести известные "поэтические" послания Овидия и Горация.

[27] Послания Павла к римлянам и к галатам не цитируются, но они являются яркими примерами великого доктринального учения, воплощенного в форме письма. В меньшей степени это же замечание применимо к двум Посланиям к Фессалоникийцам и Первому Посланию к Коринфянам.

[28] Примечательны слова, которые встречаются в "обращении" Письма Игнатия к христианской общине в городе Траллес. "Святую церковь, которая находится в Траллесе в Азии, я приветствую... по примеру апостола (ἐν ἀποστολικῷ χαρακτῆρι)". Епископ Лайтфут объясняет это как ссылку Игнатия на *эпистолярную* форму его сообщений, которая была *обычной формой*, принятой апостолами.

[29] Ермас, чьи труды обычно причисляют к трудам "апостольских отцов", не попадает в эту категорию.

(*а*) Есть некоторые сомнения в том, можно ли по праву считать Ермаса "апостольским отцом".

(*б*) Его сочинения не имеют эпистолярной формы, а являются чисто богословскими трактатами или памфлетами.

Они частично рассмотрены ниже (см. с. 178-84) с учетом их даты, авторства и содержания в целом.

[30] Семнадцать из этих названных городов отмечены на сохранившихся монетах и медалях; некоторые авторы значительно увеличивают это число. Эти города Адриана, носящие его имя, были расположены в различных районах римского мира, в частности в Малой Азии, Северной Африке, Испании, Сирии, Паннонии.

[31] Де Шампаньи, *Les Antonins*, iii. 1, кратко и хорошо описывает его характер: "Il a tous les dons, et toutes les faiblesses, toutes les grandeurs, et toutes les puérilitées, toutes les ambitions".

[32] Ср. Иероним, *Ep.* 58, *Ad Paulin.*, 3; Euseb. *De vitâ Constant.* iii. 26; Sozomen, i. 1; St. Paulin, *Ep.* 31 (ii.) *ad Severum*; Rufin. *H. E.* i. 8; Sulp. Severus, ii. 25, 45; Ambrose, *Psalm* 43; и у современных историков, см. De Vogüé's Églises *de la terre sainte*, iii.; De Champagny, *Les Antonins*, livre iii. c. iii.

[33] Некоторые из них, однако, признаются всеми ответственными критиками как абсолютно подлинные, например: Письма, повествующие о мученичестве Поликарпа; рассказ о страданиях и смерти лионских мучеников; Деяния скиллитанских мучеников; и несколько лет спустя страсти святой Перпетуи и ее товарищей по страданиям.

[34] Выдержки из них приведены на с. 177-191.

[35] Ни один ученый не выразился здесь более определенно, чем Ренан, который, конечно, не может считаться тем, кто, скорее всего, остановился бы на свидетельствах, которые

обусловливают горячую веру христиан первых дней. И все же этот великий ученый отбрасывает все теории , утверждающие, что христианские мученики этого периода были немногочисленны и незначительны по количеству; ни один современный писатель не говорит более определенно об ужасном характере гонений между 135 и 180 гг. н.э.

[36] *Энеида*, книга viii.

[37] См. с. 189-90 и 200.

[38] В этом кратком обзоре положения христиан во время двух великих царствований мы ссылаемся на епископа Лайтфута. Этот внимательный и точный ученый весьма определенен в своих выводах, и его взгляды в точности совпадают со взглядами, изложенными в этой главе.

[39] Особенно это касается древней песни Арвальского братства, членом которого был и Маркус.

[40] Тацит, *Анналы*, xv. 44.

[41] Более подробные сведения о докладе Плиния императору Траяну о численности христиан в его провинции см. выше, кн. I. стр. 49-62.

[42] Плиний, *Epist. ad Trajan*, 96.

[43] Климент Римский, *Epist. ad Cor.* vi.

[44] Упомянутая цитата взята из так называемого *2-го Послания* Климента Римского (раздел 2), которое Харнак приписывает Сотеру, епископу Рима. Лайтфут, однако, помещает это Послание еще раньше (*около* 140 г. н. э.) и считает его работой анонимного автора.

[45] Иреней, *adv. Hær.*, book iii. 2.

[46] Тертуллиан, *Апологетика*, 1.

[47] *Там же*. 42.

[48] Цитируется у Евсевия, *H. E.*, кн. vi. гл. 43.

[49] См. ниже, с. 120.

[50] Профессор Харнак, *Миссия и распространение христианства*, кн. iv. гл. iii. с. 14.

[51] *Дидахе*, iv. 2.

[52] Климент Римский, *Ep. ad Cor.* 34.

[53] Игнатий, *ad Eph.* 13.

[54] *Ad Polyc.* 4.

[55] Варнава, *Ep.* 4.

[56] См. подробное описание у Иустина Мученика, p. 113.

[57] *Феофил к Автолику*, xiv.

[58] Харнак хорошо замечает, что среди сочинений Климента Александрийского *"Пædагог"*, очевидно, предполагает, что Церковь, для которой предназначалось его учение, включала в себя большое количество культурных людей.

К такому же выводу следует прийти и в отношении многих сочинений Иренея. Иреней писал в последней четверти второго века.

[59] Более выдающиеся из гностических учителей, которые в первую очередь отделились от христианских общин, насколько мы можем судить по сравнительно редким фрагментам их сочинений, очевидно, имели в виду высококультурных читателей и слушателей. Особенно мы упоминаем Валентинуса и его знаменитого ученика Гераклеона. Эти гностические писатели преподавали и писали во второй половине II века. Период деятельности второго из них, Гераклеона, принято относить *примерно к* 170-80 гг. н.э. Валентин был несколько раньше.

[60] Это ярко выражено Ф. У. Майерсом в его поэме "Святой Павел":

"Он сделал это, и разве мы не должны поклоняться Ему?

Он сделает это, а мы еще можем отчаиваться?

Давайте же поскорее бросимся к Нему,

Бросим к Его ногам бремя наших забот".

[61] Среди пророчеств *об искуплении* в книге Исайи наиболее примечательны следующие:

"Конечно, Он понес наши скорби и понес наши печали. Он был ранен за преступления наши, Он изъязвлен за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем; и ранами Его мы исцелились..... Он увидит скорбь души Своей и успокоится: познанием Своим оправдает многих Раб Мой праведный, ибо Он понесет беззакония их" (Ис. liii.).

[62] См. выше, с. 113, 114.

[63] Если эксперимент "коммунизма" в раннехристианской Церкви и был когда-либо опробован, то только в иерусалимской общине, и очевидно, что результаты были просто катастрофическими; очень скоро Иерусалимская Церковь оказалась в тяжелейшем положении. В Посланиях святого Павла есть множество ссылок на это положение вещей, где постоянно упоминаются сборы для "бедных святых в Иерусалиме"; но даже в этой Церкви, где, очевидно, была предпринята попытка создать общность имущества, полный отказ от него, как мы видим на примере Анании и Сапфиры, никогда не был обязательным, но всегда был исключительно добровольным.

[64] Писатель здесь, очевидно, имеет в виду "искупление множества наших собственных грехов"; так и Тертуллиан, *Scorpiace*, 6 (см. Bishop Lightfoot, *Clement of Rome*, part i. vol. ii. p. 232).

[65] См. примечание (с. 104) об авторстве и дате *2-го Послания* Климента Римского.

[66] См. архиепископ Бенсон, *Киприан*, vi. 1.

[67] Хорошим примером является известное письмо императора Юлиана к Арсакию. Очевидно, что благотворительность не ограничивалась "домом веры". Действия Киприана и его общины во время Великой чумы в Карфагене - хороший тому пример. См. ниже, с. 127.

[68] Последнее положение очень важно. Оно говорит нам о том, что на сборы, проводимые в собрании для бедных и нуждающихся, даже самые бедные ремесленники и рабы вносили свой вклад, а положительно постились два или три дня, чтобы накопить необходимые несколько монет для помощи тем, кто беднее и скорбнее их самих.

Об этом прекрасном акте христианского милосердия см. также такие отрывки, как Гермас *Пастырь*, Симил. iii.

[69] Архиепископ Бенсон удачно перефразирует слова Киприана таким образом: *Noblesse oblige*. *С. Киприан*, vi. 1, 2.

[70] Лекки, *"Европейская мораль"*, глава ii, "Языческая империя".

[71] Рабство не было авторитетно осуждено до благодатного 1807 года. Лекки характеризует действия христианской Англии в следующих красноречивых словах: "Неустанный, незлобивый и бесславный крестовый поход Англии против рабства, вероятно, можно считать одним из трех или четырех совершенно добродетельных поступков, зафиксированных в истории народов" (*History of Morals*, chap. i.). И даже после 1807 года оно продолжало существовать как признанный и признанный институт нескольких стран. Страшная война, которая привела к отмене рабства в Соединенных Штатах, не забыта даже нынешним поколением.

[72] По оценкам Озанама, количество рабов в первом и втором веках нашей эры составляло половину населения империи. Эта оценка, несомненно, преувеличена, но численность рабского населения в тот период была, несомненно, очень велика.

[73] Лекки, *История европейских нравов*, т. ii. гл. iv.

[74] Гермас, автор знаменитого *"Пастыря"*, принадлежал к классу рабов. Римский епископ Пий, 142-157 гг. н. э., был братом Гермаса. Знаменитый епископ Рима Каллист, 218-222 гг. н. э., был рабом.

"Первое и самое грандиозное сооружение византийской архитектуры в Италии - церковь Святого Виталия в Равенне - было посвящено Юстинианом памяти мученически погибшего раба" - Леки, *История европейских нравов*, т. ii. гл. iv.

[75] С. Паулин из Нолы к Сульпицию Северу, *Ep.* xxiii.

[76] Де Брольи, *Revue des deux mondes*, 1 ноября 1852 г., воспроизведено в его *L'Église et l'Empire Romain*, vol. i., Avertissement, ii-iii.

[77] См., например, Tert. *De Idolat.* viii., где перечисляются различные ремесла, связанные с идолами и храмами.

[78] Об этих "школах мученичества" см. ниже, с. 198 и далее.

[79] См. Ренан, *Марк-Орель*, гл. xxii.

[80] Некоторые помещают это граффито несколько позже, возможно, во времена Александра Севера, 222-35 гг. н.э.

[81] Известный рассказ о мученичестве святого Маврикия и Фиванского легиона, независимо от того, считается ли он абсолютно подлинным или нет, представляет собой замечательный пример постоянно присутствующих опасностей и трудностей, с которыми сталкивался христианский солдат империи. Местом страшного и массового мученичества

был Агаунум (С. Морис), расположенный примерно в девяти милях от Октодура (Мартиньи) в кантоне Вале, а дата - *около* 292-6 гг. н.э. В то время Максимиан царствовал как коллега Диоклетиана. Подлинность этой истории поддерживается Рюинартом, который включает ее в свой *Acta Sincera*; Тиллемоном, а в наши дни Аллардом, который, однако, сокращает легион до когорты. Харнак, с другой стороны, и другие сомневаются в его подлинности.

[82] Благоприятные для христианства эдикты были спокойно приняты, даже одобрены, во многих местах горячо приветствовались; огромное и постоянно растущее число населения, до этого бывшее язычниками, присоединялось к христианским общинам.

Огромный и, казалось бы, внезапный рост числа христиан в Римской империи в последние годы III и IV веков - проблема, которая и сейчас остается загадкой для некоторых историков.

[83] См. Lecky, *Hist. of Morals*, chap. iii.

[84] Пруденций не один выражал мнение народа. Его современник Паулин из Нолы, хотя и сильно уступал Пруденцию в гениальности, был поэтом значительной силы. Этот Паулин, человек высокого сана и большого богатства, еще будучи сравнительно молодым, удалился от мира и посвятил себя религии; он оставил после себя сборник стихов, которые писал ежегодно по случаю праздника святого Феликса, мученика, в честь которого он воздвиг базилику. Его стихи, из которых сохранилось около 5000 строк, содержат множество ярких картин, иллюстрирующих популярный аспект христианства в последние годы четвертого века. Он любит останавливаться на глубокой преданности народа памяти любимого им мученика, святого Феликса из Нолы, и рассказывает о толпах паломников, посещающих его святыню.

Дамас, епископ Рима 366-84 гг. н. э., чьи многочисленные и тщательные работы по восстановлению римских катакомб рассматриваются в разделе этой работы, посвященном великому Городу мертвых под пригородами Рима, свидетельствует о широкой преданности народа памяти мучеников времен гонений. Все его тщательно продуманные работы в катакомбах были предназначены для удобства огромных толп паломников, которые во второй половине IV века стекались из многих стран к святыням, где покоились останки самых известных мучеников.

[85] Тертуллиан, *О посте*, 12.

[86] Тертуллиан, *К жене*, 5.

[87] Тертуллиан, *О женской одежде*, xi. 13.

[88] Примеры приведены ниже; см. с. 313 данной работы.

[89] Некоторые наиболее примечательные из них цитируются в книге IV. ч. iii. (с. 309-312).

[90] О "Смерче", *т. е.* Александрийской чуме, 20-24.

[91] Этот Рутилий был галльским дворянином высокого положения, занимавшим важные должности в Риме и ставшим сенатором. Его нескрываемое мнение о христианской секте отражено в изящной поэме, описывающей морское путешествие из Рима (вероятно, из Остии) в Южную Галлию. Произведение, о котором идет речь, было написано *около* 416 г. н.э.

[92] Свидетельства римских катакомб здесь также очень весомы. См. книгу III. часть iii., где особенно подробно рассматривается число мучеников и исповедников, погребенных в катакомбах.

[93] В этой Третьей книге, где рассматривается вопрос о гонениях, которым подвергалась раннехристианская церковь, особенно упоминается период *примерно* с 64 по 180 гг. н. э., включая правление императоров Флавиев, Адриана и Антонинов.

Но условия, в которых христиане в Римской империи жили в течение века с четвертью, последовавшего за вышеупомянутым периодом, во многих отношениях мало чем отличались от тех, что преобладали в более ранние годы, - только в более поздний период было больше лет сравнительной свободы от активных преследований, в то время как, С другой стороны, когда сравнительно "спокойные" годы подошли к концу, жестокости, которым подвергались христиане, стали более заметными, а суровость наказаний, которым подвергалась доминирующая в государстве языческая партия, была более значительной и масштабной, чем в прежние времена - в частности, в царствования Максимина, Деция и Диоклетиана.

[94] Эта ранняя и обычно принимаемая дата, *около* 65-7 годов, кажется более вероятной. Это традиционная дата, и она в целом согласуется с жизнью и деятельностью Святого Петра, как они изложены в древних источниках. Однако профессор Рамзи *в книге "Церковь в империи"* ставит ее на четырнадцать или пятнадцать лет позже и делает вывод, что мученическая смерть апостола произошла после 80 г. н.э. Однако если принять эту более позднюю дату, то ссылки на постоянные гонения будут еще *более* поразительными, чем если принять более раннюю и традиционную дату.

[95] Здесь речь идет о языческом Риме, как о "женщине, опьяненной кровью"; так Моммзен цитирует Рамсея, который подчеркивает тот факт, что смерть святых проистекает непосредственно из признания ими своей религии, а *не* из-за осуждения за конкретные преступления.

[96] "Мышление писателя практически ограничено римским миром..... Он думает, как римлянин, что "genus humanum" - это римский мир. Народы, которые не поклонялись римскому императору, никогда не присутствовали в его сознании" (Ramsay, *The Church in the Empire*).

[97] Так она называется из-за позиции, которую занимает между *более длинным* переложением "десяти писем", три из которых отброшены как более поздние компиляции, и *более коротким* переложением трех писем, которое каноник Кьюретон нашел в сирийском MS. и опубликовал, полагая, что эти "три" - единственные подлинные послания епископа-мученика.

[98] Профессор Рамсей, *Церковь в Римской империи*, глава xiii.

[99] См. часть I. раздел 1, главу iii. в работе автора *"Золотой век Церкви"*, озаглавленную "Монахи и животный мир", где этот интересный вопрос обсуждается довольно подробно и приводятся различные примеры.

[100] История, содержание и подлинность этой весомой ссылки уже обсуждались во всех аспектах (см. выше, с. 45-62).

[101] Известная ссылка Тацита на гонения Нерона уже упоминалась (см. с. 103).

[102] Епископ Уэсткотт предлагает дату *около* 117 г. н. э., а епископ Лайтфут в целом согласен с тем, чтобы поместить сочинение примерно в это время. Некоторые даже относят его составление к началу второго века. Последние две главы, xi.-xii., фрагментарны, и, очевидно, были написаны немного, но очень немного позже.

[103] Так считает Харнак; Дюшен в своей *"Histoire ancienne de l'Église*", vol. i. p. 225 (опубликована в 1908 г.), в целом принимает выводы Харнака относительно ранней даты. Лайтфут (vol. i. p. 360, *Климент Римский*) также склоняется к выводу, что Климент *Пастырь* - это прославленный епископ Рима. Это позволяет предположить более раннюю дату некоторых частей работы.

[104] То, что Гермас писал специально о Риме, несомненно, в очень большой степени отражало положение дел в провинциях империи. Это ясно из огромной и *всеобщей* популярности, которой пользовался *Пастырь* в первые два века. Картина христианской жизни в Риме была признана точным изображением их собственной жизни гражданами Коринфа и Александрии, жителями Эфеса и Антиохии.

[105] Более подробное описание знаменитого *диалога* Минуция Феликса можно найти на с. 145-6.

[106] Сиде был приморским городом в Памфилии. Филипп писал в начале V века.

[107] Лекки, *История европейских нравов*, глава iii., "Гонения", с. 497-8.

[108] "Не законно быть тобой", но невозможно передать по-английски всю силу этого эпиграмматического изречения Тертуллиана.

[109] Академик де Буассье специально обращает на него внимание как на несколько новый фрагмент очень ранней церковной истории и отсылает своих читателей к сравнительно малоизвестному исследованию на эту тему М. Ле Блана, известного ученого в области раннехристианской истории; об этом "исследовании" Ле Блана де Буассье отзывается с наивысшей похвалой.

[110] С. Киприан, Epist. lxvi. *ad Thibaritanos*.

[111] Очень древнее и, вероятно, авторитетное чтение. Когда в тексте язык дидактического спокойствия внезапно переходит в язык эмоций: "Как тесны врата" и т. д. -С. Матф. vii. 13, 14.

[112] Тертуллиан, *Ad Martyres*, 3.

[113] Цитируется в *"Скорпионах"* Тертуллиана, а также многое другое из С. Павла по тому же поводу.

[114] Хотя обычно эта последняя атака на христианство датируется несколькими месяцами после смерти императора Марка. Нет сомнений, что они относятся к политике гонений, проводимой Марком, и что реакция в пользу христианства, заметная в правление Коммода, его преемника, не успела дать о себе знать.

[115] Сравните цитаты из этих трудов, приведенные выше.

[116] Краткий рассказ о главном из этих маршрутов приводится на с. 227-8.

[117] См. с. 227-8.

[118] Аллард переводит эти строки: "Si vous voulez savoir, ici reposent amoncelés les ossements d'un grand nombre des saints; ces vénérables tombeaux gardent les corps des élus dont le royaume des cieux a tiré à lui les âmes sublimes." "Des polyandres, ou tombes consacrées à des centaines, peut-être à des milliers de corps, s'ouvraient en plusieurs parties des catacombes. Эти гробницы всегда были анонимными, в них хранились мученики - "quorum nomina scit Omnipotens", по выражению папы Паскаля". ... "M. De Rossi croit reconnaître dans une fosse profonde qui s'ouvre sous la niche profonde à gauche de l'autel dans la chapelle Papale ... le polyandre célèbre où reposaient, selon d'anciens documents, une multitude innombrable de martyrs enterrés 'ad sanctam Cæciliam." (См. Allard, *Rome Souteraine* (Northcote & Brownlow), *Cimetière de Calliste*, 216-18; также см. примечание на стр. 218).

[119] Декан Стэнли из Вестминстера.

[120] В благодатном 1578 году несколько рабочих, копавших песок в винограднике в миле от Рима на Виа Салария, наткнулись на галерею подземного кладбища с тусклыми рисунками и множеством древних надписей на стенах.

Это поразительное открытие вызвало в то время большое любопытство, и весь римский мир, вспомнив давно забытую историю о катакомбах, внезапно осознал, что под его пригородами лежит огромный неисследованный Город мертвых.

[121] См. здесь с. 289-297, "Склеп Святой Цецилии".

[122] С тех пор как было сделано это вычисление, было сделано еще несколько открытий исторических склепов.

[123] С тех пор были идентифицированы другие гробницы знаменитых мучеников-сыновей Фелицитаса, и многое стало известно об этом инциденте ранней христианской истории.

[124] Гробница Святого Петра и ее окрестности будут подробно описаны в Приложении II, которое следует за разделом, посвященным "Катакомбам", где рассказывается захватывающая история о том, что было обнаружено при раскопках, необходимых для поддержки большого бронзового балдахина Бернини над гробницей Святого Петра в 1626 году, во время понтификата Урбана VIII. (Приложение II., Св. Петр, стр. 279-88.)

[125] Marucchi, *Itinéraire des Catacombes*, A.D. 1903.

[126] История гробницы Святой Цецилии и ее склепа подробно описана в разделе, непосредственно следующем за этим общим очерком катакомб, стр. 289-97.

[127] Дальнейшие подробности, касающиеся святого Зенона, вы найдете ниже, с. 276.

[128] Более подробная информация об идентификации этой некогда знаменитой святыни приводится ниже, на с. 301-2.

[129] Церковь Святой Сюзанны имеет удивительную историю. Она была перестроена Мадерно для Сикста V на месте древней церкви или оратории, возведенной папой Каем в 283 году н. э. в доме его брата, который принял мученическую смерть вместе со своей дочерью Сюзанной, потому что она отказалась нарушить обет вечной девственности, вступив в брак с приемным сыном императора Диоклетиана. Тела этих двух мучеников до сих пор покоятся под главным алтарем.

[130] В двух списках второго издания или переиздания *Liber Pontificalis* под авторством папы Пия I (142-57 гг. н. э.) мы находим следующее примечание, которое во многом повторяет суть

приведенного выше отрывка из "Деяний" SS. Pudentianæ et Praxedis, процитированного выше: "Hic (Pius) ex rogatu beate Praxedis dedicavit ecclesiam thermas Novati, in vico Patricii, in honore sororis sue sanctæ Potentianæ (Pudentianæ), ubi et multa dona obtulit; ubi sepius sacrificium Domino offerens ministrabat. Immo et fontem baptismi construi fecit, manus suas benedixit et consecravit, et multos venientes ad fidem baptizavit in nomine Trinitatis."

[131] См. с. 272, где подробно рассказывается о переводе этих исповедников и некоторых епископов Рима, первоначально погребенных на кладбище Святой Присциллы, в базилику Святого Сильвестра, возведенную над катакомбой Присциллы папой Сильвестром и названную в честь обоих. Базилика, о которой идет речь, была обнаружена де Росси в 1889 году н.э. в ходе его исследований в Сан-Присцилле.

[132] Важные и интересные детали, которые следуют здесь, были в значительной степени взяты из главы, посвященной *мемуарам* Убальди, написанной г-ном Барнсом в его восхитительной и масштабной работе под названием *"Святой Петр в Риме*" (1-е изд. 1900 г.). Автор этой книги не может найти слов, чтобы выразить свое глубокое восхищение образованностью и информацией, содержащейся в работе г-на Барнса на эту тему. Это, безусловно, наиболее исчерпывающая и научная работа по данному вопросу на нашем языке.

[133] В тексте *Liber Pontificalis* кладбище Пртекстатуса упоминается как место, где находится утраченная гробница. Именно там были похоронены ее муж Валериан и его брат и офицер Максим. Дюшен, ученый редактор *Liber Pontificalis*, предполагает, что тело Святой Цецилии было перенесено с прежнего места упокоения в крипте Святого Каллиста и в целях безопасности тайно помещено на кладбище Пртекстатуса. Однако де Росси, а затем и Марукки считают, что кладбище Прætекстатус из-за ошибки в *Liber Pontificalis* было написано как "кладбище Каллиста".

[134] Автор этой книги просто рассказывает историю в том виде, в каком она была передана и часто повторялась. Из четких показаний ответственных и выдающихся свидетелей, упомянутых выше, таких как Бароний, Бозио и Мадерно, не следует сомнений в том, что они смотрели на святые останки, покоящиеся так, как изобразил их Мадерно на своем мраморном портрете. Де Росси и другие, кажется, представляют состояние тела так, будто оно сохранилось чудесным образом; правда, вероятно, заключается в том, что тело Цецилии было тщательно и искусно забальзамировано благодаря любящей заботе ее друзей и уложено в том особом положении, в котором она приняла свой последний вздох. Высокое положение и большое богатство ее семьи, а также обычная мягкая и гуманная практика римского правительства в отношении тех, кто был приговорен к смерти, подтверждают это объяснение. Влиятельная семья Цецилии не посчитала бы слишком большими расходы, чтобы оказать честь ее драгоценным останкам.

О непреходящей "популярности" - если использовать простонародное выражение - Св. Цецилии можно с полным основанием сказать, что она является одной из немногих избранных святых женского пола, ежедневно поминаемых в каноне мессы. Ее причисляют к Фелицитас, Перпетуе, Агате, Лючии, Анастасии и Агнессе.

Часто спрашивают, почему ее считают покровительницей музыки. Здесь нельзя утверждать ничего, кроме чистой традиции, но традиция эта очень древняя. Вордсворт пишет о ней как о

"восторженная Цецилия, серафимская королева гармонии".

Сравните также упоминания в Драйдене, "Пир Александра", и Поупе, "Ода о С. Цецилии". Раффаэль изображает ее в экстазе и в окружении музыкальных инструментов.

По преданию, когда Валериан, ее муж, вернулся после крещения, он застал ее поющей благодарственные гимны за его обращение. Говорят, что ангелы спустились с небес, чтобы послушать ее сладкий голос.

Однако в Антифоне, исполняемом на ее празднике, нет никаких намеков на ее музыкальную силу. Один из стихов установленного гимна звучит так:

Пока играли музыкальные инструменты, Чечилия пела Господу и говорила: "Пусть сердце мое будет неоскверненным, чтобы я никогда не смущалась".

В одной из капелл великой церкви Оратория в Лондоне находится прекрасная копия умершей Чечилии Мадернской.

Еще одна копия фигуры Мадерно сейчас находится в нише недавно обнаруженного склепа Святой Чечилии, где первоначально находился саркофаг с телом святой.

[135] Люминарий" (множественное число "люминарий") - это шахта, сообщающаяся с поверхностью земли и пропускающая свет и воздух. Многие из них были построены папой Дамасом в IV веке для паломников, посещающих исторические склепы.

[136] В подтверждение этого вывода, над землей, на этой территории большого кладбища "Каллистус", были найдены важные колумбарии, принадлежавшие "роду Цецилии". Таким образом, задолго до времени Св. Цецилии это место, очевидно, было местом погребения знаменитого дома, к которому она принадлежала.

[137] Старшим из "семерых" был известный святой Януарий.

[138] Насколько мы можем судить по краткому описанию в "Деяниях", смерть этой прославленной семьи христианских мучеников была следующей:

Януарий, старший, был забит до смерти плетьми, заряженными свинцом.

Второго и третьего братьев, по-видимому, постигла та же участь.

Четвертый был сброшен с высоты и умер.

С тремя оставшимися братьями и их матерью Фелицитас поступили более милосердно и обезглавили.

[139] Агапит так написан на грубом граффите, о котором здесь идет речь.

[140] Святой Августин в первой четверти V века, *около* 421 года н. э., отвечая на вопрос, адресованный ему святым Паулином из Нолы, обсуждает вопрос о том, выгодно ли быть похороненным рядом с могилой святого? Небольшое сочинение Августина, однако, расширяет круг вопросов, связанных с доктриной "Призывания святых". Резюме некоторых мыслей и аргументов С. Августина вы найдете в небольшом приложении к этой главе.

[141] Начальные буквы имен и основных титулов Искупителя (на греческом языке) составляют слово ἰχθύς или рыба. Таким образом:

IHCOYC = Иисус.

XPICTOC = Христос.

ΘΕΟΥ = от Бога.

ΥΙΟC = Сын.

CΩTHP = Спаситель.

[142] См. особенно Евр. xiii. 20; 1 Пет. ii. 25-v. 4; С. Лука, xv. 4, 7, и прежде всего Св. Иоанна x. 11, 16.

[143] Декан Стэнли из Вестминстера, *"Христианские институты"*, гл. xiii, xiv.

[144] Дин Стэнли (*Христианские институты*) обращает внимание на тот любопытный факт, что народная религия первых двух столетий, о которой свидетельствуют катакомбные свидетельства, в некоторых аспектах отличалась от современных авторов, чьи реликвии сохранились, а также от картин и писателей более позднего периода; например, "Добрый Пастырь" очень мало упоминается даже писателями второго, третьего и четвертого веков, *например,* Иренеем и Юстином, Афанасием и Киприаном. Если мы спустимся намного позже, то едва ли найдем упоминание о Пастыре *в "Сумме"* Фомы Аквинского; ни одного в Тридентском катехизисе; ни одного в англиканских Тридцати девяти статьях; ни одного в Вестминстерском исповедании.

[145] Моммзен, Ренан и Рамсей без колебаний приписывают цитируемое здесь высказывание Сульпицию Северусу (IV век), взятому из утраченной части *"Истории" Тацита*.

[146] Талмуд (Баб.), трактат "Гиттин", 56A.

[147] Арку завершил Домициан после смерти Тита.

[148] Золотые мощи были помещены в Храм мира, который Веспасиан построил напротив Палатина; он был посвящен в 75 г. н.э. Храм, о котором идет речь, был полностью уничтожен пожаром во времена правления Коммода. Храмовый экземпляр Торы был перевезен в императорский дворец. Император Северус, построивший синагогу для римских евреев, передал этот драгоценный список еврейской общине Рима. Массив исчез, но список некоторых чтений из этого почтенного кодекса сохранился в Массоре и до сих пор доступен для использования.

[149] Авторитетами для подробностей этой ужасной и затяжной войны являются Дион Кассий и заметки в Талмуде, особенно в трактате "Гиттин".

[150] Но эти цифры, как мы уже говорили, хотя и взяты из современных источников, очевидно, сильно преувеличены.

[151] Что такое Мишна, будет объяснено ниже (с. 358), где дается общее описание Талмуда.

[152] Эти необычные утверждения можно найти в Мишне, в талмудических трактатах Санхедрима и Баба-Батры.

[153] Галаха означает буквально обычай, практику, правило. Этот термин объясняется и иллюстрируется в следующей главе "Содержание Талмуда". Хаггада, которая в целом означает Традицию, также объясняется и иллюстрируется (см. Приложение).

[154] О книжниках, их положении и средствах к существованию более подробно говорится ниже, на с. 350.

[155] Мишна и Гемара подробно объясняются ниже на с. 358.

[156] Доктор Эмануэль Дойч.

[157] Период, о котором здесь идет речь, охватывает время от возвращения из плена - дни Эзры - примерно до христианской эры.

[158] В конце Пятой книги дается краткое общее описание "Агады". Дальнейшее описание Агады и Галахи см. также в Приложении.

[159] Мишна рассказывает об Акиве, что когда он находился в последней агонии и его плоть раздирали железными гребнями, он повторял слова призыва "Шма": "Слушай, Израиль, Господь, Бог наш - Один". Он задержался на слове *"Один"* и умер, когда произнес слово "Один". Тогда ангелы-служители сказали перед Святым: "Такова Тора (Закон), и такова ее награда". Бат-Кол (небесный голос) вышел вперед и сказал. "Счастлив ты, рабби Акиба, что приглашен в жизнь грядущего мира....".

Таков был конец Акибы, самого возвышенного, самого романтичного и самого героического персонажа, возможно, в огромной галерее ученых своего времени. Наиболее примечательный период его карьеры можно отнести к 110-35 гг. н.э.

[160] Предварительная работа Гиллеля в этом направлении упорядочивания и кодификации, похоже, не была продолжена.

[161] Слово "Агада", как более известное, заменено на более точную форму множественного числа "Хаггадот".

[162] Полное определение этих двух знаменитых терминов - *Мишна* и *Гемара* - см. ниже, с. 358, где эти термины подробно объясняются.

[163] Палестинская Гемара была закрыта почти за полтора века до того, как была завершена Вавилонская Гемара.

[164] Раввинская школа в Суре была основана Рабом, одним из самых важных учеников р. Иуды ха-Наси (Рабби).

[165] *Мишна* - существительное, образованное от глагола "шана" - повторять. В послебиблейском иврите глагол "шана" приобрел особое значение "учить" и "изучать" то, что не передавалось письменно, а только *устно*. Очевидно, в основе этого слова лежит идея *частого повторения*.

Мишна означает "наставление" - обучение и изучение традиции. Это закон, который передается *устно*, в отличие от термина Микра, обозначающего закон, который пишется и читается.

Галахи, окончательно отредактированные Иудой Ха-Наси Святым (раввином) *около* 200-19 гг. н. э., получили название Мишны и были приняты раввинами Гемары в качестве текста, по которому они работали. Эта Мишна р. Иуды Святого была принята одновременно раввинами и докторами Закона в академиях Палестины и Вавилонии.

Хотя можно сказать, что Мишна состоит в основном из Галахи, она содержит несколько целых трактатов агадического характера - *например,* "Абот", "Миддот" и т. д. - и многочисленные агадические фрагменты разбросаны то тут, то там среди Галахи. В обоих Талмудимах (Палестинском и Вавилонском) тысячи агадических заметок перемежаются с галахами.

Раввины Мишны назывались таннаим, а ранние раввины Гемары - амораим.

Раввины Палестины и Вавилонии считали изучение Мишны своей главной задачей. В Палестине главными академиями были Ямния (Иабне), Лидда, а впоследствии Тивериада. В Вавилонии главными местами академий были Сепфорис, Нехардея, Пумбедита и особенно Сура.

Гемара. Это слово означает "то, чему научились", знания, передаваемые ученым по традиции; в более узком смысле оно стало обозначать "традиционное изложение Мишны".

Талмуд в первую очередь означает "учение", хотя также обозначает "обучение"; практически он является простым дополнением Мишны, а Талмуд состоит из Мишны и Гемары.

Как и Мишна, Талмуд не был работой одного автора или нескольких авторов, а стал результатом коллективного труда многих сменяющих друг друга поколений, чья работа в итоге вылилась в большую и сложную книгу, известную как Талмуд.

Палестинский Талмуд получил свою нынешнюю форму в Тивериадской академии; Вавилонский Талмуд - в основном в Сурской академии.

[166] Р. Акиба (начало второго века) в трактате Мишны "Пирке Абот" говорил: "Массора - это ограда Торы". Обычно это понимается как ссылка на Масору, о которой мы говорим здесь. Однако сейчас многие ученые считают, что р. Акива имел в виду "традицию" вообще, и понимают слово "Массора" как соотносимое с "Каббалой" (традицией в целом), такой, которая воплощена в Мишне.

[167] Очевидно, что некоторые "дикты" раввинов, такие как, например, процитированные выше отрывки, не предназначены для буквального восприятия, а являются парадоксами идеалистов, которые оставляют нас в некотором сомнении относительно того, насколько много они предполагали, что было открыто Моисею в явном виде" - Pirke *Aboth* (Sayings of the Fathers), note by Dr. Taylor, Master of S. John's, Cambridge, p. 122.

Д-р Тейлор, однако, добавляет, что "подобные заявления необходимо принимать во внимание при оценке взглядов древних раввинов на откровение".

[168] "Ибо когда они восстанут из мертвых [здесь упоминаются и мужчины, и женщины]... они будут как ангелы небесные" (С. Марк xii. 25). В "Евангелиях" и "Деяниях" утверждается выдающееся положение женщин в ранней Церкви; они никогда не упоминаются как занимающие низшее место. Дальнейшее замечание о положении женщин см. ниже, с. 380.

[169] Ренан признает услугу, оказанную талмудическими раввинами христианству, но, признавая ее, любопытно ограничивает ее сохранением еврейского текста ветхозаветных Писаний, который, по его мнению, вероятно, был бы утрачен, если бы не труды раввинов Талмуда - он характеризует это как "услугу 1^er^порядка". Для него еврейский Ветхий Завет - несравненный памятник истории, археологии и филологии. Более глубокий смысл этих священных записей, который в сердцах искренних христиан составляет их исключительную ценность, увы, не находит места в безрадостном представлении блестящего французского ученого.

[170] Хотя общепризнано, что решения, принятые в связи с Законом Моисея, называемым "Галаха", передавались *устно*, разумеется, до времен р. Иуды Святого, известного как Рабби (конец второго века), "Агадические" решения, о которых здесь идет речь, были зафиксированы в письменном виде гораздо раньше.

[171] Более подробную информацию о положении женщин в Израиле см. на стр. 367.

Примечания транскриптора:
1. Очевидные типографские, орфографические и пунктуационные ошибки исправлены.
2. Там, где это необходимо, сохранена оригинальная орфография.
3. Оба написания Sulpitius (стр. 32) и Sulpicius (стр. 73) верны.
4. В нескольких случаях номера страниц в указателе были указаны неверно.